

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ

Поль
Зюлитор

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Жизнь и деяния Вильгельма Завоевателя (1027—1087) принадлежат далекому прошлому, однако фигура нормандского герцога, ставшего королем Англии, интересует не только профессиональных историков. Уцелев в кровавом вихре войн и мятежей, незаконный отпрыск правителя Нормандии сумел не только железной рукой навести порядок в своих владениях, но и захватить Английское королевство, внедрив там прогрессивные для своего времени феодальные порядки. Вильгельм был груб, жесток, необразован, но его политическое чутье и энергия помогли осуществить преобразования в политической и культурной областях, определившие пути развития Европы на сотни лет вперед. Так считает известный французский историк Поль Зюмтор, автор биографии Вильгельма Завоевателя, впервые выходящей в серии «ЖЗЛ»

-
- [ВАРВАР-ЦИВИЛИЗАТОР](#)
- [ОТ АВТОРА](#)
- [Часть первая. ЧЕЛОВЕК ТЫСЯЧНОГО ГОДА](#)
 - [Глава первая ТРУДЫ И ДНИ](#)
 - [Глава вторая. ФЕОДАЛЬНЫЙ МИР](#)
 - [Глава третья. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕХИ](#)
- [Часть вторая. ГЕРЦОГ НОРМАНДИИ](#)
 - [Глава первая. ДВОЙНОЕ НАСЛЕДСТВО](#)
 - [Глава вторая. БАСТАРД \(1027-1035\)](#)
 - [Глава третья. ОБРЕТЕНИЕ ВЛАСТИ \(1035-1047\)](#)
 - [Глава четвертая. СОБИРАНИЕ СИЛ \(1047-1055\)](#)
 - [Глава пятая. ПРАВИТЕЛЬ И ЕГО НАРОД \(1055-1065\)](#)
- [Часть третья. КОРОЛЬ АНГЛИИ](#)

- [Глава первая. ПУТЬ В ВЕСТМИНСТЕР \(1066\).](#)
- [Глава вторая. ТРУДНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ \(1067-1076\).](#)
- [Глава третья. В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ \(1076-1084\).](#)
- [Глава четвертая. КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ \(1084-1087\).](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)

*Деянья нормандцев весьма велики,
Передать их не могут поэмы стихи.*

(Вас. Роман о Ру. Около 1160 года)

ВАРВАР-ЦИВИЛИЗАТОР

Открывая книгу, посвященную далекому прошлому, мы первым делом стараемся припомнить, что нам известно о соответствующем историческом периоде и его героях. В случае Вильгельма Завоевателя запас знаний у большинства читателей будет прискорбно мал: нормандский герцог, завоевавший Англию и всячески обижавший ее жителей. Самые образованные припомнят, что он был потомком скандинавских разбойников-викингов и вел себя соответственно: обожал помахать мечом в схватке, ел и пил за троих, спать предпочитал в палатке, а то и на голой земле. И конечно же не умел ни читать, ни писать. Дикарь, одним словом. И тем не менее этого варвара многие историки считают основателем не только Английского королевства (ведь в жилах британских монархов до сих пор течет его кровь), но и всей европейской цивилизации.

Причины этого подробно излагаются в первой полноценной биографии Вильгельма, выходящей в России (изданная в 2005 году книга Д. Дугласа «Вильгельм Завоеватель: викинг на английском престоле» чересчур кратка и поверхностна). Особенно приятно, что автор ее — известный французский историк Поль Зюмтор (1915—1995), автор двух десятков книг о западноевропейском Средневековье. С характерной для медиевистов его поколения дотошностью он открывает свое исследование обстоятельным анализом жизни Европы XI века — времени, когда прекращение опустошительных нашествий скандинавов, венгров и арабов привело к экономическому подъему, росту населения и становлению классического феодализма с его

атрибутами — рыцарями, замками, монашескими орденами и вассальной системой. Большую роль в этом процессе сыграли нормандцы — офранцузенные потомки викингов, быстрее своих соседей усвоившие феодальные обычаи и на острие меча разнесшие их по Европе.

Одним из самых известных эпизодов нормандской экспансии стало покорение Англии, предпринятое в 1066 году нормандским герцогом Вильгельмом (Гильомом) Незаконнорожденным, получившим после этого более благозвучное прозвище «Завоеватель». Англосаксонская знать, ослабленная междоусобными раздорами и борьбой со скандинавскими захватчиками, не смогла эффективно сопротивляться нормандцам, принесшим на остров новые, исторически прогрессивные для того времени феодальные порядки. Достаточно сказать, что именно с приходом Вильгельма в Англии появились каменные крепости (первым стал знаменитый лондонский Тауэр, возведенный в 1078 году), возникла централизованная система управления, была проведена первая земельная перепись, результатом которой стала знаменитая «Книга Страшного суда». Решающую роль во всех этих преобразованиях сыграл сам Вильгельм, заодно позаботившийся об основании как в Нормандии, так и в Англии множества монастырей — очагов культуры и просвещения. Этот неграмотный рубака говаривал, что перо острее меча, и даже если авторство этой фразы принадлежит другому, Завоеватель следовал ей в своих начинаниях.

Впрочем, монахи в первую очередь интересовали Вильгельма не как просветители его подданных, а как хронисты и публицисты — проводники весьма успешно осуществляемых им пропагандистских кампаний. Даже насильственное покорение Англии он сумел представить как исполнение воли последнего короля

англосаксонской династии Эдуарда, будто бы завещавшего нормандцу свой трон. Сменивший Эдуарда Гарольд был объявлен узурпатором и клятвопреступником — задолго до этого Вильгельм захватил его в плен и вынудил (опять же будто бы) отречься от притязаний на трон. Гарольд сам был мастером политических интриг, но куда ему было до Завоевателя, в арсенал методов которого входили тайная дипломатия, лесть, подкуп и шантаж! Достаточно откровенно повествуя обо всем этом, П. Зюмтор акцентирует внимание на прогрессивности политики Вильгельма и ее положительных результатах для Франции и Англии. Что ж, результаты и правда имели место, и обе страны по праву могли бы числить Вильгельма в ряду своих национальных героев.

Как ни странно, этого не произошло. Основатель английской монархии, создатель армии и военного флота, автор установлений, на столетия вперед определивших жизнь королевства, так и не стал популярным на своей новой родине. Англичане не смогли простить ему гибель Гарольда при Гастингсе и выжженный дотла Йоркшир, повальные конфискации земель и разорительные налоги. Особенно тягостным был «лесной закон», по которому леса, кормившие множество людей, перешли в собственность короля, а тем, кто там охотился, грозили отрубание рук и даже смерть. Не случайно молва сделала легендарного Робин Гуда борцом с этим законом и его защитниками — нормандскими рыцарями и шерифами. Кстати, в правление Вильгельма уроженцы Англии очень быстро лишились государственных должностей и были заменены пришлыми нормандцами. Еще три столетия официальным языком в стране был французский, а английская речь третировалась как «грубое наречие пахарей и свинопасов».

Однако не полюбили Вильгельма и французы, для которых он завоевал Англию, — они помнили, что очень скоро после смерти Завоевателя его потомки, хоть и говорившие по-французски, стали национальными британскими монархами. А через триста лет после Гастингса случился исторический реванш — английские лучники и пехотинцы наголову разбили французских рыцарей при Креси и Пуатье. Не жаловали своего родича Вильгельма и скандинавы; при этом потомке норманнов Англия навсегда покончила с нашествиями с севера, а обосновавшимся на берегах Альбиона викингам пришлось забыть былую вольницу и подчиниться строгим королевским законам.

В общем и целом признавая заслуги Завоевателя, ни современники, ни потомки не платили ему искренней привязанностью. Это сказалось и на посмертной судьбе короля. В 1522 году гробница Вильгельма в Кане была вскрыта и изучена; в ней нашли громадного роста скелет и портрет на дереве, с которого была сделана копия сомнительной точности. Дело в том, что живописец XVI столетия изобразил короля с окладистой бородой, хотя Вильгельм по нормандскому обычаю брил бороду и стриг волосы «в скобку». В скором времени гробницы Завоевателя и его супруги Матильды были уничтожены гугенотами-иконоборцами; уцелевшие жалкие останки сложили в гроб и перезахоронили в другом месте. Еще раз их осквернили во время французской революции, и когда в 1961 году ученые смогли, наконец, исследовать захоронение Завоевателя с помощью современных методов, от костей уже почти ничего не осталось. В Англии не уцелели ни королевские регалии Вильгельма, ни построенные им сооружения (кроме уже упомянутой башни Тауэра). Остались только письменные свидетельства, из которых лучше всех говорит об отношении англичан к своему монарху запись в «Англосаксонской хронике». В ней о

Вильгельме говорится, что он «повсюду строил замки и угнетал простых людей», зато «оберегал оленей и бобров, будто был им родным отцом». Анонимный хронист порицал жадность короля в стихах: «Стяжательство обуяло его, и деньги возлюбил он превыше всего».

Что ж, такая неприязнь неизбежна и оправдана — варвар, берущийся нести цивилизацию, неизменно делает это варварскими методами. Однако бывают времена и ситуации, когда кроме варваров с их неукротимой решимостью и тягой к новизне осуществить великие исторические перемены просто некому. Это и пытался показать П. Зюмтор в биографии Вильгельма, и мы, сознавая всю жестокость и аморальность действий Завоевателя (и отнюдь не его одного), вынуждены с расстояния сотен лет признать: да, поступить иначе, более гуманно и справедливо, было просто невозможно. Смущает только одно: не станет ли подобное признание индульгенцией для новых «завоевателей», прикрывающих цивилизаторской миссией примитивную жажду власти?

Вадим Эрлихман

ОТ АВТОРА

Столь же по привычке, как и удобства ради, историки продолжают использовать традиционные термины, смысл которых в настоящее время никто уже не может внятно объяснить. Таково выражение «Средние века». Продолжительный период в восемь—десять веков, объединяемый этим понятием, обнаруживает, несмотря на весь консерватизм подхода, лишь кажущуюся однородность. Он весь пронизан противоборствующими течениями, которые время от времени вызывали водовороты, оставлявшие после себя лишь зыбь на воде, но менявшие ритм движения. В умах людей — те же контрасты, те же кризисы, те же расколы. Быть может, именно глубинная нестабильность умонастроений и порядков, делающая невозможной жесткую периодизацию, лучше всего характеризует судьбы европейских народов с самого начала истории.

Эпоха Каролингов (VIII—X века), когда окончательно исчерпал себя миф о Римской империи, знаменовала собой одновременно завершение и новое начало — я высказался на эту тему в своей книге «Карл Лысый». Далее, в XIV—XVI веках, происходит постепенное осознание того, что Вселенная имеет человеческое измерение. В этих временных пределах насчитывалось немало драматических моментов, благодаря которым росло осознание человеком условий своего земного бытия и собственной целостности. Можно выделить два больших периода, в рамках которых действовали аналогичные силы, но которые не являлись прямым продолжением друг друга — эти периоды я назвал бы, несколько упрощая, «романской» и «готической» эпохами в истории Западной Европы. Первая из них

обретает свое лицо и находит, хотя и не без труда, собственный язык в XI веке, которому посвящена данная книга.

В этот период в европейскую культуру пришло осознание целостности, так сказать, неделимости цивилизации. Этому посвящена первая часть книги, где я попытался описать обстановку, в которой протекало индивидуальное существование

Вильгельма Завоевателя и во взаимодействии с которой находилась его деятельность. Необычайная мощь этой личности позволяла ей оказывать глубокое влияние на свой век. Хотя Вильгельм ничего не предвидел, не желал ничего выходящего за пределы возможного, не создавал ничего такого, что не сохраняло бы традиционные формы, однако его деятельность, представлявшая собой последовательный ряд ответов на вызовы времени, обусловила, сперва в Нормандии, а затем и в Англии, эволюцию, которая рано или поздно должна была произойти во всех странах Запада, но которая именно на этих двух территориях раньше всего приобрела наиболее законченный вид. И тем не менее развитие человеческих сообществ не происходит равномерно во всех их членах: даже если оно совершенствует технику и меняет стиль жизни, ни чувства, ни мысли отдельных людей не приноравливаются к ним с неизбежностью. Можно сказать, что в современной Европе человек тысячного года еще соседствует с людьми XX века, точно так же, как в мировом сообществе народов архаичные аграрные культуры сосуществуют с современной цивилизацией. История, как известно, не повторяется, но разного рода движущие силы, последовательно действовавшие на ее протяжении, отмирая, агонизируют очень долго.

Поль Зюмтор

***Часть первая.* ЧЕЛОВЕК
ТЫСЯЧНОГО ГОДА**

Глава первая ТРУДЫ И ДНИ

Среда обитания

На заре XI века территория Европы была еще слабо заселена. Тут и там ее занимали разрозненные группы людей. Сменявшие друг друга цивилизации покрывали ее точно тонкая сеть с широкими ячейками. Население, имевшее весьма низкую среднюю плотность^[1], концентрировалось островками в безбрежном море необитаемых территорий. Деревни и деревушки, возникавшие на пересечении двух дорог, на берегу реки или у подножия холма, включали в себя хижины для людей и стойла для скота, окруженные палисадником; были также приходская церковь с кладбищем и иногда несколько более просторных строений, в которых обитал местный сеньор со своим семейством. За околицей простирались поля, огороженные живой изгородью из тополей, ясеней, ив или же совершенно открытые.

Такова была для большинства людей того времени среда обитания, в которой рождались, жили и умирали. Каждая деревня имела свое лицо, неповторимые обычаи, источник, к которому девушки ходили по воду, берег реки или пруда, где женщины полоскали белье, заросли кустарника, укрывавшие влюбленных, и даже дерево, под сенью которого, как говорили, жил святой; конечно же, как и в наши дни, в деревнях попадались известные типажи, смешные или страшные — калеки, слепые, уроды, рогоносцы, развеселые или буйные пьяницы.

Время протекало, не ведая отсчета. Мало кто из взрослых мог точно назвать свой возраст.

Искусственной хронометрии не знали; на отдельных церквях можно было видеть солнечные часы, некоторые священники еще хранили античный навык пользования водяными или песочными часами. Лишь по мере развития коммерческой деятельности, в XIII веке, у деловых людей появилась потребность в более точном цифровом выражении времени. Изобретение в XIV веке механических часов возвестило начало новой эры. Год протекал в соответствии с природными ритмами, и живописное изображение месяцев вскоре стало темой для художников. В течение вынужденного январского заточения приводили в порядок инвентарь и обихаживали домашнюю скотину. В феврале начинались первые полевые работы. В марте и апреле — пахота, подрезка деревьев, сев. Мир возрождался к новой жизни, любовью скреплялись пары. И снова в ночь на 1 мая люди всех сословий — крестьяне, сеньоры, мастеровые и даже, без сомнения, клирики, несмотря на проклятия, коим подвергались на церковных соборах языческие обычаи, — собирались у источника на поляне; женщины танцевали, сопровождая пляску древними напевами, смысл которых, возможно, был уже утрачен. Наступало время конных походов и войны. Скотину выпускали пастись на земли, отдохавшие под паром. На дорогах вновь начиналось оживленное движение. В августе округа оглашалась ритмичным звуком молотильных цепов. В сентябре или октябре (в разных краях по-разному) наступало время сбора винограда. А там — сев озимых и, накануне первых снегопадов, убой свиней. Декабрь вновь собирал под родными крышами семьи, и долгие зимние вечера заполнялись рассказами...

Смена времен года сопровождалась и одушевлялась литургическим циклом. От Рождества к Великому посту, а от него к Вознесению каждый праздник имел свои традиции и нес свои радости. Во время некоторых из

них в церквах еще исполнялись танцы, имевшие давнее галльское или германское происхождение, которым клирики пытались придать вид и смысл церковного обряда. Праздники, посвященные местным святым (каждый регион и каждая профессиональная корпорация имели особых святых покровителей), еще больше сближались по своему характеру с фольклором. Большинство коллективных увеселений так или иначе было связано с культом этих святых. В некоторых городах существовали братства, посвященные местному святому, и в посвященный ему день устраивались шумные пирушки. В году насчитывалось около тридцати праздничных дней, помимо воскресений. Обычно они сопровождались церковными церемониями, перед народом разворачивались драматические действия. Литургия, представлявшая собой подлинное *искусство* молитвы, являлась одним из стержней культуры того времени, одним из наиболее оживленных ее очагов. Вместе с тем она оставалась своего рода роскошью, поскольку лишь наиболее крупные церкви обладали необходимыми человеческими и материальными ресурсами, чтобы торжественно проводить эти церемонии, которые любили продлевать, усложнять, насыщать произвольными украшениями. День за днем повторялось, помимо мессы, богослужение по часам (заутреня, первый, третий, шестой и девятый часы, вечерня и повечерие), о котором оповещали звоном колокола и который семь раз прерывал дневные труды и ночной сон во имя чтения псалмов и пения гимнов.

Деревенская жизнь знала и чисто светские праздники, например, по случаю уплаты оброка сеньору. Зеленой листвой украшали быка, которого отводили к замку, а господин в знак подтверждения уплаты передавал плательщикам гирлянды из цветов. Даже отправление правосудия заключало в себе

элемент развлечения, становясь источником занимательных историй о комических похождениях прелюбодея, захваченного на месте преступления, о несчастных, прикованных к позорному столбу, а иной раз и о совершении казни. Но сколь бы горестным или радостным ни выдался день, как только ночь опускалась на соломенные крыши деревенских домов, обитаемая земля еще больше сжималась в размерах. Вокруг этого хрупкого очага тепла и жизни, этого постоянно угрожаемого приюта смыкался огромный лес.

Лес был вездесущ — дикий, наполненный щебетом птиц и ревом зверей, лишь местами словно бы продырявленный пустошами и болотами. В нем чередовались высоченные дубы, буки, хвойные деревья и даже каштаны (ареал распространения этого дерева достигал Нормандии, где оно исчезло значительно позже), заросли кустарника, дикие яблони и груши, боярышник. Бедственные события IX и X веков и связанная с ними миграция населения еще более расширили лесные площади, уступив им, особенно на западе и в центре, некогда возделывавшиеся территории. Лес покрывал в 1000 году две трети территории Франции и Англии. Испокон веку он внушал благоговейный ужас, являясь в то же время важным источником пропитания. Территория церковных приходов заканчивалась на опушке леса. Олицетворяя саму природу, первозданную, какой она вышла из рук Творца, он побуждал к молитве и размышлению. Порой он служил источником своеобразного развлечения, когда взору ступившего в него человека представляли полусгнившие трупы, там и сям висевшие на ветвях деревьев среди ярких красок осенней листвы...

В течение долгого времени считалось, что лес не может быть собственностью отдельных лиц. Однако вопреки всему большие участки его в конце концов

оказались во владении сеньоров, всячески ограничивавших или обременявших тяжелыми поборами коллективное, общинное пользование им. Вместе с тем лес не берегли. Беспорядочно практиковавшаяся заготовка коры, из которой получали дубильное вещество и волокно для изготовления веревок, губила множество деревьев, оголенные стволы которых засыхали на корню. Нерегулируемая рубка леса приводила к возникновению обширных прогалин, зараставших кустарником. Лес представлял собой серьезное естественное препятствие, самую нерушимую из границ между государствами: так, Орлеанский лес на протяжении веков отделял герцогства Бургундское и Беррийское от того, что тогда называлось «Францией». Он служил также наилучшим прибежищем для разбойников и отшельников, беглых и всякого рода «лесных людей», более или менее подозрительных для оседлых деревенских жителей — заготовителей угля и золы, использовавшейся для производства мыла, сборщиков дикого меда и воска. Для жителей лесных окраин лес служил неисчерпаемым источником древесины, исключительно важного материала, перерабатывавшегося на месте за неимением средств для его транспортировки. Хворост сжигали в очагах, мох и сухая листва служили подстилкой для скота и, по всей вероятности, ложем для множества людей; из плодов букового дерева получали масло для повседневного потребления; дикие ягоды, яблоки, груши и мушмула заменяли более редкие плоды фруктовых садов. Овцы, козы, свиньи, а порой и крупный рогатый скот бродили среди лесной поросли в поисках пропитания. Несмотря на существование обычаев, ограничивавших периоды, в течение которых можно было пользоваться «правом выпаса», его экономическое значение было велико.

Но прежде всего лес — место обитания диких животных: оленей, кабанов, косуль, выдр, куниц, рысей. В изобилии водились лисы. Волки, несметное множество которых, являясь неременным атрибутом повседневной жизни, служило настоящим бичом для любого человеческого поселения, исчезнут во Франции еще не так скоро, как в Англии, островное положение которой препятствовало обновлению вида из-за невозможности иммиграции новых особей. Волка боялись и вместе с тем презирали его как животное вечно голодное, жестокое, подлое и лживое. Не зря поговорка гласит: «Коварен, как волк». Действительно, он ловок и хитер, но при этом силен и чрезвычайно вынослив. Для псовой охоты он неуязвим, если только не попадет в западню, поэтому жители целых деревень участвовали в облавах, используя в качестве подкрепления громкий крик и шум.

Помимо того, что охота позволяла избавляться от вредных животных, волков и лис, она служила, в большей мере, чем скотоводство, источником получения мяса, а для господ — к тому же еще предметом страстного увлечения и, наряду с войной, главным занятием. На крупную дичь охотились с луком и рогатиной, на кабанов и оленей — «по следам», то есть со сворой собак. Использовали специальные породы собак: борзых для охоты на зайцев, легавых (*brason* — отсюда пошло слово *браконьер*) — на оленя. Наиболее престижной, но вместе с тем и более дорогостоящей, а потому более редкой была соколиная охота (или охота с ястребом), имевшая древнюю традицию. Птицу, взятую из гнезда, долго и терпеливо обучали. Практика псовой охоты, предполагавшая наличие больших лесных массивов, имела одно экономическое последствие: сеньор был вынужден ограничить рубку леса в своем домене. Некоторое уменьшение количества дичи в XI веке стимулировало создание сеньориальных

заповедников, немногочисленных до той поры. Исключительное право охоты в заповедных лесах принадлежало хозяину домена.

Практически единственным строительным материалом для возведения жилых домов служила древесина, зачастую в сочетании с необожженным кирпичом. Дом укрывал от непогоды и защищал от многих опасностей, но не более того. Крестьянский домишко, огороженный палисадником, представлял собой жалкую лачугу. Деревни, судя по той легкости, с какой их разрушали (что являлось одной из целей войны), а затем восстанавливали, скорее напоминали трущобы — беспорядочное нагромождение грязных лачуг с низкими дверями, над которыми иногда возвышались в качестве украшения или магического оберега бычья или оленьи рога. Здесь не жили, а искали убежища от непогоды или врага.

Домашний быт того времени отличался крайней простотой. Даже замок сеньора зачастую имел всего лишь одно жилое помещение. В этом убогом жилище умудрялись помещаться глава семейства с сыновьями и их венчанными и невенчанными женами, законными и незаконными детьми и даже детьми этих детей. Несколько поколений жило вместе в нестерпимой тесноте, что являлось одной из основных характерных черт той культуры, объяснявшей, почему в общественном сознании наихудшим социальным злом были злословие, ложь и лицемерие. Еду готовили на улице, опасаясь пожара. Человек делил свою лачугу, летом кишевшую паразитами, с окружавшими его мелкими домашними животными: хорьками и генеттами, которых специально натаскивали для охоты, ласками, имевшими репутацию священного животного, и собаками различных пород. Кошка, тогда еще мало распространенная на Западе, вплоть до XV века оставалась большой редкостью. Что касается домашней

обстановки, то она сводилась к самым необходимым вещам: несколько деревянных мисок, горшков и чанов, квашня, ступа с пестом.

В домах сеньоров прислуга спала прямо на полу, расположившись вокруг господина. Наиболее богатые, имевшие кровать, спали совершенно нагими, закутавшись в теплое одеяло. Обеденный стол представлял собой несколько досок, которые в урочный час укладывали на козлы, а потом убирали. Для освещения дома только владельцы наиболее крупных доменов могли позволить себе использовать восковые свечи, другие вынуждены были довольствоваться тусклыми коптящими сальными свечами или масляными лампами, чаще же всего освещение вовсе отсутствовало. Настоящее отопление было невозможно, поскольку тогда не существовало печей с дымоходом, которые мало-помалу стали распространяться лишь в XII веке по мере расширения каменного строительства. В углу комнаты устраивали очаг, в котором сжигали хворост или сосновые шишки, а дым выходил через открытую дверь. Окна, если таковые прорубались, были открыты всем ветрам, поскольку тогда еще не умели производить оконного стекла. Таким образом, существование в значительной мере определялось этой неравной борьбой против зимней стужи и ночного мрака, и трудности нарастали по мере удаления от Средиземноморья, чем, по всей видимости, объясняется тот факт, что на протяжении столетий цивилизация в ее наиболее утонченных формах распространялась с юга на север. Севернее определенной широты любая интеллектуальная работа большую часть года тормозилась суровостью климата, требовавшей больших физических сил и моральной стойкости.

Действительно, против холода у человека не было иных средств, кроме его собственной одежды, которая не отличалась большим разнообразием и мало

различалась у представителей обоих полов. Грубая шерстяная ткань, из которой обычно шили одежду, мало изнашивалась, что позволяло передавать ее из поколения в поколение. Этим объяснялись крайне медленная эволюция костюма и отсутствие моды в нашем понимании этого слова (исключение составляли лишь немногие богачи). Тем не менее, хотя иные ткани, кроме шерстяных, пеньковых и льняных, были большой редкостью, наблюдалась сильная тяга к украшениям. Любили яркие цвета, контрастные оттенки. Ювелирными украшениями, обладание которыми считалось главным показателем богатства, служили кольца, пряжки, застежки и даже драгоценные пояса. Поверх сорочки надевали тунику, доходившую до середины голени; под ней мужчины носили длинные штаны, тогда как женщины заправляли ее в длинную юбку. Те, кто не ходил босиком, носили башмаки из грубой кожи или деревянные сабо. Этим и ограничивалась повседневная одежда у всех, независимо от места на социальной лестнице. Некоторые сановники, как светские, так и духовные, при исполнении своих служебных обязанностей надевали длинную мантию, однако этот обычай распространился лишь к концу XI века благодаря развитию текстильного производства. Спасаясь от холода или находясь в пути, надевали плащ с капюшоном или меховой полушубок. Накидка без рукавов, державшаяся на правом плече и скреплявшаяся застежкой на груди, считалась роскошным одеянием, благодаря которому выделялись из общей массы магнаты и князья.

Люди ходили обычно с непокрытой головой. Прически различались по регионам: например, нормандцы начисто брили лицо и выбривали волосы вокруг головы, оставляя лишь короткую шевелюру на макушке. Англосаксы тоже брили бороду, но носили усы

и длинные волосы, благодаря чему приобрели на континенте незаслуженную репутацию изнеженных людей. Однако таковы были только общие тенденции, над которыми превалировали частные обычаи и привычки: так, англосаксонские короли и пожилые нормандские рыцари отпускали себе величественные бороды. Паломники, пленники и те, кто подвергал себя покаянию, отращивали бороды и волосы на голове в знак сердечного сокрушения. Что касается женщин, то их обычным головным убором служил завязанный в виде платка или чепца кусок ткани: именно такими уборами славились около 1100 года жительницы Кана.

Различные каши из злаков составляли основу питания. В голодные годы иногда ели толченые желуди. Хлеб чаще всего выпекали не из пшеничной муки, а из смеси ее со ржаной мукой, иногда без закваски. Кое-где его пекли в золе, в других местах — в печи у сеньора. К хлебу добавляли овощи, называвшиеся, в зависимости от той части растения, которая шла в пищу, «травами» или «кореньями». Вместо сахара употреблялся мед, который выкачивали из ульев, изготовлявшихся из коры или соломы и имевшихся в каждой деревне, или извлекали из дупла дерева, где поселился дикий рой. Для большей части населения почти единственным источником мяса служили свиньи, забой которых в ноябре давал повод для празднества, по всей видимости, являвшегося пережитком старинного языческого обычая. Быки были рабочим скотом, овцы обеспечивали шерстью, а козы давали молоко. Учинить резню домашнего скота во вред побежденному было первейшим удовольствием на войне, которое к тому же давало победителю возможность устроить обильный пир. Только богатые постоянно питались мясом — именно это обстоятельство в той или иной мере определяло их менталитет. Только у них в изобилии водилась дичь (в

пищу шло даже жесткое и невкусное мясо журавлей и цапель), только они имели возможность доставлять на свой стол таких особенно высоко ценившихся пернатых, как лебеди и павлины. Правда, церковные предписания запрещали употреблять мясо по определенным дням и в определенные периоды года, однако эти ограничения при детальном рассмотрении оказывались не столь уж и строгими — так, еще в XII веке мясо некоторых птиц приравнивалось к рыбе, холоднокровному существу. Посты вели к росту потребления рыбы; из-за отсутствия средств ее консервации приходилось постоянно рыбачить на реках, прудах, в прибрежных морских водах^[2].

Пили обычно медовуху (мед, растворенный в воде и подвергшийся брожению), вино из диких яблок (нормандский сидр появится только в XII веке), а главным образом — пиво, известное еще с древних времен. Для обеспечения потребностей литургии в виноградном вине и ввиду трудностей его транспортировки монахи внедряли и более или менее успешно акклиматизировали виноградники вплоть до Англии и Нидерландов. Нетрудно представить себе, какую кислятину производили из винограда, выращенного в этих холодных краях. Отвратительная репутация нормандских вин не мешала культивировать здесь виноградники вплоть до XIII века. Епископы, а иногда и светские князья там и сям выращивали хорошие сорта винограда еще античного происхождения, однако для того, чтобы компенсировать посредственное качество большинства местных вин, обычно прибегали к их ароматизации. Под общим названием ароматизированных напитков (*piments*) производились смеси из вина, меда и ароматных трав.

Подобный характер питания, частично обусловленный низкой продуктивностью сельскохозяйственного производства, предполагал, что наиболее бедные перманентно голодали. Более или менее значительная часть населения, в различных регионах разная, жила в состоянии хронического недоедания начиная с последних веков Римской империи и вплоть до аграрной революции, наметившейся во второй половине XI века. Мало было территорий, на которых бы тогда периодически не свирепствовал голод. Стоило лишь погибнуть урожаю на пространстве пяти или шести современных департаментов, как тысячи людей в течение целого года обречены были жить в ужасных условиях на грани выживания. Как еще и в наши дни во многих странах, голод тогда был обычным явлением. Голодом частично объясняется демографический застой, несмотря на высокий уровень рождаемости. Не было простой риторикой в описаниях хронистов то, как изголодавшиеся крестьяне ели землю, разделявали останки тех, кого смерть прибрала раньше их, или же, совершенно отчаявшись, бросали всё и бежали, рискуя в других краях оказаться в еще худшем положении. Даже если эти несчастные, подвергавшиеся жестокой эксплуатации беглецы и получали где-либо помощь, у них было мало шансов существенно улучшить свое положение. Посреди этих несчастий клирики проповедовали покаяние и надежду. Причины происходящего ускользали от человеческого понимания, и объяснение находили в дурном влиянии звезд или в небесной каре. Рауль Глабер, хронист того времени, насчитал 48 голодных лет между 970 и 1040 годами; в период с 1022 по 1095 год были отмечены 43 голодных года. Некоторые из них поразили «весь мир», то есть всю Западную Европу: таков был 1000 год. Неурожаю 1031 года предшествовали проливные

дожди, после чего в течение трех лет свирепствовала чума.

Слово «чума» тогда использовалось для обозначения любой заразной болезни, принявшей характер эпидемии. Нам мало известно о санитарных условиях, в которых жили люди XI века. Бедняки, вероятно, страдали от рахита, зато не были известны ни алкогольные заболевания, ни туберкулез: болезни, как известно, имеют свою историю. Детская смертность безжалостно производила естественный отбор, однако и для тех, кто переступил порог зрелости, надежды на долгую жизнь были призрачны: к сорока годам успевали состариться, а в шестьдесят, окончательно исчерпав жизненные силы, умирали. Мир тогда был миром молодых людей, которым физический труд, не подвергавшаяся ни торможению, ни искусственному возбуждению сексуальность, минимальная, но все же реальная гигиена (как мужчины, так и женщины голыми купались в реках) обеспечивали в течение немногих лет их зрелости изумительную жизнестойкость. К врачебной помощи в собственном смысле этого слова тогда не прибегали. Лишь около 1020 года в Монпелье открылась школа, в которой стали изучать античные медицинские трактаты. Тут и там какой-нибудь ученый клирик вновь открывал крохи этого забытого знания. Во многих монастырях был свой монах — знаток лекарственных трав или костоправ. Прибегали и к помощи святых: святой Луп помогал от эпилепсии, святой Мавр исцелял от подагры, а святые Элуа и Фиакр считались универсальными чудотворцами. На болезнь, поразившую его самого или одного из его близких, человек реагировал с помощью магии. Иногда сообщество в целом, желая защититься, в слепом порыве отторгало от себя больного — особенно часто так поступали с прокаженными. Хотя проказа уже давно была известна на Западе, широкое

распространение она получила только после Первого крестового похода. Эти несчастные с наростами на одутловатом лице, охрипшим голосом, шелушащейся кожей, источавшие отвратительное зловоние, внушали такой ужас, что их считали одержимыми эротическим бешенством. Этот страх не мог объясняться одной только боязнью заразиться: в некоторых регионах Нормандии трупы больных проказой хоронили лицом вниз. Прокаженные повсюду отторгались от общества. Гонимые из городов и весей, эти несчастные собирались в ватаги, то бродившие по стране, то жившие оседлыми лесными стойбищами, память о которых до сих пор сохраняется в названиях таких мест, как Фонмазо или Мазофруа (от *mézeau* — прокаженный).

То и дело на холме, возвышавшемся над равниной, в укромной долине, в излучине реки или при слиянии двух рек взору путника открывались верхушки крыш, торчавшие над крепостными стенами. Более низкие строения, прилепившиеся к массивным зданиям, были скрыты от его глаз. Случалось, что подобного рода нагромождение строений в те времена возникало вокруг аббатства благодаря притоку служилых людей, воинов, беженцев и ремесленников, как в Жюмьеже, реже это бывало вокруг крепости — как в Алансоне. Как правило, это происходило на месте старинных галльских поселений или древнеримских городов, к тому времени пришедших в запустение и ужавшихся до размеров территории, умещавшейся в пределах крепостной стены. Однако и эта территория, на которой глинобитные и деревянные строения заменили прежние каменные здания, подчас оказывалась слишком просторной — часть ее занимали пустыри и поля. В центре этого города или бурга, в самой высокой ее точке, или непосредственно у городской стены возвышалась оборонительная башня, иногда представлявшая собой остатки древней цитадели.

Случалось, что за пределами крепостной стены, на территории сельской округи укрепленная церковь или монастырские здания образовывали не столько внешний квартал, сколько автономные элементы того разрозненного и расплывчатого комплекса, который мы называем «городом», но для обозначения которого европейские языки того времени еще не имели специального слова. Четверо ворот, устроенных в городской стене соответственно странам света, вели в Руан. Перед восточными воротами возвышалась герцогская цитадель. К концу правления Вильгельма Завоевателя вокруг города возникли три пригорода: Маль-палю, Эмандрвиль и поселение вокруг аббатства Сен-Кан. Однако размеры таких «городов» по нашим меркам были смехотворны. В середине XI века Ле-Ман, считавшийся значительным городом, построенный на вершине холма и окруженный крепостной стеной из римского кирпича, над которой возвышалось двадцать башен, имел размеры 450 на 200 метров!

В середине X века в качестве предвестников новых времен в некоторых районах, прежде всего в долинах Рейна и Мааса, стали возникать поселения вокруг какого-нибудь скромного рынка, который периодически посещали перекупщики соли, продуктов земледелия, мелких предметов ремесленного производства. Эти поселения представляли собой «пригороды», преимущественно возводившиеся вблизи церкви, земля вокруг которой юридически считалась местом убежища, и окруженные рвом и палисадом из кольев. В пригородах фламандских городов в X веке быстрыми темпами возрождалась древняя традиция текстильного ремесла, так что около 1000 года туда начали ввозить необработанную шерсть из Англии. В XI веке, также в пригородах, в Лотарингии стала развиваться металлообработка. Однако эти явления всё еще оставались исключениями. Город, несмотря на свои

маленькие размеры, был лишен органического единства, его составляли сосуществующие группы населения, еще не объединенные (за редким исключением) исполнением какой-либо специфической функции. От той городской жизни, которая процветала в эпоху Античности, ничего не осталось. Даже в материальном плане от нее остались разве что развалины общественных зданий, не находивших себе применения или зачастую использовавшихся в качестве каменоломен. Даже если город в топографическом отношении демонстрирует весьма примечательную преемственность от Античности до наших дней (очень редко после какой-либо катастрофы его восстанавливали не на его развалинах, а в другом месте), как таковой он оставался чрезвычайно уязвимым. Не было спасения от периодически постигавшего его бедствия — пожара, который, наряду с такими катаклизмами, как чума, засуха и война, имевшими природное происхождение или вызванными людской злонамеренностью, со всей наглядностью выявлял господствовавший в мире фатальный порядок вещей. В первые тридцать лет XI века двенадцать городов в пределах современной Франции были почти полностью уничтожены огнем: в 1000 году Анжер (вновь горевший в 1032 году), в 1002-м — Страсбург, в 1018-м — Бове и Пуатье, в 1019-м — Руан и Шартр, в 1020-м — Сомюр, в 1024-м или не-сколько позже — Коммерси, в 1025-м — Осер, в 1026-м — Сент, в 1027 году — Камбре и Тур...

В социальном плане положение горожан не было единым для всех и не представляло собой чего-то особенного: клирики и военные, свободные и сервы — каждая из этих категорий обладала собственным юридическим статусом, который по-своему подчинял их местному сеньору. Лишь постепенно в течение XI века во Франции вошел в обиход термин *буржуа*, служивший

для обозначения свободного горожанина. Впервые это слово было употреблено в 1007 году в городе Лош. И тем не менее образ жизни буржуа мало отличался от жизни крестьян: он возделывал свое поле, пас свой скот, его поросята и домашняя птица копошились в уличной грязи. Лишь много позднее, когда сменилось несколько поколений, в результате развития коммерческой деятельности сельскохозяйственные занятия горожан перестали быть экономически оправданными.

Менталитет

Глубинные отношения связывали человека с его землей. Экономическая необходимость, трудовые приемы и суровая борьба за выживание — всё это вместе укореняло его на земле, на которой он жил, соблюдая местные обычаи, и от которой получал, трудясь в поте лица своего, порой из последних сил, хлеб свой насущный. В этом землепашец и хозяин домена мало отличались друг от друга: работа первого кормила обоих, а могущество второго обеспечивало им общую безопасность. Социальная группа, таким образом, обнаруживала тенденцию к замыканию в себе, вырабатывая свой особый менталитет — феномен, который еще в XX веке можно наблюдать, пусть в остаточной и видоизмененной форме, в некоторых отдаленных европейских деревнях.

Мир XI столетия — крестьянский мир. Конечно, давно была пройдена стадия первобытного клана, воодушевлявшегося своего рода биологическим патриотизмом, однако патриотизм современного типа, связанный с реальным государством, в XI веке существовал лишь в зачаточном состоянии в сознании отдельных людей. Патриотизм тогда выступал в виде

привязанности к родному краю, территории, на которой человек непосредственно жил и трудился. Без особой симпатии относились ко всякого рода прохожим чужакам; инстинктивное недоверие боролось с любопытством, возбуждаемым этими разносчиками новостей. Превратности войны, торговли или паломничества сводили вместе людей, говоривших на разных языках, и тогда хватало малейшего повода, чтобы началась потасовка. Языком же каждого (за исключением ничтожного меньшинства клириков) было его родное местное наречие. Перегруппировка и до известной степени унификация деревенских говоров происходили в недрах регионов, в которых экономически и политически доминировал один наиболее активный центр или через которые проходили оживленные пути сообщения. Так формировался региональный язык, диалект. Эти «романские» диалекты, которые все вместе отличались от латыни своей большей напевностью, обилием гласных, пластичностью и красочностью своего словарного состава, обнаруживали и непохожесть друг на друга, что объяснялось комплексными различиями — географическими, историческими, психологическими. С X века по Луаре пролегла граница, отделявшая друг от друга две более или менее различные лингвистические группы, каждая из которых представляла совокупность диалектов и наречий, обладавших, несмотря на многочисленные различия, фундаментальным единством: к северу те, что составляли «французский» язык, а к югу — «окситанский», именуемый также «провансальским».

Язык, постепенная трансформация которого не поддается наблюдению со стороны отдельного индивида, имеет прямое отношение к той совокупности нравов и особенностей мышления, какой является обычай, определяющий существование людей. Он

обладает необъяснимой силой тех неписаных, но непреложных законов, которые мы можем в наши дни наблюдать, на весьма низком уровне, в бандах, гангстерских сообществах, в социальных средах, не имеющих легального определения, в которых соблюдение установленных норм становится для индивида условием его психического равновесия, а их нарушение влечет за собой порой непоправимые последствия.

Под натиском экономических условий обычай меняется, но происходит это хотя и непрерывно, однако крайне медленно, а потому почти незаметно. Клянясь в приверженности традиции, в то же время ее нарушали в каких-то мелочах. Церковь распространяла моральные и юридические понятия на саму церковную догму, которая охватывает одновременно мысль, слово и жест, чем и объясняется то большое значение, которое придается ритуалам и обрядам. Для средних умов той эпохи учреждение, верование, вещь и даже сама личность заслуживали тем большего почтения, чем старше они были. Престиж аббатства в значительной мере зависел от древности его основания — подлинной или фиктивной. Отсюда — бесчисленные фальсификации, грамоты, датированные более ранним годом, фантастические документы, сфабрикованные монахами с самыми добрыми намерениями. Да и само слово *сеньор* имело первоначально значение «более старый» (*senior*). Эпические поэты доходили до того, что горячего коня Роланда наделяли кличкой Вейянтиф, то есть «почтенный своей старостью»! Грамотеи — любители исторических преданий — искали в них не столько удивительные рассказы о прошлом, сколько образ человека, наивно выводившийся ими из себя самих, что позволяло объявлять его черты вечно неизменными. Интерес к истории был всеобщим, даже среди самого простого народа, который черпал

рассказы о добрых старых временах, о жизни древних святых из других источников. Былое служило оправданием самого себя, а любое новшество было ненавистно само по себе. Вместе с тем новый факт мог породить обычай, который впоследствии оправдывал его: так, заранее согласованное или спонтанное, вызванное минутным воодушевлением подношение сеньору могло породить обязательство.

Обычай был единственным единодушно признававшимся основанием права. Средневековые языки не имели выражения, эквивалентного нашему слову *свобода*. Во Франции (может быть, за исключением городов юга страны) и Германии это повлекло за собой самые крайние последствия: с конца IX века ни один правитель там не опубликовал писаного закона. Обычное право являлось эмпирическим результатом коллективных привычек, основанных на уважении к давно совершившимся фактам. Постепенно затухало римское понятие собственности, на смену которому пришло фактическое владение в течение длительного времени, под которым подразумевалось обладание землей или властью. Однако, за неимением писаной фиксации правил, человеческая память служила единственным цементирующим элементом обычного права, а коллективное свидетельство — единственным его критерием. Отсюда проистекали, несмотря на всё большее, от поколения к поколению, усложнение и запутанность, необычайная гибкость обычаев, касавшихся лиц и их собственности.

Вместе с тем эта привязка к месту и времени заключала в себе странные противоречия. Так, чужаками считались евреи, жившие маленькими общинами во многих городах юга и востока Франции, а также в Париже. Живя доходами от простых ремесел, иногда занимаясь возделыванием виноградников, они

оставались в маргинальном положении по отношению к христианскому большинству, с которым, как правило, поддерживали добрососедские отношения. Церковь запрещала смешанные браки, а обычай отдавал приверженцев иудаизма и их имущество на произвол короля или князя. Порой случалось (в частности в Аквитании), что по большим церковным праздникам толпа христиан, охваченная внезапным порывом ярости, самым жестоким образом вымещала на этих беззащитных существах свою злость, удовлетворяя своего рода потребность в отмщении. Зато дураки и полоумные являлись неотъемлемой составной частью христианского сообщества — из милости, насмешки ради или вследствие какого-то неизъяснимого очарования: в них безрассудство представало как своеобразное проявление рассудка, через них в недрах нашего мира проявлялся какой-то иной мир, это были «простецы», пользовавшиеся особым божественным покровительством. Дабы распространить и на себя это покровительство, государи держали их при своих дворах на положении шутов. Точно так же нищие, несчастные бродяги, «искатели хлеба», несмотря на недоверие к ним, были привычным атрибутом деревенской жизни.

Это общество, сколь бы глубоко оно ни укоренилось, отличалось чрезвычайной подвижностью. Два селения, разделенные сравнительно небольшим расстоянием, могли почти ничего не знать друг о друге, зато из любого из них в один прекрасный день кто-нибудь отправлялся в Иерусалим. Сорвавшийся с насиженных мест народ странствовал по дорогам: беженцы, которых гнала прочь война и которые больше уже никогда не возвращались; крестьяне, чьи земельные наделы были слишком скудны, чтобы прокормить разросшиеся семьи; беглые холопы; масса безработных, бродивших от замка к замку, от аббатства к аббатству и нанимавшихся в

сборщики урожая или в наемники на одну из вспыхивавших повсюду войн; профессиональные забавники, развлекавшие публику за монету, кусок хлеба или отрез ткани — жонглеры, бродячие акробаты, рассказчики, дрессировщики медведей, державшие на поводке своих питомцев^[3]; странствующие проповедники; монахи, бежавшие из своих обителей; на морском побережье — собиратели трофеев с судов, потерпевших кораблекрушение. Наконец, сверху донизу социальной лестницы, все, для кого их слишком живой темперамент или повышенная чувствительность, а также любовь к приключениям делали нестерпимой тесноту семейной жизни, тиранию главы семейства, досаду от обычая, запрещавшего вступать в брак младшим сыновьям, ибо это чрезмерно увеличивало число тех, кто жил за счет скудных доходов от семейного надела. Видимо, по этой причине Гуго, сын короля Франции Роберта I, в один прекрасный день бежал, чтобы стать разбойником. Даже для тех, кто стоял на самой вершине феодального общества — графов, герцогов, королей — и обладал властью над весьма значительными территориями, непрерывные переезды с места на место были настоящей необходимостью как для обеспечения средств к существованию (прямо на месте потреблялись припасы различных доменов: остановившись там, господин со своей свитой и дружиной за несколько недель оприходовывал урожай целого года), так и для поддержания собственного авторитета, для чего в принципе были необходимы личные контакты с людьми. Отсюда проистекало освященное обычаем «право постоя», позволявшее господину останавливаться у своих вассалов. Так, перемещаясь с места на место, вся эта пестрая компания болтала, хвалилась, ссорилась, любила, узнавала новые истории, которыми питается

человеческая память. Этим объясняется миграция сказок, легенд, песен, которую отмечают историки литературы и фольклора.

По дорогам и лесным тропинкам тут и там двигались группы паломников в больших фетровых шляпах. Они распевали походные песни или гимны. Некоторые шли пешком, другие ехали на лошадях и мулах. Облачившись в короткий плащ, одни из них имели при себе посох, при случае служивший им оружием, другие же были препоясаны мечом — отнюдь не лишняя предосторожность, ибо святость путешествия не защищала от злоключений: так, в 1008 году граф Жоффруа Бретонский был убит на постоялом дворе на пути в Рим. В паломничество отправлялись с намерением принести покаяние или в припадке безрассудного энтузиазма, порой движимые глубокой и безотчетной верой, поскольку не сомневались, что подлинная жизнь была где-то в другом месте, и отправиться туда означало приобщиться к сей тайне. Существовали паломничества местные и региональные, например к мощам святого Мартина Турского.

Более протяженным было паломничество в испанский город Сантьяго-де-Компостела, к мощам святого Иакова. Французы зачастили туда с середины X века, не без риска для собственной жизни, поскольку путь проходил по Кантабрийскому побережью, стране свирепых басков, многие из которых еще были язычниками. По этой причине король Наварры повелел проложить более безопасную дорогу через Сомпор и Ронсеваль. Эта «французская дорога» была открыта в середине X века, однако настоящие толпы паломников устремились по ней лишь после 1100 года. Зато паломничество в Рим имело давнюю традицию, а с X века возросло и число паломников в Палестину. В 1020 году появилось латинское подворье в Иерусалиме, а позже, во времена Крестовых походов орден

госпитальеров взял на себя заботу по приему бедных паломников. Из Франции в Святую землю путь некогда проходил через перевал Гран-Сен-Бернар, по территории Италии, а затем морем, но после того, как король Венгрии окрестил свой народ, пилигримы стали предпочитать менее опасный и сопряженный с меньшими затратами маршрут по Центральной Европе, через Балканы и Малую Азию: шесть месяцев пути от аббатства к аббатству, где предоставлялся приют Христа ради, от города к городу, где неведомый вам трактирщик останавливал вас, хватая за уздцы вашу лошадь или полу вашего плаща, приглашая войти туда, где можно было найти вино и овес. Паломник по меньшей мере на год (а чаще на два-три года) покидал свою деревню, свой замок, свою семью. При отбытии ему, возможно, вручали некое послание, которое надлежало передать такому-то лицу в таком-то городе, через который пролегал путь. По возвращении же — сколько рассказов и, вероятно, драм, сопряженных с реадаптацией!

Благодаря путешествиям паломников наметились главные пути сообщения по Европе, с севера на юго-запад и юго-восток, вдоль которых в местах остановок появились храмы, ставшие средоточием церковной культуры. Эти пути приблизительно совпадали с сетью древнеримских дорог из Парижа в Испанию через Тур, Пуатье, Бордо, в Овернь через Невер, в Марсель через долину Роны, в Италию через Мон-Сени. Однако движение путников не всегда строго совпадало с этими направлениями, маршруты менялись: стоило лишь какому-нибудь разбойнику возвести на холме сторожевую башню, как путникам приходилось делать большой крюк, огибая ее. К тому же сколь велико бы ни было число путешественников, их можно было встретить только небольшими группами. Трудности пути усугублялись и тем, что официальные власти не

заботились о поддержании дорог в надлежащем состоянии. На многих путях следования старые римские дороги и галльские тропы были заброшены и поросли лесом. Сплошь и рядом проторенная дорога вдруг исчезала, сменяясь тесниной, ненадежным бродом через бурный поток или ложиной, пользующейся дурной славой. «Большая дорога», которая вела из Флера в Домфрон, едва достигала двух метров ширины. По большинству дорог, соединявших деревню с деревней, невозможно было проехать на телеге. Каменные мосты развалились. Если сеньор или местное общество задавались целью устроить что-нибудь взамен такого моста, то довольствовались понтонным мостом, деревянными мостками, а иногда и просто лодкой перевозчика. Около 1000 года мост через Марну близ Мо пришел в столь ветхое состояние, что пользоваться им отваживались только в случае крайней нужды, причем, если хотели перебраться по нему верхом на лошади, впереди шел проводник, закрывавший по мере продвижения животного дыры в настиле моста доской или своим щитом... К тому же приходилось уплачивать дорожную пошлину, которую взимали по старой памяти вместо прежнего налога каролингских времен, право на получение которого присвоил местный сеньор. На каждой из больших французских рек насчитывались десятки мест, где путнику приходилось раскошелиться. Платили смотрителю моста, платили перевозчику, которого можно было вызвать, протрубив в сигнальный рожок, висевший на дереве у переправы. И поборы эти становились все более обременительными. В исключительных случаях создавались своего рода ассоциации, соглашения между сеньором и его вассалами, дабы построить ради общего блага мост через реку, за пользование которым не взималась плата.

Передвигались пешком; ездить верхом на муле могли позволить себе только богатые; лошадь была преимущественно боевым конем. Осел, стоивший вдвое меньше, использовался главным образом в качестве вьючного животного. Именно поэтому скорость передвижения была чрезвычайно мала: за день проделывали путь километров в тридцать, если ничто не мешало движению. Движение к цели замедлялось и вследствие того, что путнику много раз приходилось делать крюк. Низкая плотность заселения некоторых регионов делала их фактически недосыгаемыми ввиду невозможности найти там стол и кров. Потому-то путешественники старались по мере возможности выбирать водные пути, несмотря на большие расходы, сопряженные с использованием речных плавучих средств. Дорого, зато, плывя по реке или морю, за сутки оставляли позади сто и даже сто пятьдесят километров. Сена и Северное море сыграли решающую роль в экономическом подъеме, которым характеризовалось XI столетие.

Терпким, горьким был тогда вкус жизни, которой вечно что-нибудь угрожало, а преобладающим чувством, особенно среди бедняков, было чувство страха... Правда, невзгоды подобного существования людьми того времени, скорее всего, воспринимались не так, как это ощущается нами.

Человек еще долго будет пребывать в состоянии пессимизма, которым преимущественно характеризовалась феодальная эпоха: едва ли кому-то приходила тогда в голову мысль, что «счастье возможно». Начиная с каролингской эпохи Церковь провозглашала консервативный в социальном отношении идеал бедного человека, *sanctus pauper*, терпеливо сносящего выпавшие на его долю невзгоды, поэтому для него скорее, чем для других, откроются врата Царства Небесного. Идея прогресса оставалась

немыслимой. Человек знал, что рожден, чтобы умереть, и не задумывался над этим. Правда, время от времени эта мысль посещала его, толкая то к исступленному покаянию, то в объятия разнузданных страстей. Но чтобы предаваться глубоким размышлениям на эту тему, жить этим... На то существовали специальные люди — монахи, отшельники, проповедники. В обществе сверху донизу царило насилие. Дрались и убивали друг друга как холопы, так и бароны. Убийца даже похвалялся своей победой. Противников обрекали на медленную смерть в темнице, калечили в порядке отмщения или отправления правосудия. Не усматривали ничего скандального в том, что отец отдавал распоряжение выколоть глаза своему мятежному сыну. Скука, а главным образом уверенность в собственной безнаказанности толкали на подобного рода эксцессы не меньше, чем импульсивность, способность без лишних эмоций видеть кровь и самому проливать ее (к этому привыкали, в частности, на охоте), обычай гордиться физической силой и с презрением относиться к жизни, чему по-своему содействовала и католическая церковь.

Тело проявляло поразительную невосприимчивость к боли, тогда как душа уступала малейшему движению сердца. Частота совершения безрассудных поступков, беспричинные перемены настроения, то внезапное умиление, то приступ ярости, столь же безмерный по своей силе, как и по своей мимолетности — немаловажный политический фактор в эпоху, когда большинство решений зависело от каприза первого лица. Несть числа рассказам о мгновенном обращении в истинную веру. Порой довольно было одной сильной эмоции, одного взгляда, чтобы превратить в отшельника или монаха закаленного в боях воина и даже разбойника. Случалось, что эта «благодать»

снисходила сразу на всех членов семьи или на целый отряд с командиром во главе.

Эти контрасты обнаруживают основные тенденции, некую двойственность, присущую самой цивилизации и затрагивающую все формы культуры, язык и мысль в ее наиболее утонченных проявлениях. Стремление к универсальному паразитическим образом сочеталось с самым узким партикуляризмом. Так, реальная политическая власть принадлежала сеньорам, в большинстве своем не учившимся грамоте и потому вынужденным полагаться исключительно на память, с присущими ей изъянами, неточностями и провалами, тогда как любая административная деятельность, даже в самых неразвитых формах, требует владения грамотой, которая, в силу ряда объективных причин, оставалась монополией ничтожного меньшинства клириков. Монашество, в массе своей также не учившееся грамоте, но воспитанное в духе традиционной патристики, вынуждено было прибегать к общим и неизменным выражениям. Из-за этого зачастую доктрина расходилась с реальностью.

И так было во всем. Коллективная жизнь испытывала притяжение двух полюсов, двух традиций. Одна — интеллектуальная, моральная, эстетическая, — была результатом синтеза, осуществленного в период с IV по IX век, от Августина Блаженного до Рабана Мавра, методикой и секретами которого во Франции владели только люди церкви. Другая — та, что складывалась в течение трех или четырех веков в недрах массы неграмотного народа из элементов, почти неразличимых для нашего восприятия. Первая делала достоянием горстки аристократов духа культуру, по своему характеру чисто книжную, то есть основанную на владении грамотой, единственным инструментом, позволявшим овладевать знаниями и совершать

открытия^[4]. Сам Бог был Словом. Однако языком книг служила исключительно латынь — международный язык, порой скрывавший под сакральными формами свое весьма отвлеченное содержание. Этому языку приходилось специально учиться, он был лишен органичной языковой среды, и большинство тех, кто владел им, использовали его исключительно в утилитарных целях, например для сочинения ученых трактатов. Клирики присвоили себе роль хранителей истории: в некоторых монастырях велись анналы — перечень местных событий, фиксировавшихся год за годом, иногда с приложением региональной хроники. Они хранили также секреты некоторых видов искусства, требовавших определенных знаний и потому недоступных для других, например, литургическую музыку, именуемую «григорианской», практически единственную дошедшую до нас от той эпохи, несмотря на несовершенство способа ее записи^[5]. Вокал включал в себя два типа пения — псалмодическое и мелодическое, причем второе подразделялось на силлабическое (один знак на произносимый слог), невматическое (два-три знака) и мелизматическое (более трех знаков). Трудность запоминания длинных мелизмов породила в IX веке практику применения *тропов*, дополнительных текстов, включавшихся в песнопение для поддержания голоса, что, в свою очередь, вскоре породило оригинальную поэзию.

Однако этот мир книжной культуры не замыкался в себе. Легенды, до которых столь охоч простой народ, проникали в анналы и хроники, а пение тропов могло влиять на не дошедшие до нас фольклорные мелодии — если не наоборот. Вообще, литургия давала наилучшую возможность для взаимовлияния этих различных традиций. Масса неграмотного населения постепенно приобщалась к достижениям культуры. Жизненная сила

народа, прибитая бичом скандинавских и мадьярских набегов, вновь начинала крепнуть. Ростки нового, еще едва заметные, уже возвещали о скором наступлении расцвета. На протяжении жизни одного поколения распустились эти чудесные цветы — романская архитектура и скульптура, эпос и первые поэтические творения на народном языке. Таким образом, период примерно с 950 по 1050 год стал временем формирования великой культуры, когда во всех сферах жизни торжествовали оригинальные ценности, впитавшие в себя античный опыт, гармонично уравновешенный народными традициями.

Для клириков круг чтения составляли Священное Писание и книги Священного Предания. Что же касается мирян, то они слушали клириков, которые, правда, говорили мало. Нижний слой белого духовенства почти полностью отказался от практики чтения проповедей. Тогда не было ничего подобного современному катехизису; основным средством для ознакомления с положениями веры служила литургия, которая предполагала одновременно эстетический и символический взгляд на мир, когда историческая истина проникает в истину моральную, а внутренняя жизнь человека важнее законов. Способом видения реальности служило объяснение мира с помощью символики чисел: сорок — число искушения, пятьдесят — радости.

Христианство, по мере того как в период расцвета Средневековья оно завоевывало мир деревни, впитало в себя немалую долю древнего анимизма, латентно присутствовавшего в крестьянских традициях. Христианство стало ближе к простому народу. Оно глубоко укоренило в умах людей определенное количество элементарных понятий и образов, касавшихся прошлого, настоящего и будущего человека. Вместо античных космогонических

представлений о вечном круговороте событий оно предложило сверхъестественную историю земной жизни Христа, давно завершившейся, но неизменно остававшейся той основой, на которой разворачивались современные события согласно пророчеству. Одновременно происходило долгое прямолинейное движение по направлению к искуплению грехов при посредничестве церкви, кульминационным моментом которого должно было стать второе пришествие Христа. Однако эмоционально окрашенная аура, окружающая эти понятия, восходила к античной магии. Набожность в глубинном смысле этого слова являлась исключительным состоянием души. Мирянин причащался и шел на исповедь только раз в году, но при этом признавал чудотворные свойства святынь, потому-то бережно хранились склянки с елеем, литургические сосуды и гостии, коим приписывались лечебные свойства и способность снимать порчу. Теология ученых-богословов не имела ничего общего с живой религией, когда люди испытывали восхищение и инстинктивный ужас, сталкиваясь с тем, что уму непостижимо. Священник, каким бы презренным и смешным человеком он ни был, окружался аурой таинственности, благосклонной или пугающей. Лгали, крали, а порой и убивали ради обладания реликвиями и военными талисманами, так что источник доходов церквей, принимавших паломников, никогда не иссякал.

Пространство между человеком и Богом населяли ангелы, демоны и святые, отдельные из которых странным образом облюбовывали себе источники или распутья дорог. Именно при их авторитетном посредничестве, как представляли себе большинство верующих, разыгрывалась драма спасения человеческих душ — драма, одной из пружин которой являлось чудо. Знали определенно, что такая-то святыня наиболее эффективна в таких-то случаях — у

каждой из них была своя специализация. Милостыня, посредством которой покупали покровительство святых, становилась одним из наиболее мощных факторов экономического развития, приведшего к накоплению церковью огромных богатств. Торжественно заверяли, клялись именем Бога и его святых, прибегали даже к волшебным заклинаниям, применение которых тщетно пытались искоренить церковные суды. Заклинали злых духов, верили в оборотней и вампиров, вычисляли счастливые дни, ходили к толкователям снов. Леса, как и прежде, населяли гномы, добрые и злые духи — перевоплощения римских богов, в существовании которых ничуть не сомневались люди того времени, даже духовенство, отождествлявшее их с демонами. В Нормандии всяк знал, что герцог Ричард Старый водится с привидениями, выступая арбитром в их спорах. Простой же народ за магию принимал любое ученое знание.

Священное и профанное нерасторжимо перемешались в мыслях и поступках людей. Общественная мораль основывалась на вере в то, что божественное правосудие свершается *здесь и сейчас*, безотлагательно. Что же касается духовенства, то их религиозное чувство, весьма жадное до впечатлений, не довольствовалось одними только каноническими текстами, прибегая к апокрифическим сочинениям и христианскому фольклору, который давал также сюжеты для романской скульптуры.

Тем самым царило глубокое согласие между формами, в которые тогда облекалась христианская духовность, и социальными, экономическими и политическими условиями того времени: земля есть место спасения, бедность угодна Богу, труд имеет своей целью поддержание человека в том состоянии, в каком он родился, готовя его к смерти и вечной жизни.

Жесты, ритмы, цвета — все, что воспринимали глаз и ухо, могло стать знаком. Мимика, тон голоса, одежда, танец, помимо того, что были полезны или красивы, исполняли еще и выразительную функцию. Отсюда проистекала якобы присущая Средневековой «наивность». В действительности же рассудок постигал конкретные вещи, воспринимал всеобщее только в виде частного — не через абстракцию, а в образном выражении. Правителей, от которых зависела участь подданных, наделяли насмешливыми прозвищами, подчеркивавшими их характерные особенности: Фульк Нытик, Жоффруа Серый Маслюк, Герберт Разбуди Собаку, Роберт Короткий Сапог... Информация всецело зависела от чувства и сознания человека (тогда как в наше время она автономна и существует по собственным законам): чтобы узнать, надо было идти, смотреть, слушать, ощущать. Даже потребность в информации, должно быть, сильно различалась в различных местах, и можно предположить, что она почти не ощущалась там, где народ жил изолированно или был особенно сильно угнетен невзгодами. Новости распространялись неравномерными, быстро затухавшими волнами.

Повседневное соприкосновение с первозданной природой, с растениями и зверями, делало человека, ошеломленного этой дикой стихией, невосприимчивым к ее красоте. Однако животные так или иначе были причастны к его судьбе: добродетели святого отшельника привлекли к нему и приручили лань; небеса поразили молнией лошадь, щипавшую траву на монастырском лугу...

Здравый смысл проявлялся в пословицах: «Утро вечера мудренее», «Сила соломѹ ломит», «С сильным не дерись, с богатым не судись», «Собака лает, ветер носит»... Грубоватый юмор смешивался с признанием суровости жизни, начисто игнорируя ее трагизм.

«Страхи тысячного года» — всего лишь легенда. Подлинным девизом духовенства стало беспрестанное напоминание о старении мира: *mundus senescit*, мир стареет. Но что подразумевалось под этим? Ощущение времени было неразрывно связано с осознанием бытия. Ход времени и существование были нерасторжимы в восприятии человека, его разум воспринимал перемены как недостаток постоянства, обусловленный инерцией материи, которая могла лишь задержать наступление преисполненности. Все, таким образом, двигалось на протяжении отведенного ему времени к своему завершению. И само время имело направление движения, избегая вечного круговорота, имело и конец — оно «старело». В результате разум стремился в любом событии распознать блистательное присутствие первопричины, которая сама по себе казалась чудом. Продолжительность одной человеческой жизни составляла единственную реальную единицу времени.

Глава вторая. ФЕОДАЛЬНЫЙ МИР

Общественный строй

Социальные связи основывались на кровном родстве. Род представлял собой естественную общность, которая подкреплялась экономическими связями. Иногда ее члены вели совместную жизнь, и тогда говорили об «общности горшка», которая у бедных сочеталась, юридически или фактически, с совместным владением землей. Богатый, как правило, поручал кому-то из своих близких подписывать акты об обмене недвижимостью, чем и объясняется та легкость, с какой личная собственность превращалась в наследственную.

Члены рода назывались *друзьями* или *кровными друзьями*. Юридическая практика признавала это название: присяга, а иногда и подкрепленное силой оружия ручательство таких «друзей» поддерживали иск или помогали очиститься от обвинения. Могущество крупного сеньора измерялось количеством как его родственников, так и родственников его вассалов. Так, сила первых герцогов Нормандии не в последнюю очередь объяснялась многочисленностью их родни. Многие роды хранили собственные легенды, рожденные воспоминаниями о каком-нибудь славном предке — эти легенды крепили их единство. Не представляли себе человека отдельно от его родни — затронуть одного означало задеть весь род. Отсюда «вендетта», кровная месть, которая в отдельных регионах Средиземноморья практикуется и по сей день, главным образом в деревнях и в несколько смягченной форме. Большинство войн, опустошавших страны Запада,

имело именно такое происхождение. В ходе этих междоусобных конфликтов можно было наблюдать следующую картину: 15—20 рыцарей (а то и трое-четверо) скачут верхом за своим сеньором в сопровождении нескольких десятков оборванцев, более склонных к грабежу, чем к вооруженному столкновению... Причинение обиды, отмщение, неохотно принимаемая услуга посредников, урегулирование конфликта — таково было бесконечное хождение по адскому кругу *файды*, феодальной усобицы. Какой-нибудь мелкий сеньорчик с горсткой сообщников, разбушевавшись, мог основательно взбаламутить обширный регион. Это было самой серьезной проблемой, стоявшей перед постепенно возрождавшимся государством. В XI веке один только Вильгельм Завоеватель оказался способен если не решить ее, то, по крайней мере, ясно осознать.

Брачный союз также подчинялся интересам рода. Тогда имели весьма своеобразное представление об этом общественном институте. Отец устраивал браки своих сыновей и дочерей, сеньор — браки своих вассалов и их детей, а вассалы — брак своего малолетнего сеньора. Чем больше сложившиеся обстоятельства придавали экономической и политической важности браку, тем скорее старались его заключить. Обручали и даже женили шестилетних детей, после чего их держали раздельно вплоть до достижения брачного возраста. Как и следовало ожидать, заключенные подобным образом браки зачастую оказывались непрочными, особенно у богатых и знатных. Ссылка на близкое родство (что почти всегда было правдоподобно) в каноническом отношении оправдывала развод — прежде всего в княжеских и королевских семьях. Однако, вопреки расхожему представлению и несмотря на практически ежегодную беременность, женщина тогда не рассматривалась

мужчиной как простое средство для усад и продолжения рода. Супруга была равноправна с супругом, и неспособность владеть оружием не ставила ее в более низкое положение. Нравоучительная литература того времени изобилует рассказами о дамах, проявлявших при ведении своих дел больше энергии и политического расчета, чем многие мужчины. Не имеет значения, что социальная эрозия, которую, хотя и в меньшей мере, можно наблюдать еще и в наши дни, ложилась гораздо более тяжелым бременем на женщин, чем на мужчин.

Церковь не выработала определенного отношения к браку вплоть до XI века, снисходительно относясь к плотской слабости. Всячески превознося таинство брака, она рассматривала супружеский союз как «меньшее зло». Во имя чистоты и воздержания она предлагала аскетическое осуществление супружеского сожительства. История фиктивного брака стала излюбленной агиографической темой. В то же время прелюбодеяние, относившееся к сфере церковной юрисдикции, чаще всего влекло за собой не слишком тяжелое наказание в виде денежного штрафа. Хотя Церковь в принципе осуждала повторные браки, в обществе они рассматривались как нормальное явление, а что касается вдов, то и необходимое, ибо как могла она, будь простой крестьянкой или знатной дамой, оставшись без мужа, выполнять свои обязательства по отношению к сеньору?

Хроники того времени изобилуют душещипательными рассказами о молодых девушках, выданных замуж еще в детстве и овдовевших, прежде чем они успели увидеть своего супруга, повторно выданных, отвергнутых, обвенчанных еще раз, ставших объектом насмешек и отторгнутых обществом. Часто их не желал принять в своих стенах монастырь, в ворота которого они в конце концов стучались, — не желал,

ибо они должны были исполнить свой долг в миру. В силу традиции, восходящей еще к эпохе Меровингов, обычно считалось, что уход одного из супругов в монастырь расторгает их брачный союз, однако, несмотря на протесты со стороны приверженцев канонов, многие епископы закрывали на это глаза. Что же касается обычая, то он признавал за мужем полную власть над женой и право наказывать ее; в XIII веке некий юрист пояснял, что наказание должно быть «разумным», то есть таким, чтобы не повлечь за собой смерть или длительную болезнь.

Род имел одну слабую сторону, которая не давала ему юридически оформиться и которую не в состоянии был устранить обычай: заключение брака приносило в него чужеродные элементы, делавшие его очертания расплывчатыми («большая семья»). Поэтому-то еще в раннем Средневековье получил институциональное закрепление иной вид социальных связей — *оммаж*. Практика *оммажа* имеет очень древнее происхождение, но широкое распространение получила в IX—X веках, оказавшись весьма эффективным средством преодоления дефицита людей, от которого страдало тогдашнее общество. Получив официальное признание в XI веке, социальные связи, создаваемые *оммажем*, уже в следующем столетии стали распадаться. Индивид, слишком слабый или слишком бедный, чтобы вести независимое существование, соглашался на обряд *коммендации*, то есть вверял свою судьбу в руки более могущественного господина, которого выбирал себе в покровители. Тем самым он становился «человеком» этого сеньора, и между ними устанавливались особые, весьма прочные отношения, предполагавшие взаимные обязательства, что подтверждалось символической церемонией, видимо, восходившей к традиции древних германцев (собственно «оммаж»): «человек» становился на колени

перед своим сеньором, вкладывал свои руки в его руки и произносил слова клятвы, обещая не жалеть себя ради него. Церковь добавила к этому первоначальному ритуалу присягу на Евангелии, получившую название *foi* (вера). Однако с самого начала, еще в XI веке, эта практика утратила свою исконную простоту, если вообще когда-либо имела ее. Дело в том, что среди «людей» сеньора выделилась привилегированная группа — вассалы. Обычай требовал, чтобы они в каждом поколении снова проходили церемонию оммажа, тогда как связь сеньора с прочими его «людьми» обычно считалась наследственной. Эти «люди» обязаны были работать на сеньора, вассалы же исполняли так называемые благородные службы, имевшие обобщенные названия *помощь* и *совет*: военная служба, служба при дворе, содействие в осуществлении управления доменом и отправлении правосудия, гарнизонная служба в замках господина и принятие его на постой. Позднее к этому добавились еще и финансовые обязательства, имевшие, несмотря на фактическое неравенство, взаимный характер. Таким образом, вассалитет с самого начала строился по образцу родовых связей: он предполагал взаимное обязательство мести; наряду с *испомещенными* вассалами, жившими на землях, полученных от сеньора, существовали еще *компаньоны*, жившие под одной крышей с господином. Зачастую и сыновья испомещенных вассалов по многу лет жили в доме сеньора, овладевая искусством охоты и военного дела.

Запутанность вопроса о полномочиях, случайность происхождения, раздробленность земельных владений, натиск обстоятельств — все это постепенно ослабляло связи, устанавливаемые оммажем. Тем не менее сам принцип по-прежнему соблюдался: еще на протяжении ряда столетий оммаж и вассалитет единодушно рассматривались в качестве наиболее священных из

всех связей, какие только могут объединять людей; убийство своего сеньора считалось наихудшим из всех преступлений, а смерть за него делала простого смертного божьим мучеником. С середины XI века слово «вассалитет» стало синонимом слова «отвага». В действительности отношения между сеньором и его «человеком» зачастую имели весьма бурный характер, однако показательно то, что в случае разногласий всегда ссылались на измену другой стороны. Вассалитет представлял собой идеальную и универсальную модель человеческих отношений. Туже терминологию применяли и в отношении религии: Бог представал в качестве сеньора, а молитвенный жест — на коленях со сложенными руками — считался заимствованным из церемонии оммажа, заменив ранее встречавшуюся позу молящегося. Позднее вассалитет вдохновил трубадуров на изобретение метафор, служивших для выражения любовных чувств (клятва, верность, служение и многое другое), частично оставшихся в повседневном обиходе вплоть до наших дней.

Именно в вассальных отношениях XI век нашел то, что современная социология называет «уровнем аутентичности»: уровень, на котором постигается, как в глобальном, так и в конкретном плане, специфика поведения. Внутри группы вас-салов все отношения были согреты теплотой человечности. В этом смысле личность сеньора — его могущество, отвага, щедрость, красноречие — играла главенствующую роль. В результате действие индивида могло быть необычайно эффективным и решающим образом влиять на судьбы коллектива.

Однако по той же самой причине связи, соединявшие сеньора с его помещенными вассалами, обнаруживали тенденцию к ослаблению, тогда как в группе компаньонов и вассалов второго уровня (вассалы

вассала, непосредственно присягнувшего сеньору), зачастую держателей крошечных земельных наделов, так сказать, в тени замка сеньора, вассалитет еще долго сохранял свою силу. Нет ничего более ложного, чем расхожее представление о пресловутой феодальной пирамиде, в которой все, начиная с короля и кончая держателями мельчайших наделов, были связаны оммажем и фуа. Множество сеньоров находились в отношениях вассалитета с одним и тем же могущественным сеньором, которого называли *сюзереном*, так что иерархическая лестница не поднималась слишком высоко. Вассальный режим распадался на множество мелких клиентел, тяготевших к местным властителям, более или менее независимым друг от друга. Исторические события XI века разворачивались в масштабе весьма незначительных территорий, соизмеримых с современным департаментом, округом или кантоном. Фактически управление осуществлялось местными сеньорами, и если особа, носившая титул короля Франции, не лишилась полностью реальной власти, то лишь благодаря тому, что в лице Гуго Капета обладателем короны стал сеньор, крепко державший в своих руках вассалов Иль-де-Франса. Результатом практического применения власти в условиях исключительно аграрного общества, разделенного множеством перегородок, затруднявших движение людей и имущества, стало то, что право управлять отныне принадлежало как своего рода частная собственность тем, кто завладел им и сумел его удержать. В действительности сеньор никогда не принимал важных решений без совета со своими вассалами, однако никакое абстрактное понятие, будь то *суверенитет* или *легитимность*, не отражало существовавших политических отношений. Запад, и в частности Франция, находился на том низком уровне

политического развития, которое можно назвать «личным государством», для которого характерно отсутствие регулярного устройства и администрации в собственном смысле этого слова. Управление таким государством требовало скорее воли и силы, нежели знаний и навыков. Считалось, что оно выполняет три функции: покровительство вере (в частности, путем учреждения монастырей) и обеспечение народного блага; защита духовенства и простого народа от врагов; водворение мира на земле. В действительности же в первой половине XI века деятельность большинства крупных сеньоров сводилась к подавлению мятежей собственных вассалов. Правитель по существу оставался воином, век политиков еще не настал.

Отсюда проистекала, в силу как раз пластичности этого режима, его очевидная усложненность, особенно поразительная в городской среде. Город во Франции не имел ничего хотя бы отдаленно напоминавшего административное единство. Земля, на которой он стоял, и населявшие его люди зависели от различных, зачастую соперничавших друг с другом, властей. Результат — крайняя разобщенность управления, служившая источником беспрестанных конфликтов, актов возмездия и войн. Почти повсюду, где в период заката каролингской эпохи граф и епископ оказывались лицом к лицу в одном городе, продолжительная борьба между ними за влияние завершалась победой одного из них: где-то епископ, а где-то граф становился господином в городе. Случалось также, что епископ добивался того, чтобы ему уступали в надлежащей форме графские права, как это было, например, в 1015 году в Бове. Впрочем, никто не воспринимал эту кажущуюся концентрацию власти как средство преодоления правовой неопределенности. В любой момент обладатель властных полномочий мог передать право юрисдикции как группе лиц, так и отдельному

индивиду. В 1050 году нормандский сеньор Гильом фиц[6] Жере подарил некоего свободного жителя города Монтрёй аббатству Сен-Эвруль — то есть уступил ему фискальные права в отношении этого индивида.

Наиболее просвещенная часть клира никогда не предавала забвению идею Римской империи, которую папство в IX веке мечтало возродить, однако скандинавские вторжения сорвали исполнение этого замысла в самом его начале. На смену ему пришла идея христианской империи, объединения христианских народов, которая постепенно приобретала более или менее ясное выражение в XI веке. Среди части образованного населения вошло в обиход древнеримское понятие *res publica*. Около 1020 года Фульберт, руководитель Шартрской соборной школы, попытался проанализировать природу вассалитета, создав произведение хотя и весьма ученое, однако не имевшее большого значения. И тем не менее все подобного рода малоудачные попытки разработать концепцию государства постепенно получали распространение и порой даже доходили до обладателей реальной власти, оказывая некоторое влияние на их деятельность.

Властные полномочия, некогда принадлежавшие исключительно королю (их совокупность получила название *бан*), в IX веке постепенно, в результате династической борьбы, скандинавских набегов и под натиском экономических факторов, действовавших в качестве центробежной силы, оказались в руках королевских представителей — трех или четырех сотен графов (*comte*), по характеру исполнявшихся функций более или менее сопоставимых с современными префектами, стоявших во главе округов или областей. Тут и там граф, должность которого постепенно

становилась наследственной, с учетом местных условий был вынужден признавать верховенство более могущественного коллеги, хотя при этом и речи не было о делегировании властных полномочий. Наряду с графами, а иногда и возвышаясь над ними, в некоторых регионах действовали властители, носившие титул герцога (*duc*), который в каролингскую эпоху осуществлял военное командование и гражданское управление на достаточно обширных территориях, но статус которого никогда не был достаточно четко определен. В X—XI веках герцог выступал не столько в качестве своего рода суперграфа, сколько как вождь населения той или иной территории, отличавшегося от своих соседей: так, предок королей из династии Капетингов, Гуго Великий, носил титул герцога Французского и распространял свою власть на территории, полосой протянувшиеся между реками Луарой и Сеной.

Впрочем, далеко не все графства в XI веке восходили к каролингским округам и не все графские фамилии имели столь же древнее происхождение. Графы Анжуйские происходили от лесничего Карла Лысого, графы Блуа, согласно хронисту Рихеру, — от конюха короля Эда. В ситуации политического вакуума X века немало авантюристов сумели, воспользовавшись благоприятным моментом, захватить власть на обширных территориях. Именно так фогт (управитель) аббатства Сен-Рикье в один прекрасный день завладел титулом графа Понтьё.

Зачастую такими людьми двигало одно только тщеславие, поскольку непосредственная власть графа распространялась только на самых крупных сеньоров графства, в отношении же остального населения он делегировал свои полномочия собственному подчиненному, носившему титул *viguier* или *vicomte*, то есть заместитель графа. Что же касается массы

вассалов и крестьян, то они зависели от своих сеньоров и практически были совершенно неподвластны графу. Церковные же земли, пользовавшиеся правом иммунитета, никогда не входили в сферу его компетенции. Главным изъяном должности графа было то, что она являлась административным пережитком в эпоху, когда любое управление было сопряжено с владением землей. Поэтому-то большинство графов обладали реальной властью только в пределах своих собственных владений и в этом смысле ничем не отличались от массы нетитулованных сеньоров. Правда, то немногое, что осталось от каролингской традиции, позволяло некоторым графам и герцогам, наиболее решительным и умевшим наилучшим образом воспользоваться обстоятельствами, создать, как бы облекая плотью костяк своего титула, зачаток государства: так, например, действовали в X веке графы Фландрские.

Королевский бан традиционно включал в себя три права: призывать своих людей на войну, вершить правосудие и собирать налоги. Общепринятая практика феодальных усобиц и частных войн ограничивала, зачастую сводя практически на нет, осуществление первого права. Что касается второго и третьего, то их характер часто менялся. Право суда — и эта черта, пожалуй, наиболее отчетливо отличала то общество от нашего — по своей природе рассматривалось как наследственная собственность. Обладатель этого права мог по своему усмотрению пожаловать его или продать. Обладание правом давало такие преимущества, за которые в спорных случаях ожесточенно боролись. Эту прерогативу рассматривали, прежде всего, в аспекте ее прибыльности, ибо судья взимал в свою пользу судебные сборы, денежные штрафы и доход от конфискованного имущества. Подобного рода судебная практика имела два чрезвычайно важных для

последующей эволюции следствия. С одной стороны, она позволяла некоторым сеньорам собрать, прибегая к покупке, конфискации и даже узурпации, судебные права, до той поры чрезвычайно разрозненные, и, действуя подобным образом, сконцентрировать их в пределах определенного региона — процесс, двигавшийся в направлении восстановления государства. С другой стороны, распыление судебных полномочий среди большого числа лиц способствовало распространению правовой культуры, становившейся первоначальной формой культуры вообще.

Чтобы судить, равно как и управлять, не требовалось больших знаний. Судья или его заместитель заседал на лужайке, во дворе или в зале замка в присутствии своей «судебной коллегии» — нескольких местных вассалов или представителей знати, *добрых людей*, которые осуществляли «судоговорение», излагая, сообразно разбираемому делу, местный обычай. Круг рассматриваемых правонарушений не отличался широтой: преступления против личности и конфликты, связанные с правами на людей и имущество. При этом не проводились различия между вассальными отношениями и общим правом. Древняя классификация дел на более важные (тяжкие преступления, прежде всего убийство) и менее важные сохранилась, правда, в видоизмененной форме с учетом того, что некоторые судьи сумели заручиться правом разбирать только менее важные дела. Зато те, кто владел правом решать важнейшие дела и выносить смертные приговоры («кровавая юстиция»), могли принимать решение и по менее важным делам. Церковные епископальные суды обладали исключительным правом разбирать все дела, касавшиеся духовенства и мирян, живших на территориях, на которые распространялся церковный иммунитет, дела о посягательстве на церкви, кладбища

и лиц, искавших там убежища, а также, во многих местах, о прелюбодеянии, инцесте и магии.

Свидетельские показания не считались обязательными для вынесения судебного решения. Бремя доказательства ложилось на обвиняемого: он должен был убедить суд в собственной невиновности. Традиционно прибегали к «божьему суду», практикуя различные его варианты, отдельные из которых были сродни гаданию. Таково испытание книгой: псалтырь подвешивали на деревянную палку, которую держали за концы истец и ответчик. Пока священник читал молитву, внимательно наблюдали за движением книги: если она поворачивалась в сторону солнца, невиновность считалась доказанной. Однако чаще прибегали к *ордалиям* — испытанию огнем и водой. Обвиняемый хватал голый рукой добела раскаленное железо и пробегал с ним определенное расстояние, после чего руку бинтовали, а повязку опечатывали. Ее вскрывали на следующий день, и если не обнаруживали глубоких следов ожога, то человек объявлялся невиновным. Самым поразительным было то, что подобного рода испытание зачастую будто бы позволяло вынести справедливое решение — что это, расхождения в истолковании или же необычайная выносливость некоторых индивидов? Иногда обвиняемого бросали, предварительно связав его веревкой, в воду — если выплывет, значит, невиновен.

В течение XI века ордалии выходили из употребления, всё больше уступая место судебным поединкам и клятве. Тяжущиеся стороны или их заместители из числа членов их рода или вассалов вступали в поединок на огороженном поле, и обвиняемый объявлялся виновным, если не одерживал победы до появления на небе первой звезды. Практика приведения к присяге, получившая распространение благодаря церковному влиянию, предполагала, что

страх Божий не позволит человеку лжесвидетельствовать: присягающий, иногда вместе с соприсяжниками из числа своих родичей, простирал руки над святыми реликвиями и произносил формулу клятвы, взывая к Божьей помощи. Едва ли подобного рода методы обеспечивали выяснение объективной истины. Искусство судьи заключалось не столько в умении решать, сколько примирять, достигать соглашения или компромисса. В отношении же могущественных правонарушителей любой суд был бессилён. В подобных случаях, дабы привести в исполнение вынесенный приговор, приходилось прибегать к оружию, и война, таким образом, становилась элементом публичного права. Не случайно многие предпочитали войну обращению к органам правосудия — её итог оказывался гораздо более скорым и определенным. К тому же сферы компетенции различных судов были до того запутанными, что тяжущиеся стороны, не зная, к какому судье обратиться, порой предпочитали прибегать к частному арбитражу третьих лиц. Внедрение в судебную практику в X веке карательных мер и пыток не могло компенсировать очевидную слабость юстиции.

Налоговая система также оказалась в частном владении. Её не рассматривали иначе как источник личных доходов для обладателей властных полномочий. Она стала неотъемлемой составной частью домена в процессе той же эволюции, которая, хотя и несколько иным образом, породила институт вассалитета и позволила сеньорам стать обладателями судебных полномочий.

Экономические структуры

Вся экономика базировалась на сельскохозяйственном производстве. Основным богатством было продовольствие, главным образом хлеб, добывание которого поглощало все ресурсы бедняков. Даже среди богачей мало было таких, кто обладал достаточной покупательной способностью, чтобы приобретать без риска разориться такие предлагавшиеся торговцами предметы потребления, как ткани, оружие, ювелирные украшения. Земледелие, сохранявшее те или иные античные традиции, в целом оставалось на примитивном уровне. Оно, всецело завися от капризов погоды, имело крайне низкую продуктивность. По приблизительным оценочным расчетам, она выросла за период от каролингской эпохи до начала XIV века с 1,7:1 до 7:1, однако развитие этого процесса не было поступательным: рост был достигнут главным образом благодаря «скачку вперед», происшедшему в XIII веке в результате широкого распространения металлических орудий труда.

Крайне низкий общий уровень развития экономики делал невозможным существенное варьирование индивидуальных богатств. Производительные силы, слабо структурированные, были сосредоточены в рамках домена, средневековой аналогии позднеантичной латифундии, замкнувшейся в себе по принципу самодостаточности. На территории домена жили, помимо господина, извлекавшего основную выгоду, крестьяне, питавшиеся плодами земли, и ремесленники, удовлетворявшие минимальные потребности в ремесленных изделиях: прядильщицы, ткачихи, кожевники, тележники, а также канатчики, которые, нуждаясь в большом пространстве для разворачивания производства, устанавливали свои горизонтальные ворота и растягивали пеньковые тросы вдоль дорог. В обширных церковных доменах трудились каменотесы, которым мы обязаны появлением первых

произведений романской скульптуры, золотых и серебряных дел мастера, художники и все те, кого мы величаем почетным званием «деятели искусств». Лишь малая часть ремесленного производства строилась на иных началах, развиваясь внутри городских стен или же являясь делом странствующих ремесленников, прежде всего кузнецов, становившихся все более многочисленными во второй половине XI века и оказывавших все более значительное влияние на эволюцию оружейного дела и, в более отдаленной перспективе, земледелия.

Домены, в связи с тем, что их хозяева приобретали или узурпировали властные полномочия, постепенно трансформировались в *сеньории*, реальные экономические, финансовые, политические и судебные единицы, живые ячейки того общества, единицы изменчивые, непрерывно менявшие свои очертания в результате передач по наследству, приобретений и военных захватов. Зачастую сеньории совпадали с тем, что в XI веке стали называть *фьефом*, однако в историческом и юридическом плане речь идет о двух различных реалиях. Что касается его происхождения, то в фьефе можно усматривать экономическое дополнение к отношениям, порожденным практикой оммажа: случалось, что крупный сеньор уступал своему «человеку» в качестве *бенефиция* или «держания» часть собственного домена, или же «человек», нуждавшийся в покровительстве, передавал сеньору в собственность свой земельный надел, а потом получал его обратно на правах пользования. С течением времени, примерно к концу X века, стало считаться нормой, что оммаж предполагает уступку держания. Правда, природа этого явления оставалась неопределенной, менявшейся в зависимости от обстоятельств: сеньор мог уступить на правах пользования объект, право сбора дорожной пошлины,

труд крестьянской семьи, владение мельницей и взимание причитающихся платежей и даже плоды фруктового дерева. Подобного рода уступки зачастую служили также жалованьем для *сержантов*, работавших управляющими в крупных доменах. С течением времени стало преобладать мнение, что фьеф вассала должен располагаться на хороших землях, даже если размеры его при этом были незначительны. Большинство местных обычаев проводило различие между фьефом и *цензивой*: первый предполагал исполнение исключительно вассальных повинностей (помощь и совет), которые в принципе сохраняли характер добровольного приношения, а вторая, исполнявшая в основном хозяйственные функции, влекла за собой экономическую зависимость.

Уступка фьефа совершалась в форме специальной церемонии, *инвеституры*, включавшей в себя передачу символического предмета (например, комка земли) и подчеркивавшей индивидуальный характер соглашения, несмотря на то, что с конца X века фьеф обычно передавался по наследству в семье феодала: каждое поколение должно было пройти через церемонию инвеституры, точно так же как и оммажа. Этим порождалось множество практических проблем, когда покойный вассал оставлял после себя несколько сыновей, и в различных регионах обычное право предусматривало разнообразные способы их решения. Если наследник был малолетним, то сеньор исполнял обязанности опекуна, что давало ему право личного пользования фьефом, но лишь до тех пор, пока подопечный не достигнет совершеннолетия, которое, как правило, наступало в пятнадцать лет. В то же время сеньор, в частности в Нормандии и Анжу, в XI веке еще не утратил права конфисковать фьефы своих вассалов. Это была единственная санкция, которая могла применяться в случае неисполнения вассальных

обязательств. Распространение практики пожалования фьефа внесло еще больше путаницы в феодальные отношения, изменив старинные связи, основанные на верности, к которым добавились соображения достоинства и выгоды. Вскоре стала считаться нормальной смена сеньора, если земля переходила в другие руки.

Цензива отличалась от фьефа почти по всем этим пунктам. Определяясь коллективным обычаем, она уже не вела свое происхождение от персонального обязательства. Сопряженные с нею повинности заключались в отработках (барщине) и уплате оброка. Очень разные по природе и происхождению, барщина и оброк распределялись достаточно единообразно среди тяглового населения: барщина предполагала работу со своим рабочим скотом на землях сеньора в течение трех дней в неделю, предоставление подвод и поставку продовольствия в случае войны, а в состоянии крайней опасности — службу в пехоте, вооруженной дубинами, топорами, косами и обреченной в бою на истребление. Оброком назывался налог, уплачиваемый натурой — зерном, вином, яйцами, птицей, скотом, размер которого местные обычаи определяли весьма приблизительно с помощью таких единиц измерения, как пригоршня, пучок, полный передник, локоть... Денежный налог был поголовным или распределялся по домохозяйствам. Держатель должен был кормить дворню сеньора и обеспечивать своих «гостей» всем необходимым. Некоторые из этих сеньориальных прав возникли в результате произвольного расширения старинных каролингских пожалований: так, регламентирование цен на вино сеньоры превратили в свое право запрещать держателям продавать их вино до тех пор, пока сами не реализуют свою продукцию. Доходило до того, что аббаты, церковные сеньоры, с этой целью устраивали кабаки близ монастырских стен!

По некоторым расчетам (не ручаюсь за их достоверность), суммарный размер обязательств держателей по отношению к сеньору не превышал среднюю норму арендной платы в современной Франции. Во всяком случае, система не была достаточно гибкой для того, чтобы адаптироваться к ситуации неурожайных лет. Для держателей, у которых размер оброка был заранее обусловлен, налоговое бремя снижалось по мере роста продуктивности производства, в иных же случаях налоги, размер которых исчислялся долей от урожая, увеличивались вместе с экономическим ростом.

Цензива, как и фьеф, в XI веке почти повсеместно стала наследственной, хотя еще встречалась сдача в аренду на определенный срок. Этот тип аренды, в частности применявшийся в Нормандии, предусматривал весьма различные сроки: иной раз, будучи заключенной в расчете на несколько поколений или пожизненно, она могла ограничиваться одним годом (одним урожаем).

Перемены, постепенно происходившие в течение Средних веков, привели к почти полному исчезновению прямого управления землями со стороны собственника. Крупные земельные владения уступили место держаниям на условиях аренды. Сеньориальный *резерв* (часть домена, изначально не сдававшаяся в аренду) все больше и больше сокращался. В недрах сеньории и на ее угодьях мелкие семейные хозяйства в конце концов составили стабильное производственное ядро. Практика сдачи в аренду изменила римское представление о праве собственности: вплоть до XII века продажу недвижимости рассматривали как ненормальное явление, которое можно было оправдать разве что крайним обнищанием или замаскировать под благочестивое дарение...

На этом фоне замечались едва заметные ростки коммерческой деятельности. Время от времени у стен замка или ворот аббатства собирались крестьяне — по собственной инициативе или по поручению сеньора — и предлагали на продажу случайным покупателям излишки плодов земледелия. Эти импровизированные рынки не только и не столько выполняли экономическую функцию, сколько становились местами общения: там люди встречались и вели беседы. Хозяин домена, в котором не было текстильного производства, покупал ткани у соседа или даже в более отдаленных местах. Эта торговля, столь беспорядочная и спорадическая, еще не имела большого значения для экономики, основу которой составляло аграрное производство. К тому же и церковь косо смотрела на это занятие, подвергая его столь же суровому осуждению, как и ростовщичество. Единственно приемлемой формой обмена считалось дарение, благодаря которому крепились связи между людьми и распределялись, пусть и неравномерно, наиболее ценные блага по всей социальной лестнице сверху донизу.

Производитель, земледелец или ремесленник, сам продавал продукт своего труда. Знатные особы, желавшие приобрести товар неместного производства, отправляли за ним своих слуг, причем зачастую в дальний путь. Редкие перевозчики изъявляли желание заниматься доставкой как небольших партий необходимых, но громоздких товаров (чаще всего соли, реже вина), так и предметов роскоши. Некоторые из них имели в пригороде дом, служивший товарным складом в зимние месяцы. С наступлением весны они отправлялись в путь со своей тележкой, ослом или переметной сумой. Эти торговцы знали друг друга и имели общие обычаи, из которых как из зародыша возникало торговое право. Зачастую эти крепкие ребята

передвигались вооруженной группой, напоминавшей военный отряд, всегда готовый дать отпор. Им было от кого защищаться, ведь их повсюду сопровождали недоброжелательные взгляды завистников: они-де обогащаются без труда и продают то, что добрый христианин должен из милосердия раздавать даром; хуже того — они извлекают барыш. Любой промышлявший разбоем рыцарь или деревенский бездельник только и ждали случая, чтобы завладеть их добром. Большинство этих коробейников не отваживались пускаться в дальний путь, но были и такие, кто начинал в своих странствиях забираться всё дальше и дальше: так, жители Вердена поддерживали отношения с Арабской Испанией. Некоторые, преодолевая все трудности, пытались через Италию возобновить хрупкие связи с Востоком.

Функции и классы

Общественно-политический строй, который неправомерно называют *феодальным* (ибо этот термин характеризует лишь одну из его составляющих), представляется чрезвычайно разнообразным, подвижным, противоречивым. Тем не менее он как таковой образует оригинальную форму культуры, через которую только и может быть понята история того времени. Фактические властные полномочия тогда значили больше, чем право, само определение которого было весьма расплывчатым. Частное право сливалось с правом публичным, а общественные интересы — с интересами господина. Отсюда невозможность применения к этому обществу римских или современных юридических понятий. Феодалный строй — переплетение запутанных, частично совпадавших обычаев, которые невозможно привести в какую-либо

систему. Существовали многочисленные не пожалованные в феодальное владение участки земли — *аллоды*, остатки старинных доменов, случайно избежавшие развития в общем направлении, а также земли, вновь ставшие фактически свободными владениями в ходе бурных событий X века. Случалось также, что владелец аллода жертвовал свою землю какому-нибудь могущественному господину, который возвращал ему ее в качестве цензивы, и наоборот, какой-нибудь богатый аллодист уступал часть своей земли в качестве фьефа человеку, становившемуся его вассалом.

Возникший в качестве защитной реакции в ходе длительного периода бедственной анархии, «феодализм» мало-помалу, начиная с конца X века, произвел в локальных сообществах экономическую, политическую и социальную дифференциацию. Около 1000 года ученые клирики отмечали, что у членов человеческого сообщества имеются три основные функции: трудиться, сражаться и молиться. Тем самым было положено начало теоретическому подразделению населения на сословия: простой народ, знать, духовенство. Однако в те далекие времена еще не прослеживалось даже в зачаточном состоянии классовое сознание в собственном смысле этого слова. Существовавшее с древних времен противопоставление свободных людей и рабов в значительной мере утратило свой смысл, но не столько благодаря отмиранию рабского состояния, сколько по причине фактического нивелирования социального положения массы сельского населения. Над *сервами*, составлявшими в некоторых регионах большинство сельского населения, действительно тяготело бремя зависимости, но не личной, а поземельной: прикрепленные к земельным наделам, они являлись их держателями, и никто не имел права отобрать у них

землю, которую они возделывали. Собственно же рабство в те времена существовало лишь как пережиток: тогда еще встречались представители господствующего класса, владевшие не только сельскими сервами, но и домашними рабами, лишенными всяческих прав. Не было непреодолимых преград между вассалами, наделенными фьефами, и держателями цензивы. Случалось также, что крестьяне достигали высокого положения при своем сеньоре, а некоторые сеньоры, охваченные чувством раскаяния и движимые потребностью в покаянии, становились лесными угольщиками.

Крестьянство не было социально однородным: большие различия в уровне материального благосостояния разделяли его представителей на группы или слои, от зажиточных землепашцев, владевших собственными упряжками быков, до батраков, лишенных какого-либо имущества. Большинство сельского населения, по всей видимости, находилось на самом низу социальной лестницы, в положении, которое исключало всякую надежду на перемены к лучшему. Тем не менее, в отличие от люмпен-пролетариата нового времени, эти несчастные были интегрированы в общество, обеспечивавшее им хотя и спорное, но весьма важное благо — стабильность, с которой ассоциировался необходимый минимум реальных прав, в том числе право собирать колосья после жатвы и пользоваться лесными угодьями. Во всяком случае, какими бы ни были статус и материальное положение крестьянина, он в полной мере нес на себе бремя сеньориального гнета. Господа, прежде всего владельцы крупных сеньорий, взаимодействовали со своими крестьянами через посредников — ненавидимых всеми управляющих, людей грубых, всецело зависимых от господина и потому готовых ради него на все. Через управляющих

обрушивалась на крестьян сеньориальная юстиция или, вернее сказать, сеньориальный произвол. Ни за что ни про что они подвергались штрафам, лишавшим их последних наличных денег, вырученных за урожай. Даже за мельчайшие проступки они порой подвергались увечьям и казни через повешение. Крестьянин становился первой жертвой любой войны, не имея защиты от бесчинствующей солдатни обеих сражающихся сторон. И вместе с тем крестьянина связывало с его господином чувство тесной солидарности, согретой человеческим чувством, как любовью, так порой и ненавистью — ведь господин оставался для него и единственным возможным защитником, и последней инстанцией, решение которой не подлежало обжалованию. Рассказывают трагикомичную историю о том, как крестьяне, задумав было воспользоваться проездом короля по их краям, дабы вымолить у него правосудный приговор, в коем отказывал им их господин, потом передумали, поскольку не знали, что делать с этим приговором...

Хотя группа крестьян, будь то семья или деревня, не обладала правоспособностью (единственным ее законным представителем был господин), жизнь крестьянина еще больше, чем жизнь сеньора или клирика, была укоренена в коллективных структурах. Это обуславливалось совместным проживанием и практически неделимыми обязанностями и правами, связанными с владением землей, поскольку держателем ее был род в целом, ответственный за это держание, некогда пожалованное их предку. Из поколения в поколение они жили и умирали там, где родились. Совместным был и труд: так, на западе Франции, на землях с тяжелыми почвами, для вспашки использовались комбинированные упряжки, и с этой целью создавались сезонные ассоциации, коллективно использовавшие вьючный и тягловый скот. Тут и там

мелкие аллодисты объединялись в общества взаимной обороны и коллективными усилиями возводили на своих землях оборонительную башню. Во многих деревнях в рамках церковного прихода создавались братства взаимопомощи, общие собрания членов которых принимали неукоснительно исполнявшиеся решения относительно права пользования и распоряжения общими лугами и лесами, а также распределения повинностей. Эта социальная укорененность крестьянина частично объясняла, почему столь редкими были мятежи (крестьянские войны — явление более позднего времени). Отсутствие как официально провозглашаемого равенства, так и, за редкими исключениями, слишком большого фактического неравенства делало, несмотря на нищету, акты протеста крестьян против сеньоров редкими и стихийными.

Образ жизни крестьянина определялся характером выполнявшихся им работ, техника которых восходила еще к поздней Римской империи, если не к древней цивилизации кельтов, причем волны иноземных вторжений мало что изменили в этом отношении. Практиковалась двухпольная или трехпольная система земледелия, при которой значительная часть земли оставалась под паром. Землю обрабатывали не только плугом, но и (возможно, даже чаще) мотыгой. Использовалась также деревянная соха, которая не столько вспахивала землю, сколько царапала ее. Мотыга оставалась основным инструментом наряду с серпом и ступой для измельчения зерна — традиционный инвентарь, относящийся к древнейшему культурному фонду, причем эти практически идентичные орудия труда можно встретить во всех ранних аграрных цивилизациях. Зародившись на заре человеческого общества, они словно бы жили своей жизнью, порождая неискоренимые обычаи и традиции.

Если они и претерпевали изменения, то не столько в результате внутреннего развития, сколько под воздействием внешних влияний. Эта примитивность техники земледелия, по всей вероятности, сглаживала различия между богатыми и бедными землями, низводя их на самый низкий уровень продуктивности. Тяжелый плуг с лемехом, наиболее эффективное средство обработки земли, уже существовавшее в те времена, был весьма непрост в обращении и требовал упряжки из восьми пар быков.

Домашний скот, чаще всего коровы и овцы, тощие из-за недостатка корма, играл второстепенную роль в этой аграрной экономике. Даже в Нормандии, известной своими выпасами, стадо обычно насчитывало не более десятка голов, в других же местах, вероятно, не более трех. Сохранение и транспортировка молочных и мясных продуктов представляли собой практически неразрешимую проблему. Самыми распространенными видами домашнего скота были свиньи и быки, причем последние служили главной тягловой силой и использовались на тяжелых работах. Бык был по преимуществу крестьянским животным. Масштаб хозяйства обычно определялся количеством пар использовавшихся там быков. Цена одного быка (хотя в принципе они редко служили предметом купли-продажи) составляла от трети до половины цены лошади, а его содержание обходилось в шесть раз дешевле. Постоянное общение с быками умиротворяющим образом влияло и на характер человека, поскольку бык — животное хотя и упрямое, но кроткое, требующее от тех, кто постоянно имеет с ним дело, терпения и неизменно ровного настроения и лучше работающее в атмосфере благодушия, под звук песен. Быки были преимущественно тягловыми животными, которых подковывали, как и лошадей. Запрягали быков парами, иногда образовавшими

длинные вереницы. В произведении ученого схоласта начала XI века Бернарда Анжерского содержится описание упряжки из 26 пар быков, используемой для транспортировки камня. Возможности гужевого транспорта существенно расширили две технические новинки, вероятно, скандинавского происхождения: запряжка лошадей с помощью хомута и телеги с оглоблями. Лесосплав являлся наиболее распространенным способом транспортировки древесины.

По причине худосочности скота навоз был в дефиците, поэтому в качестве удобрения использовали его смесь с перегноем из листьев. Кое-где по древнеримской традиции продолжали обогащать пахотную землю мергелем; в других местах тяжелые глинистые почвы облегчали с помощью песка; по окончании жатвы сжигали солому на корню, а зола впитывалась в почву вместе с дождевой водой.

Большая часть земли засеивалась зерновыми культурами: прежде всего рожью, а также пшеницей, ячменем, овсом и *суржей*, смесью пшеницы с рожью. Возделывались горох, бобы, чечевица, вика. Культивирование льна и конопли обеспечивало сырьем прядильщиц и веревочников. Сенокосные луга занимали незначительную часть территории домена, от 2 до 10 процентов. Местом выпаса скота служили ланды и поля под паром. Лужайки близ деревень, городов, замков и аббатств могли служить как для временного выпаса скота и птицы, так и местом для развлечений, танцев, стрельбы из лука, рыцарских турниров и церемоний посвящения в рыцари.

Большинство сеньоров среднего достатка по образу жизни мало отличались от своих крестьян, а многих мелких сеньоров бедность вынуждала заниматься земледельческим трудом. Крупным сеньорам, отдельные вассалы которых сами содержали двор и

осуществляли пожалования фьефов, противостояла масса мелких вассалов, в подчинении у которых не было никого, кроме крестьян. Во многих сеньориальных родах незначительность семейного фьефа вынуждала братьев и кузенов жить вместе, как в крестьянских семьях. В середине XI века зафиксирован случай, когда один маленький замок насчитывал тридцать одного владельца. Можно представить себе, какая атмосфера царила там! И все же в первой половине столетия тут и там стало проявляться чувство особой сопричастности, основанное на общности вассальных связей или осознании древности своего рода. Хотя около 1000 года среди баронов было много *новых людей*, сыновей и внуков авантюристов темного происхождения, однако почти все они уже успели породниться со знатными семействами, и практика подобного рода смешанных браков стала обычным явлением. Таким образом, прорисовывались еще неясные очертания представления об особом положении знати, хотя еще и не было абстрактного понятия «общественные классы».

Главным отличительным признаком сеньора средней руки было то, что его погреб никогда не пустовал, а самому ему не грозил голод, что он пользовался практически неограниченной властью над своими крестьянами, больше их ел мяса, наряднее одевался и владел настоящим оружием. Тут и там, в частности в Нормандии, сеньориальные роды начинали использовать в качестве фамилии прозвище какого-нибудь своего предка, которое все члены рода добавляли к своему имени и которое отличало их от представителей других родов. В языке появились слова, служившие для обозначения наиболее могущественных индивидов. Те, кому удалось унаследовать или присвоить старинные каролингские должности герцога или графа, использовали эти названия в качестве титула, прочие же довольствовались титулом барона —

это слово изначально означало вассала, но со временем стало значить гораздо больше, ассоциируясь с господином, способным внушать страх и уважение. Барон, так же как и граф, обладал полномочиями, достаточными для того, чтобы по собственному усмотрению, когда ему заблагорассудится, вводить новые обычаи. По общему мнению, можно было только мечтать об участии столь важного господина, как барон, представавшего в эпической поэзии гордым, отважным, вспыльчивым, импульсивным и ревнивым человеком.

Средневековый эпос кишит и героями иного рода — предателями, вероотступниками, бунтовщиками. Кровавые конфликты порой вспыхивали из-за простой перемены настроения. Поведение сеньора зачастую представляло собой цепь противоречивых реакций: дабы компенсировать дарение, произведенное в пользу церкви во спасение своей души, занимались грабежами; охваченные раскаянием, отправлялись в дальний путь, босиком пройдя бесконечные дороги, чтобы вымолить у папы прощение за преступление — и вскоре совершить такое же. Процветали грубость и невежество, но при этом далеко не все бароны относились с презрением к ученым занятиям: некоторые из них вверяли своих сыновей заботам клириков, дабы те сообщили им азы книжной образованности. Многие разделяли мнение, что культура — не помеха воинской доблести. Укоренялась, приобретая иное обличие, древнегерманская традиция ритуальных боев, получивших урегулирование в своеобразном кодексе чести и положивших в середине XI века начало первым турнирам. Неподдельная отвага, которую бароны демонстрировали в сражении, происходила от избытка здоровья, от неизбывной потребности в физической разрядке, от чрезмерной гневливости, сопряженной со слепой преданностью. Готовые в любой момент отважно защищать честь своего рода, они бывали подвержены

внезапной панике, но могли и безрассудно устремиться в атаку. С трепетной верой, воодушевлявшей их на благородные и героические поступки, на бытовом уровне в них зачастую уживался антиклерикализм, порождаемый зрелищем обеспеченной, но достойной презрения жизни монахов.

Менталитет барона той эпохи был исключительно мужским, и все человеческие отношения для него были окрашены мужскими чувствами. Реализация права мести, в котором все больше и больше ограничивались крестьяне, подпадавшие под юрисдикцию сеньоров, фактически становилась прерогативой баронов. Они затевали войны ради преследования представителей вражеских родов, захвата пленных и, не в последнюю очередь, ограбления территорий. Грабежи и бессмысленные разрушения, делавшие существование простого народа крайне шатким, в какой-то мере объясняют замедленность экономического развития. Людей на войне ждала двоякого рода участь: бедные подлежали истреблению, а богатых брали в плен для получения за них выкупа. Война нередко велась с единственной целью взять в плен того, за кого можно было выручить много денег. Не так поступал Вильгельм Завоеватель: он никогда не отпускал пленного противника, предпочитая кормить его в тюрьме до самой смерти, нежели освободить ради сиюминутной выгоды — своего рода признак политической зрелости.

Снаряжение воина XI века было простым и сравнительно легким. Пехотинец был защищен кожаным нагрудником, шлемом и маленьким щитом, а оружием ему могли служить длинный узкий меч, пика, боевой топор, лук или праща. Всадники носили тунику из конского волоса или кожи, иногда обшитую металлическими пластинами. Металлический, украшенный рисунком шлем в форме усеченного конуса защищал голову; к концу века шлем спереди стал

дополняться носовой пластинкой, прикрывавшей часть лица. Ноги были обтянуты высокими сапогами — крагами. Продолговатый щит, достигавший полутора метров в длину, крепился к левой руке или свисал с седла. Главным оружием служил меч крестообразной формы — предмет почти мистического обожания. Короткое копье, использовавшееся в качестве метательного оружия, дополняло эту дорогостоящую экипировку, цена которой была сопоставима с ценой целого имения. Именно поэтому, по мере того как в течение XI века совершенствовалась техника оружейного производства, требования военной службы делали все более непреодолимой пропасть, отделявшую богатых, для которых война была единственным занятием, от прочих смертных. Видимо, далеко не у каждого сеньора был в доме полный комплект вооружения, а наиболее бедные из них имели в лучшем случае один хороший меч на всю семью. Однако самой дорогой частью военного снаряжения был конь — и сам по себе он стоил дорого, и недешево обходилось его содержание, поэтому он служил предметом гордости для своего владельца, порой даже предметом роскоши. Существовали хорошие местные породы лошадей, которых, например в Нормандии, разводили на воле. Першероны ценились не меньше, чем лошади из Аквитании: их большой вес давал им преимущество в атаке. Для улучшения породы ввозили арабских скакунов из Испании. Самцов не кастрировали, поскольку лучшим боевым конем считался жеребец. Глубокое седло, задняя лука которого охватывала поясницу, поддерживало всадника во время атаки. Стремена были еще редкостью и устраивались таким образом, чтобы наездник мог опираться на них прямыми ногами. Обладание боевым конем и всем, что к этому полагалось, создавало среди всадников, или, как их тогда называли, *шевалье*, тот тип отношений, которые

делали их, даже в недрах сообщества вассалов, особой группой, что осознавалось и ими самими. Правда, традиционная церемония вручения оружия подростку, совершенно светская по своему характеру, тогда еще не считалась необходимой для придания законности несению военной службы, однако церковь стала предлагать обряд благословения меча, который превратился в XII веке в обряд посвящения в рыцари, своего рода таинство.

Вопреки расхожему представлению, не все сеньоры были *шателенами*, владельцами замков. Достаточно было иметь простое укрепление из земляного вала и деревянного палисада, чтобы оказаться в исключительном положении. Гораздо более серьезными сооружениями были старинные каролингские крепости, военные опорные пункты, которыми завладели бывшие начальники их гарнизонов. Воспользовавшись царившей анархией, не обладавшие соответствующими правами авантюристы понастроили множество замков, считавшихся незаконными (*adultérins*). Строители этих замков с их помощью надеялись нейтрализовать враждебное отношение к себе со стороны соседей и местного населения, поскольку каждый знал, что замок, изначально служивший местом убежища и защиты, рано или поздно становился неприступным притоном разбойников. Однако главным препятствием для строительства частных замков долгое время оставались технические трудности их возведения. Только самые богатые владели каменными башнями. До середины XII века типичный замок представлял собой деревянную башню, построенную на холме, естественном или насыпном, и окруженную по склону холма палисадом, а иногда дополнительно к этому еще и рвом. За этим палисадом располагались хижина обслуживающего персонала, печь, давяльный пресс и часовня. Несколько десятков крестьян могли построить такое сооружение

за пару недель. Материал, использовавшийся при строительстве крепости, подсказывал и тактику ее осады: прежде чем штурмовать, ее поджигали, осыпая зажженными стрелами.

Являясь одновременно жилищем и казармой, башня представляла собой мрачную тюрьму, жизнь в которой протекала в томительном однообразии. Внизу располагалось подземелье, а над ним — зал (*salle*), выше которого в наиболее благоустроенных крепостях были покои (*chamber*), которые в Нормандии назывались *solier*. На самом верху башни часовые несли сторожевую службу. С одного этажа на другой поднимались через люки. В зал можно было попасть снаружи по лестнице. Со скамьями вдоль стен, плохо освещаемый через узкие окна зал чаще всего был единственным жилым помещением. Там ели, спали и коротали длинные зимние вечера. В покоех жили и работали, сидя за прялкой и ловя доносящиеся извне звуки, женщины, главным образом незамужние девушки: со дня обручения они обретали право спускаться в зал, где угощали напитками мужчин. Между затворницами покоев и обитателями зала возникали, несмотря на ревнивую бдительность матерей, отношения, питавшие раннюю французскую поэзию.

Замок в обществе XI века представлял собой наиболее эффективный дифференцирующий фактор, в частности, вокруг него группировались элементы, постепенно становившиеся публичной властью. К концу столетия он превратился в реальный административный центр территории, размеры которой редко превышали расстояние, которое пешеход мог пройти за день туда и обратно. Сеньоры, не сумевшие стать владельцами замков, отсеивались в ходе последующего общественного развития и не входили в будущее сословие знати. В то же время некоторые наиболее могущественные господа владели несколькими

замками, которые они жаловали своим вассалам, тем самым выступая в роли государей.

Многочисленное духовенство почти не выделялось из массы населения. От мирян его отделяли только формальные внешние признаки. Хотя клирики были отмечены тонзурой, а различные привилегии создавали им определенный статус, однако по образу жизни большинство их ничем не отличалось от мирян. Общество и Церковь настолько глубоко пронизывали друг друга, что даже противопоставления, кажущиеся нам само собой разумеющимися, тогда не имели существенного значения. Обращение в христианство королевств Скандинавии в начале XI века раздвинуло христианский мир до пределов, в которых он оставался вплоть до начала нового времени. В этом географически компактном, но социально разнородном мире Церковь представляла собой господствующий институт. Гораздо менее централизованная, чем в наши дни, она имела иерархическую структуру, унаследованную еще от древних времен, и отличалась сравнительно сложной организацией: совокупность уполномоченных лиц (епископов), региональные собрания которых (синоды или соборы) обеспечивали связи и взаимный контроль, поддерживающих постоянные отношения с верховным главой, папой. Деятельность папских легатов облегчала эти контакты. Церковные провинции во главе с архиепископами объединяли в своем составе несколько епископств. Один архиепископ осуществлял в пределах более обширной территории — например, в рамках королевства — верховенство над другими архиепископами и назывался *примасом*. Церковное законодательство (каноническое право), конкурировавшее с феодальным обычным правом, предусматривало весьма эффективные санкции, наиболее тяжелой из которых был *интердикт*, которому

могли подвергаться как отдельные лица (в этом случае он практически совпадал с *экскоммуникацией*, мерой, временно запрещающей общение виновного с прочими членами общины), так и группы лиц и даже целые регионы, в которых в таком случае на время прекращалась вся литургическая жизнь.

Являясь главным фактором единства в европейском мире, Церковь вместе с тем была и сдерживающим, умиротворяющим элементом. Она содержала редкие в то время учреждения социального обеспечения (богоугодные заведения) и просвещения: уже во второй половине X века намечается постепенное возрождение епископских и монастырских школ. Около 1000 года насчитывалось с дюжину таких школ на территории между Луарой, Соной и Маасом. Наиболее известной из них была Реймсская соборная школа, славу которой возродил выходец из Аквитании Герберт, учившийся математике у арабов; его ученик итальянец Фульберт преподавал в Шартре. Вместе с тем в последние десятилетия X века Церковь все больше интегрировалась в рамки феодального общества и как социальный институт, и с точки зрения менталитета верующих. Множество епископств и аббатств становилось *фамильной* собственностью могущественных сеньоров. Право назначения прелатов, которое некогда присвоили франкские короли, фактически перешло в частные руки, точно так же как и прочие королевские права. Обладание епископской кафедрой или аббатством само стало важным источником могущества. Сеньориальный род, которому посчастливилось владеть епископством или аббатством, упорно цеплялся за это владение, добиваясь того, чтобы на посту епископа или аббата сменяли друг друга его члены или вассалы. С точки зрения канонического права это было нарушением, именовавшимся *симонией*, однако около 1000 года эта практика получила столь

широкое распространение, что общественное мнение и даже духовенство больше не осуждали ее.

Во многих городах епископ приобретал права графа, которые отныне становились принадлежностью его кафедры. Церковные владения, уже на протяжении нескольких столетий пользовавшиеся административным и фискальным иммунитетом, становились независимыми сеньориями, постоянно расширявшимися за счет дарений, и более богатыми, нежели светские сеньории, благодаря тому, что избегали превратностей, сопряженных с разделами и передачей по наследству. При этом они носили имя не владельца, а соответствующего святого покровителя, например земля святого Бенедикта. Епископы и аббаты имели своих вассалов и рыцарей и осуществляли пожалование фьефов. Даже духовная миссия прелата в конце концов до некоторой степени уподоблялась фьефу. Вручение епископского посоха представляло собой обряд инвеституры, который совершался местным светским сеньором, и новоиспеченный епископ приносил ему вассальную присягу. Вместе с тем под покровом иммунитета и права убежища формировалась настоящая территориальная власть, и церковные владения выходили из-под какой-либо внешней юрисдикции, так что фогты, действуя от имени прелатов, пользовались неограниченными полномочиями, злоупотребляя ими еще больше, чем управляющие светскими имениями.

Прелатами становились те, кто что-то значил в мирских делах: этого избирали епископом за его богатства, того — за его военную мощь, а некоторые просто покупали должность. Хотя немало было благочестивых и образованных епископов, многие отнюдь не блистали этими достоинствами: епископ Бове в правление Филиппа I был неграмотным, епископ Тура — активным гомосексуалистом, что служило

источником вдохновения для сочинителей фривольных песенок, а епископ Лана увлекался шутовством, пародируя богослужение. Это, разумеется, не прибавляло престижа обладателям епископского сана, а ведь епископ занимал первое место среди тех, чьим общественным долгом было помогать людям в обретении Небесного Царствия: только он один мог отпускать наиболее тяжелые грехи.

Экономические и социальные различия в среде духовенства были не менее разительны, чем среди мирян. Окружавшие епископа каноники, обладавшие земельной собственностью, сами были большими господами, зато располагавшиеся на самом низу социальной лестницы служители сельских приходов мало чем отличались от своей паствы. Приходская церковь всецело зависела от сеньора, завладевшего ею и превратившего ее в источник доходов, из которых он выделял в виде дара малую толику священнику. Дабы тот мог как-то свести концы с концами, он наделял его участком земли, обрабатывать который приходилось самому священнослужителю. Обычно эту должность занимал тот, кого сам сеньор выбрал из числа детей своих держателей или сервов и кому кюре из соседней деревни преподавал несколько уроков литургии. Интеллектуальный уровень таких священников оставался (какими бы достоинствами ни наделил их Создатель) скандально низким. Хорошо, если они умели скороговоркой пробормотать текст мессы, который, не понимая, зазубрили наизусть, и совершать таинства. В хозяйственном отношении сельский священник не мог обходиться без помощи женщины. Живя с женой или сожительницей, обремененный семейством, он до того примирялся со своей жалкой и презренной судьбой, что кое-где возникали даже династии такого духовенства. Другие, будучи не в состоянии исполнять службу за неимением самого необходимого и подвергаясь со

стороны господина телесным наказаниям наряду с сервами, оказавшись в крайне бедственном положении, предавались беспробудному пьянству или пускались в бега. Сообщают, что были среди сельского духовенства и колдуны.

Церковь 1000 года нуждалась в реформировании во всех отношениях — политическом, моральном, догматическом. Движение за реформу Церкви началось еще в X веке одновременно в Лотарингии, Англии и Бургундии в недрах монашеских орденов, несомненно, более восприимчивых к переменам, чем белое духовенство, тесно связанное с интересами сеньоров. Уроженец Намюра Жерар де Бронь восстановил дисциплину во многих монастырях Лотарингии, и его пример вдохновил англосакса Дунстана, который, в свою очередь, поддерживал отношения с аббатством Флёри-сюр-Луар, испытывавшим на себе влияние Ключи — аббатства, основанного в 910 году Берноном при поддержке герцога Аквитанского, которое восстановило и исправило по образцу предыдущего века старый бенедиктинский устав. В исправленном варианте он предписывал монахам, давшим тройной обет бедности, послушания и целомудрия, во всем придерживаться коллективной жизни — в дортуаре, трапезной и часовне. Тонзура и строго единообразное облачение стирали индивидуальные различия. Время делилось между молитвой и различными работами. Привычное зрелище представляла собой вереница монахов, отправлявшихся на поля с мотыгой или мешком зерна на плече или толкавших впереди себя тачку с навозом.

Во избежание вмешательства со стороны сеньоров Бернон отдал земли своего аббатства под покровительство Святого престола, и отныне даже в мирских делах оно не подчинялось никому, кроме римского понтифика; впоследствии и в духовном

отношении Ключийское аббатство вышло из-под юрисдикции епископов. Гуго Капет признал за ключийскими монахами исключительное право выбирать своих аббатов. Находясь под управлением подряд нескольких выдающихся деятелей — Одона, Майеля, Одилона и Гуго, — Ключийское аббатство процветало: к 1000 году оно насчитывало на территории современной Франции 15 своих обителей, число которых к 1050 году выросло до 30 и почти до 60 во второй половине XI века. Его влияние вскоре распространилось на всю Европу. Практикуя наиболее чистую форму монастырской жизни, оно вводило новые церковные праздники, например День Всех Святых, отмечаемый 1 ноября. Узы взаимопомощи связывали Ключийское аббатство со многими королевскими и княжескими домами, которым оно помогало в установлении эффективной политической власти. Являясь очагами интеллектуальной работы, ключийские обители вместе с тем содействовали, благодаря лучшему управлению и обмену практическим опытом, экономическому развитию регионов, в которых они находились, а тем самым — и повышению доходов местных сеньоров. В моральном плане ключийская реформа, пропитанная рыцарским духом, отвечала основной тенденции своего времени, возбуждая энтузиазм в народных массах и тем самым еще крепче привязывая их к церкви.

Лишь позднее, в XI веке, папство под натиском обстоятельств предприняло первую попытку реформировать епископат. На протяжении всего этого столетия наблюдались спорадические мятежи, инициаторами которых были крестьяне и низшее духовенство. Агиографический идеал «святого бедняка» (*sanctus pauper*), служивший для официальной Церкви средством маскировки ее стремления к господству, вновь был подхвачен и сделался орудием

борьбы. В 1022 году в Орлеане состоялся первый громкий процесс, завершившийся сожжением на костре 13 еретиков. Хронисты-современники тех событий утверждали, что все духовенство города впало в грех «манихейства». В последующие годы (1025, 1040, 1050) в экономически наиболее развитых регионах Франции прошли аналогичные процессы. В течение века крупные сеньоры, желая поправить дела в принадлежавших им церквях, всё чаще возводили на епископские кафедры монахов из реформированных монастырей.

Глава третья. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕХИ

Направления перегруппировки

Наряду с политической раздробленностью и многообразием местных разновидностей обычного права наблюдалось и большое разнообразие условий обитания людей. Климат, образ жизни и территориальные особенности не меньше, чем самые различные обычаи, втиснутые в рамки римской общины, франкского или галльского племени, порождали региональное своеобразие, которое тут и там подчеркивалось своеобразием личности местного господина.

Отсутствие крупных политических образований придавало особое значение этому разнообразию. Германские короли возродили в X веке императорский титул, но он оставался всего лишь титулом. Мечта Оттона III о всемирной империи, которой он предавался около 1000 года, не имела будущего. Воспоминания о славных временах Карла Великого, породивших множество легенд, ничего не давали для решения актуальных проблем. Папство, долгое время поддерживавшее угасавшую Римскую империю и даже пытавшееся в IX веке подменить ее собой, в период с 950 по 1000 год само оказалось под властью германских королей, после чего стало вотчиной графов Тускуланских. На территориях бывшей Западной Римской империи еще хранили память о существовавшем с VI века «королевстве франков», которое с X века стало называться Французским королевством, передавая из поколения в поколение ощущение реальной, а не просто декларируемой связи между королем и страной. Однако даже если люди

знали о существовании этого «короля», освященного Церковью, престиж которого заключал в себе нечто магическое, кто когда-нибудь видел его, помимо его непосредственных вассалов? Кому сумел он предоставить свою помощь? Его авторитет — пустая рамка, а королевство — бесформенная субстанция.

Тем не менее слабость короля, которой бароны пользовались в полной мере, никогда не вызывала иронии: со смешанным чувством смирения и высокомерия феодалы признавали в нем представителя власти, по природе своей отличной от их собственного господства. Возможно, это был единственный момент, когда влияние высшего духовенства могло затормозить политическую эволюцию в наметившемся направлении. Однако Церковь оказывала свое покровительство только новым королевствам, возникшим на периферии христианского мира у языческих народов, недавно принявших крещение (или, как в Испании, на отвоеванных у мусульман землях). Так, к 1000 году оформилось Польское королевство; Харальд Прекрасноволосый основал Норвежское королевство, Горм Старый — Датское, а Эрик Упсальский — Шведское, тогда как викинги, не желавшие подчиняться новой власти, заселили Исландию и вскоре добрались до Гренландии и Лабрадора. Другие скандинавы под именем варягов создали на Востоке Европы Киевскую Русь^[7]. Тогда же оформилось Венгерское королевство, которое, соперничая с Венецией и Византией, распространило свое влияние вплоть до Хорватии и Далмации. К началу XI века этот процесс завершился, и очертания средневековой Европы приобрели заверченный вид.

Около 1000 года для Европы закончился продолжительный период отступления под натиском ислама и азиатских народов. Она перешла в

наступление. На всех фронтах было остановлено продвижение ислама: в Испании, Южной Италии и с большим трудом на Востоке. В 1015 году пизанцы освободили от мавров (сарацин) Сардинию; в 1034 году они овладели Аннабой в Северной Африке и в течение некоторого времени тревожили, прибегая к помощи генуэзцев и моряков из Амальфи, портовые города Магриба. В 1091 году была отвоевана Корсика. Эпоха иноземных вторжений окончательно завершилась. Позже монголы и турки разбились о Европу, не сумев глубоко проникнуть в ее пределы. Эта экстраординарная стойкость, сохраняющаяся на протяжении вот уже десяти веков, несомненно, послужила одной из главных причин взлета европейской цивилизации, потеснившей, начиная с эпохи Великих географических открытий, прочие культуры.

В недрах самого христианского мира центробежные тенденции, распылявшие политическую власть и суверенные права, шли рука об руку с региональными перегруппировками. Психологической основой этого, видимо, служило некое еще весьма смутное этническое и, возможно, языковое самосознание. Географическое положение и экономические связи также сдерживали в пределах весьма обширных регионов процесс дробления, как, например, во Фландрии. Иногда какой-нибудь каролингской герцогской или графской династии удавалось распространить свое влияние на несколько сеньорий, и тогда возникало то, что получило название «территориальное княжество»: маленькое государство, более или менее искусственное, наложившееся на феодальный порядок, но не слившееся с ним.

Наиболее обширным среди таких государств во Франции было герцогство (латинские документы именуют его «монархией») Аквитания, сложившееся в

начале X века. Оно представляло собой довольно рыхлое объединение под властью графа Пуатье сеньорий на территории, протянувшейся от Берри до Сентонжа и от Луары до Севенн. Предком этих герцогов был граф Гильом, женившийся в 935 году на дочери Роллона и тем связавший себя узами дальнего родства с семейством герцогов Нормандских. Самым могущественным около 1000 года было графство Фландрия, правители которого по женской линии происходили от каролингских императоров^[8]. Обособленное по причине своего кельтского языка и крайне грубых нравов, герцогство Бретань всегда существовало на периферии Французского королевства, по ту сторону спорной пограничной полосы, время от времени подвергавшейся опустошительным набегам. Во второй половине X века род графов Блуа создал княжество, которому суждено было великое будущее: породнившись несколькими браками с королями Франции и даже потомками самого Карла Великого, этот амбициозный род приобрел ряд графств в регионе Труа, Мо и Провена, из которых сложилось графство Шампань, ставшее в XI веке одним из главных центров французской культуры. Оно включало в себя города Блуа и Шартр и соседствовало с графством Анжу — еще одной поднимавшейся феодальной державой.

Европейская экспансия

Приняв в свои пределы Скандинавию на севере и области славян на востоке, христианский мир Европы готов был расширяться до самого края обитаемых земель: о бескрайних просторах Азии он имел тогда весьма смутное представление. Зато на южном и юго-восточном флангах он граничил с двумя другими компактными мирами, цивилизация которых в XI веке

утонченностью образа жизни и развитием техники намного превосходила его собственную — Византией (которую тогда называли Романией) и исламским миром.

Управляемая твердой рукой императоров Македонской династии, Византия, находясь между Западом, переживавшим кризис роста, и разрозненными мусульманскими государствами, представляла собой единственную великую державу того времени. Имея процветающие ремесло и торговлю, переживая расцвет интеллектуальной и художественной жизни, она, благодаря своему престижу и армии, доминировала на Балканах, в Малой Азии и Причерноморье. Византийская империя протянулась от Дуная до Евфрата, распространив свое влияние на итальянские города-республики и, на дальних восточных рубежах, на христианское государство Армению. Сознавая собственное культурное превосходство, византийцы высокомерно взирали на неотесанных жителей Запада. А между тем крах империи был близок — уже неудачная война против Болгарии, закончившаяся в 1019 году, возвещала ее распад. В 1055 году, после смерти Константина Мономаха, страна погрузилась в пучину политической анархии и гражданских войн. В 1071 году почти вся Малая Азия попала в руки турок-сельджуков, одержавших победу при Манцикерте. В период с 1062 по 1071 год нормандцы захватывали в Южной Италии один опорный пункт византийцев за другим, обрубая последние связи Византии с Апеннинским полуостровом. Банды нормандских наемников, служивших в византийской армии, принялись промышлять военным разбоем на свой страх и риск. Руссель де Байёль, один из военачальников императора Романа IV Диогена, выкроил для себя княжество в Галатии и даже осмелился в 1073 году поднять руку на

Константинополь. Чтобы отбить его нападение, потребовались объединенные усилия василевса и турецкого султана Сулеймана. Последний незадолго до победы при Манцикерте основал независимый Анатолийский султанат, соперничавший с возникшим в 1055 году под эгидой халифата Багдадским султанатом и ставший зародышем будущей Османской империи. Этот новый султанат сообщил исламу прежде не свойственную ему агрессивность, сразу же перейдя в наступление против христианской Армении на севере и угрожая на юге арабскому эмирату в Египте.

На противоположном конце Средиземноморья смерть аль-Мансура в 1002 году знаменовала собой начало отступления ислама в Испании. Кордовский халифат распался к 1030 году на множество мелких государств, *тайфов* (подразделений), число которых в отдельные моменты достигало двух десятков.

С ними и пришлось иметь дело небольшим христианским государствам, прилепившимся к подножию Пиренеев. С начала XI века суровые испанские горцы спустились на равнину и, используя в качестве опорных пунктов Леон и Бургос, стали расширять свои владения. Мелкие арабские владения с трудом сдерживали их натиск. В 1035 году возникло Кастильское королевство, в 1037 году — королевство Арагон. В 1040 году войско Наварры перешло реку Эбро. Между тем каталонцы, также вовлеченные в это движение, под водительством графа Барселонского дошли до Таррагоны и двинулись к Лериде. Им нужны были союзники. В 1018 году после смерти графа Барселонского Рамона Бореля его вдова Эрмесинда, опасаясь контрнаступления сарацин, обратилась за помощью к одному из нормандских баронов, Рожеру де Тони, об отваге которого ей, по всей видимости, рассказывали паломники. Рожер прибыл с горсткой товарищей и обратил в бегство мавров, отвоевывая

города и замки. Легенда о его свирепости, которую он сам охотно поддерживал, заменяла ему целую армию. Каждое утро он велел убивать, разделявать и жарить по пленному сарацину, после чего делал вид, что лакомится этим угощением, а затем приказывал отпустить одного пленника, чтобы тот всем рассказал об увиденном. Запуганные сарацины молили о пощаде и предлагали дань. Вскоре Рожер женился на дочери Эрмесинды и отправился восвояси^[9]. По пути он посетил в Перигоре аббатство Конк, в котором хранились знаменитые мощи святого Фуа Ажанского. Получив частицу этой реликвии, он доставил ее в Нормандию и поместил в специально построенный для этого Коншский монастырь. Именно тогда он, овеянный брутальной славой, встретился с подростком, державшим в своих еще неопытных руках бразды правления Нормандией...

Когда в середине XI столетия королевства Астурия, Леон и Кастилия слились воедино под скипетром Фердинанда Великого, началась собственно Реконкиста. В 1062 году Фердинанд взял Мадрид, в 1063-м покорил Севилью, в 1064-м завладел Коимброй, а в 1065-м дошел до Валенсии. И тут в дело вступило папство: борьба против мусульман Испании отныне провозглашалась святым делом.

Даже если многочисленные нормандцы (особенно бароны Перша) и принимали участие в войнах в Испании, завоевание Южной Италии стало, можно сказать, их главным делом, которое они завершили к своей исключительной выгоде. В большей мере, чем Испания, Италия стала для бедных баронов, младших сыновей многодетных семей, которым в Нормандии негде было приклонить голову, прибежищем, страной приключений и землей обетованной. Их проникновение туда началось около 1000 года. К последующим годам

относятся сообщения об участии в локальных войнах нормандских наемников, жестоких рубак, не ведавших ни страха, ни привязанности, с которыми рано или поздно приходилось расплачиваться, уступая им земли. В 1029 году один из них, Ранульф Дранго, получил в дар от герцога Неаполя город Аверсу.

Эта новость быстро распространилась по Нормандии, и началось массовое нашествие. Толпа жадных и жестоких вояк устремилась в Аверсу, превратив это место в самый опасный из пиратских притонов. Ранульф и его род достигли могущества. Итальянские князья искали дружбы с ним. В 1042 году нормандцы Аверсы почувствовали себя достаточно сильными, чтобы напасть на Гаэту. В 1058 году они завладели Капуанским герцогством. Тем временем дальше к югу другие отряды нормандцев собирались вокруг Танкреда д'Отвиля, мелкого сеньора из Котантена, несколькими годами ранее высадившегося в Италии вместе с восемью сыновьями. Благодаря их усилиям возникло герцогство Апулия. Один за другим во главе его становились и находили безвременную смерть сыновья Танкреда. Самый младший и самый отважный из них, Роберт по прозвищу Гвискар, «Коварный» на нормандском наречии, взяв на себя правление герцогством, завоевал Калабрию. С 1038 года Сицилийский эмират распался на множество мелких княжеств, совершенно ничтожных в политическом отношении. Тем не менее завоевание острова шло медленно и трудно — Палермо сдался лишь в 1072 году. Роберт Гвискар умер, не завершив своего дела: последние мусульмане, засевшие в юго-восточной части острова, капитулировали только в 1091 году.

***Часть вторая.* ГЕРЦОГ
НОРМАНДИИ**

Глава первая. ДВОЙНОЕ НАСЛЕДСТВО

Нормандия и нормандцы

Экспансию северных народов в X—XI веках сравнивают с активностью греков эпохи Гомера. «Норманнский мир», не слишком прочно сплоченный неясным ощущением сопричастности и многочисленными семейными связями, дополнил традиционную Европу, внедрившись в ее новые структуры. Вторжение на континент датского короля Харальда Синезубого позволило людям юного герцога Нормандии Ричарда I отбить две атаки короля Франции. В 1013 году герцог Ричард II принял к себе на службу языческую дружину Олафа Норвежского. Старинные традиции пиратства к тому времени стали уже забываться. Не так было прежде: в 924—926 годах скандинавские грабители на своих судах поднялись по Луаре до самой Бургундии, и нормандцы Руана присоединились к ним; в 966—970 годах флот викингов разорил святыни Сантьяго-де-Компостела. Морские разбойники напоминали о себе и позднее: в 1006 году они напали на Тиль и Утрехт, в 1018-м — на Пуату. Создание более или менее христианизированных королевств в Скандинавии изменило характер этих набегов, превратив их в завоевательные войны «классического» типа. Но как бы то ни было, сердце «норманнского мира» и главный источник экспансии отныне располагались в низовьях Сены, в Нормандии.

Единство этой будущей французской провинции сообщалось не столько ее географическим положением, сколько историей и волей людей. Реально Нормандия

представляла собой мозаику разрозненных областей, не имевших между собой ничего общего, кроме непостоянного климата, влажного и мягкого, благоприятного для произрастания трав, с его короткими весенними ливнями и летними грозами, порой затрудняющими уборку урожая. Друг с другом соседствуют плоскогорья с легкими кремнистыми землями, перемежающимися с участками глинистой почвы и холмами с мергелем, бесплодным, но совершенно необходимым для удобрения пахотных земель, и пересеченные местности, усеянные ландами, рощами, зарослями утесника и папоротника; узкие долины чередуются с равнинами, то холмистыми, то совершенно плоскими. Прилегающая к Сене область Ко, в XI веке покрытая густыми лесами, контрастирует с унылой наготой области Уш. Вексен и Эврешен симметрично продолжают Иль-де-Франс. Область Бре соседствует с Пикардией. Извилистая Сена с вереницей зеленых островов меж меловых утесов, подернутая по утрам пеленой тумана, выходит на простор низинных лугов, тогда еще не защищенных дамбами. К югу от ее широкого устья, по ту сторону Льевенской равнины, простирается горнопромышленный регион, а за долиной Туке холмистая область Ож внезапно разворачивается на горизонте бескрайней, лишенной деревьев Канской равниной, с юга примыкающей к области Йемуа близ Фалеза. Их разделяет река Див, на болотистых берегах которой монахи Троарна добывали торф.

Авраншен и Котантен с их бесчисленными перелесками и болотами упираются в соседнюю Бретань. Ромбовидное пространство низинных лесистых земель соединяет Канкаль и Каролле, включая в свой состав острова Шози и возвышающуюся над равниной гору, позднее посвященную святому Михаилу. В марте 709 года внезапный сильный прилив поглотил всю

территорию между Долем и морем, превратив гору в остров, на котором укрылись монахи — ныне это знаменитый монастырь Мон-Сен-Мишель. Над этими топкими берегами нависают утесы западной оконечности Котантена, с противоположной стороны которого резким контрастом выглядят пологие дюны побережья, протянувшиеся до самых рифов Кальвадоса. На другом конце залива Сены утесы и каменистые пляжи длинной дугой протянулись до самой Булони. Низинная Нормандия в те времена изобиловала болотами. Реки, загроможденные островами, то и дело меняли свои русла, а прибрежные долины, затопляемые во время прилива, превращались в озера. Сеть старинных римских дорог, все еще используемых, была достаточно густой на территории между Руаном и морем, становясь более редкой на южном берегу.

Топонимика Нормандии хранит воспоминания о древних галлах и римлянах, меньше названий норманнского происхождения, к которым относятся слова с окончаниями *bec* (ручей), *bœuf* (хижина), *tot* (дёрн), *fleur* (залив) и несколько других. Названия Байё, Кутанса, Лизьё, Руана восходят к древним галльским поселениям; Лилльбонн, Валонь, Эврё — римского происхождения, Берне и Ле-Андели, вероятно, возникли в меровингские времена. Мортань и Вир, должно быть, основаны первым поколением нормандцев. Кан, предназначенный быть центром герцогской власти на территориях к югу от Сены, сформировался около 1000 года при слиянии рек Орн и Одон из нескольких деревень, появившихся, видимо, незадолго до того.

Происхождение герцогства Нормандского овеяно легендами. Начиная с 876 года регион Руана, подвергшийся страшному разорению норманнами в 841-м, а затем снова в 845 году, выступает в роли перевалочного пункта на пути викингов, направлявшихся на берега Ла-Манша. Вероятно, группа

полуоседлых поселенцев обосновалась тогда на подступах к городу. В те же времена близ Нанта появилась аналогичная колония, которую в 936 году уничтожил герцог Бретонский Ален Кудрявая Борода.

Около 893 года один из викингов, обосновавшихся в регионе Руана, Рольф (Ру на старофранцузском и Роллон на современном французском языке), напал на Байё, убил тамошнего графа и похитил его дочь, еще девочку. Когда она достигла брачного возраста, он взял ее в наложницы, и от этого сожителства родился сын — Вильгельм Длинный Меч. Благодаря таким связям с местным населением смягчались дикие нравы норманнов. Французам удалось в 910 году у стен Парижа, а в 911-м — Шартра остановить немногочисленное войско Роллона, состоявшее из отрядов кочующих викингов с побережья Северного моря, к которым примкнули искатели приключений из числа саксов и фризлов. Король Франции едва ли был в состоянии прогнать этих разбойников за море, однако те вдруг сами ощутили потребность в стабильной оседлой жизни. Герцог Французский Роберт, чьи земли пострадали от норманнского набега, и архиепископ Реймский выступили посредниками в организации встречи короля Карла Простоватого с предводителем захватчиков, которая и состоялась в 911 году в Сен-Клер-сюр-Эпт.

Кто был этот Роллон, у которого король Карл, даже одержав две победы, счел за благо купить мир? Его реальная личность сливается с легендарным образом. Одни считают его норвежцем, другие — датчанином. Важная особа, недавно гостившая у короля Англии, или же один из тех удачливых авантюристов, о которых повествует эпос? Не Рольф ли это по прозвищу Пешеход, прозванный так за свой гигантский рост, поскольку ни одна лошадь не могла его носить? В Сен-Клере он будто бы женился на дочери короля Гизеле —

факт сам по себе сомнительный, но подобный финал волшебной сказки свидетельствует, что уже тогда норманны понимали, сколь велико в христианском феодальном мире значение матримониальных связей между правителями. В дальнейшем они будут умело пользоваться этим инструментом политики.

Договоренность в Сен-Клере едва ли была закреплена надлежащим образом составленным документом; скорее всего, это было простое устное соглашение с весьма расплывчатыми условиями, последствия которого проявились только по прошествии времени. Современники усматривали в нем всего лишь эпизод борьбы, которую вот уже двадцать с лишним лет вели короли Каролингской династии с семейством герцогов Французских. Действительно, Карл Простоватый уступил норманну территорию архиепископства Руанского, между реками Брель, Эпт, Эр, Авр и Див, по праву принадлежавшую его строптивому вассалу. Что же касается юридического аспекта этой территориальной уступки, то нам ничего не известно об этом: едва ли Роллон принес вассальную присягу Карлу Простоватому. Уже спустя несколько лет это соглашение было оспорено, и возникшая неясность породила серию конфликтов. На Бессен, Йемуа, Авранш и Котантен не распространялись условия первоначального договора.

Хроники X века, дабы подчеркнуть контраст современного им положения дел со славным прошлым Каролингов и более ранним периодом истории Нормандии, любили изображать запустение территорий, на которых обосновались Роллон и его сотоварищи, рисуя картину совершенно черными красками. Между тем, даже если вся политическая и экономическая жизнь Нормандии действительно была дезорганизована, существует множество косвенных свидетельств того, что там осталось местное

население, среди которого «люди севера» вскоре растворились и которое оказало значительное влияние на восстановление социального порядка.

В 924 году новая королевская уступка принесла Роллону диоцез Байё вместе с Йемуа, а возможно, и Мэн, который, правда, вскоре ускользнул из рук норманна. Наконец, в 933 году король Рауль в обмен на вассальную присягу пожаловал Вильгельму Длинному Мечу, преемнику Роллона, диоцезы Авранш и Кутанс, где обосновалась другая колония викингов, не имевшая ничего общего с руанской колонией. Вплоть до 1000 года не прекращался приток в Нормандию иммигрантов, позволявший им поддерживать контакты как со Скандинавией, так и с датчанами, обосновавшимися в Англии.

К середине X века в регионе сложились два главных центра норманнского заселения: один в области Ко и регионе между Сеной и Рилем, а другой — в Бессене и Котантене, где сеньоры сохраняли фактическую независимость от герцогской власти. Между этими группами, вероятно, существовали этнические различия: на востоке преобладали выходцы из Норвегии, а на западе — датчане. Тогда как на востоке, вокруг Руана и Фекана, где обычно пребывали герцоги, процесс культурной ассимиляции протекал быстрее, на западе поселенцы дольше сохраняли прочные связи с северной цивилизацией и враждебно смотрели на герцогов, которые, претендуя на господство над всеми норманнами, сами покорились епископам и усвоили французские нравы. Действительно, романизация герцогской династии началась уже в первом поколении. Хотя сам Роллон, формально принявший крещение в 912 году, вплоть до своей смерти в 930 году сохранял верность скандинавским богам, он распорядился крестить своего сына Вильгельма и передал его на воспитание некоему воину Бото, известному как своей

отвагой, так и благочестием. Молодой человек, вероятно, даже выучился читать. Наследуя отцу, поставившему его во главе своего народа, он вместе с тем стал и членом семьи христианских государей, будучи супругом Хильдегарды, дочери графа Вермандуа, и свояком графа Пуатье. И все-таки долго еще в Нормандии не забывали скандинавского Тора: хотя христианизация герцогства в основном завершилась к 1000 году, однако еще в начале правления Вильгельма Завоевателя на боевой клич воинов молодого герцога *Dieus aïe!* («Да поможет нам Бог!») порой отзывалось эхо *Thor aïe!* («Да поможет нам Тор!»).

Несмотря на различия происхождения, потомки викингов, обосновавшиеся на территории Нормандии, в конце X века уже представляли собой единую социальную группу, представители которой признавали свое единство. Именно тогда герцог Ричард I пригласил из Сен-Кантена ученого клирика Дудона и поручил ему написать историю своего рода. Труд, над которым Дудон работал в течение двадцати лет, является наиболее древним в посткаролингский период образцом хроники, посвященной правящей династии. Хронисты вплоть до XII века свидетельствуют об упорной вражде между нормандцами и «французами». Последние, как сообщает Вас, наделяли тех такими обидными прозвищами, как *bigots* (суеверы) и *draschiers* (пожиратели помоев). От соседей нормандцы отличались многими обычаями; так, свои прямоугольные поля они ограждали насыпью, поверх которой сажали деревья. Их правители практиковали традиционную полигамию, которую духовенство объясняло, с грехом пополам проводя различие между законной супругой и сожительницами *more danico*, «по датскому обычаю». Однако с их скандинавскими собратьями нормандцев теперь уже разделяли язык и

нерасторжимо связанный с ним менталитет. Так, если в течение всего X века знание, по крайней мере пассивное, старого германского наречия, норманнского диалекта, еще поддерживалось во многих родах, то в первой четверти XI века, похоже, испарились даже воспоминания о нем. Если около 940 года Вильгельм Длинный Меч отправил своего сына Ричарда в Байё, дабы тот подучился у одного из вассалов норманнскому диалекту, поскольку владение им тогда еще считалось необходимым для управления страной, то спустя восемьдесят лет единственным языком, на котором говорили в Нормандии, был романский диалект, родственник наречиям Иль-де-Франса и Пикардии.

Энергичный, практичный, проворный, серьезный, но не способный побороть такие свои негативные качества, как необузданность, подозрительность, жадность, обжорство, нормандец в те времена уважал права личности, но чурался дисциплины. Его отвага способна была внушить страх, но при этом бароны умудрялись, несмотря на свою чрезвычайную грубость, прочно привязывать к себе вассалов и крестьян. Непоседливость зачастую мешала нормандцу проявить свои лучшие свойства. При этом бережно хранились семейные традиции. Нормандцы были весьма плодовиты и, если судить по стремительности их экспансии, детская смертность у них держалась на сравнительно низком уровне — это был крепкий и здоровый народ. Хронист из числа нормандцев, отправившихся искать счастья в Италии, рассказывает о Роберте Гвискаре и его товарищах, что «никогда не совершали они акт плотской любви прежде, чем, став на колени, попросят у Бога дать им детей по их сердцу» — фраза, наглядно характеризующая менталитет этих христианизированных викингов, выросших в бедных и многодетных семьях Котантена или Ожа, у которых патриархальные чувства и легкий налет религиозности

сочетались с древним инстинктом воинов. Гоффредо Малатерра, познакомившийся с ними в Италии, описывает их как «умный и мстительный народ, не способный устоять перед соблазном добычи, стремящийся к стяжанию и властвованию, но вместе с тем к подражательству и мотовству. Вожди нормандцев любят выказать великодушие, зная, что тем самым приумножат свою славу. Падкий на лесть, этот народ обнаруживает такую склонность к слову, что даже их дети говорят словно искушенные риторы. Упрямый до крайности, он тем не менее подчиняется судебному приговору. Стойко переносит, когда надо, холод, голод и всякую нужду, он страстно предается охоте и верховой езде, любит оружие и украшения». Сноровка и изобретательность нормандцев помогали им легко приспособляться. Около 1000 года мало было в Нормандии семей, представители которых не отправились бы отважными наемниками, а то и предводителями отрядов искать счастья в дальних краях. Их успехи поражали воображение обитателей всей Европы.

Усвоение норманнами французских обычаев происходило, таким образом, на специфическом духовном и социальном фоне, характерные особенности которого будут сохраняться вплоть до современной эпохи. Этот феномен раньше всего проявился в сфере политики благодаря энергии и практической сноровке первых герцогов. Результатом явился оригинальный синтез в рамках феодального строя. Вероятно, страна, уступленная Роллону, еще сохраняла остатки разрушенной каролингской административной системы, такие как должности графа и епископа или практика оммажа. Скандинавские поселенцы, закрепившиеся в низовьях Сены, старались устроить свою жизнь по местному образцу, проявляя восприимчивость и гибкость, которыми отличались все скандинавы,

создававшие поселения вдали от своей родины в бурную эпоху норманнской экспансии. Они даже сумели извлечь выгоду из собственного положения неопытных подражателей: избегнув долгой и трудной эволюции, которую переживал Запад с V по X век, их предводители восприняли феодальную систему в готовом виде. Что же касается массы рядовых норманнов, то эти крестьяне-воины, прибывшие из Ютландии или области Ско-не, не забывшие своей исконной свободы и равенства, никогда полностью не склонились перед сеньориальным режимом, поэтому в Нормандии так и не утвердился *серваж*, крепостное состояние. Не было там и четкого различия между фьефом и цензивой, да и оммаж не служил критерием высокого социального положения: случалось, что держатель земли, принеся вассальную присягу, оказывался в положении крестьянина, обязанного платить оброк и даже исполнять барщину, зато его военная служба была не столь обременительна, как у вассалов в других областях Франции, и ему не приходилось заводить полную рыцарскую экипировку. Нормандский крестьянин, более свободный, чем его собратья в других регионах, рассматривал своего сеньора скорее как военного предводителя, нежели земельного собственника.

Соглашение 911 года, очевидно, предусматривало коллективное дарение Роллону и его компаньонам земель, владельцы которых в большинстве своем погибли в ходе предыдущих войн. Роллон, забрав себе львиную долю, поделил остальное среди своих людей по жребию, что сделало характер взаимоотношений между ним как военным предводителем и подчиненными довольно неясным. Однако подобный способ распределения земель и пожалования, осуществлявшиеся ближайшими его преемниками, отнюдь не ущемляли интересов правителя. Герцог

уступал энергичным людям, одновременно жалую им титул графа, города и замки только в пограничных областях. Хотя это были сравнительно небольшие по своим размерам владения, трудно было избежать центробежных тенденций, ради обуздания которых первые герцоги предпочитали совершать такие пожалования многочисленным членам собственного семейства, в котором по скандинавской традиции равными правами пользовались как рожденные в освященном церковью браке, так и бастарды.

Процесс феодализации, начавшийся в середине X века, в основном завершился ко времени рождения Вильгельма Завоевателя. Тем не менее полностью не изгладились воспоминания о дофеодалном, скандинавском или франкском по своему происхождению праве, элементы которого будут сохраняться в нормандском обычном праве еще в течение столетий. Несомненно, традицией викингов объясняется та исключительная жестокость, с которой карались преступления, сопряженные с посягательством на неприкосновенность жилища. Похоже, что нормандское уголовное право, отличавшееся крайней суровостью, в X—XI веках служило весьма эффективным средством против худших проявлений анархии. В области вассальных отношений оно, сочетая в себе древнегерманские обычаи с мерами, получившими распространение в ходе бурных событий X века, предусматривало суровые санкции за нарушение клятвы верности. Неповиновение сеньору влекло за собой изгнание и тем самым потерю имущества. Когда сеньор подвергал изгнанию за пределы сеньории непокорного подданного, все обитатели домена в обязательном порядке должны были содействовать приведению приговора в исполнение: каждый, кто заставлял осужденного на запретной территории, обязан был схватить его или,

если не мог этого сделать, криком оповестить окружающих. Только представьте себе драму несчастного, на которого устроили облаву, словно на хищного зверя. Даже если он искал убежища в церкви, его заставляли поклясться на Евангелии, что он незамедлительно покинет территорию герцогства. Мятежников и перебежчиков карали смертной казнью или причинением увечий. Сеньора, убившего своего вассала, приговаривали к смерти, а вассал за убийство своего сеньора подвергался позорной казни через повешение.

Хронисты X века превозносили царивший в Нормандии мир. Действительно, хотя их критерии сильно отличаются от наших, следует признать, что, по крайней мере, первые нормандские герцоги сумели на подвластной им территории заставить уважать законы и обычаи, хотя бы минимально гарантировавшие общественный порядок. Однако не меньше, чем энергичность этих герцогов, удачей для Нормандии явилось долгое правление двоих из них: от прихода к власти Ричарда I, позднее прозванного Старым (942—996), до смерти его сына Ричарда II Доброго (996—1026). Их неутомимая деятельность на протяжении восьмидесяти с лишним лет обеспечила герцогству ощутимо более быстрое развитие, чем других регионов Франции. К этому словно бы подталкивало само геополитическое положение Нормандии, зажатой между владениями герцога Французского (которые с 987 года стали доменом короля из новой династии Капетингов), богатой Фландрией и беспокойной Бретанью. На западе, по ту сторону спорных территорий, на которых беспрестанно свирепствовала партизанская война, графы Доля и Ренна противились продвижению герцога Нормандского в направлении Авранша. Они правили кельтским по происхождению народом, отличавшимся необычайной свирепостью, в

свое время осмелившимся даже оказать сопротивление викингам; этот народ, как представлялось соседям, относившимся к нему со смешанным чувством страха, ненависти и высокомерия, презирал все прочие занятия, кроме войны и скотоводства, бережно хранил наследие своей кельтской культуры и говорил на непостижимом для других языке. Под натиском обстоятельств отдельные бретонские феодалы присягали на верность герцогу Нормандскому, но более прочные связи устанавливались посредством матримониальных союзов. В 931 году Вильгельм Длинный Меч, одержав победу над бретонскими отрядами, женился «по датскому обычаю», уступив настоятельным просьбам соратников, на пленнице по имени Спрота, которая стала матерью Ричарда I. Сын последнего Ричард II уже законным образом женился на Юдит, дочери графа Ренна, а его дочь вышла замуж за некоего знатного бретонца. Не обходилось, правда, и без рецидивов недоверия: в 950 году Ричард I распорядился построить земляной вал протяженностью почти в полтора километра, дабы отгородиться от жителей Фужера — обитателей тех краев, откуда была родом его мать.

Граница с Фландрией проходила по нижнему течению реки Брель. Могущество графов Фландрских, не в последнюю очередь подкрепляемое возможностью контролировать деятельность морских портов, представляло собой угрозу для становившейся на ноги Нормандии. В 942 году граф Арнульф захватил замок Монтрей, принадлежавший Гуго Французскому. Напрасно шателен взывал к помощи своего сюзерена. Вконец отчаявшись, он обратился к Вильгельму Длинному Мечу. Тогда Арнульф предложил вместо войны переговоры на одном из островов Соммы. Встреча прошла в дружеской обстановке, но когда Вильгельм на закате дня отправился в обратный путь, Арнульф то ли сам велел, то ли позволил, чтобы на виду

у всех группа фламандцев, объединившись с мятежными нормандцами, убила герцога. Спустя четыре года фламандское войско совместно с королевскими отрядами попыталось захватить Руан. И все же буферное графство Понтьё, отделявшее Нормандию от Фландрии, спасало от слишком жестоких столкновений между ними.

Правовая сторона отношений герцога Нормандского с королем Франции не вполне ясна. Королевский двор был привлекателен для него, однако перемены политического курса и чередование на троне представителей двух соперничающих фамилий порой приводили к враждебности. Недоверие, которое питал к Гуго Французскому Вильгельм Длинный Меч, подтолкнуло его к союзу с Каролингом Людовиком IV, которому он принес вассальную присягу. Однако спустя некоторое время этот король попытался, воспользовавшись малолетством Ричарда I, завладеть Нормандией. Под предлогом осуществления в качестве сюзерена своего права присматривать за юным герцогом, которому едва исполнилось десять лет, он фактически запер его в Лане. Но Ричарду удалось бежать, спрятавшись при содействии одного из своих вассалов в копне соломы, в то время как датский флот, причалив к Диву, захватил самого короля, вынудив его выдать своих сыновей в качестве заложников. Это был окончательный разрыв нормандцев с каролингским семейством. В 946 году Людовик IV в союзе с королем Германии и несколькими своими крупными вассалами тщетно пытался овладеть Руаном. Враждебные действия Каролингов вновь заставили герцога Нормандского сблизиться с герцогом Французским, владения которого непосредственно граничили с Нормандией. Ричард I, вероятно, принес вассальную присягу Гуго Великому, доверившему ему опеку над своим малолетним сыном, будущим королем Гуго

Капетом. Альянс Капетингов с нормандцами, условия которого, впрочем, не вполне ясны, продолжался более трех четвертей века и был разорван лишь при Вильгельме Завоевателе.

Природа власти первых герцогов Нормандских трудно поддается определению. Скорее всего, они не обладали во всей полноте правами, присущими королевской власти, хотя и пользовались такой важной привилегией, как право чеканки монеты. Находившееся под их командованием войско формировалось из вассалов, обязанных ежегодно нести военную службу в течение установленного срока. Наряду с этим ополчением герцог имел личную гвардию, постоянно находившуюся при нем. Ричард II пытался внушить своим подданным, что высшее правосудие находится в его исключительной компетенции, даже если его осуществление он делегирует другим лицам. Хотя и считалось, что правящий герцог имеет право издавать законы, в действительности вплоть до середины XI века он не пользовался этой прерогативой. Его личные владения, более обширные и компактные, чем у других феодальных господ, служили в его руках инструментом политической власти, подводя под его авторитет солидный экономический фундамент. Таким образом, около 1000 года власть герцога Нормандского имела прочную и здоровую опору, позволившую ей благополучно пережить опасный кризис в период малолетства Вильгельма Завоевателя. Эта прочность не в последнюю очередь объяснялась и компактностью территории герцогства: соглашения 911, 933 и 934 годов последовательно фиксировали законные границы, которые с тех пор больше не менялись, тогда как другие французские территориальные княжества достигли этой стадии развития лишь в XII, XIII или даже XIV веке. Территории, подвластные герцогу Нормандскому, совпадали с границами архиепископства

Руанского, что позволяло ему сравнительно легко контролировать епископов и архиепископов.

В момент заключения соглашения 911 года положение Церкви на территориях, составлявших будущее герцогство Нормандское, было удручающим: многие приходы запустели, а епископские кафедры не были замещены — результат целого века вторжений и опустошений. Когда в 890 году викинги убили епископа Кутанса, его кафедру перенесли в Руан, где нашло убежище спасшееся духовенство. После того как возникло то, что первоначально называли «пиратским герцогством», и мало-мальски установился порядок, Церковь тут же пошла на сближение с новыми властителями — таков был смысл крещения Роллона. Сам он и его преемники хорошо понимали, какие преимущества дает им опора на Церковь. Правда, интеллектуальные и моральные достоинства духовенства диоцезов, попавших под власть норманнов, оставляли желать много лучшего, и такое положение вещей сохранялось еще долго, несмотря на все попытки проведения реформ. Герцогам предстояло решать двуединую задачу: с одной стороны, поднять, обратившись с призывом в том числе и к иноземному духовенству, качественный уровень епископата и монашества, а с другой — назначить на руководящие должности епископов и аббатов надежных в политическом отношении людей. Тесные связи, существовавшие между герцогами и архиепископами Руанскими, позволяли первым легко добиваться назначения на епископские кафедры нужных им людей. В результате состав и достоинства духовенства в большой мере зависели от выбиравшего их герцога, а подбиравшийся подобным образом епископат представлял собой сравнительно однородную группу, связи которой с Римом, естественно, ослабевали; наконец, церковные феодалы Нормандии, практически

полностью зависевшие от герцога, в политическом и военном отношении имели второстепенное значение и не проявляли склонности противиться светской власти, как это наблюдалось в других местах.

Когда возникла необходимость заместить вакантную кафедру архиепископства Руанского, Вильгельм Длинный Меч, не найдя на месте достойного претендента, обратился к Гуго, монаху аббатства Сен-Дени. В аналогичных обстоятельствах Ричард I предложил своего незаконнорожденного сына Роберта; каноники отвергли было его, но герцог настоял на своем. Роберт, тогда граф Эврё, был женат и имел троих сыновей, унаследовавших его фьефы. Во главе архиепископства Руанского он стоял целых полвека. Такого рода nepотизм, получивший тогда широкое распространение, позволял герцогам держать под личным контролем епископства, что было особенно важно на западных территориях, где их власть все еще наталкивалась на ожесточенное сопротивление.

Таким образом, политические интересы надолго возобладали в действиях герцогов по отношению к епископату. Зато в отношениях с аббатами доминировало реформаторское направление. Большинство монастырей, основанных в период с VI по VIII век на территории будущего герцогства Нормандского, к 911 году практически не существовало. Уже первые герцоги взялись за их восстановление. Роллон поднял из руин аббатства в Руане и Жюмьеже, а Вильгельм Длинный Меч попросил свою сестру прислать монахов из Пуату, дабы те занялись восстановлением церквей, и вернул многим монастырям земли, отобранные у них викингами. Ричард I, прозванный «отцом монахов», восстановил и щедро одарил Троицкое аббатство в Фекане, торжественное освящение которого состоялось в 990 году, мечтая сделать из него «нормандский Сен-Дени»

и заранее подготовив там место своего будущего упокоения; его примеру последовал и сын. Однако Ричард I не довольствовался одним только восстановлением монастырей, позаботившись также и о возрождении в них строгой дисциплины.

Ричард II продолжил это дело. Пригласив к себе Гильома Вольпианского, знаменитого реформатора из монастыря Святого Бенедикта в Дижоне, он предложил ему провести реформу в Фекане. Гильом колебался, памятуя о дикости нравов герцогов Нормандии и назвав причиной своих сомнений дальность пути и отсутствие лошадей для переезда необходимого числа монахов и перевозки их багажа. Ричард не отступался, прислав требуемых лошадей. И Гильом Вольпианский прибыл, оставив своей деятельностью глубокий след в истории герцогства. Говорили, что Ключи завоевало монашескую Нормандию: к 1025 году около тридцати тамошних монастырей находилось под его юрисдикцией. Распространение ключийской реформы в известной мере облегчило герцогу контроль за персоналом и имуществом церкви. Если новые аббатства в церковных вопросах напрямую зависели от Рима, то как обладатели земельных владений они находились в вассальной зависимости от герцога.

Вместе с реформой монастырской жизни в Нормандию пришла и ученость, которой к середине X века стали отличаться клирики из окружения герцога. С тех пор нормандская церковь в течение двух или трех поколений усвоила основные достижения западной книжной культуры: литературный латинский стиль, искусство письма, каллиграфию, книжную миниатюру, а также историю и литургию. Показателем того, с какой быстротой шло это интеллектуальное развитие, служит призвание в начале XI века нормандца на архиепископскую кафедру в Трире. Правда, всё, что было сделано в те годы, в большей мере представляло

собой усвоение достигнутого, нежели создание нового, заключааясь в кропотливом труде безвестных монахов, занимавшихся в тиши своих аббатств переписыванием или переделкой во вкусе своего времени старинных рассказов о чудесах и житийной литературы. Гильом Вольпианский создал в Фекане школу, имевшую хорошую библиотеку — свыше тысячи наименований книг. Там наряду с молодыми клириками обучались многие представители герцогской фамилии. Эта школа, в которой преподавали также и музыку, видимо, сыграла важную роль в появлении в Нормандии романской архитектуры.

Однако существовала ли в то время за пределами этой ученой культуры клириков массовая культура населения Нормандии? Какие она имела собственные формы выражения и традиции, различимые в фольклоре, легендах и, возможно, в некоторых формах поэзии? До нас дошло слишком мало документов X века, чтобы можно было удовлетворительно ответить на эти вопросы. Художественный вклад викингов равен почти нулю. Некогда славя мастерами декоративного оформления своих кораблей деревянной скульптурой, они, похоже, довольно быстро утратили эту традицию, археологических следов которой не обнаружено в Нормандии. Мастерство нормандских оружейников, пользовавшихся заслуженной славой (именно качеству оружия потомки викингов в значительной мере обязаны были своими победами), сохранялось как техническое, но отнюдь не художественное достижение. Не осталось ничего сопоставимого с поэзией скальдов, в X столетии переживавшей в Скандинавии свой золотой век. Разве что можно обнаружить далекие отзвуки ее, да и то под вуалью латинского языка и в преломлении клерикального менталитета, в «Плаче на смерть Вильгельма Длинного Меча». Эта поэма из восьмидесяти стихов, сочиненная до 950 года

безвестным монахом, является древнейшим из известных нам нормандских текстов. Эпическая по своему содержанию и ритму, очень неумелая в литературном отношении, она относится к жанру так называемых *planctus* (оплакивание умершего правителя) каролингской эпохи. Она представляет собой продукт соединения довольно примитивного произведения народной культуры с весьма несовершенной усвоенной ученой выразительной системой.

Англосаксы

Благодаря своему географическому положению и поддержанию связей с королевствами Скандинавии Нормандия много выиграла от торговых отношений, начало которым положили походы викингов, между прибрежными странами Прибалтики, Северного моря и Ла-Манша — регионов, из которых (так же как и из итальянских городов) исходили импульсы, которых еще только ждала континентальная Европа. Главным центром притяжения была Англия. Постоянный товарообмен связывал Кале, Булонь, Виссан, Этабль и Руан с Лондоном, Сандвичем, Дувром и Гастингсом. Фламандцам, нормандцам и англичанам неведом был великий страх перед морем, который испытывали в то время жители удаленных от морских берегов областей. Начиная с X века на рынке Руана можно было встретить английских моряков. Относящийся примерно к 1000 году лондонский регламент, регулировавший взимание ввозных пошлин, упоминает регулярное прибытие судов из Булони, Фландрии, с берегов Мааса, а также руанских «больших кораблей», груженных, в частности, растительным маслом и вином. Граждане Руана, имевшие репутацию исключительно честных людей,

пользовались в этой торговле известным преимуществом. В этом городе уже тогда появилась еврейская община. От развития внешней торговли получали выгоду и внутриконтинентальные районы. В 1010 году открылся рынок в Брюгге. Доступ в город затрудняли окружающие его болота, однако около 1050 года дорога соединила его с Кёльном — путь, по которому двинулись и английские купцы.

Именно торговля с Англией стала главной сферой соперничества между Нормандией и Фландрией, которую соединяли особенно тесные связи с этим островным государством. Путь англосаксонских паломников, направлявшихся в Рим или Иерусалим, проходил через Лилль или Руан, и нетрудно понять, сколь благотворны были подобного рода контакты для межчеловеческих отношений. Пожалование, сделанное Роллону Карлом Простоватым (зятем короля Уэссекса), вызвало сильные опасения при англосаксонском дворе, находившемся в состоянии конфликта с королем Дании. Недоверие сохранялось и в дальнейшем. Этельстан поддерживал различных врагов Вильгельма Длинного Меча, вероятно, в надежде нейтрализовать набирающую силу Нормандию. Затем ситуация переменилась. В 1002 году король Этельред женился на принцессе Эмме, сестре Ричарда II, очевидно, желая заручиться поддержкой Нормандии в борьбе против казавшихся непобедимыми датских разбойников. Тогда же началось первое, еще робкое проникновение нормандцев на остров. В 1003 году нормандец занял должность бальи в Эксетере. Купцы пересекали Ла-Манш и обустроивались в портовых городах Суссекса и Кента. Энергия нормандцев нашла там для себя новую область применения. Английские короли, правившие одним из наиболее древних, наиболее цивилизованных и, как рассказывали, наиболее богатых королевств Западной Европы, пользовались, несмотря на превратности войны

с датчанами, большим престижем у нормандских рыцарей.

Территория Английского королевства в начале XI века едва достигала четверти площади современной Франции. На севере шотландские короли и вожди кланов распространили свое влияние далеко за Адрианов вал, проведенный еще римлянами через весь остров, от моря и до моря, между Ньюкаслем и Карлайлом. С тех пор как в 924 году англосаксы уступили шотландцам Камберленд, они неудержимо продвигались к югу, дойдя до Йоркшира, самого края диких земель, где малейший разлив рек делал невозможным сообщение и где по дорогам не могли пройти рука об руку два человека. На западе другая линия оборонительных сооружений, некогда возведенных саксами, вал Оффы, проходивший от занесенного речным песком устья Северна до устья Ди, изолировал гористые земли Уэльса, на которых располагались крошечные кельтские королевства, непрерывно воевавшие друг с другом и населенные грубыми крестьянами, которых море отделяло от их собратьев в Ирландии и Арморике. Полуостров Корнуолл, многие места которого ассоциировались в памяти людей с легендарным королем Артуром, служил для англосаксов территорией колонизации, еще слабо интегрированной в состав их государства. Старинное аббатство Гластонбери, расположенное в пустынной местности, соединялось с соседним Уэльсом единственной дорогой, столь ухабистой и грязной, что ее называли «дорогой свиней». Эти кельтские области, населенные народом, говорившим на своем собственном языке и сохранявшим старинную племенную организацию, были мало затронуты англосаксонским влиянием. Зато викинги заняли Гебридские острова и основали несколько постоянных поселений в Ирландии, в том числе и в Дублине.

На востоке острова, вокруг залива Уош, простиралась болотистая труднопроходимая местность Фене, восточная часть которой получила название «остров Или». Одна-единственная, да и то очень плохая, дорога вела из Хантингдона в Или. Вокруг этой заболоченной, изобиловавшей торфяниками низины располагалось несколько аббатств, среди которых наиболее известны были Питерборо и Рэмси. В этих тесных пределах и располагалось Англосаксонское королевство. Между Лондоном и побережьем Суссекса густой лес представлял собой естественную преграду на пути возможного вторжения с юга. Все еще использовавшаяся старинная римская дорога вела вокруг него из Дувра в Лондон через Кентербери. Северная часть Мидленда — центральной части Англии — зимой подтоплялась, превращаясь в болотистую местность, а остальное занимали обширные равнины и поля (ныне встречающиеся там рощи представляют собой более поздние искусственные посадки). Территория Нортхемптоншира, богатая строительным камнем, поставляла материал для возведения сооружений в англо-нормандском архитектурном стиле. Туда вела римская дорога от Норвича до Кембриджа через Норфолк, тогда как другим путем можно было добраться до Йорка через Дарлингтон.

Германские племена англов, саксов и ютов с V века завоевывали эту страну, оттесняя на запад местное кельтское население. Они основали множество мелких королевств, число которых, многократно меняясь в результате разделов и слияний, в конце концов остановилось на цифре «семь»: Кент, Суссекс, Эссекс и Уэссекс на юге, Восточная Англия и Мерсия в центре и Нортумбрия на севере. В VII—VIII веках латинская культура, завезенная миссионерами, достигла здесь такого расцвета, что слава о ней дошла до Карла Великого, поставившего англосакса Алкуина,

руководившего школой в Йорке, во главе своей академии, учрежденной в Ахене. Однако уже с конца VIII века начались набеги викингов на восточное побережье, которые, беспрестанно следуя одно за другим, причиняли страшные опустошения. Вскоре скандинавы стали создавать в Англии свои поселения. К 900 году они оккупировали Нортумбрию, половину Мерсии и Восточную Англию, изгнав оттуда англосаксонскую администрацию. В культурном отношении Север откатился далеко назад, на Юге же, остававшемся под властью англосаксонских королей, произошло сплочение вокруг наиболее сильного из королевств — Уэссекса, правитель которого, Альфред Великий, в 886 году впервые принял титул короля Англии. Располагая властью на весьма значительной территории и довольно большими материальными ресурсами, его преемники сумели заставить скандинавов Центра и Севера признать, по крайней мере номинально, их власть.

Объединенные в мелкие государства под властью местных правителей, сосуществуя с сохранявшими независимость англосаксонскими общинами, эти «датчане», как их с ненавистью и презрением называли англичане, не ассимилировались с побежденным народом, в отличие от своих собратьев в Нормандии. Они сохраняли более тесные связи со Скандинавией. Их присутствие, весьма чувствительное благодаря их многочисленности и обширности территорий, на которых они закрепились, служило в Английском королевстве постоянным источником нестабильности. Английские короли были вынуждены признать существование так называемой Области датского права (*Danelaw*), в пределах которой действовало исключительно скандинавское обычное право. Англосаксонские законы там не имели силы. В культурном отношении скандинавский элемент (в

противоположность тому, что происходило в Нормандии) пустил глубокие корни, оказав влияние даже на формирование английского языка. Вместе с тем существование Области датского права, выходявшей далеко за пределы компактного расселения скандинавов, ни в коей мере не предполагало этнической сегрегации: в XI веке были широко распространены смешанные браки представителей англосаксонских и «датских» родов.

Институциональный и культурный раскол Английского королевства, наблюдавшийся в 1000 году, свидетельствовал, что в дальнейшем Англия не могла быть предоставлена сама себе, что рано или поздно она должна будет сблизиться с одним из двух центров притяжения — Скандинавией или Францией, в обоих из которых были люди, сознававшие, пусть и не вполне отчетливо, эту тенденцию и стремившиеся использовать ее в своих интересах.

В правление Этельреда (978—1016), вошедшего в историю с прозвищем Безрассудный, скандинавские набеги возобновились после смерти Дунстана, архиепископа Кентерберийского, помогавшего королям мудрыми советами. В 988 году датская флотилия из семи кораблей причалила к берегам Кента, в то время как экипажи трех других кораблей, высадившиеся близ Саутгемптона, опустошали окрестные территории. Пребывавший в полной растерянности Этельред сумел откупиться от северян за баснословную сумму в десять тысяч ливров. Уйдя, они, естественно, вернулись, и отныне каждый год приносил с собой свою долю несчастий. Тщетно пытался Этельред использовать отряды датских наемников для борьбы против их же соплеменников. Худшим оказался 1002 год. Тогда умерла жена Этельреда, дочь датского правителя, и он женился на Эмме, сестре герцога Нормандии Ричарда II. От этого брака появились на свет два сына, Эдуард и

Альфред, и дочь Эдит, однако начало семейной жизни Этельреда с новой женой оказалось весьма бурным: он рассорился с ней, да так крепко, что у него были основания опасаться мести со стороны Ричарда II. Желая опередить его, Этельред напал на Котантен — и был разбит. Вдобавок ко всему война с датчанами приняла иной характер: 13 ноября 1002 года в припадке неконтролируемой ярости, что свойственно бывает слабым натурам, Этельред приказал учинить резню датских наемников, обвинив их, и небезосновательно, в предательстве.

Это подлое избиение так разозлило короля Дании Свена Вилобородого, что он лично возглавил карательную экспедицию. Высадившись в начале 1003 года во владениях обидчика, он сжег множество английских городов и уже никогда, вплоть до своей смерти в 1014 году, не покидал остров, фактическим хозяином которого стал. Этельред некоторое время скрывался в Нормандии. В 1014 году пришла весть, заставившая его вернуться в Англию: его побочный сын Эдмунд по прозвищу Железнобокий возглавил героическое, но безуспешное сопротивление новому датскому правителю Кнуту, сыну только что почившего Свена. Ввиду неопределенности положения было высказано даже предложение поделить королевство, но в 1016 году умерли один за другим Эдмунд, Этельред и брат Кнута, правивший в Дании. Два сына Эдмунда бежали в Венгрию, что же касается детей Этельреда и Эммы, нашедших убежище в Нормандии, то они росли в полной неизвестности, ожидая еще неблизкого часа реванша.

Так Кнут, не имея конкурентов, оказался во главе империи, включавшей в себя Англию, завоевание которой он быстро завершил, Данию и вскоре затем Норвегию. Королева-вдова Эмма не пожелала покидать Англию, и Кнут, сам овдовевший после смерти жены-

англосаксонки, женился на ней. Отныне на целую четверть века Англия была включена в скандинавский мир. В ней прочно обосновался Кнут — страшный, но вместе с тем и притягательный персонаж, язычник по рождению, крестившийся в зрелом возрасте и начавший свое правление с того, что убил с полдюжины представителей высшей англосаксонской аристократии (в том числе и последнего сына Этельреда от его первого брака), но впоследствии использовавший возможности английского духовенства для христианизации Скандинавии. Благочестивый учредитель монастырей, в 1027 году совершивший паломничество в Рим (ему довелось там присутствовать на коронации императора Конрада II), этот скандинавский Карл Великий повелел записать англосаксонское обычное право, в результате чего появился кодекс, получивший название «Законы Кнута». Он замещал высшие административные должности в Англии скандинавами, а на многие важные должности в Дании назначил англосаксов, чем вызвал раздражение среди датчан, стремившихся разорвать эти межгосударственные связи. В кильватере политики этого великого правителя шло много новых людей, всецело подвластных ему, которых он сделал своими послушными исполнителями, но отдельные из которых впоследствии сыграют самостоятельную роль. Таков был Годвин, спорная личность, сын ничем не прославившегося представителя знати Суссекса, упорный и амбициозный, готовый на месть и любое предательство. Он начал свою карьеру с того, что спас жизнь некоему викингу, спустя некоторое время представившему его королю. Это произошло примерно в 1018 году, а уже спустя два года он занял должность эрла (наместника) Уэссекса, после чего женился на племяннице Кнута, родившей ему семерых сыновей,

один из которых, Гарольд, потерпит роковое поражение при Гастингсе...

Король в англосаксонском обществе, даже в период датского господства, занимал менее независимое положение и выполнял менее определенные функции, чем это было на континенте. Назначенный своим предшественником или избранный, он, прежде чем короноваться, должен был получить одобрение на собрании знати. Во время коронации, процедура которой, вероятно, была заимствована у Каролингов, новый король приносил присягу, в которой клялся поддерживать в стране мир и справедливость. После этого все были обязаны преданно служить королю. При этом лишь он сам и члены его семьи имели право носить титул *этелынга*, «знатного» — пережиток древнегерманской традиции. Однако он не обладал неограниченной властью. Действовавший при короле совет имел двойственное значение: это был орган и совещательный, и сдерживающий королевский произвол. В англосаксонском обществе значительно раньше, чем на континенте, была проведена письменная фиксация обычного права, причем не на латыни, а на местном наречии, что явилось фактором стабильности и континуитета, также ограничивавшим возможности короля действовать по собственному усмотрению.

Короля окружали, подписывая вместе с ним эдикты, постоянные советники — его родня, приближенные из числа воинов и прелаты, среди которых архиепископ Кентерберийский исполнял функции первого министра. К этим постоянным советникам время от времени по призыву короля присоединялся *витенагемот*, «совет мудрых» — учреждение, возникновение которого относилось еще ко временам древних германцев, включавшее в свой состав переменное количество представителей знати, прелатов и высших

должностных лиц. Этот совет имел полномочия издавать законы по вопросам, относившимся, как считалось, к сфере его компетенции. Несмотря на все свои слабые стороны (случайность созыва, отсутствие уставного закрепления полномочий и подчас недисциплинированность его членов), витенагемот весьма эффективно ограничивал произвол королевской власти. Случалось даже, что он смещал неугодного короля. С середины X века слабые англосаксонские монархи, погрязшие в пучине неразрешимых проблем, практически ничего не предпринимали, предварительно не проконсультировавшись с этим советом. Его деятельность, пусть и нерегулярная, во многом поспособствовала тому, что в Англии очень рано сформировалось ядро политической системы.

Государство в Англии, хотя и было подвержено тем же угрозам, связанным с ослаблением центральной власти, что и на континенте, все же более успешно противостояло негативным тенденциям, в частности, благодаря тому, что существовали более конструктивные отношения между властью и народом. Все население обязано было поддерживать в надлежащем состоянии дороги и мосты. В случае большой опасности король мог созвать массовое ополчение — *фирд*, недисциплинированное, постоянно дезорганизуемое пересменами и недостаточно эффективное в условиях тяжелой войны. Разбросанность населения и потребность в более управляемой армии породили потребность в изменении системы: с середины XI века король призывал на службу лишь одного человека со 100—200 гектаров пахотной земли. Но главной опорой для него служил элитный корпус его личной гвардии, состоявшей из профессиональных воинов, получавших жалованье (редко когда за службу платили земельными наделами) и живших при его дворе. Они сражались тяжелым

топором, который держали в обеих руках, а в открытом поле своими сомкнутыми рядами образовывали непреодолимую стену, над которой возвышались варварские знаки, драконы и чудовища, вырезанные из металла наподобие флюгеров. Кнут набирал это войско из числа своих верных датчан — *хускарлов*, «домашних парней». Наконец, в распоряжении английского короля был флот, содержащийся за счет жителей приморских областей в порядке «морской службы». В X веке король взимал по всей стране поземельный налог, «датские деньги», первоначально предназначавшийся для финансирования борьбы против викингов. Сам факт существования этого налога указывает на то, что в стране было более оживленное денежное обращение, чем в государствах на континенте.

Территория королевства разделялась на судебные округа, называвшиеся сотнями (*hundred*), в которых раз в четыре недели проводились заседания суда и которые в X веке были сгруппированы в более обширные административные единицы, называвшиеся шайрами (*shire*). На юге они совпадали с территорией старинных саксонских королевств (Кент, Суссекс), в других же местах границы проводились с учетом этнической принадлежности населения (Норфолк — «народ севера», Суффолк — «народ юга»; эти шайры представляли собой половины прежней Восточной Англии). В центре и на севере потребности борьбы против датчан диктовали формирование шайр вокруг цитадели, название которой они носили (Йоркшир с центром в Йорке). Во главе шайры стоял шериф, исполнявший военные, административные и судебные функции, отвечавший за сбор королевских налогов и председательствовавший на собраниях свободных людей подведомственной ему территории.

У англосаксов вассалитет, восходивший к традициям родства у древних германцев, получил более

широкое распространение, чем фьеф. У них так и не сформировалось представление о том, что король имеет право собственности на землю королевства, которой его подданные пользуются в силу заключенного договора держания, — представление, которое, напротив, закрепилось у нормандцев, считавших своего герцога собственником герцогства. В зависимости от господина, *лорда*, находились домашние вассалы (*knights*, рыцари), воины без земли и зависимых крестьян. В Англии не сложилась иерархическая вассальная лестница, там редко два лорда зависели один от другого. С X века король часто уступал судебные права, и суды лордов, таким образом, конкурировали с судами сотен и шайр. Вассалы короля, таны, могли получать землю в держание, однако это никоим образом не влияло на их социальный статус. Отсутствовала система взаимных обязанностей сеньоров и вассалов, такая, как на континенте, поэтому вассальные связи разрывались легко и безболезненно. Считалось нормальным явлением, когда вассал менял сеньора. Здесь более уместно говорить не о вассалитете, а о патронаже. Что же касается обязательств в отношении господина, то в Англии не проводили различия, принятого на континенте, между благородными службами и сервильными повинностями. У англосаксов не сложился самостоятельный класс рыцарства, поскольку у них основу войска составляла пехота. Даже таны не представляли собой однородный класс: если отдельные из них имели обширные земельные владения, то большинство практически сливалось с массой крестьянства. Некоторые таны получали в держание церковные земли и находились в зависимости от епископов или аббатов.

Помимо естественных родовых связей и юридически оформленных вассальных отношений существовали свободные ассоциации, гильдии, общества

взаимопомощи, создававшиеся с целью коллективного возмездия и взаимного ручательства. Так, дошедший до нас документ 930 года описывает механизм страхования скота: каждый владелец стада стоимостью не менее 30 денариев вносит по одному денарию, королевская казна добавляет свою долю, и из средств созданной таким образом кассы взаимопомощи возмещаются убытки от потери скота.

Основной хозяйственной единицей был *манор*, сопоставимый с крупным франкским поместьем каролингской эпохи. Посреди составлявших его земель находился *холл*, господский дом. Земля делилась на господское владение (иногда сдававшееся в аренду свободным крестьянам) и наделы держателей площадью от шести до двенадцати гектаров. Как правило, одна деревня составляла манор; иногда, например в Восточной Англии, она делилась на несколько маноров, зато на малонаселенном северо-востоке страны отдельные маноры включали в себя до семи деревень.

Большинство городов того времени внешне мало отличалось от деревень. Среди них резко выделялся своими размерами, численностью населения и богатством Лондон. Окруженный построенной еще римлянами и восстановленной Альфредом Великим городской стеной, он считался неприступным с юга, где его защищала Темза, через которую был переброшен узенький мост. Размеры города поразили нормандцев, подошедших к нему в 1066 году: он раскинулся на территории более 130 гектаров! Зато Кентербери, древняя столица Кента и резиденция главы английской церкви, архиепископа Кентерберийского, представлял собой небольшой городишко. Другие крупные по меркам того времени города — Йорк, окруженный стенами еще древнеримской постройки, Винчестер, в котором возвышался королевский замок, где хранились

казна и архивы королевства, главный экспортер соли Норвич, Линкольн, — насчитывали не более пяти тысяч человек населения. Города и в то время были главным образом центрами ремесла и торговли: Бристоль славился рынком рабов, на котором ирландские торговцы встречались с выходцами со скандинавского севера (работоторговля сурово осуждалась Церковью, запрещавшей продавать христиан в рабство язычникам, но тем не менее продолжалась вплоть до прихода Вильгельма Завоевателя). В Честер, оплот англосаксов на кельтском рубеже, съезжались продавцы и покупатели скандинавских мехов и ирландских кож; Глостер специализировался на металлообработке.

Больше, чем прочие структуры королевства, пострадала от датских набегов Церковь. В начале XI века англосаксонское духовенство, некогда слывшее авангардом западного христианства, скатилось до уровня провинциального сообщества, почти полностью поглощенного административной деятельностью. Даже в лучшие свои времена оно не вполне могло отрешиться от воспоминаний о племенной принадлежности, так что границы четырнадцати насчитывавшихся в стране диоцезов совпадали с контурами первоначальных англосаксонских королевств. Город, в котором располагалась епископская резиденция X—XI веков, чаще всего напоминал глухую деревню, расположенную вдали от больших дорог. Епископ в сфере своей компетенции пользовался значительной независимостью. Архиепископы Йоркский и Кентерберийский, стоявшие во главе двух церковных провинций, лишь формально признавались таковыми. Не существовало и единой организации соборных капитулов. Традиция провинциальных синодов была утрачена. Назначение на высшие церковные должности являлось прерогативой короля и витенагемота, столь же мало озабоченных профессиональной пригодностью

выдвигаемых ими прелатов, как и их коллеги на континенте. Так, аббат Гластонберийский прибег к помощи вооруженного отряда, дабы склонить своих монахов к исполнению амвросианских гимнов! Леофгар, епископ Херефордский, большой притеснитель кельтского населения, сохранил свои длинные усы и после возведения в сан, тем самым демонстративно заявляя о неприятии церковных добродетелей.

Англосаксонский епископ председательствовал, вместе с представителем короля, в суде *шайра*. Собственно же епископский суд разбирал только правонарушения, совершенные духовенством. Аббат лично управлял имениями своего монастыря, должности фогта не существовало. В крупных англосаксонских аббатствах еще действовал старый бенедиктинский устав, измененный на континенте клюнийской реформой. Во второй половине X^{го} века три епископа — Дунстан Кентерберийский, Освальд Йоркский и Этельвольд Винчестерский — предприняли попытку реформировать монастырскую жизнь, однако эта попытка лишь содействовала скандинавской миссии Кнута, ничуть не обновив национальную англосаксонскую церковь. Ключийская реформа пришла в Англию значительно позже, вместе с нормандцами.

В конце IX века только Мерсия сохранила остатки интеллектуальной культуры. Альфред Великий, следуя примеру Карла Великого, пригласил иноземных ученых, чтобы создать школу при своем дворе. Его правление ознаменовалось возрождением литературы, в том числе и на народном наречии: Альфред распорядился перевести с латыни на национальный язык произведения Августина Блаженного, Боэция, Орозия, Григория Великого, Беда Достопочтенного, составившие основной фонд англосаксонской гуманитарной традиции. Более того, состоявшие на службе у Альфреда ученые переписывали античные

тексты, избежавшие уничтожения в ходе датских набегов. Мы также обязаны им сохранением ценнейшего образца героического эпоса, возникшего в VIII веке в Нортумбрии и основанного на древних скандинавских легендах — «Беовульфа», свидетельствующего о существовании эпической традиции, затухавшей в эпоху Альфреда Великого, но продолжившей свое существование в более позднем поэтическом жанре баллад. Таким образом, благодаря Альфреду англосаксонский язык стал выразительным средством, сопоставимым с латынью и использовавшимся в тех же целях, что и она. На пути, ведущем к самоутверждению национальных языков, Англия на несколько веков опередила страны Европейского континента, особенно романские. В X—XI веках она была единственной европейской страной, культура которой, во всех ее проявлениях, имела доступное широким массам выразительное средство. Во многих монастырях велись на англосаксонском языке анналы и переводились с латыни произведения исторического и естественно-научного содержания, что свидетельствует о сохранении традиционного для английских школ интереса к естественным наукам и медицине. Войны в правление Этельреда затормозили это развитие, возобновившееся лишь при Кнute, однако с тех пор в культуре острова доминировали иноземные влияния. Кнут приглашал ученых из Лотарингии, славившейся тогда своими математиками, и чтобы те прочно осели в его стране, назначал их на церковные должности.

В середине XI века англосаксонская цивилизация, как представлялось многим наблюдателям, находилась, по сравнению со своим собственным прошлым, в упадке. Накануне нормандского завоевания англосаксонский гений скрывал под грубой оболочкой глубинные силы, находившиеся в состоянии поиска.

Самое большое богатство этого народа составляла его весьма многочисленная элита, работавшая в области наук, искусств и администрации. Англосаксонское искусство было знаменито, и его произведения, украшавшие жизнь богатых англосаксов — например, служившие вместо кубков оправленные в золото бычьи рога, — своим великолепием производили на скандинавов и нормандцев неизгладимое впечатление. Англосаксонские златокузнецы пользовались международной славой, также как и вышивальщицы, особенно из Кента. Хронисты изображают англосаксонскую знать как сумасбродную и расточительную, любящую красивые и удобные вещи, безрассудно смелую, слегка циничную, старавшуюся обратить на себя внимание — тип людей, благодаря которым процветало производство предметов роскоши.

В X—XI веках мастера книжной миниатюры из Кентербери и Винчестера (так же как на континенте миниатюристы в Рейхенау, Трире, Кёльне и Льеже) поддерживали традицию европейского изобразительного искусства. Их произведения расходились по свету, возвещая о близком уже новом культурном подъеме и подготавливая его. Королева Эмма послала из Лондона в подарок своему брату Роберту, архиепископу Руанскому, англосаксонский псалтырь. В художественной традиции, некогда занесенной с континента, из Франции и Германии, но получившей самостоятельное развитие, противостояли друг другу два стиля: один — вычурный, акцентирующий складки и движения драпировок, а другой — более простой и сдержанный. Архаичная англосаксонская архитектура, многие памятники которой, как можно предполагать, еще существовали в начале XI века, была исключительно деревянной. Искусство каменного строительства, некогда завезенное на остров римлянами, восстанавливалось с начала VII века

христианскими миссионерами. Первые церкви, построенные ими в южной части страны, воспроизводили континентальные образцы. Оригинальный англосаксонский стиль зародился в Нортумбрии, обращенной в христианство ирландскими монахами. Там, на далекой окраине пришедшей в упадок Европы, около 700 года сложился не знавший равных себе центр обработки камня и металла и многоцветной живописи. Спустя столетие викинги уничтожили эту традицию, однако до наших дней дошли многочисленные ее памятники, продолжающие восхищать взоры людей — например высокие каменные кресты, тут и там предстающие перед глазами путника. Искусство Уэссекса, основанное на каролингских образцах, впоследствии распространилось по всей стране, за исключением Области датского права.

Ко времени, когда на другом берегу Ла-Манша родился будущий герцог Вильгельм, Англосаксонское королевство представало в качестве страны с богатой и высокоразвитой культурой, претерпевшей немалый ущерб в результате продолжавшихся в течение полувека войн и связанной с ними череды бедствий. Этой стране недоставало чувства национальной общности, предпосылкой зарождения которой была бы цементирующая ее концепция государства. Не было случайностью, что она дважды, с интервалом в пятьдесят лет, в 1016 и 1066 годах, подверглась иноземному завоеванию. Однако, если завоевание, произведенное Кнутом, явилось результатом простого военного превосходства, то вторжение Вильгельма Завоевателя отличалось организационным превосходством, последовательностью политического замысла, гармоничностью сочетания всех необходимых предпосылок. Именно поэтому оно оказалось успешным и долговечным.

Глава вторая. БАСТАРД (1027-1035)

В августе 1026 года умер герцог Нормандии Ричард II. Еще при жизни он назначил своим соправителем старшего из двоих сыновей, которых родила ему супруга Юдит, — восемнадцатилетнего Ричарда. Большинство нормандских баронов признали его своим новым правителем, тем самым одоббив свершившееся престолонаследие. Однако это решение не восстановило согласия в стране. Одна группировка склонилась перед волей другой, ожидая (и ожидание это не слишком затянулось) часа своего реванша. Всякий раз при смене правителя в Нормандии возникали подобного рода конфликты, поскольку каждый из сыновей, законных или побочных, оставшихся после покойного герцога, считал себя обойденным, если на престол восходил не он, а кто-то из его братьев или кузенов.

Второй сын Ричарда, Роберт, юноша шестнадцати или семнадцати лет, тогда же получил (быть может, в порядке компенсации) графство Йемуа (*Hiemois*). Эта территория с поросшими сочной травой лугами, расположенная между реками Орн и Див, представляла для герцогов как экономический, так и военный интерес: она являла собой передовую линию в направлении Перша и Мэна, прикрывая южный фланг герцогства. Однако строптивый нрав населения требовал постоянного контроля, поэтому герцоги взяли за правило поручать этот регион заботам надежных людей из числа представителей своего рода. Еще Ричард I пожаловал Йемуа одному из своих бастардов. В X веке графы Йемуа построили на холме Фалез каменный замок, весьма грозный для того времени,

вокруг которого впоследствии вырос укрепленный город.

Потомки прозвали этого Роберта Щедрым или Великолепным. Его поистине безумная щедрость овеяна легендами. Во время мессы по случаю освящения аббатства Серизи он вручил огромную сумму в сто ливров некоему оруженосцу, потерявшему свой кошелек, дабы избавить его от неминуемого позора, если бы тот не имел возможности участвовать в приношениях. Во время паломничества в Святую землю он велел подковать своего мула золотыми подковами и запретил спутникам подбирать с дороги выпавшие из них золотые гвозди. В Риме он накрыл своей великолепной мантией статую Марка Аврелия, дабы защитить ее от непогоды. Будучи в Византии, он прибыл по приглашению василевса в его дворец и, не найдя там достойного для себя кресла, свернул вчетверо свой парчовый плащ и сел на него, словно на подушку, а по окончании аудиенции оставил его на месте, заявив, что нормандец не имеет обыкновения носить на себе свое кресло. Прибыв к воротам Иерусалима, он встретил там толпу из нескольких тысяч паломников, огорченных тем, что турки не пускают тех, кто не имеет возможности отдать за вход по золотому безанту^[10]. И возмущенный Роберт заплатил за всех!

В этих рассказах содержится немалая доля преувеличения, присущего эпическим повествованиям, видимо, относящегося к более позднему времени, поскольку с конца XI века в лице Роберта прославляли в большей мере отца Вильгельма Завоевателя, чем самого Роберта, исторический образ которого подернулся дымкой забвения. И тем не менее нельзя отбросить все эти истории как праздный вымысел. В юнце, прибывшем принять от имени своего отца и старшего брата во владение Фалез, угадываются

приписываемые легендой черты характера, то пугающие, то притягательные, но весьма показательно контрастирующие с рассудительностью, решительностью и прозорливостью его славного сына. В конце Средних веков некоторые хронисты стали отождествлять этого герцога Роберта с Робертом Дьяволом, героем многочисленных, начиная с XIII века, популярных произведений литературы, мифическим персонажем неясного происхождения — неотесанным Дон Жуаном, которого сама мать обрекла Сатане.

Исторические источники мало что сообщают о коротком жизненном пути Роберта Щедрого. К периоду, охватывающему несколько месяцев до и после смерти Ричарда II, относятся два события, о которых нам известно лишь в общих чертах: связь Роберта с матерью Вильгельма Завоевателя и его война против Ричарда III.

Средневековая традиция не сообщает даже точного имени девушки, с которой Роберт повстречался в 1026 году или, что более вероятно, в начале 1027 года. Гильом Жюмьежский называет ее Герлевой — имя, широко распространенное тогда в Нижней Нормандии. Ордрик Виталь именует ее Герлеттой, что соответствует французскому имени Арлетта. Позднее, в XII веке, она фигурирует в источниках под самыми различными именами — Арлот, Арлез, Айлот, Хелен, Герлева и даже Беллона. Она была уроженкой Нормандии, дочерью простого обывателя Фалеза. Ее связь с Робертом продолжалась до самой его смерти, представляя собой брак «по датскому обычаю», практиковавшийся правителями Нормандии. Хронисты XI века даже не упоминают об этом, настолько естественным было в их глазах подобного рода сожителство. В XII веке эта чета, Роберт и Арлетта, неожиданно вошла в литературу. Куртуазная мода сделала из их любовной связи, приукрасив ее, тему для многочисленных поэтических вариаций. Несмотря на

очевидные расхождения в сообщениях Гильома Жюмьежского, Ордерика Виталия, Васа^[11] и их подражателей, все они рассказывают трогательную любовную историю, почти идиллию. Каковы были их побудительные мотивы? Простое ли желание сочинить занимательную историю, сделав ее персонажем Вильгельма Завоевателя и тем самым придумав для него биографию романтического героя? Может быть, да, а может, и нет.

По рассказам одних авторов, Роберт заметил Арлетту в хороводе танцующих женщин на площади Руана и, внезапно вспыхнув любовной страстью, похитил ее. Эта версия событий, видимо, берет свое начало от злонамеренных слухов^[12], специально распускавшихся в Англии противниками Вильгельма Завоевателя, которые, желая унижить его, приписывали ему низкое происхождение от бродячей танцовщицы. По сообщению Ордерика Виталия, Арлетта была дочерью герцогского камергера по имени Фульберт. Другие указывают на Фалез как место, где развернулась любовная история Роберта и Арлетты. Около 1160 года Бенедикт де Сен-Мор, желая потрафить вкусам своих современников, описал стайку юных купальщиц в разгар жаркого летнего дня: по сельской местности бежит речка и, расширяясь, образует удобное для купания место с устланным гравием дном. Мимо по дороге идет с луком за плечами, возвращаясь с охоты, молодой граф и видит, как плещется в воде девушка, приподняв руками подол сорочки. Ошеломленный граф встал как вкопанный, у него защемило в груди при виде белеющих сквозь заросли ивы самых очаровательных на свете чресл... Граф, изнемогая от страсти, посылает слуг к отцу Арлетты (а это была она) и просит отдать ему дочь, но старик ставит условием заключение законного брака.

Однако брак невозможен. Почему? Хронист не дает нам никаких объяснений. Возможно, дело было так: примерно в это время Кнут, король Английский, возвращаясь из Рима, проезжал по Нормандии и отдал свою сестру Эстрид в жены юному Роберту, дабы посредством этого альянса предупредить вмешательство нормандцев в пользу сыновей Этельреда. Таким образом, Роберт был уже женат к моменту встречи с Арлеттой и не мог сочетаться с ней законным браком. Тот же Бенедикт де Сен-Мор рассказывает, как некий отшельник уговаривает семейство девушки, стараясь развеять их сомнения. «Наши герцоги, — говорит он, — не нуждаются в церковном освящении, дабы взять себе жену и произвести на свет доблестных баронов». Уговоры подействовали: юную Арлетту обряжают в брачный убор и доставляют ее, сияющую от счастья, в герцогский замок. Наутро, едва жаворонки запели в небе, многолюдная процессия идет приветствовать ее. Она же, без всякого сомнения, зачала этой ночью плод, достойный избравшего ее высокородного сеньора, ибо, как повествует Вас, вдохновленный библейским преданием, она, вкусив любовных утех, заснула и увидела во сне, как из чрева ее вырастает огромное дерево, осеняющее Нормандию своей благодатной тенью.

Отец Арлетты, согласно тем же авторам, занимался ремеслом скорняка или кожевника — деталь, по всей вероятности, достоверная, поскольку впоследствии противники Вильгельма Завоевателя, желая нанести ему оскорбление, называли его кожевником. Зато совершенно непонятно, на чем основывается утверждение одного хрониста XIII века, что дед Вильгельма с материнской стороны будто бы прибыл в Нормандию из Льежа.

Можно предположить, что любовная авантюра Роберта была определенным образом связана с войной, которую он вел против своего брата. Действовал ли Роберт заодно с жителями Йемуа, недовольными своим новым герцогом и всегда готовыми на мятеж? Или же он просто воспользовался случаем для разрешения спора, возникшего у смертного одра Ричарда II? Не имел ли брачный союз с дочерью кожевника из Фалеза своим результатом (случайным или заранее предполагавшимся) скрепление политического союза? Летом 1027 года Ричард III внезапно появился на боевом коне и в окружении своей дружины у стен Фалеза, за которыми укрылся Роберт. У Ричарда не было орудий, необходимых, чтобы взять город приступом, и он, по всей вероятности, обратился за помощью к сеньору де Беллему (о котором мы еще услышим), пожаловав ему в благодарность за услугу Алансон и Домфрон в качестве фьефов. Он приказал подкатить к подножию холма баллисты и катапульты, осадные машины, хотя и незамысловатые, но достаточно эффективные, позволявшие метать копья и каменные снаряды на манер гигантских луков и пращ. Снаряды пробили в стене города брешь, через которую устремились осаждавшие. Непрístupным оставался *донжон*, сторожевая башня, но Роберт сдал и ее. Ричард III, полагая, что одержал победу, возвратился в Руан, где 6 августа после обеда, без признаков болезни, скоропостижно скончался.

Сразу же распространился слух, будто бы Роберт велел его отравить. Для противников герцогского семейства это мнение вскоре стало непреложной истиной, что, однако, не помешало баронам, собравшимся по этому случаю на ассамблею, признать Роберта своим новым герцогом. Покойный оставил после себя только двух незаконнорожденных дочерей и малолетнего сына от законной жены Адел и, которого

отправили в монастырь Фекан, а затем в Сен-Кан, где он провел в полной безвестности долгие годы, уйдя в мир иной лишь в 1092 году.

В конце 1027-го или в начале 1028 года Арлетта произвела на свет сына, которого нарекли популярным в то время именем Вильгельм^[13]. Жизнь этого человека была овеяна легендами с момента рождения. Как сообщает Вас, едва повивальная бабка положила новорожденного на солому, коей был устлан пол комнаты, как мальчуган, протянув ручонки, ухватил охапку ее, что всеми было истолковано как предзнаменование: родился великий завоеватель.

Ребенок провел свои первые годы в Фалезе, видимо, в доме деда, на долю которого выпало заботиться о матери-одиночке. Отец же мальчика, став герцогом, жил то в Фекане, то в Руане или же разъезжал по стране с мечом в руке. Однако он не позабыл и не бросил Арлетту с сыном, к которым испытывал (и последующие события подтвердили это) чувство глубокой привязанности и которых часто навещал. Арлетта зачала во второй раз и родила дочь, нареченную именем Алиса. Что же до законной его супруги (если правда, что он женился на Эстрид), то Роберт расстался с ней по причине ее бесплодия.

Оказался как-то, рассказывает Вас, в городе Фалезе старый кровожадный зверь сиречь сеньор де Беллем, Гильом Тальва. Какой-то горожанин шутки ради обратился к нему: «Не хочешь ли взглянуть на сына нашего герцога?» Тальва, расхрабрившись, согласился. Оруженосец подвел к нему коня, придерживая всадника, маленькие ножки которого еще не позволяли достаточно прочно держаться в седле. И Гильом де Беллем, простоватый и грубый феодал, в присутствии этого ребенка вдруг смутно почувствовал себя человеком другого, уходящего века. Опустив голову и

отвернувшись, он с досадой проговорил: «Вижу близкую гибель Беллема».

Это еще одна легенда. Велик ли был престиж внука кожевника из Фалеза, даже и окруженного любовью 18-летнего отца-герцога, в сравнении с суровыми потомками Ричарда I, Ричардидами, представлявшими собой многочисленный и богатый клан, сплоченный родовыми интересами и обычаями? Они держали в своих руках Нормандию. Сыновья, законнорожденные и бастарды, Ричарда I — архиепископ Руанский Роберт, граф Корбейский Може, граф Гильом Эвский — были старшим поколением дедов, за которым шли 30—40-летние, алчные и отважные, ревниво хранившие свои привилегии, готовые действовать жестоко и невзирая на лица, а в затылок им уже дышали совсем молодые, почти дети, которые скоро покажут свои зубы. Включая родню своих жен, этот клан выходил далеко за пределы Нормандии, переплетая свои интересы с устремлениями властителей Англии, Бретани, Блуа и Бургундии или сталкиваясь с ними в локальных конфликтах. Смерть Ричарда II развязала силы, до той поры более или менее сдерживавшиеся. Чрезвычайно краткое правление Ричарда III, его подозрительная смерть, юный возраст и импульсивный характер Роберта — все шло вразрез со стремлением нового герцога упрочить свой авторитет.

Едва большинство участников упомянутой ассамблеи признали Роберта, как двое главных князей церкви отвергли его, отказавшись присягнуть на верность. Одним из них был архиепископ Руанский, удалившийся в Эврё, дабы продемонстрировать свое неповиновение новому герцогу. А тот с такой неистовой силой обрушился на непокорного, что ему пришлось в страхе искать спасения во владениях короля Франции, откуда он грозил герцогу анафемой, но Роберту и горя было мало. Вторым выказал неповиновение епископ Байё Гуго, укрывшийся за стенами своего родового

замка Иври. Роберт стремительно двинулся туда и вынудил Гуго — и его тоже — искать убежища во Франции.

Но тут обнаружилась третья измена: на сей раз выказал непокорство уже известный нам Гильом Тальва, владетель Беллема. А ведь он был держателем самого большого в Нормандии фьефа, которым герцогскому семейству никак не удавалось завладеть. Собственно, это был не столько фьеф, сколько настоящее княжество, состоявшее из доменов, находившихся в вассально-ленной зависимости от различных сеньоров — одни от герцога Нормандского, другие от короля Франции, третьи от графа Мэна. Владетели этих доменов, обосновавшиеся в Бел-леме, старинном кельтском поселении, над которым возвышался внушительный замок, происходили от некоего арбалетчика короля Людовика IV, пришедшего на королевскую службу из Манса или Бретани, которому Ричард I около 950 года пожаловал в знак признательности за оказанные услуги земли в Перше. К началу XI века эта сеньория протянулась от Бел-лема до Домфрона на добрую сотню километров и включала в себя до тридцати замков, многие из которых были построены из камня и контролировали дороги, ведущие с низовий Луары в Руан и Байё.

К 1030 году Гильом Тальва (это прозвище означает «щит»), многоопытный и жестокий рубака, стяжавший себе жуткую славу, уже целых тридцать лет господствовал в своих владениях. Он бросил вызов Роберту, укрывшись за высокими стенами крепости Домфрон. Роберт осадил крепость и принудил Гильома капитулировать, а затем принести вассальную присягу за все свои владения, потребовав даже, как рассказывают очевидцы, присутствовать на церемонии, стоя на четвереньках и, точно лошадь, с седлом на спине! Из троих сыновей Гильома де Беллема один

погиб, сражаясь с войском Роберта, а другой, попав в плен, был убит в тюремной камере ударом топора. Род владельца Беллема был вынужден примириться с новым герцогом.

Тем временем герцог Бретани Ален III двинулся на Авранш, подвергнув разорению его окрестности. Роберт нанес ответный удар, захватив замки Понторсон и Шаррю, которые затем передал под надзор, соответственно, виконта Котантена Нееля де Сен-Совера и некоего Аврэ по прозвищу Великан. Эти верные служаки герцога устроили в Бретани ужасную резню, и только вмешательство архиепископа Руанского, к тому времени вновь обретшего герцогскую милость, и аббата монастыря

Мон-Сен-Мишель позволило в 1030 году прийти к соглашению. Граница между двумя герцогствами прошла по реке Куэнон, и возможно даже, что (во всяком случае, нормандцы так утверждали) Ален принес вассальную присягу Роберту. Вероятно, тогда, дабы укрепить новую границу и создать, что было не менее важно, противовес сеньории Беллема, Роберт учредил графство Мортэн, которое пожаловал своему кузену Гиль-ому Герланку.

20 июля 1031 года умер король Франции Роберт — непреклонный человек, которого потомки почтили почетным прозвищем Благочестивый (*Pieux*). Его старший сын Генрих, уже в течение многих лет бывший соправителем отца, но преследуемый ненавидевшей его мачехой Констанцией, опасаясь бог знает каких козней, бежал, едва короновавшись, пытаясь найти убежища в Фекане у Роберта Нормандского. Против гнавшегося за ним по пятам войска Констанции он вымолил помощь у своих вассалов и обратился за поддержкой к своему брату, уступив ему герцогство Бургундское, завоеванное их отцом, а также к графу Анжуйскому. Роберт Великолепный взял дело в свои

руки и в трех сражениях разгромил мятежников, после чего те признали себя побежденными и принесли присягу на верность Генриху I. Однако Роберт, которому одержанные победы позволили возвыситься в качестве арбитра, использовал ситуацию в собственных интересах. Он, являясь вассалом короля, хотя и был в принципе обязан бескорыстно прийти к нему на помощь, тем не менее потребовал от него и получил вознаграждение в виде графства Вексен, простиравшегося до самой Уазы.

Король Генрих I унаследовал от отца и более дальних предков физическую силу и обостренное чувство собственного достоинства. Почти не обладая реальной властью, он тем не менее умел иными средствами поддерживать свой престиж. Так, он взял себе в жены дочь великого князя Киевского Анну Ярославну. То, что называли его королевским двором, представляло собой, если речь не шла о больших съездах вассалов, горстку вечно ссорившихся и интриговавших родных и приближенных, а также нескольких доверенных лиц и советников, зачастую временных и не обладавших необходимой квалификацией. Генрих I не любил ни монахов, ни ученых. Примечательно, что именно в годы царствования этого правителя и в связи с его личностью возникло знаменитое народное суеверие, приписывающее королю Франции чудесное свойство исцелять одним прикосновением руки золотуху или *королевскую болезнь*, весьма распространенный в те годы недуг. На протяжении всех тридцати лет правления действиями Генриха I руководила одна-единственная политическая идея: не допускать, чтобы один из его вассалов слишком высоко поднимался над другими. Для этого он натравливал одних на других, пользуясь удобным случаем и не гнушаясь самыми низкими интригами. Этим объясняется переменчивое, а

под конец и откровенно враждебное отношение этого короля к герцогу Нормандскому: так, еще при жизни Роберта он под благовидным предлогом забрал обратно восточную часть графства Вексен до реки Эпт.

Уже двадцать лет сыновья англосаксонского короля Этельреда, Эдуард и Альфред, жили под покровительством герцогов Нормандии, коим приходились родственниками по женской линии. По всей видимости, они были в дружине Роберта, участвуя в его кампаниях и пребывая в его замках. К 1030 году они достигли уже зрелого возраста. Их сестру Роберт выдал замуж за графа Вексена. При всем том, пока в Англии господствовал Кнут, в отношениях Нормандии с этой страной ничего не менялось. И все же можно полагать, что в окружении герцога Нормандского ностальгические воспоминания принцев-изгнанников способствовали вызреванию намерения совершить вторжение на соседний остров. Есть основания предполагать, что в период между 1030 и 1034 годами герцог Роберт решился на подобную авантюру, собрав в Фекане флот, чтобы высадиться на побережье Суссекса, однако сильная буря, застигшая нормандцев на полпути к цели, отбросила их назад к Котантену. Но в любом случае шансы на успех были призрачны. Кнут твердой рукой правил, по крайней мере, в южной части Англии, где его власть выглядела, и небезосновательно, весьма стабильной. Только на севере, в Нортумбрии, не прекращалась борьба кланов, что в конце концов привело к расколу этого древнего англосаксонского королевства, и бразды правления там взяли в свои руки эрлы, представители традиционной англосаксонской знати. Герцог Роберт, первоначальные победы которого повысили его авторитет и, возможно, породили в нем честолюбивые замыслы, наверное, чувствовал в себе силы возвести на английский престол одного из

кузенов, который, будучи всем обязанным ему, стал бы послушным исполнителем его воли.

Реальная власть, которой он обладал, не столько была его личной заслугой, сколько определялась общим положением дел в Нормандии в конце первой трети XI века. Демографическая ситуация, несмотря на свирепствовавшие целое десятилетие войны, была вполне терпимой — во всяком случае, ни одна область в стране не пришла в запустение. Очевидно, по этой причине экономика герцогства сравнительно легко оправилась от тех испытаний, которым подверглась Нормандия в годы малолетства Вильгельма Завоевателя. Административное устройство также не внушало опасения, поскольку Роберт худо-бедно сумел продолжить начатое его дедом и отцом. Действительно, документы той эпохи свидетельствуют, что при герцоге существовало некое подобие административного аппарата. Трудно очертить круг его полномочий, что же касается персонального состава, то на административную службу привлекались главным образом бароны, а это значит, что радеть об интересах центральной герцогской власти поручалось тем, кто был главным виновником феодальной раздробленности. И все же герцог Нормандский располагал более эффективным средством управления, чем прочие правители в то время. К 1035 году в герцогстве имелись в наличии все основные рычаги государственной власти, которые спустя тридцать лет с максимальной эффективностью задействует Вильгельм Завоеватель.

Эта нормандская «администрация» мало отличалась от той, что появилась впоследствии в других странах Западной Европы. Несколько раз в год бароны собирались у герцога в силу своей вассальной обязанности служить ему советом, образуя тем самым палату (*cour*). Она совещалась и, по требованию правителя, принимала решения по всевозможным

вопросам, включая и такие, как перенос святых мощей или объявление дальнего военного похода. Начиная с первых герцогов Нормандских, ни одно по-настоящему важное решение не принималось без одобрения палаты. В ее состав входили светские и духовные вассалы герцога, находившиеся в постоянном контакте с ним, которым он иногда поручал специальные задания. Так, ежегодно на Пасху в аббатстве Фекан собиралась палата, в составе которой заседали епископы герцогства и некоторые графы, которым вменялось в обязанность разбирать судебные тяжбы, относящиеся к сфере компетенции герцогского суда. Кроме того, со второй половины X века определенное количество должностных лиц постоянно находилось при герцоге; в частности, это были камергер, виночерпий, стольник, сенешаль и нотариус (своего рода секретарь). Эти должности (они встречались тогда в большинстве территориальных княжеств) первоначально носили характер домашних служб, однако по мере расширения герцогских доменов трансформировались в квазипубличные. Герцог держал в своих руках этих «должностных лиц», пока они не сумели превратить должности, на которые назначались, в наследственные.

Появившийся при Ричарде II орган финансового управления, само существование которого в ту отдаленную эпоху вызывает удивление, дополнял это находившееся в зачаточном состоянии правительство, по составу более или менее совпадавшее с ближайшим окружением герцога. Это была своего рода коллегия (*camera*), состоявшая из людей, овладевших искусством счета, которым вменялось в обязанность контролировать поступление герцогских доходов. Вполне вероятно, что уже во времена Роберта Великолепного герцог оценивал свои доходы не натурой (как это обычно делалось тогда), а в денежном исчислении.

На территории, составлявшие его домен, герцог направлял своих представителей — *ВИКОНТОВ*, доверенных лиц, наделенных широкими полномочиями: сбор податей и налогов, поддержание общественного порядка, созыв ополчения и надзор за герцогскими замками. Виконт контролировал деятельность подчиненных ему должностных лиц, лесничих и сборщиков налогов. Именно последние непосредственно занимались взиманием пошлин с товарооборота, причитавшихся герцогу. Зато виконт лично взимал судебные пошлины и налоги, выплачивавшиеся при переходе собственности к другому лицу, а также десятины в пользу церквей, находившихся под патронатом герцога, доходы от чеканки монеты, вассальные вспомоществования и оброки с непосредственных держателей земельных наделов. Всё это в совокупности составляло доход герцога.

Именно благодаря наличию должности виконта герцоги Нормандии, несмотря на продолжавшийся процесс феодализации, в большей мере, чем другие князья, оставались правителями своего народа. Однако уже в начале XI века некоторые виконты фактически сделали свои должности наследственными, так что герцог уже не мог отозвать неугодного виконта и заменить его другим. Именно тогда в источниках появляются упоминания о *прево*, исполнявших те же обязанности, что и виконты, только в более тесных территориальных пределах. Вполне возможно, что создание этой новой должности было продиктовано стремлением герцога обуздать виконтов, выходивших из-под его власти.

Короткое и бурное правление Ричарда III и Роберта, вероятно, слегка пошатнуло эту административную систему, но все же она устояла. Нормандские бароны, каждый из которых в экономическом отношении сильно

уступал герцогскому семейству, проявляли меньше готовности бунтовать, чем это можно было видеть в других местах. Единственная угроза целостности герцогства исходила от представителей самой династии Ричардидов.

А пока что Роберт торжествовал. Его маленький бастард подрастал в Фалезе. Гильом Жюмьежский свидетельствует, что его обучали «добрым обычаям», что подразумевало усвоение навыков дисциплины, самоуважения и почтительного отношения к церковным установлениям. Однако, что касается серьезного школьного образования, то сомнительно, чтобы мальчика научили чему-нибудь помимо азов чтения и письма, притом что с первых лет жизни Вильгельма в глаза окружающих бросались его сообразительность и жажда познания. И в зрелые свои годы он не отворачивался ни от одной из крупных проблем, которые ставил перед ним его век; даже если он и не вполне понимал то, о чем его информировали, желание узнавать новое никогда не покидало его. Качества администратора, восприимчивость, готовность учиться, которую он проявлял с малолетства (несмотря на необузданность нрава, унаследованную им от отца), несомненно, объясняются его природными задатками. Вместе с тем среда, в которой он воспитывался, позволила ему развить свои способности; сыграло свою роль и благотворное влияние отдельных лиц, которое он испытывал с младых ногтей. Кто были эти люди? Мы не знаем этого. Возможно, мать ребенка? Или его отец?

Роберт, крепкий молодой человек двадцати лет, не был заурядным воякой. Управление герцогством, с которым он весьма успешно справлялся, предполагало наличие хотя бы минимального политического кругозора, что проявлялось, например, в церковной политике. Молодой герцог осыпал своими благодеяниями крупные аббатства в Фекане и

Жюмьеже, аббатство Мон-Сен-Мишель. Не без личного участия Роберта в 1033 году аббатом монастыря Святой Троицы в Руане стал немецкий монах Изембарт, ученый и художник, благодаря которому церковная жизнь в городе испытала заметный подъем. Герцог проявлял благосклонное отношение к монастырской реформе, чем отличался и его отец, накопив, таким образом, ценный политический капитал, которым сумеет воспользоваться его сын.

К тому времени потребность в реформе стало ощущать и белое духовенство. Церковный собор в Лиможе в 1031 году протестовал против полного отказа от церковной проповеди в деревнях. Епископ Герберт, руководивший церковью Кутанса, распорядился прогнать неграмотных каноников, а его преемник предпринял реконструкцию кафедрального собора. Но пример Кутанса еще оставался единичным случаем. В Мансе на епископской кафедре восседали один за другим четыре представителя семейства Беллем, грубые неотесанные феодалы, обремененные многочисленными семействами, причем один из них вообще не был лицом духовного звания. Более того, если верить записи в «Деяниях епископов Манса», среди них была даже *episcopissa*, епископия... Но стоит ли этому удивляться, если в те годы в Риме папский престол занимал тринадцатилетний отрок? Еще один примечательный случай: в Мансе умер граф Герберт по прозвищу Разбуди Собак, которое он получил из-за своей привычки ни свет ни заря носиться по сельской округе, оставивший после себя трех дочерей и одного малолетнего сына. В этой ситуации епископ из рода Беллем стал, если не по праву, то фактически, единственным господином города Манса, что породило, уже в правление Вильгельма Завоевателя, бесконечные конфликты.

В те годы в герцогстве Нормандском возникали многочисленные новые аббатства, причем чаще по инициативе отдельных баронов, нежели самого Роберта. В 1034 году некий сеньор Онфруа учредил в Прео сразу два аббатства, мужское и женское, причем аббатисой последнего назначил Эмму, представительницу знатного рода, возможно, родственницу герцога. У этой аббатисы был брат Гильом, учившийся и учивший в школе города Пуатье, который в свое время сочинит официальную биографию Вильгельма Завоевателя — Гильом из Пуатье. Герцог Роберт не преминул поучаствовать в создании аббатства Прео: он сделал значительный вклад, оформив его соответствующей грамотой, и, как гласит предание, поручил сыну Арлетты возложить документ на алтарь во время церемонии освящения храма. Это было первое официальное действие Вильгельма, которому тогда исполнилось семь лет. Если это было на самом деле, то отнюдь не случайно: Роберт вывел сына на публику, демонстративно поручив ему участвовать в официальной церемонии, реализуя свои права.

В самом Роберте что-то переменялось. Уже семь лет находясь у власти, он все чаще обращался к благочестивым делам, то участвуя в учреждении аббатств, то учреждая их самостоятельно. Испытывал ли он душевные муки? Современники полагали, что — да, объясняя внезапно пробудившееся в герцоге благочестие угрызениями совести. В 1034 году, к великому изумлению придворных, Роберт объявил о своем намерении совершить паломничество в Иерусалим. Неужели спустя годы, когда после смут и волнений в герцогстве установился покой, призрак убиенного Ричарда 111 стал по ночам тревожить его преемника? Надо полагать, как знак свыше воспринял Роберт поразивший в 1032 году Нормандию голод, ожививший традиционные страхи, за которым

последовало моровое поветрие. А тут еще тысячелетний юбилей крестных мук Спасителя, пришедшийся на 1033 год и побудивший толпы паломников из христианских стран отправиться в Святую землю, куда потянуло и Роберта. Первейшие сеньоры герцогства во главе с архиепископом Руанским выразили свое опасение по поводу последствий, которые неминуемо наступят, если герцог исполнит свое намерение. С горем пополам удалось избежать худшего в трудные годы с 1027-го по 1030-й, и теперь положение дел внушало надежду: если бы нынешнее правление оказалось столь же продолжительным, как пребывание у власти Ричарда I и Ричарда II, то удалось бы окончательно установить в Нормандии мир и порядок. Напротив, долгое отсутствие герцога, ежели тот отправится в паломничество, непременно вызовет беспорядки и, быть может, большие. Что же касается Роберта, то он, в пылу благочестия и обуянный гордыней, вероятно, полагал, что герцогская власть достаточно прочна и отныне сможет осуществляться сама собой. Ему хватило лишь благоразумия назначить себе преемника на случай, если произойдет худшее.

Никакой закон или обычай не стесняли его выбора. Казалось, было бы разумно предложить на утверждение кандидатуру одного из Ричардидов, во цвете лет и достаточно отважного, чтобы заставить уважать себя. Но Роберт, вероятно, поостерегся отдать власть конкуренту, который, когда сам он вернется, мог бы отказаться освободить место на троне. А может быть, он просто хотел (вполне понятное желание) продолжить себя в своем сыне? Но у него не было другого сына, кроме того, что родила ему Арлетта. В конце концов, большая любовь к этой женщине и ее ребенку служила достаточным основанием для его выбора.

Именно малыша Вильгельма представил Роберт баронам, собравшимся в январе 1035 года в Фекане, в качестве своего преемника. Он принял решение и теперь добивался его исполнения, приводя свои доводы. «Я не оставлю вас без государя. Вот мой сын. Он еще мал, но, Бог даст, подрастет, — говорил он, как сообщает Вас. — Достоинства этого отрока обнаруживают в нем способность стать в один прекрасный день вашим правителем...» Бароны и прелаты единодушно приняли нового господина. Ни один из них даже не заикнулся о законности его происхождения — убедительное свидетельство того, сколь сильны еще были в тогдашней Нормандии скандинавские традиции эпохи викингов. В те времена в любой другой части христианского мира можно было бы поставить бастарда во главе крупного княжества, только преодолев упорное сопротивление знати.

Итак, ребенка облачили в тяжелую герцогскую мантию, и бароны потянулись вереницей, чтобы, преклонив перед ним колени, принести ему вассальную присягу, вложив свои руки в маленькие протянутые навстречу им ручки — и бородатые старцы с морщинистыми, изборожденными шрамами лицами, чья молодость прошла в далеком уже X веке, и зрелые мужи, которым пришлось в свое время покориться непреклонной воле Ричарда II и которые, возможно, будут вскоре вспоминать об этой церемонии как о личном унижении, и, наконец, юноши, имевшие некоторое представление о дисциплине, но опьяненные мыслью о том, что будущее принадлежит им...

Были приняты надлежащие меры для обеспечения временного исполнения власти на период долгого отсутствия Роберта. Герцог поручил опеку над сыном своему кузену, тоже бастарду по происхождению, Жильберу де Брионну, имевшему репутацию энергичного и умелого человека, но образ действий

которого не отличался ни порядочностью, ни чистосердечием. Сенешаль Осберн де Крепон, дядя мальчика, должен был управлять герцогским домом, а некоему Турольду поручалось воспитание юного принца. Затем Роберт отправился вместе с сыном к королю Франции, высокому покровительству которого и препоручил маленького Вильгельма на время своего паломничества. Вероятно, ребенок принес тогда королю вассальную присягу и некоторое время оставался при его дворе.

Сам же Роберт, которого сопровождал весьма многочисленный отряд, в том числе и несколько баронов, направился в дальние страны, а тем временем его нормандский двор, лишенный своего хозяина и отданный во власть клана Ричардидов, кочевал по герцогскому домену, переезжая, как исстари повелось, от замка к замку, от аббатства к аббатству, из Руана в Фекан, Фалез или Кан, который тогда становился настоящим городом с портом, рынком и многочисленными церквями.

В распоряжении Роберта и его спутников имелись, видимо, лучшие транспортные средства, чем и объясняется необычайно быстрое для того времени передвижение: уже в июне они были в Иерусалиме и, надолго не задержавшись там, в том же месяце покинули Святую землю. Роберт был молод и крепок здоровьем, однако стремительное движение по трудному маршруту и непривычный для него климат подорвали его здоровье. Хронист Вас передал рассказ некоего нормандца, уроженца Котантена, также совершавшего паломничество в Палестину и повстречавшего на пустынной дороге в Анатолии герцогский кортеж. Шестнадцать мавров несли на носилках Роберта, который не мог более держаться на коне. Паломник обратился к герцогу с вопросом, что сказать землякам, если он раньше воротится домой.

«Скажи моим друзьям и народу Нормандии, — ответил Роберт, — что я позволил бесам нести меня в рай!» И, смеясь, указал на дочерна загоревших сарацин.

К концу сентября в Нормандии распространился слух, что герцога нет в живых. И на сей раз заговорили об отравлении, настолько невероятным казалось людям того времени, чтобы правитель умер своей смертью. Затем появились более точные вести, привезенные одним из баронов, спутником Роберта, вместе с реликвиями, приобретенными в Святой земле: герцог умер 2 июля в Никее. Перед смертью он успел напомнить своим спутникам о верности, в коей присягали они его сыну. Ему было около 25 лет от роду. Останки его и поныне покоятся там же, в храме Успения Богородицы.

Глава третья. ОБРЕТЕНИЕ ВЛАСТИ (1035-1047)

Смутные времена

Роберт рассудил верно: пока он был жив, даже пребывая в дальних краях, герцогское достоинство само по себе внушало уважение, достаточное для поддержания порядка. Но как только пришла весть о его смерти, все рухнуло. Ни один из тех, на кого он оставил герцогство — ни Жильбер де Брионн, ни Осберн, ни Турольд, — не дорос до того, чтобы господствовать и внушать страх. Уже с лета 1035 года в Нормандии начались междоусобные войны. За несколько месяцев большая часть герцогства была втянута в роковой круговорот убийств, актов возмездия и карательных походов. Неспособные всерьез принимать взятые на себя обязательства в отношении сироты, едва вышедшего из раннего детского возраста, бароны разрушили установившийся в стране хрупкий мир, а затем, следуя привычной логике завязавшейся борьбы, противились любой попытке его водворения. Этот оборот дел наглядно продемонстрировал, какой реальной властью обладали до сих пор герцоги—и вдруг исчезла сила, благодаря которой Нормандия в политическом и административном отношении опережала своих соседей. Был ли Вильгельм в свои 8—10 лет способен извлечь надлежащий урок, наблюдая эти кошмары, ставшие явью?

Его опекун Жильбер де Брионн тогда же, в качестве их сюзерена, взял на себя опеку над детьми покойного сеньора Жируа, авантюриста родом из Бретани, в конце X века появившегося в Нормандии и удачно

женившегося на дочери господина де Монфора, которая родила ему семь сыновей и четыре дочери — так он стал родоначальником клана Фиц-Жере. К 1035 году старшие сыновья Жируа достигли зрелого возраста и стали, имея на то основание или нет, подозревать, что опекун их обирает. Ричардид Рауль де Гасе по прозвищу Ослиная Голова, сын архиепископа Руанского, зная вспыльчивый нрав этих молодых людей, начал подзуживать их, и однажды, когда Жильбер де Брионн ехал в безлюдном месте верхом на коне в компании с приятелем, они напали на него и убили. Сыновьям Жильбера пришлось искать убежища во владениях французского короля, а новым опекуном юного герцога стал Рауль де Гасе. Спустя какое-то время неизвестный убийца лишил жизни наставника Вильгельма — Турольда. Затем пришел черед сенешаля Осберна: однажды ночью в спальню, в которой тот находился вместе с юным герцогом, прокрался с мечом в руке Гильом де Монтгомери, долгое время живший в изгнании и специально ради этого вернувшийся в Нормандию, и на глазах у перепуганного Вильгельма перерезал ему горло. Один из вассалов Осберна поклялся отомстить за него и пошел по следам Гильома де Монтгомери со товарищи; однажды вечером он проник в дом, где те находились, и всех их перебил. Эти убийства наглядно показывают, до какой степени за столь короткий срок деградировала власть в Нормандии: мы помним, что нарушение неприкосновенности жилища считалось там тягчайшим преступлением.

В окружении юного герцога находились и его англосаксонские кузены Эдуард и Альфред, любезные и застенчивые, но убежденные в собственной правоте и благородстве своего дела, жившие со взором, обращенным в сторону Англии. Уже давно выжидали они удобного случая, чтобы начать действовать,

подыскивая среди нормандцев тех, на чью помощь можно было бы рассчитывать. Какие беседы вели они в присутствии маленького бастарда, который, возможно, уже тогда понимал своим детским разумом несостоятельность их надежд?

Похоже, для Эдуарда его младший брат Альфред был не столько союзником, сколько соперником. Король Кнут умер 12 ноября 1035 года, и его империя распалась: Норвегия досталась Свену, старшему сыну покойного, а Дания и Англия — Хартакнуту, рожденному в браке Кнута с Эммой Нормандской. Многие англосаксонские лорды обещали ему свою поддержку, однако обстоятельства удерживали его в Дании, и бастард Кнута Харальд попытался захватить власть в Англии. На обоих берегах Ла-Манша воцарилась анархия, и Эдуард счел этот момент благоприятным для себя. При поддержке нормандцев он сумел снарядить сорок судов. Переправившись через пролив, он причалил к Саутгемптону, но угодил в засаду, из которой ему удалось выбраться ценой больших потерь. Враждебность местного населения обескуражила его, и он, ограбив окрестные церкви, с добычей вернулся в Нормандию. Впрочем, нет полной уверенности, что эта экспедиция вообще имела место. Альфред, не желая отстать от брата, предпринял авантюру на свой манер. Он нанес визит графу Фландрии, от которого в сложившейся ситуации ждал помощи больше, чем от нормандцев, и действительно, получил корабль достаточно большого водоизмещения. В 1036 году в компании таких же искателей приключений он отчалил из Виссана. Альфред намеревался нанести мирный визит королеве Эмме и на месте принять решение. Он беспрепятственно прибыл в Кентербери и двинулся вглубь Кента. Эрл Годвин, который поддерживал притязания Харальда, притворно оказал Альфреду радушный прием и пригласил его на

пир в замок Гилфорд. Посреди ночи наемные головорезы Харальда окружили замок, захватили мертвецки пьяного Альфреда, заковали его в цепи и доставили в Лондон. Харальд приказал выколоть ему глаза, голым посадить на лошадь и в таком виде отправить на остров Или, где тот вскоре и скончался.

Харальд намеревался пресечь все попытки представителей семейства Этельреда захватить власть и на какое-то время преуспел — англосаксонская аристократия признала его своим королем. Королева Эмма отправилась в изгнание, избрав местом своего пребывания Фландрию. Видимо, ненависть, которую она питала в отношении своих сыновей от первого брака, отвратила ее от родной Нормандии. Несмотря на двусмысленность отношения Эдуарда к своему брату (невольно напрашивается вопрос, не был ли он замешан в предательской интриге Годвина), события вынуждали этого претендента на английский престол еще больше крепить связи с нормандским двором.

А в самой Нормандии смута только нарастала. Как раз в это время из Испании вернулся уже известный нам Роже де Тони — пожиратель мавров. Он был потомком самого Роллона и не собирался подчиняться унижительной, на его взгляд, власти. Узнав, что покойный герцог навязал баронам своего бастарда, сына Арлетты из Фалеза, он решительно сказал: «Нет!» В поведении Роже не просматривалось какого-либо политического направления, он просто-напросто воспользовался случаем, дабы сбросить с себя ярмо герцогской власти, опять почувствовать себя независимым хозяином своей судьбы. Он обосновался в своих владениях, приступил к строительству Коншского аббатства и принялся грабить домены своих соседей. В очередной стычке он нашел свою гибель — и не в одиночку, а вместе с обоими своими сыновьями. Те же бесчинства творились и в Беллеме, где старому Гильому

наследовал младший сын, тоже Гильом, тщедушный, трусливый, но коварный, безумной жестокостью превосходивший даже своего отца. Пресытившись законной женой, он велел убить ее прямо на улице и тут же задумал жениться снова. Пригласив на свадьбу своего соседа Гильома Фиц-Жере, он приказал схватить его, выколоть глаза и отрезать нос, уши и детородный член, после чего несчастный укрылся в аббатстве Бек, предоставив своим родственникам совершить акт возмездия. Однако трусливый Беллем, уклонившись от сражения, бежал. В один прекрасный день против него взбунтовался собственный сын, который вскоре сам был убит своим братом. Месть следовала за мостью, пока в живых не осталась одна только дочь Мабиль, в которой криминальные наклонности представителей сего рода развернулись в полной мере. Из всего семейства один только Ив, епископ Се, пользовался репутацией добродетельного и образованного человека. Как-то раз трое баронов-разбойников, братья Сорен, разграбили его диоцез, захватили Се и устроили в кафедральном соборе конюшню. Ив сумел отвоевать город, осадил братьев Сорен в церкви и, не имея иной возможности добраться до них, велел сжечь их заживо...

Раздираемая внутренними распрями, Нормандия была легкой добычей для внешних врагов. В 1040 году герцог Бретани Ален III перешел пограничную реку Куэнон, используя в качестве надуманного предлога то, что Роберт Великолепный будто бы назначил его опекуном своего сына, тогда как Жильбер, а затем Рауль узурпировали это поручение, и теперь он лишь требует причитающееся ему по праву. Он вторгся вглубь нормандской территории и осадил Вимутье, но в ходе осады, в октябре, его настигла внезапная смерть — скорее всего, в бою, но, как обычно, прошел слух, что его отравили. Похоронили его в Фекане, поскольку по женской линии он был дальним родственником

герцогского семейства Нормандии. Он оставил лишь одного законного сына, еще младенца, по имени Конан. Его брат Эон де Пентьевр объявил себя опекуном ребенка, изгнав вдову герцога Берту, дочь Эда де Блуа, которая нашла убежище у графа Мэна, за которого впоследствии и вышла замуж. Видимо, тогда монахи аббатства Мон-Сен-Мишель и заказали специальный колокол, предназначенный для того, чтобы подавать нормандцам на приграничных территориях сигнал о приближении бретонских отрядов.

Поучаствовал в междоусобных сварах и король Генрих I: ссылаясь на свое право осуществления охраны владений малолетних вассалов, он потребовал передать ему замок Тилльер-сюр-Авр, в свое время построенный Ричардом II на границе с владениями Эда де Блуа. Королевский отряд уже принялся опустошать окрестности, когда Рауль де Гасе, опекун малолетнего герцога, получил уведомление и приказал шателену Жильберу Креспену сдать замок Тилльер. Однако Жильбер получил свое назначение непосредственно от Роберта Великолепного и, храня верность сеньору, отказался исполнить приказ. Тогда люди короля приступили к осаде, и Рауль де Гасе повторил свой приказ. На этот раз Жильбер Креспен нашел решение, не шедшее вразрез с его совестью: он сдал замок, но не королю, а лично своему герцогу, маленькому Вильгельму; затем уже от его имени Рауль передал замок королю. Надо полагать, Генрих I вдоволь посмеялся над этой комедией, тем более что дело обернулось к его удовольствию. Когда последний нормандец покинул замок, он велел поджечь его и, заняв удобное место, любовался этим зрелищем, трясясь от хохота. Затем он продвинулся вглубь региона Йемуа, предал разграблению бург Аржантан и с добычей удалился восвояси, предварительно распорядившись восстановить, вопреки данному Раулю

обещанию, замок Тилльер, отныне обращенный против Нормандии.

Вторжение короля еще больше усилило беспорядок в герцогстве, одновременно обнаружив бессилие Рауля и показав тем, кто еще хранил верность герцогу, тщетность сопротивления. Тутэн Гоз, прево Йемуа, разместил в замке Фалеза, охрана которого была поручена ему, гарнизон из наемников, в большинстве своем французов, и отказался повиноваться Раулю. Почему? Никому не ведомо. Король ли подкупил его или, напротив, Тутэн хотел сохранить замок для юного герцога, предупредив очередную капитуляцию его опекуна? Разъяренный Рауль собрал ополчение и осадил город; под вечер его осадные машины пробили широкую брешь в стене, однако решено было отложить решающий штурм до утра. Ночью Тутэн бежал, отправившись в изгнание, но позднее вернулся и примирился с герцогом.

Вильгельму было тогда тринадцать лет. Он приближался к своему совершеннолетию, в те времена наступавшему в четырнадцать или пятнадцать лет. Он воспитывался вместе с сыном Осберна, тоже Вильгельмом, с которым его связывала тесная дружба. В этом честном и прямодушном мальчике юный герцог больше всего ценил верность, казавшуюся ему в те бедственные времена высшей добродетелью. Его обучение по-прежнему оставляло желать много лучшего, ибо времена не благоприятствовали овладению книжной наукой, зато весьма способствовали физическому развитию. Впрочем, жизненные обстоятельства накладывали свой отпечаток на чувства и мысли Вильгельма. «Он копил в своем детском сердце, — писал Ордерик Виталий, — мужественную силу». Видимо, уже тогда в нем проступали черты человека значительного и вдумчивого, горячего, но не теряющего самообладания,

властной личности, которой суждено было ему стать. Он строго судил о своем опекуне, и между ними, видимо, назревал серьезный конфликт. Вильгельм, надо полагать, так и не забыл той ночи, когда Готье, брат матери, выхватил его из залитой кровью постели, на которой умирал Осберн...

Его разлучили с матерью. Вскоре после смерти Роберта Арлетта вышла замуж за доблестного и честного рыцаря — Эрлуэна, сеньора де Контевиля, заботам которого, видимо, вверил ее покойный перед своим отъездом. В этом браке она родила троих детей: сыновей Роберта и Одо и дочь Мюриэль. С этим семейством Вильгельм поддерживал тесные отношения, особенно со своими братьями по матери, которых искренне любил и был схож с ними темпераментом. В страшные годы его детства семейство Эрлуэна и Арлетты, видимо, постоянно отстаивало его интересы, поэтому, лишь только взяв власть в свои руки, он стал оказывать явное предпочтение семье матери в ущерб Ричарду и дамам.

В разгар этих публичных беспорядков в герцогстве стала формироваться «датская партия», противостоявшая «французской». Интриги короля только подогревали этот антагонизм. В 1035—1042 годах открытые мятежи, проявления откровенного бандитизма, измены доверенных лиц герцога случались почти исключительно в Нижней Нормандии и Котантене. Все, что осталось от скандинавских традиций, лишь способствовало переменам, охватившим страну ввиду явной несостоятельности герцогской власти.

Сеньориальная власть в Нормандии, как и в других местах, теперь получила надежду обрести полную независимость. В годы малолетства Вильгельма территория герцогства покрылась замками, как настоящими каменными крепостями (нормандцы тогда

уже овладели искусством их строительства), так и примитивными деревянными башнями на вершине холма. Некоторые из этих замков, возведенных еще прежними герцогами в ходе их войн, были присвоены теми, кому поручалось охранять их, большей же частью это были незаконно построенные крепости. Замок Монфор на реке Риль, один из самых значительных в стране, занимал территорию в четыре с половиной гектара и включал в себя три линии укреплений, окруженных рвом шириной тридцать и глубиной девять метров.

С упадком центральной герцогской власти контрастировало возвышение отдельных сеньоров. Гильом де Талу подписывал свои официальные документы так: *Nutu superni Regis comes* («Граф милостью Царя Небесного»). На севере Нормандия граничила с Фландрией, где Балдуин V, шурин французского короля, с 1036 года правил одним из самых могущественных и наименее дезорганизованных государств Западной Европы. Южнее располагалось графство Анжу, правитель которого, старый лис Фульк Нерра, в 1039 году поразил всех тем, что в свои семьдесят лет отправился в Иерусалим и живым вернулся назад! Он ходил по улицам святого города среди изумленных мусульман, обнажившись до пояса и бичуемый двумя рабами, распевая псалмы: «Господи, прости несчастного, предавшего и отвергшего тебя. Прими его покаянную душу!» Он с миром почил на следующий год, передав графство своему сыну Жоффруа по прозвищу Мартель (Молот), энергичному и умелому воину, на время превратившему Анжу в великую державу. Что же до Нормандии, то она, напротив, в те годы больше напоминала Шотландию, где как раз началась череда кровавых клановых усобиц, затеянных Макбетом, Дунканом и Сивардом.

Два восшествия на престол

И тем не менее семь лет анархии не погубили до конца административную систему Нормандии. В частности, герцогский домен не пострадал. Немалое число мелких вассалов сохранило верность герцогу, более или менее исправно неся положенную службу в ополчении. Экономическое положение герцогства, если судить по количеству основанных тогда монастырей, тоже было отнюдь не безнадежным. Однако этих общих причин, видимо, было бы недостаточно для выживания Нормандии, если бы не сила духа верных служителей, чьи имена не сохранила история, но присутствие которых в окружении юного герцога угадывается сквозь завесу времени. Историческая необходимость, неотвратимо проявлявшая себя в середине XI века в одном из наиболее развитых в экономическом отношении регионов, требовала, чтобы восторжествовал порядок. И люди помогли герцогу вновь обрести власть.

Для нас остаются неясными обстоятельства, при которых Вильгельм взял в свои руки бразды правления. Рассказы хронистов, то сдержанные и туманные, то чересчур витиеватые, скорее затемняют, чем проясняют эти обстоятельства. Один факт бесспорен: Вильгельм прогнал своего опекуна Рауля де Гасе. Это событие произошло, скорее всего, в момент достижения Вильгельмом своего совершеннолетия, между 1042 и 1044 годами. Молодому человеку должно было потребоваться какое-то время, чтобы освободиться из тесных объятий Ричардидов. По рассказу Гильома из Пуатье, перегруженному общими местами и напыщенной риторикой, кажется, можно все-таки восстановить реальную последовательность событий: достижение герцогом совершеннолетия, посвящение в

рыцари, возобновление «суда мечом», удаление от двора невежественных и коррумпированных лиц и приглашение новых советников.

Можно утверждать, что к 1045 году в Нормандии вновь царил относительный мир. Герцог одержал победу. Соппротивление наиболее упорных мятежников было сломлено, а наихудшие проявления бандитизма влекли за собой неумолимую кару. Ощущалось действие силы, о коей прежде и не чаяли, силы маленького бастарда, презренного сына Арлетты, исключительная физическая мощь которого внушала почтение всем не слишком утонченным натурам.

Состоялся ли тогда и акт посвящения в герцоги? Или же он имел место еще в 1035 году? У герцогов Нормандских был обычай совершать торжественную церемонию препоясывания мечом, сопровождавшуюся богослужением, что, как полагали, было эквивалентно королевской коронации. По этому случаю, как и в большинстве других территориальных княжеств Западной Европы того времени, исполнялись *laudes*, молитвы, обращенные к святым, дабы те благословили нового государя. Наиболее древняя из дошедших до нас редакций нормандских *laudes*, относящаяся к временам герцога Вильгельма, представляет особый интерес, ибо открыто прокламирует исключительное достоинство герцога Нормандского, господина епископов и баронов своей страны. К сожалению, невозможно точно датировать этот текст, скорее всего, составленный ранее 1066 года.

В то время как Вильгельм последовательно продвигался к вершинам суверенной власти, была выведена из игры датская династия, что на четверть века урегулировало английский вопрос. Король Харальд умер в 1040 году. Его сводный брат Хартакнут, король Дании, тут же прибыл в Англию и принял полагавшуюся ему по наследству власть. Вдовствующая королева

Эмма использовала свое влияние, чтобы помочь ему в этом, видимо, с единственной целью не допустить к трону своего сына Эдуарда. У Хартакнута было соглашение с Магнусом, королем Норвегии: они поклялись считать друг друга наследниками своих владений, если умрут без потомства. Однако Хартакнут, эпилептик, признававший свою неспособность править, в 1041 году согласился (видимо, под нажимом англосаксонской знати, которую не радовала перспектива получить в короли норвежца) разделить властные полномочия с Эдуардом, вызванным ради этого из Нормандии. Получив приглашение, он незамедлительно прибыл, а спустя несколько месяцев, 8 июня 1042 года, умер Хартакнут. Магнус потребовал английскую корону, а Эмма, жившая изгнанницей во Фландрии, делала все возможное, чтобы поддержать его притязания. Нормандский же двор сделал ставку на Эдуарда и ради этого обратился к английской знати, от которой зависело решение.

Эрл Годвин, известный своими интригами, высказался в пользу Эдуарда. Он публично заявлял о своей невинности в гибели Альфреда и убедил в этом многих. Он окружил своими заботами Эдуарда, внушая ему, какой он нужный для него человек. Годвин знал, что пройдет немного времени, и он будет по своему усмотрению вертеть этим легко поддающимся внушению человеком. Попутно он продвигал и своих сыновей, а дочь Эдит выдал замуж за Эдуарда.

Нового короля Англии поддержало подавляющее большинство местной знати, так что Магнус отступился. 3 апреля 1043 года Эдуард был коронован. На протяжении всех лет его правления скандинавская знать королевства откровенно игнорировала его, точно так же как отказалась участвовать в его избрании. Это пассивное сопротивление особенно отчетливо ощущалось в Нортумбрии, где в 1041 году датчанин

Сивард убил последнего местного эрла и занял его место, которое потом удерживал за собой в течение пятнадцати лет. Ввиду этой скрытой оппозиции и учитывая прохладное к себе отношение значительной части англосаксов, не забывших, что Эдмунд Железнобокий оставил после себя двоих сыновей, которые изгнанниками жили в Венгрии и имели не меньше прав на трон, чем их новоявленный правитель, Эдуард все больше опирался на своих нормандских друзей. Одним из первых своих указов он объявил собственную мать изгнанной, а ее имения конфискованными.

Тридцать лет пребывания в Нормандии сформировали характер Эдуарда, а его достаточно зрелый возраст, приближавшийся к сорока годам, уже не позволял ему избавиться от усвоенных привычек. Он оставался чужим для своего народа, который, впрочем, любил его за доброту. Все-таки он был совестливым человеком, хотя и не отличавшимся большим умом. Высокий и худой, с волосами цвета соломы, флегматик со слабым здоровьем и мрачным настроением, легко поддававшийся чужому влиянию, он время от времени стряхивал с себя апатию, ощущая прилив энергии, который быстро иссякал. Его упорство отдавало злопамятностью, а его дипломатичность — двоедушием.

Иллюзия мира. Истоки культурного возрождения

Ставя своей целью, сразу по достижении совершеннолетия, восстановление мира в стране, Вильгельм предпочитал опираться на собственные традиции герцогов Нормандских, чтобы не попасть под влияние того движения за мир, которое разворачивалось под патронатом Церкви и в те годы

уже достигло больших успехов в Бургундии и Франции. Решения, принятые на Буржском соборе 1038 года, предусматривали меры, более не ограничивавшиеся благочестивыми пожеланиями и приобретающие вполне практический характер: отныне ориентировались на создание «лиг мира», объединявших в своем составе жителей одного города или одного региона, которые несли службу в своего рода местной жандармерии. В 1041 году Одилон, аббат Ключийского монастыря, на соборе в Ницце предложил учредить еженедельный «Божий мир» (*Treue de Dieu*), который продолжался бы с вечера среды до утра понедельника. Однако стержневой идеей христианского мира оставалось предложение, внесенное полувеком ранее духовенством Аквитании. Оно включало в себя различные аспекты, и его экономические принципы не противоречили в понимании людей того времени религиозным и дисциплинарным целям: защита бедных и охрана церковных владений наравне с борьбой против народных еретических движений, непрерывно возникавших тут и там, а также укрепление феодального строя посредством устранения наиболее дестабилизирующих его элементов. Однако напрасно в 1041 — 1042 годах Ришар, монах аббатства Сен-Ванн, разъезжал по Нормандии, проповедуя «Божий мир»: еще в течение многих лет герцог и его советники, борясь за водворение в своей стране мира, не будут признавать иных мер, кроме тех, что предлагали им обычаи предков.

1042 год ознаменовался важным событием в интеллектуальной истории Нормандии: в монахи Бекского аббатства постригся Ланфранк, ранее возглавлявший соборную школу в Авранше. Он родился в 1005 году в Павии в знатной семье. Больше чем в каком-либо другом регионе Западной Европы города Северной Италии сохранили муниципальные и

гражданские традиции Античности. Образование там не стало исключительной монополией Церкви, а городская культура сохраняла более практический характер и не была столь отвлеченной от повседневных нужд, как в других местах, где тон задавала исключительно Церковь. Около 1000 года итальянцы открыли изрядно уже забытое римское право, на изучении которого стала специализироваться школа в Болонье. Именно там учился Ланфранк, прежде чем заняться юриспруденцией в своем родном городе. Слава об этом выдающемся человеке достигла далекой Нормандии, и епископ Авраншский, вознамерившись проводить реформы, но не имея вблизи себя достаточно компетентных людей, пригласил его, видимо, в компании нескольких итальянцев, дабы наладить обучение духовенства в своей епархии.

Ланфранк прибыл на берега Ла-Манша в 1039 году. Это был сложившийся человек, твердый в вере и смиренный, совершенно не думавший о личной выгоде и всецело отдававшийся делу, которому посвятил себя, обладавший отнюдь не созерцательным, а вполне трезвым складом ума; верный и надежный друг, он мог быть беспощадным и непримиримым к врагам; хороший знаток человеческих душ, он умело направлял их. Убежденный в настоятельной необходимости интеллектуального возрождения Церкви, он вместе с тем считал (для него эти задачи были нераздельны), что требуется укреплять власть государей над их вассалами и авторитет папы римского среди государей. Благодаря Ланфранку герцог Нормандии усвоил некоторые юридические понятия, более или менее прямо заимствованные из римского права, такие, как естественное право и законность, совершенно чуждые феодальным обычаям и весьма плодотворные в политической перспективе.

Видимо, пережив духовный кризис, что в те времена случалось со многими, Ланфранк в один прекрасный день покинул школу в Авранше и удалился в самый бедный из существовавших в Нормандии монастырей — Бек, незадолго перед тем учрежденный и представлявший собой несколько жалких хижин, сгрудившихся вокруг печи, в которой монахи выпекали хлеб. В этой обездоленной монашеской общине, приором которой он вскоре стал, Ланфранк около 1045 года открыл небольшую школу, предназначенную, прежде всего, для обучения послушников, но в которую позднее стали принимать и учеников со стороны. Спустя короткое время весть о школе Ланфранка широко распространилась, так что к 1050 году в герцогстве Нормандском его считали самым авторитетным учителем церковных и светских знаний, а вскоре слава о нем разнеслась по всей Западной Европе.

Ланфранк, его сотрудники и ученики первыми зажгли в своей Бекской школе огонь того, что спустя полтора столетия озарит духовенство всего христианского мира и что позднее назовут «Возрождением XII века». Они, в свою очередь подхватив эстафету монахов Ключни и Флёри, клириков Реймса и Шартра, затерявшихся посреди грубого и жестокого мира, открыли наследие каролингской эпохи, «каролингского возрождения», в котором гармонично сочетались, зачастую не вполне понимаемые, античная мысль и патристическая экзегеза. Они по крохам собирали этот скромный интеллектуальный багаж, осмыслили, усваивали его. В этом движении за интеллектуальное возрождение проявились две тенденции: одна, аскетическая и монашеская, рассматривала изучение книжной премудрости как простую подготовку к *lectio divina*, изложению христианских догм в форме комментария к Библии. Вторая,

возобладавшая в школах Реймса и Шартра, признавала самостоятельное значение школьного преподавания, в качестве цели которого рассматривалось познание человека как такового.

Полный цикл образования строился на основе схемы, разработанной еще в эпоху поздней Античности и включавшей в себя семь так называемых свободных искусств, подразделявшихся на *тривиум* (три пути) и *квадривиум* (четыре пути). Тривиум включал в себя диалектику или искусство рассуждения, риторику или искусство убеждения и грамматику или искусство выражения мысли. В квадривиум входили арифметика, геометрия, астрономия и то, что называлось тогда музыкой — теория отношений, образующих гармонию космоса, человеческого тела и звуков. Традиция тривиума (зачастую сводившегося к обучению простой грамоте) и прежде поддерживалась в лучших монастырских школах, что же касается квадривиума, то в середине XI века он представлялся абсолютным новшеством, и слава Бекской школы не в последнюю очередь объяснялась тем, что он был включен в программу обучения. Таким образом, система преподавания в школе, основанной Ланфранком, ориентировалась на энциклопедизм, более близкий гуманизму Шартра, нежели аскетизму Ключи.

Это «возрождение» осуществлялось в весьма специфических условиях. Долгое отсутствие учителя или его внезапная смерть, а также утрата манускрипта могли послужить достаточной причиной, чтобы «традиция» прервалась. Крайняя дороговизна и редкость книг оказывали определяющее влияние на интеллектуальную жизнь. На случай, если в монастыре не окажется собрания книг, преподаватель носил с собой собственную «библиотеку» — от пяти до десяти тонких пергаментных тетрадей, уложенных в дорожную сумку скорее по воле случая, нежели в результате

сознательного отбора. Учитель давал свои уроки в виде комментария к той или иной книге, облакавшегося в форму глосс — заметок на полях, которые нередко переносились копиистом, желавшим как можно полнее воспроизвести эту драгоценную книгу, непосредственно в текст. В результате один и тот же библейский текст или трактат одного и того же автора в разных библиотеках мог быть представлен в различных версиях. Стандартизация учебного материала началась лишь в XII веке, когда монастырские школы почти повсеместно закрылись для посторонней публики, а светские преподаватели собирались в определенных городах, образуя тем самым ядро будущих университетов.

Сильной стороной Ланфранка было то совершенство, с каким он владел весьма посредственной интеллектуальной техникой своего времени. Со всех краев в Бек стекались клирики и сыновья баронов. Вскоре бывшие ученики этой школы разъехались по городам и монастырям всей Западной Европы. В их числе были будущий папа Александр II и знаменитый Ансельм Кентерберийский, первым поставивший вопрос о соотношении диалектики и теологии и тем самым открывший путь Абеляру и схоластике, предшественнице современной философии.

Великий мятеж

В то время когда Ланфранк удалился в Бек, архиепископом Руанским в течение уже пяти или шести лет был Може, сын Ричарда II от его второй жены Папии. Ничто не обнажает с большей полнотой, чем контраст между этими людьми, противоречия, в которых запуталась нормандская церковь к началу правления Вильгельма. В момент вступления на

архиепископскую кафедру. Могло быть около двадцати лет, и он слыл образованным человеком, поскольку умел немного читать по-латыни. Несмотря на юный возраст, он был уже достойным представителем своего старинного баронского рода: поверхностно усвоивший требования христианского благочестия, алчный и жестокий, разнузданный и тщеславный чревоугодник, рассматривавший церковь как собственную вотчину и проматывавший ее достояние вплоть до богослужебной утвари из кафедрального собора. За восемнадцать лет пребывания в сане архиепископа он так и не получил, вопреки обычаю, апостольского благословения папы, что явилось результатом непрекращавшегося конфликта с Римом. По своему темпераменту и устремлениям связанный с наиболее непримиримыми представителями клана Ричардидов, он вскоре стал их душой, если не главой, неутомимо преследуя своей ненавистью Вильгельма.

Показал он себя и в ходе кризиса 1046 года. Еще более тяжелый, чем предыдущий, этот кризис носил иной характер, что объяснялось наличием теперь уже бесспорного господина, который сумел стать и оставаться таковым, имея все необходимые для этого средства. За анархией последовал бунт, более или менее организованный, взрыв сеньориального индивидуализма сменился умышленным, осознанным мятежом.

Он был вызван первыми шагами Вильгельма, действовавшего как самостоятельный, решительный правитель, что, естественно, не могло понравиться своевольным баронам. Поводом к мятежу послужили амбиции одного из клана Ричардидов — Ги, сына графа Бургундского и дочери Ричарда II. Воспитанный при нормандском дворе, Ги после убийства Жильбера де Брионна получил его фьеф. Похоже, уже тогда он стал вынашивать далеко идущие планы: если не сместить

бастарда (рожденный в законном браке, он считал себя более достойным занять престол), то, по крайней мере, разделить с ним герцогскую власть. Непримиримые из числа Ричардидов, главным образом бароны из Нижней Нормандии, поддержали его. Очень кстати для заговорщиков взбунтовался Руан, несомненно, не без участия архиепископа Може, сделавшего все для того, чтобы антигерцогское движение распространилось на долину Сены. Гильом из Пуатье рассказывает, что жители Руана воспользовались мятежом баронов, чтобы вырвать у герцога торговые привилегии для себя.

Однажды в начале 1046 года (точный день не известен) множество баронов собралось в Байё у виконта Ренуфа, дабы выплеснуть накопившуюся в них злость в отношении герцога, уж слишком, как им казалось, притеснявшего подданных. Разгорячившись, они послали за реликварием, после чего поклялись на святых мощах убить Вильгельма, где бы ни повстречали его. Герцогский шут Голе случайно оказался свидетелем этой клятвы. Он тайно бежал, дабы предупредить своего господина, в то время развлекавшегося охотой в окрестностях Валони. Прибыв в этот город, он среди ночи разбудил своим криком обитателей дома, в котором остановился Вильгельм. Приблизившись к кровати господина, он все рассказал. Вильгельм, стремительно выскочив из постели, второпях натянул рубашку, штаны, плащ и пустился, не прихватив прочей экипировки, галопом, совсем один, в юго-восточном направлении. Совсем один: если этот факт достоверен, то он весьма красноречиво свидетельствует о чувствах, которые питал герцог в отношении своих котантенских вассалов. Вильгельм переправился через реку Вир, предпочтя опасный брод близ Сен-Клемана — лишь бы оказаться подальше от Байё, где собрались заговорщики во главе с Ренуфом. На заре он прибыл в Рие, сеньор которого, Юбер,

верный вассал, принял его и после короткой передышки дал ему свежего коня и троих сыновей в сопровождающие. Услуга эта не пропала даром: придет время, и герцог сделает одного из них епископом Се. А пока что они во весь опор мчались, выбирая окольные пути, в Фа-лез, где для Вильгельма было надежное убежище. Прибыв, наконец, в город, он укрылся за его прочными стенами.

Итак, мятежники фактически проиграли первый тур борьбы. В свою очередь укрывшись в собственных замках, они через посольных поддерживали друг с другом связь. Видимо, тогда некоторые из них стали склоняться к мысли о возведении Ги де Брионна в герцогское достоинство. Хотя никакой противник непосредственно не угрожал ему, в Фалезе Вильгельм чувствовал себя в полной изоляции. Герцогство, казалось, ускользало от него: вассалы не отвечали ему, приказы не передавались. Положение казалось безвыходным.

Именно тогда восемнадцатилетний герцог впервые сделал в полном смысле этого слова политический шаг, причем совершил его в той манере, деловой, реалистичной, но вместе с тем приводящей в замешательство своей кажущейся простотой, которая скоро станет определять его стиль правления. Возвращаясь в иерархическую систему вассальных отношений, из которой его враги как раз пытались выйти, он решил обратиться за помощью, именно в силу вассального соглашения, к королю Франции. Тот действительно в свое время признал его герцогом Нормандии и принял от него вассальную присягу, и теперь наступил такой случай, когда ему надлежало исполнить свои обязательства в качестве сеньора. Вильгельм, естественно, решил прибегнуть к обычному праву, лишь предварительно разведав обстановку и хорошенько взвесив все обстоятельства. Дело в том,

что, каким бы ни был юридический фасад, отношения короля с его прямыми вассалами в большей мере, нежели отношения сеньоров с их вассалами, основывались на реальном соотношении сил. У Вильгельма было время обдумать эти обстоятельства в течение томительных месяцев пребывания в Фалезе, где он совещался со своими вассалами, сохранившими верность ему. Он конечно же знал, что хотя Ги де Брионн и имел по материнской линии некоторые права на Нормандию, по отцовской линии у него были не меньшие права на Бургундию, что создавало серьезную угрозу для владений короля, которые оказались бы, завладей Ги обоими этими доменами, зажаты с двух сторон, точно в тисках, землями одного и того же сеньора. Король Генрих тем более не мог игнорировать эту угрозу, что на его глазах неудержимо росло могущество дома Анжу. В 1044 году Жоффруа Мартел ь отобрал у сыновей Эда де Блуа город Тур и потребовал, чтобы старший из них, Тибо, от имени всего рода окончательно отказался от области Турень, пятнадцать раз поклявшись на святых мощах!

Пока Ги де Брионн собирал своих союзников, Вильгельм осенью 1046 года покинул Фалез, лично направившись к королю, в Пуасси, Лан или Компьень, где тот любил останавливаться. Генрих I тоже, надо полагать, кропотливо обдумывал возможные выгоды и потери от предстоявшей кампании. И все же в этой экстремальной ситуации куда большее значение, нежели рациональные соображения, имели мощные эмоциональные побуждения, диктуемые вассальными связями. Генрих согласился прийти на помощь своему вассалу. Правда, имевшиеся в его распоряжении средства были невелики, и на подготовку у него ушла вся зима. В начале весны он располагал войском, хотя и весьма скромным. Что же касается Вильгельма, то он сумел воспользоваться восстанием, поднявшимся

против Ги де Брионна в землях, где его засилье казалось нестерпимым для местных жителей. Вооруженные отряды направились к Фалезу, преисполненные решимости защитить своего законного герцога, который стал собирать свои войска на равнине, раскинувшейся к югу от Кана, где находились владения мужа Арлетты. И на этот раз Вильгельм получил огромную поддержку от родственников по материнской линии.

Король двигался с юго-востока, через Мезидон. Ги де Брионн, готовясь нанести решающий удар, двигался со своими людьми с запада. Они форсировали реку Орн разрозненными отрядами. Противники встретились незадолго перед Пасхой в месте, именуемом Валь-эс-Дюн, километрах в десяти от Кана, на холмистом плато размером пять на три километра. Именно там произошло первое крупное сражение Вильгельма (вторым и последним будет, спустя почти двадцать лет, битва при Гастингсе), одно из немногих в военной истории XI века. Лицом к лицу сошлись два войска: с той и другой стороны бойцы были облачены в доспехи, всадники и пехотинцы, вооруженные мечами, боевыми топорами, пиками и рогатинами, собирались вокруг своих сеньоров, образуя отдельные отряды. Один из отрядов мятежников численностью 140 человек ^[14] демонстративно держался в стороне, поскольку его предводитель Рауль Тессон вдруг заколебался. Он заметил на противоположной стороне поля, на котором только что завязалось сражение, своего герцога и внезапно осознал всю тяжесть преступления, которое собирался совершить: нельзя убивать собственного сеньора. Окольным путем и без оружия он приблизился к Вильгельму и ударил его своей перчаткой: ведь он поклялся нанести удар герцогу и теперь не мог считаться ни убийцей, ни клятвопреступником... Затем

он вернулся к своим, которых вплоть до окончания сражения благоразумно удерживал от участия в битве, и лишь когда победа стала склоняться на сторону Вильгельма, он бросил все свои силы ему на помощь.

Сражавшиеся издавали боевые кличи — у каждого отряда был свой, коим служило название фьефа сеньора или имя святого покровителя. Поле огласилось невообразимым гамом, в котором боевые кличи слились с воплями и проклятиями, исторгавшимися из груди раненых, и топотом конских копыт. Звенели мечи, ломались копья. Трусы, бросив поводья, пускались в бегство под ритмичное раскачивание уже бесполезных щитов. Бились отряд против отряда, и каждый мог видеть лицо предводителя противника. Один французский рыцарь разрубил врага сверху донизу, а боец из Котантена ударом копья свалил короля Генриха, столь прочно сидевшего в седле, что конь рухнул вместе с ним. Однако королевские доспехи пробить не удалось. Граф де Сен-Поль со своими французами устремился на подмогу государю, разя наповал напавших на него. Видевшим это нормандцам случай показался забавным, и вскоре по стране пошло гулять фривольное присловье: «Копье из Котантена сразило суверена».

Вильгельм, в свою очередь, высматривал в гуще сражавшихся того, кого считал своим главным обидчиком, — вероломного виконта Ренуфа. Именно ему он собирался лично отомстить, в чем проявилась одна из основных черт его характера: никогда не забывать обиды. Наконец он добрался до Ренуфа, и они схватились в поединке. И опять случилось то, что нельзя назвать иначе как вассальным рефлексом: меч выпал из руки Ренуфа, а сам он, затрепетав, в ужасе обратился в бегство. Вильгельм в сопровождении отборных бойцов гнался за ним по пятам, в то время как повсеместно началось отступление мятежников,

бросавших на произвол судьбы раненых и пехотинцев и думая только о себе, галопом устремившихся в направлении Котантена. Однако им предстояло опять переправляться через реку Орн, и в местах переправы вновь завязалось сражение, так что к вечеру жители Кана увидели свою реку обагренную кровью, а уносимые течением трупы забили водопроводные желоба мельниц.

К ночи на поле битвы остались одни только победители. Ги де Брионн, временно отступив, укрылся за стенами своего замка, где собралось немалое количество его войска. Гримуль дю Плесси, попавший в руки Вильгельма, был в кандалах брошен в темницу Руана. Этот несчастный, тщетно уверявший победителей в своей доброй воле, требовал дать ему возможность оправдаться в судебном поединке. Вильгельм согласился, и уже договорились о времени, однако в назначенный день Гримуля нашли мертвым в его темнице; скорее всего, он умер не своей смертью. Вильгельм роздал его имения церкви.

Война еще не была для него выиграна, хотя угроза и отдалилась, по крайней мере, на время. Одержанная Вильгельмом победа ослабила сопротивление врагов в достаточной мере, чтобы позволить ему развить свой успех. Все источники, относящиеся к тому времени, единодушно свидетельствуют, что после сражения при Валь-эс-Дюне число незаконно возведенных замков уменьшилось: одни из них были разрушены герцогом, а другие снесены самими хозяевами, опасавшимися его вмешательства. Множились заверения в полнейшей преданности, а бароны, наиболее склонные к компромиссу, вновь приносили вассальную присягу, а некоторые из них даже давали герцогу заложников.

Идеализированный портрет Вильгельма. XVI в.

Фалезский замок — место рождения Вильгельма

Граф Анжуйский Жоффруа Мартель

Герцог Нормандский
на пиру.
Фрагмент ковра из Байё

Нормандские рыцари.
Рисунок XIX в.

Вильгельм в походе

Одна
из реконструкций
облика Вильгельма

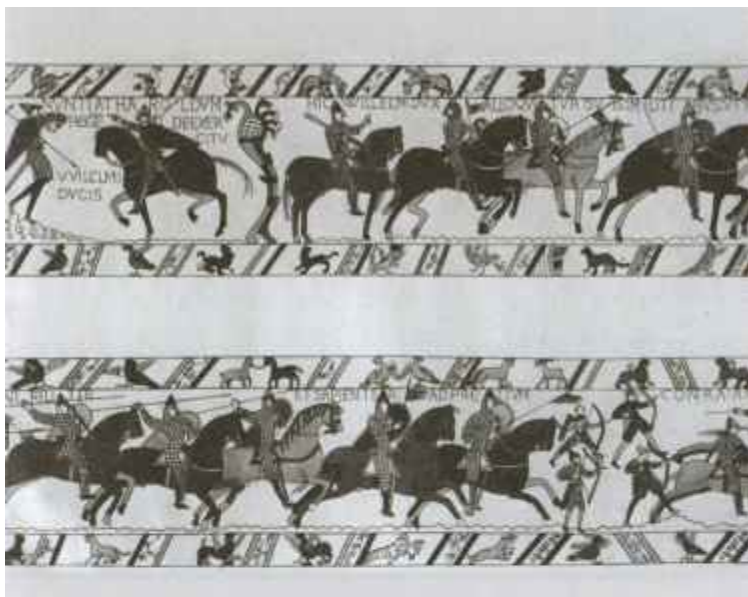
Король Англии
Эдуард Исповедник
с приближенными

Монета
короля Гарольда

Вильгельм на смотре своего войска перед вторжением в Англию.
Гравюра XIX в.

Армия и флот Вильгельма.
Фрагменты ковра из Байё

Смерть короля Эдуарда

Коронация Гарольда

Нормандская конница атакует англосаксов

Гибель короля Гарольда

Поле битвы при Гастингсе. Современный вид

Битва при Гастингсе. Гравюра XIX в.

Коронация
Вильгельма.
Гравюра XIX в.

Монета
Вильгельма
Завоевателя

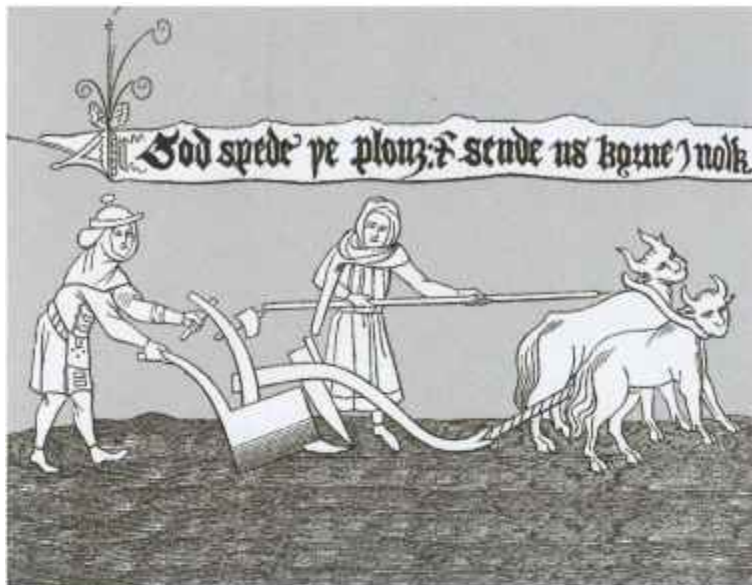

Белый Тауэр,
построенный
Вильгельмом

Архиепископ
Стиганд

Англосаксонские пахари. Миниатюра XI в.

Страница Книги Страшного суда

Собор в Кане,
где похоронен
Вильгельм

Памятник
Завоевателю
в Личфилде

Сыновья
и наследники
Вильгельма —
Вильгельм II Рыжий
и Генрих I Боклерк

Памятник
Вильгельму
в Фалезе.

Гробница Вильгельма Завоевателя в Кане.

Победа при Валь-эс-Дюне в принципе обеспечила Вильгельму суверенную власть над классом феодалов в целом, отныне слишком разобщенным, чтобы вновь пускаться на подобного рода авантюры. Деятельность центробежных сил была решительным образом пресечена. Если в дальнейшем и возникали волнения, то они более не ставили под вопрос достижений молодого герцога. Тогда же Вильгельм воздал по заслугам и мятежному руанскому купечеству, в порядке наказания лишив его привилегий — по крайней мере, тех из них, которые были вырваны у него в момент

наибольшей для него угрозы. Положение дел в соседних с Нормандией территориальных княжествах укрепляло его в мысли, что теперь он получил передышку, которую надлежит как следует использовать. Граф Фландрии Балдуин тогда ввязался в войну против императора Священной Римской империи. Бретань сотрясали династические распри: опекун малолетнего герцога Конана незаконно захватил власть, лишив его свободы, и правил вместо него; в 1047 году сторонники силой освободили его, в результате чего вспыхнула межклановая война, продолжавшаяся не менее 15 лет.

В то время как Нормандское герцогство успешно прошло через полосу испытаний, закаливших дух его молодого герцога, в Риме развернулись события, оказавшие большое влияние на будущее Церкви и всего христианского мира. В 1045 году папа Бенедикт IX, сын графа Тосканского, за деньги уступил место на папском престоле одному из своих родственников, который и взошел на этот престол под именем Григория VI. Возмущенный подобного рода деячеством, император Генрих III изгнал из Рима обоих пройдох, передав папскую тиару епископу Бамбергскому. Вплоть до смерти Генриха III, постигшей его в 1056 году, друг друга сменяли трое пап-немцев, тесно связанных со своим покровителем, который возводил их на папский престол и помогал им в деле административного и морального обновления Церкви, что послужило началом как реформы, получившей название григорианской, так и, в более отдаленной перспективе, борьбы между империей и папством.

Несмотря на свою молодость, Вильгельм демонстрировал столь редкие в то время среди князей качества политика, позволявшие ему выявлять основные факторы, определявшие ситуацию в короткой и дальней перспективе, и незамедлительно

реагировать надлежащим образом. Сразу же после победы при Валь-эс-Дюне он, предоставив самим себе Ренуфа и его беглецов, отошел в Кан и созвал там ассамблею своих светских и духовных вассалов.

Этот «собор», на который съехалось, помимо большого числа баронов, все высшее духовенство Нормандии, спустя несколько недель после упомянутого сражения открылся в Воселе, близ Кана. На нем от имени герцога был провозглашен «Божий мир» на всей территории герцогства, соблюдать который клятвенно обещали все присутствовавшие сеньоры, присягнувшие на святых мощах, доставленных из различных церквей. До сих пор все начинания духовенства в этом отношении наталкивались на безразличие, а то и на сопротивление князей и крупных баронов; отдельные положительные результаты время от времени достигались исключительно благодаря епископам, да и то в ограниченных масштабах. В Нормандии герцоги всегда рассматривали поддержание гражданского мира как свою исключительную компетенцию. Однако события последних двенадцати лет, видимо, поколебали эту уверенность Вильгельма и клириков из его ближайшего окружения. Идея «Божьего мира» пробивала себе путь в церковной среде. Можно предположить, что даже архиепископ Руанский Може, которого трудно было заподозрить в любви к молодому герцогу, поддерживал его в этом отношении. Вильгельм понимал, что только Церковь располагает престижем, необходимым для того, чтобы с надеждой на успех взяться за искоренение такого зла, как частные войны. Вместе с тем он знал, как использовать эту ситуацию в собственных интересах. Он, взяв инициативу в свои руки, потребовал, чтобы собор провозгласил «Божий мир», после чего в качестве герцога объявил обязательным соблюдение его на всей территории Нормандского герцогства. Проявив

подобным образом твердость характера, он устранил необходимость в создании лиг мира, которые, как он опасался, могли бы породить новые частные центры власти и тем самым послужить, как это бывало в других местах, причиной анархии.

«Божий мир», провозглашенный в Воселе, предполагал (возможно, по примеру фламандских постановлений) запрет каких-либо военных действий не только с вечера среды до утра понедельника, но и с первого дня Рождественского поста до последнего дня недели, следующей за Крещением Господним, с первого дня Великого поста до последнего дня недели, следующей за Пасхой, в период за три дня до Вознесения до последнего дня недели, следующей за Троицей. Правда, эти ограничения не распространялись на герцога как верховного гаранта мира и порядка, сохранявшего (точно так же, говорилось в тексте постановления, как и короли) за собой право вести войну в любое время. Это исключение, необходимое для обеспечения «Божьего мира», было сопряжено с известным риском для Церкви, но у нормандского духовенства не оставалось иного выбора, и с этого момента наиболее здравая и просвещенная часть его сделала ставку на Вильгельма.

Синод предусмотрел также и различные меры наказания, от тридцати лет изгнания до семи лет публичного покаяния, применявшиеся в связи с разного рода преступлениями против личности и имущества.

Последующие синоды, 1061-го, а затем 1064 годов, уточняли постановления синода 1047 года, однако именно с этого времени «Божий мир» стал институциональной основой Нормандии, юридическим фундаментом герцогской власти. Герцог взял на себя обязанность приводить в исполнение приговоры в отношении нарушителей, но выносить вердикты он предоставил церковным судам. Похоже, Вильгельм с

этого времени и вправду убедился в превосходстве церковной юрисдикции как учреждения, имеющего хорошую основу и потому неоспоримого, в высшей степени заинтересованного в поддержании мира. На протяжении всех лет своего правления он благосклонно относился к расширению судебной компетенции Церкви, которую он слишком крепко держал в своих руках, чтобы опасаться ее. Случалось, что он отменял церковный приговор, который находил слишком мягким, вызывал виновного в собственный суд и увеличивал ему меру наказания. Вместе с тем Вильгельм не упускал ни малейшей возможности для расширения сферы действия герцогской юстиции за счет судебных полномочий сеньоров.

«Божий мир», действовавший в течение большей части года, обеспечивал нормальную экономическую жизнь и регулярное функционирование существовавших тогда государственных институтов. В экономическом отношении перемирие было выгодно прежде всего крестьянам и горожанам, а через посредство фискальной системы — и герцогу. В исторической перспективе оно содействовало слиянию церковных и светских доменов, сближению Церкви и государства. Вместе с тем «Божий мир» как таковой, не увеличивая авторитета правителя, был лишен политического значения, поэтому в большей части Европы он оставался лишь временным установлением. Только герцог Нормандский сумел превратить его в инструмент своей политики. Хотя представление о том, что ведение войны является правом сеньора, будет сохраняться в общественном сознании вплоть до XIII века, однако в Нормандии оно еще задолго до этого превратилось в абстрактное понятие, лишенное реального содержания.

Сознавая важность решений, принятых на синоде в Воселе, и желая увековечить память о нем, по его

завершении Вильгельм распорядился собрать святыне реликвии, на которых произносились слова присяги, и поместить их в часовне, которую он специально для этого построил на берегу реки Орн в пригороде Кана. Жители Нормандии дали этой часовне два дополняющих друг друга названия: Ту-ле-Сен (часовня Всех Святых) и Сент-Пэ (часовня Святого Мира).

Глава четвертая. СОБИРАНИЕ СИЛ (1047-1055)

Осада Брионна

Против мятежных баронов Бессена и Котантена Вильгельм не предпринял какой-либо карательной экспедиции. Возможно, для этого у него просто не было средств, однако не исключено и то, что он предпочел не применять силу в отношении этих упрямцев. Подобного рода благоразумная умеренность принесла положительные результаты: Гильом Жюмьежский свидетельствует, что к 1055 году все бывшие мятежники примирились с герцогом. Некоторые из них, у кого он сначала конфисковал владения, впоследствии были прощены им. Так, он пожаловал аббатству Мармутье земли, которыми владел в Гернси Неель де Сен-Совер, нашедший убежище в Бретани, но в 1054 году Неель вновь появился при его дворе и снискал его милость. Такая же участь ждала и Ренуфа — признак успешности политики умиротворения.

Зато Ги де Брионн остался на месте, не желая уступать. Возможно, имело смысл сразу же после сражения при Валь-эс-Дюне провести против него молниеносную кампанию, однако Вильгельм предпочел заняться созывом собора в Воселе. Тем самым он дал Ги возможность закрепиться в Брионне и накопить там необходимые запасы продовольствия. Лишь в конце 1046 года, или весной следующего, он принял решение об осаде укрепленного города противника.

Эта осада продолжалась целых три года! Построенный на острове, образованном двумя рукавами реки Риль, Брионн к тому же был еще окружен стенами,

а в центре его возвышалась каменная башня. Толщина стен и близость реки не позволяли осаждавшим прибегнуть к испытанной тактике осады — поджогу. Штурм же столь хорошо укрепленного города был сопряжен с огромными потерями и почти наверняка закончился бы неудачей. Вильгельм всегда старался избегать этого, так что ему не оставалось ничего иного, кроме как приступить к осаде Брионна. Подвергнув опустошению окрестности, он распорядился возвести вокруг города осадные башни, дабы держать осажденных под контролем и пресекать их вылазки. Для строительства привлекались крестьяне из окрестных деревень. Эффективность этих деревянных сооружений была весьма посредственной. Осадная техника XI века оставалась бессильной против каменных оборонительных сооружений. В течение многих лет, когда молодой герцог Вильгельм отвоевывал свое герцогство у баронов-захватчиков, он на собственной шкуре испытал, какую грозную силу представляет собой хороший замок и сколь трудно утвердиться в контролируемом им регионе. Из этого опыта он извлек надлежащий урок. Отныне он будет систематически использовать замки, уже имевшиеся или которые еще предстояло построить, чтобы сдерживать, регион за регионом, малейшие поползновения к мятежу. Вдоль границ его владений протянется цепь оборонительных сооружений, связанных между собой и с главными городами дорогами, находившимися под его юрисдикцией.

Впрочем, нам мало известно о стратегии и тактике, которые использовались им в ходе этих войн. По крайней мере, его репутация непобедимого владыки, которой он пользовался на протяжении всех лет своего правления, создавалась не только за счет его личных качеств, но и благодаря созданной им военной организации, которая, формально основываясь на

вассальной зависимости, приобрела специфический нормандский характер. С окончания смуты, которой ознаменовалось его малолетство, и вплоть до завоевания Англии Вильгельм методически создавал инструмент, уникальный по своей эффективности в тогдашней Европе. Подобно своим предшественникам, он имел личную гвардию, состоявшую из воинов, живших в его доме, но главной его заслугой было создание постоянного войска из рыцарей, которым он жаловал в качестве фьефа земли, конфискуемые у Ричардидов по мере одержания побед над ними. Тем самым он удерживал бедных рыцарей от намерения отправиться на поиски счастья в Италию, Византию или Испанию. Получив от герцога земельное пожалование, рыцарь должен был нести службу в его войске. Продолжительность этой службы составляла сорок дней в году, причем каждый вассал являлся на службу полностью экипированным за свой счет. Герцог мог продлить срок пребывания их на службе, беря на себя все расходы, начиная с сорок первого дня. На поле битвы войско подразделялось на боевые единицы по десять рыцарей с их пехотинцами; этими подразделениями командовали коннетабли.

Нормандскому войску были присущи все недостатки, характерные для любой армии того времени: постоянные трудности с продовольственным снабжением, крайнее несовершенство управления и сопряженная с этим неслаженность действий, даже если командование осуществлял энергичный и толковый полководец. Поэтому даже Вильгельм, умевший максимально эффективно использовать имевшиеся в его распоряжении средства, старался избегать так называемых сражений по всем правилам военного искусства. Зато он не чурался своего рода поединков между правителями, которые тогда практиковались государями и вдохновляли поэтов на

сочинение эпических поэм; такому сражению предшествовала отправка к противнику пышно разодетого гонца, передававшего вызов, размахивая жезлом и правой перчаткой своего господина. Решительность Вильгельма как командира и его личный авторитет придавали нормандскому войску сплоченность и мобильность, довольно редкие для той эпохи. Его отряды пехотинцев, вооруженных луками, внушали ужас противнику. Оружие всадников в его войске служили меч и легкое копье, представлявшее собой двухметровое ясеневое древко с железным наконечником и предназначенное для метания.

Вильгельм мало заботился о рыцарской этике и пренебрегал продиктованными ею манерами поведения. Стремительность локальных акций, сильной стороной которых были внезапность, военная хитрость и порой незамысловатые уловки (симуляция беспорядочного отступления, распространение ложных слухов), он дополнял тактикой выжидания и постоянно сочетал военные действия с политикой таким образом, что не раз производил на современников впечатление двуличного человека.

На протяжении всех трех лет, пока Ги де Брионн дразнил его с высоты неприступных стен своего города, Вильгельм, похоже, не покидал долины реки Риль. Этот регион, расположенный в сорока километрах от Руана, от которого его отделяли лесные массивы, представлял собой географический центр герцогства, удобный как место сосредоточения сил. Время работало на герцога: ничто не торопило его, тогда как провал поспешной акции мог иметь фатальные последствия. В полевом лагере, где он провел, осаждая противника, три лета, и на импровизированных зимних квартирах, где прошли две или три зимы, вокруг Вильгельма стал формироваться небольшой двор, при котором царила дружеская, но вместе с тем и деловая атмосфера,

группа приближенных, при поддержке которых он в течение четверти века созидал величие Нормандии. Видимо, именно тогда у самого Вильгельма и этих его особо доверенных лиц, людей с различными темпераментами, но объединенных общим интересом и преисполненных добрыми чувствами к своему господину, стала формироваться в общих чертах определенная политическая идея. Действительно, к концу осады Брионна или чуть позже Вильгельм настойчиво добивается матримониального альянса с одним из знатных княжеских домов, участвует в интригах англосаксонского двора и порывает с анжуйцами — политические шаги, между которыми просматривается определенная связь и результаты которых в конце концов сойдутся у намеченной цели...

В центре этой группы единомышленников, с которой Вильгельм более не расстанется, находился его друг детства, верный Вильгельм Фиц-Осберн, хотя и не слишком утонченный, однако добрый советчик в повседневных делах, славный своей силой и отвагой, первый в войске после герцога и ближайший его сотрудник в государственных делах, подпись которого стоит на большинстве официальных документов Нормандии того времени. Рядом с герцогом находился, деля с ним общую судьбу, его дальний родственник Роже II Монтгомери, виконт Йемуа, наделивший себя в хартии, пожалованной аббатству Троарн, гордым званием: «Я, Роже, самый нормандский из всех нормандцев». В 1048 году он взял себе в жены уже известную нам Мабиль, последнюю из потомства Гильома де Беллема, и этот брак положил конец попыткам упомянутой сеньории отложиться от герцога Нормандского. Сама Мабиль, маленькая болтливая женщина, отважная, но вместе с тем вспыльчивая и жестокая, унаследовала худшие черты характера своего отца и его предков. Жители Перша, сеньором

которых теперь стал Роже, сохранили во глубине души неприязненное отношение к семейству герцога. Таким образом, положение Роже в течение долгого времени оставалось весьма деликатным. Он даже не принял участия в экспедиции 1066 года и если впоследствии занимал в Англии самые высокие посты, то исключительно благодаря личной привязанности к нему Вильгельма.

В компанию этих двадцатилетних рыцарей, возмужавших вместе со своим герцогом, в течение пяти лет входил и Роберт де Гранмениль, племянник Гильома Фиц-Жере, герцогский оруженосец. Около 1050 года при дворе появился человек лет тридцати, дальний родственник правящей фамилии, по имени Гильом — Гильом из Пуатье. Рыцарь, ставший клириком, он тогда как раз прибыл из Пуатье, где в течение многих лет учился в различных школах, в частности в школе аббатства Святого Илария, одной из наиболее знаменитых в то время, где издавна преподавались науки *тривиума*. Книжная ученость вновь прибывшего, весьма обширная по тем временам, отличалась более светским содержанием, чем у Ланфранка: Гильом из Пуатье знал произведения Тита Ливия и Цезаря, Саллюстия и Тацита, Светония, Ювенала и Вергилия, усвоив их выразительную систему. Герцог принял его в качестве капеллана, а впоследствии он стал архидиаконом Лизьё.

Вильгельм продолжал опираться на поддержку семьи своей матери. Его два сводных брата были еще детьми, и тем не менее одного из них, Одо или Эда, в конце 1049 года, когда умер Ричардид Гуго, епископ Байё, он назначил его преемником. Одо было тогда лет десять — двенадцать. Поступая подобным образом, Вильгельм следовал традиции своих предшественников, которые всегда старались передавать епископства членам своего семейства.

Возможно, уже тогда он разглядел в Одо задатки исключительных дарований. Гильом из Пуатье превозносит до небес благородство, доброту, честность, смирение и воспитанность этого мальчика — драгоценные качества во времена, когда кафедру Руанского архиепископства занимал Може: Жоффруа де Монбрэ, красивый и доблестный рыцарь из Котантена, назначенный в 1048 году епископом Кутанса, нашел епископскую резиденцию в руинах, кафедральный собор лишенным богослужебных книг, литургической утвари и прав собственности, а вместо соборного капитула — пять невежественных каноников. Одо, сложная и неоднозначная личность, если и не являлся широко образованным человеком, то, по крайней мере, не был лишен вкуса. В качестве епископа он заботился о просвещении своего духовенства, посылая за свой счет одаренных молодых людей совершенствовать свои знания в школы Льежа и других городов. Меценат и любитель красивых вещей (притом что с каждым годом в нем все больше проступала brutальная натура), он был хорошим советником по политическим вопросам и отважным воином на поле битвы. Алчный и расточительный, не слишком строгих нравов, почти лишенный качеств церковника, он тем не менее оставался на протяжении 35 лет одним из главных помощников своего брата.

Осенью 1049 года до Брионна дошел слух, что Ланфранк, ставший приором Бекского монастыря, неприязненно высказался о матримониальных планах Вильгельма. Тот вышел из себя, заподозрив Ланфранка в поддержке сепаратистских устремлений Ги: ведь Бек находился совсем рядом с Брионном. В припадке ярости герцог приказал сжечь одно из крестьянских хозяйств, принадлежавших аббатству, — предупреждение, которым сопровождался приказ поскорее убраться, адресованный приору, этому высокомерному

ломбардцу. Ланфранк, не вступая в пререкания, сел на лошадь и отправился в путь. Но Бекский монастырь был беден, поэтому приор оседлал хромую клячу, которая едва тащилась. Увидев это, герцог опять дал волю своему гневу. Тогда язвительный итальянец, остановившись, обратился к нему со словами: «Если бы ты мне подарил лошадь получше, я бы поехал быстрее!» Все громко расхохотались. Герцог увидел перед собой человека совершенно в своем вкусе. Велев Ланфранку возвратиться, он вместе с ним приехал в Бек, открыл ему все свои заботы и попросил совета.

Вероятно, Вильгельм слышал о ломбардском ученом с тех пор, как тот появился в этом регионе, и знал о его достоинствах. Отныне между ними установился союз, который никто и никогда не подвергал сомнению. Сотрудник Вильгельма до самого конца его правления, образуя с ним одно нерасторжимое целое, Ланфранк благотворно, в умеренно консервативном духе, влиял как на герцога лично, так и на его политику. Нередко благодаря ему приобретали ясное выражение и действенность на длительную перспективу идеи, смутно бродившие в голове Вильгельма. Ланфранк олицетворял собою постоянную связь Вильгельма с папской властью — связь, благодаря гибкости которой удавалось на протяжении сорока лет избегать открытых конфликтов, серьезных столкновений, и каждой из сторон использовать в своих интересах достижения партнера. Если Вильгельм за эти сорок лет сумел первым в феодальном мире создать государство, достойное называться государством, то частично он был обязан этим Ланфранку.

В 1050 году Ги де Брионн, побежденный голодом, сдался. Терпение Вильгельма одолело его. С падением Брионна никто более не ставил под сомнение право герцога на власть и владения. Возможно, кое-кто из недавних мятежников немало был удивлен, узнав о

капитуляции казавшегося неприступным замка. Урок пошел впрок: они поняли наконец, что за человек был их герцог.

А тот и не думал мстить поверженному противнику. Конфисковав некоторые из его владений, он простил Ги и даже предложил ему сохранить за собой донжон Брионна в качестве герцогского шателена. Милосердие представлялось Вильгельму более разумным и даже более полезным, чем суровое наказание. Не исключено также, что он собирался вернуть свою дружбу этому кузену, с которым провел часть своего детства. Однако Ги, смиренный и униженный, отказался от этих предложений, предпочтя возвратиться в родную Бургундию, герцогом которой стал его брат. Он и там пытался сеять смуту в тщетной надежде выкроить для себя княжество; спустя лет десять следы его затерялись.

История одного собора и... женитьбы

В октябре 1049 года в Реймсе открылся в присутствии папы Льва IX, годом ранее занявшего Святой престол, церковный собор. К тому времени этот понтифик уже успел издать ряд канонических законоположений, предусматривавших смещение плохих священников и искоренение симонии, и теперь созывал соборы в Италии, Франции и Германии, чтобы на месте изучить возможности для реализации намеченных мер. В Реймсе епископы Кутанса, Авранша, Се, Байё и Лизьё, представлявшие нормандское духовенство (Може, архиепископ Руанский, блистал своим отсутствием), благосклонно отнеслись к предложениям папы. На следующий год на синоде в Руане нормандское духовенство установило для себя следующие принципы: осуждение симонии; запрет на

продажу церковных званий и должностей и на взимание платы за крещение; утверждение требований, предъявляемых к возрасту и уровню образования претендентов на церковные должности; обязанность епископов пребывать в своих епархиях, а монахов — в своих монастырях; запрет епископам осуществлять пожалование в феодалов церковных земель.

Некоторые епископы, даже весьма благонамеренные, с трудом расставались со своими застарелыми привычками. Епископ Жоффруа де Монбрэ, трудясь над восстановлением своей епархии, хотя и мало обращал внимания на предписания римского понтифика, однако в долгосрочной перспективе его начинания вели к той же цели. Духовенство Манса представило на рассмотрение собора в Реймсе скандал, который уже несколько месяцев продолжался в их городе: опекун юного графа Мэна, вступив в конфликт с епископом Жервэ, обратился за помощью к Жоффруа Мартелю, графу Анжуйскому. Тот был рад представившемуся случаю распространить свое влияние на север и в 1047 или 1048 году напал на Мане, захватив и бросив в тюрьму Жервэ. Лев IX потребовал от Жоффруа явиться к нему на ближайший собор, который должен был вскоре собраться в Майнце. В ответ на это Жоффруа беззастенчиво предложил папе самому явиться в Анжу и на месте ознакомиться с положением дел; в Майнце он, естественно, не появился. Жервэ оставался в заточении, и Лев IX, устав ждать, в 1050 году отлучил Жоффруа Мартеля от церкви.

К Иву, епископу Се, в епархии которого незадолго перед тем рухнул кафедральный собор, Лев IX обратился с горькими упреками, возложив на него ответственность за этот инцидент. Он приказал ему восстановить храм. Для Ивы этот приказ создавал серьезные финансовые проблемы, для решения которых

он отправился в Южную Италию, к своим соотечественникам-нормандцам, в надежде выпросить у них нужную сумму. Сначала он прибыл в Апулию, а оттуда проследовал в Константинополь. Домой он вернулся спустя несколько лет, обремененный золотом и фрагментами драгоценной реликвии — Истинного креста, которые получил в подарок от василевса.

Одно из постановлений, принятых на соборе в Реймсе, запрещало вступать в брак родственникам до седьмого колена, и на основании этой новой юридической нормы тут же было вынесено несколько приговоров, осуждавших подобного рода недопустимые брачные союзы. Такая поспешность несомненно имела свою подоплеку. Папа Лев IX и его советники, какими бы теоретическими соображениями они ни руководствовались, видимо, оказались, пусть сами того не желая, замешанными в интригу. По крайней мере, при нормандском дворе никто не сомневался в этом. Возможно, нормандские епископы по наущению Може (о чем Вильгельм, как он сам уверял, будто бы доподлинно знал) донесли о матримониальном проекте своего герцога. Не исключено также, что они просто попросили от его имени разрешения на брак, в чем им было отказано. Как бы то ни было, постановление синода в Реймсе создавало препятствие для реализации появившегося в 1049 году у Вильгельма намерения жениться на дочери графа Фландрии Матильде.

Вильгельму уже исполнилось двадцать лет; редко когда правитель столь долго тянул с выбором для себя супруги. Возможно, бароны уже поторапливали герцога со вступлением в брак. Однако подобного рода брачный союз всегда содержал в себе политический аспект. Вильгельму необходимо было заключить такой брак, который возвысил бы его в глазах как короля Франции, так и его собственных вассалов, поставив его вровень с владетельными князьями. Но до победы при Валь-эс-

Дюне какое знатное семейство согласилось бы отдать ему в жены свою дочь? С другой стороны, хотя победоносное завершение борьбы за власть близилось, тем не менее оно еще не было достигнуто. Нормандские бароны, хотя и побежденные, не были окончательно укрощены, а в Мэне набирали силу грозные графы Анжуйские. В этих условиях мотивировка замысла Вильгельма была вполне убедительна. У графа Фландрии Балдуина V как раз имелась дочь на выданье, как говорили, свободная от брачных обязательств, поскольку ее помолвка с неким знатным англосаксом недавно была разорвана. Рассказывали, что она красива, воспитанна, добродетельна. В ее жилах текла, ввиду прямого и законного родства, кровь Альфреда Великого и даже самого Карла Великого. Конечно, фламандцы были давними и злейшими врагами нормандцев, однако за последние лет двадцать графы Фландрии обратили свои взоры в другую сторону. Балдуин IV Бородатый закрепился в Камбрэ и Валансьене, получил от императора во владение Вальхерен и нижнюю часть долины Эскот, а также завоевал часть Брабанта. Балдуин V занялся проведением работ по осушению низинных земель, и для выяснения отношений между

Нормандией и Фландрией у него практически не было ни времени, ни желания. Оставалась Англия, в которой фламандцы поддерживали, в пику Эдуарду, Эмму и «датскую партию» в расчете на бог весть какие перспективы. Балдуин V был свояком короля Франции — удобный повод для того, чтобы укреплять полезное сотрудничество с ним против Анжу, а возможно, и для новых авантюр. Наконец, Вильгельм не мог не знать, что Балдуин V, в течение двух лет находившийся в состоянии войны с императором, испытывал серьезные затруднения, при которых ему представлялась весьма желательной если не военная, то, по крайней мере,

дипломатическая поддержка. В 1049 году соединенный англо-датский флот, имевший своим союзником императора, угрожал побережью Фландрии. Отношения Вильгельма с королем Эдуардом позволяли ему выступить в качестве посредника при условии, что фламандцы откажутся и далее поддерживать Эмму. Гильом из Пуатье туманно намекает на переписку, которую во время осады Брионна якобы вел Вильгельм с императором — дополнительная причина для Балдуина поторопиться выдать свою дочь замуж за правителя Нормандии.

Вильгельм и сам предпринял необходимые шаги. Хроника XIII века повествует, как Матильда, получив предложение, с презрением отвергла сватовство бастарда. Ее слова передали Вильгельму, и он, оскорбленный, вскочил на коня и во весь опор помчался в Лилль, ворвался в зал графского замка, накинулся на юную девицу, повалил ее на пол и располосовал шпорой ее платье. Строптивая фламандка, укрощенная таким манером, признала его своим повелителем, отдав ему свою руку, если не сердце.

Генеалогическая путаница не позволяет точно определить степень родства жениха с невестой: шестое, пятое или может быть даже четвертое каноническое колено. Во всяком случае, оно подпадало под запрет, установленный на соборе в Реймсе. Однако Вильгельм не мог и не хотел отказаться от задуманного. В первой же своей беседе с Ланфранком он поинтересовался его мнением по этому вопросу и нашел его неопределенным, если не прямо негативным. И тем не менее его первым поручением своему новому другу было ведение переговоров с Римом для устранения возникшего препятствия. Какой бы ни была степень родства Вильгельма с Матильдой, всегда оставалась возможность получить у папы римского разрешение на брак. Отказ в этом указывал на

существование заговора, зародившегося в самой Нормандии: Може, прикрываясь решениями собора, делал все возможное, чтобы сорвать матримониальный проект герцога. Поручая Ланфранку заботы по решению возникшей проблемы, Вильгельм тем самым втягивал его в свою игру. Что же до него самого, то он с головой окунулся в эту аферу, со страстью двадцатилетнего юноши, охваченного желанием заполучить высокородную девицу, сопротивление которой он уже сломил, но вместе с тем и с резонным убеждением, что этот брак станет главным козырем в его политике, непременным условием его грядущих успехов. Ради этого можно было пренебречь любой оппозицией.

Лев IX, единомышленник и сторонник императора Генриха III, не мог чувствовать ничего иного, кроме недоверия в отношении набиравшей могущество Фландрии. Этот упрямый выходец из Лотарингии с юридическим складом ума опирался в своей политике на решения, принятые собором в Реймсе. Ему до глубины души претило упрямство нормандского князька, посмеявшегося противиться тому, кого поддерживала единственная бесспорная политическая власть — авторитет обладателя императорского титула и кого окружал ореол возрождавшегося престижа Святого престола. Главной целью своей политики Лев IX ставил сдерживание вмешательства светских властей в дела Церкви. А может быть, брачное законодательство не находилось в исключительном ведении Церкви? Главной проблемой было возвратить Риму (тому самому Риму, который внезапно открывался взорам паломников с вершины холма Монте-Марио с его сотней церквей и разбросанными по семи холмам античными развалинами, напоминавшими о былом величии) его всемирное предназначение, вновь сделать Вечный город тем, чем он был когда-то, *главой* мира, в двойном, духовном и светском, смысле этого слова. Ради этого

Лев IX пустился даже на военную авантюру, предприняв безрассудную экспедицию против норманнов Апулии, варваров, коих он уподоблял неверным. Это предприятие закончилось плохо, но все же не отбросило папство назад к тому состоянию упадка, из которого поднял его Лев IX. Разрыв с греческим патриархом Михаилом Керуларием в 1054 году, в результате которого пресеклись последние связи западного христианского мира с восточной церковью, в какой-то мере явился платой за этот подъем. Примечательно, что когда в 1048 году Лев IX после своего избрания на папский престол отправился из Туля, где находилась его епископская резиденция, в Рим, в его свите находился некий клирик по имени Гильдебранд. Крещеный еврей Гильдебранд, породненный с могущественным семейством Пьерлеони, в свое время сопровождал отправленного в изгнание в Германию папу Григория VI, низложенного двумя годами ранее. Общее представление о том, какой должна быть Церковь, предопределило его сближение с Львом IX, который возвел своего молодого компаньона сперва в сан аббата, а затем и кардинала. Так был проложен путь к папскому престолу тому, кто, спустя четверть века став папой под именем Григория VII, не побоится бросить открытый вызов государям мира сего...

Не желая отступить, Вильгельм тем не менее не мог тешить себя надеждой сломить волю папы римского; присущий ему здравый смысл не позволял переходить в лобовую атаку. Пренебрегая запретом, сформулированным на церковном соборе, он вместе с тем выбрал для себя тактику компромисса и соглашения. Ему пришлось хитрить, идти на сделки и волей-неволей участвовать с пользой для обеих сторон в игре, которую вел папа и с которым он как христианский государь, в конце концов, обязан был

действовать заодно. Теперь он находился в расцвете своих физических сил, и в нем уже замечалась несколько удивительная для его близких сложность характера. На единственном аутентичном портрете, имеющемся в нашем распоряжении, его изображении на ковре из Байё, перед нами предстает человек с массивной комплекцией, высокого роста, осанистый, с бычьей шеей и крепко посаженной головой, темными волосами, выбритыми на затылке, безбородым лицом, коротким толстым носом и выступающим вперед подбородком. Хотя вышивальщицы, по всей вероятности, и не стремились к достижению точного портретного сходства своих персонажей с прототипами, однако постоянство их черт, многократно повторенных в последующих сценах, позволяет предположить определенную достоверность изображения.

Хроники тех лет сообщают, что Вильгельм имел бравую, но вместе с тем величественную осанку, голос грубый, но речь простую и доходчивую. Умея недвусмысленно излагать свои мысли, он вместе с тем был неразговорчив. Суровый и целомудренный, он имел одну лишь страсть, за чрезмерное увлечение которой нередко порицали его церковники, — охоту. Импульсивный, он был способен умерять свои страсти, когда того требовали соображения высшего порядка, и никогда не злился без причины. Его решительность и хладнокровие на войне давали ему явное преимущество перед большинством противников. От своих предков он унаследовал отвагу, вызывавшую восхищение. Эскорт, сопровождавший и защищавший его в сражении, насчитывал не более десяти человек, иногда уменьшаясь до четырех. Когда в сражении под ним была убита лошадь, он продолжал биться как пехотинец, нанося мечом противнику удары, достойные героя эпической поэмы. Его врожденным свойством была поразительная способность усваивать новое,

позволявшая ему быстро ориентироваться в самых непредвиденных ситуациях, добиваться своего и эффективно использовать к собственной выгоде опыт и идеи, заимствованные у других. Это был уравновешенный, методичный, дисциплинированный и расчетливый человек, ужасные вспышки гнева которого редко случались без веской причины. Он обладал доведенным до цинизма искусством играть на исконной взаимной вражде отдельных феодальных родов, противопоставляя их друг другу. У него было мало приятных качеств, поэтому многие историки испытывали к нему вполне понятную антипатию. Он веселился, сообщает Ордерик Виталий, только за столом, но и там оставался трезвым, питая особое отвращение к опьянению. Никогда, по сообщению того же автора, он не пил больше трех кубков вина за одну трапезу. Он любил долгими зимними вечерами у себя в замке в Фалезе посмотреть представление жонглеров или послушать пение под звуки арфы. Малейшая насмешка выводила его из себя; что же до обид, то он не простил ни одной из них.

Вероятно, его трудное детство вселило в него глубокий пессимизм, которым частично объясняются беспощадность, присущая его характеру, сознательная жестокость, иногда — преднамеренные измены. То упорный, то уступчивый, он вместе с тем никогда не позволял отвлечь себя от предпринятого начинания. Он был постоянно неутомим, и последнее слово всегда было за ним. Он был реалистом до мозга костей, умея извлекать урок из любой неудачи, снова и снова принимаясь за дело с таким терпением, что в конце концов неуспех оборачивался для него не меньшей пользой, чем успех. Он внушал своему окружению мысль о необходимости беспрекословного подчинения. На протяжении многих лет своего правления Вильгельм неукоснительно следовал идеалу государя—гаранта

мира и справедливости на земле. Когда с годами силы его пошли на убыль, ему довелось познать превратности судьбы, и все же на протяжении всего долгого его правления никто в полной мере не преуспел в попытках противиться ему.

Если не препятствовали важные дела, Вильгельм старался каждое утро быть на мессе, а потом еще и на вечернем богослужении. Приближенное к нему духовенство превозносило его набожность. Как рассказывает Гильом из Пуатье, познав премудрость Писания, он вкушал его сладость; глубоко почитая таинство исповеди и причастия, он радел о нерушимости христианской веры, ревностно преследуя ересь, не упуская случая поддержать правое дело Церкви. По-другому отзывались о нем побежденные: англичанин Генрих Хантингдонский, отдавая должное деловым качествам Вильгельма Завоевателя, обвинял его в амбициозности, корыстолюбии, гордыне и бесчеловечности. Вильгельм понимал, что может извлечь для себя пользу из авторитета Церкви, сотрудничая с нею, но вместе с тем и контролируя ее достаточно эффективно, чтобы однажды не оказаться ее узником. Это глубокое убеждение (о чем свидетельствуют его отношения с Ланфранком) сочеталось в нем с твердой верой, зиждившейся на нескольких фундаментальных догмах и удивительным образом свободной от суеверия. Вильгельм видел большую пользу для себя в том, чтобы рядом с ним находился просвещенный и добродетельный клирик. Возможно, сознавая свои слабые стороны (недостаточное образование, полное отсутствие интереса к теоретическим вопросам), он старался окружить себя компетентными людьми, а их могла предоставить ему только Церковь. Он приглашал их к себе отовсюду, проявляя при этом космополитизм, которым отличался его век: в 1066 году почти все

крупные монастыри герцогства находились под управлением аббатов, родившихся за пределами Нормандии. Он удачно подбирал кандидатов на высшие церковные должности, умея привязать их к себе дружбой, на которую был весьма щедр, и расставался с ними только в случае их предательства, с чем он в отличие от многих других государей того времени сталкивался крайне редко.

Церковный собор в Реймсе занялся рассмотрением еще одного вопроса, на первый взгляд не связанного с проблемой, вызванной женитьбой герцога Нормандского, но оказавшегося переплетенным с ней и косвенным образом содействовавшим ее решению. Речь шла о еретических заблуждениях некоего монаха Беренгария, преподававшего в школе города Тура. В числе заподозренных в приверженности этой ереси оказался и Ланфранк, когда-то учившийся у Беренгария. По требованию Вильгельма Ланфранк отправился в Рим, дабы очиститься от обвинений в ереси, а заодно и предпринять определенные шаги для решения вопроса о бракосочетании герцога. Как и следовало ожидать, тот на церковном соборе в Риме сумел доказать собственную приверженность истинной вере, попутно напомнив папе о ревностном служении Церкви своего господина — герцога Нормандского Вильгельма. Таким образом, наметилось сближение с Римом. А тем временем, пока Ланфранк пытался получить разрешение на брак Вильгельма, тот уже договорился с Балдуином об условиях заключения брачного союза. Свадьба состоялась, по всей видимости, в 1051 году. Нормандское посольство прибыло встретить принцессу Матильду на границе герцогства. Бодуэн лично сопровождал свою дочь. Оба кортежа встретились в замке Эв, где невесту официально представили членам нормандского двора, а также Арлетте и Эрлуэну де Контевилю, продолжавшим

поддерживать тесные отношения с Вильгельмом. В состоявшейся вскоре затем церемонии бракосочетания, видимо, не участвовал ни один из прелатов. Вероятно, негативное отношение Може, если не всего епископата, к выбору невесты заставило герцога доверить проведение церемонии простому капеллану. Затем новобрачные отправились в Руан, где их с радостью встретило население.

Так для Вильгельма и его молодой супруги началась семейная жизнь, продолжавшаяся тридцать два года. Брак этот оказался исключительно прочным, не в пример многим другим правящим семействам той эпохи. Вопреки клеветническим слухам, получившим распространение позднее, уже в XII веке, Вильгельм, по всей вероятности, сохранял безупречную верность Матильде. Он был одним из немногих правителей своего времени, не оставивших после себя ни одного бастарда. С ним пресеклась нормандская традиция заключения невенчанных браков «по датскому обычаю». Не раз за годы своего правления Вильгельм доверял Матильде ответственные политические дела, рассматривая ее как сотрудницу на троне. Она служила для него моральной опорой и, быть может, давала полезные советы. Вильгельм отнюдь не был нежной натурой. Еще долго после его смерти ходили слухи о том, сколь жестоко случалось ему обращаться с Матильдой: говорили, что однажды он, вне себя от ярости, таскал ее за волосы по улицам Кана... Он, несомненно, страстно любил свою жену как рано созревший и наделенный необузданным темпераментом человек, к тому же властный и ревнивый. Матильда, в свою очередь, была типичной представительницей ранней феодальной эпохи — неистовая, страстно увлеченная охотой и верховой ездой, сознающая себя любимой за крепость духа и тела, за правоту суждений

и плодovitость. Ничего романтического в жизни этой супружеской пары не было.

У них было десять детей, в том числе четверо сыновей. Трое из них, Роберт, Ричард и Вильгельм, а также, по крайней мере, первая из дочерей^[15], родились до 1066 года.

Обещание короля Эдуарда

После смерти Магнуса Норвежского его преемник Харальд Хардрада, Суровый, возобновил свои притязания на английскую корону. Он, отличаясь непостоянным, но грозным нравом, заслужил репутацию последнего из викингов. До восшествия на трон он бороздил дальние моря, добираясь до арктических широт, командовал личной гвардией василевса, а затем византийской армией, сражавшейся против арабов на Сицилии, считался любовником императрицы Зои и женился на дочери новгородского князя. Он сражался в своем синем облачении на вороном коне, растрачивая богатырские силы в безрассудных авантюрах против мира, оставлявшего все меньше и меньше шансов авантюристам его пошиба. В 1047 году его флот курсировал у южного побережья Англии, а в 1049 году он совершил рейд на Кент, всякий раз находя прибежище в территориальных водах Фландрии. Какую игру вел Балдуин V, допуская это? И какова была закулисная роль Эммы, жившей у него на положении беженки? А что затевал Годвин, старший сын которого, Свен, изгнанный из Англии по решению витенагемота, скорее всего, находился у Харальда? Какое влияние оказали все эти факты на вызревание матримониальных замыслов Вильгельма и на одобрение их Балдуином? Невозможно дать точные ответы на эти вопросы, однако нет сомнения, что в той

сложной ситуации между ними существовали связи, пусть слабые и временные.

Эдуард Исповедник во многом был обязан Годвину своим восшествием на английский трон. Вся история этого короля связана, зачастую роковым образом, с историей клана, родоначальником которого стал Годвин. Эдуард болезненно переживал собственное подчинение ему, ревниво относясь к этому своему слишком могущественному подданному. Однако подобного рода чувства подталкивали короля, бесхарактерного человека, скорее к двоедушию и мелким предательствам, чем к проявлениям жестокости. Годвин присвоил себе роль покровителя своего господина, от которого добивался почестей и уступок. С 1045 года представители клана Годвина держали в своих руках ряд графств, цепочкой протянувшихся вдоль южного побережья страны, от залива Уош до Бристольского залива. К 1050 году вся территория королевства под благовидным предлогом административного деления фактически была распределена между шестью лицами, к коим принадлежали Годвин и его старшие сыновья Свен и Гарольд, Леофрик Мерсийский, Сивард Нортумбрийский и, наконец, нормандец Рауль де Мант.

Последний, являясь племянником Эдуарда, последовал за ним в Британию, где тот доверил ему должность графа Херефорда. Вокруг Рауля в этом городе образовалась небольшая колония нормандских рыцарей. Командуя местным ополчением, которое должно было сдерживать набеги кельтов, Рауль тщетно пытался внедрить в англосаксонское ополчение военную тактику его соотечественников — использование в бою кавалерии и строительство столь необходимых для обороны замков. Нормандцы, которых на острове называли «французами», были весьма многочисленны в южной половине Англии. Подобного

рода «нашествие» многие считали результатом интриг герцога Нормандского; сам же Эдуард, приглашая с континента, в частности, клириков, пытался влить свежую кровь в англосаксонскую церковь. Он поставил нормандцев во главе трех епископств, а четвертое доверил выходцу из Лотарингии. Роберт Шампар, бывший настоятель Жюмьежского монастыря, испытавший на себе влияние клюнийской реформы и ставший по воле Эдуарда архиепископом Кентерберийским, привез в Англию некоторые реформаторские идеи и принял меры для повышения образовательного уровня своего духовенства. Его примеру вскоре последовали и другие епископы. Нормандское влияние в церковной архитектуре, сказывавшееся еще в начале XI века, в середине столетия заметно усилилось — тогда, надо полагать, не один мастер строительного дела перебрался с континента на остров. Собор Святого Августина в Кентербери, к 1066 году еще не заверченный, напоминает церковь Святого Бенедикта в Дижоне — городе, который, как известно, поддерживал тесные связи с Нормандией.

Среди персонала канцелярии и королевской капеллы число «французов» за годы правления Эдуарда выросло настолько, что англосаксов там почти не осталось. Немало нормандцев находилось и на должности шерифа. Эти люди совершенно не знали местных обычаев и не говорили на языке страны, чем и объяснялись постоянные конфликты и недовольство англосаксонской аристократии. Король надеялся на доброе отношение к себе населения северных регионов — Мерсии и Нортумбрии. Однако северяне, которыми правил семейство эрла Леофрика, не столько поддерживали Эдуарда, сколько пытались использовать в собственных интересах Годвина, которого ненавидел Леофрик. Годвин, смотря по

обстоятельствам, то Леофрика настраивал против нормандцев из королевского окружения, то их против Леофрика, действуя то в согласии, то в конфликте со скандинавами острова и норвежцами Харальда Хардрады. При этом сталкивались не столько сами группировки, сколько клиента, служившая простым орудием и не знавшая постоянной привязанности.

Свояк Эдуарда, граф Эсташ Булонский, хотя и не проживал в Англии, однако поддерживал со своим родственником-королем сердечные отношения, ненавидя при этом англосаксов за их, как он считал, высокомерие. Перед Вильгельмом же Нормандским он заискивал. Таким образом, с 1050 года отчетливо просматривались признаки закулисной возни, таинственного торга, борьбы за влияние на ничтожного Эдуарда, а в конечном счете, учитывая его слабость, — за английский трон. То и дело готовилась какая-то интрига, назревал какой-то заговор, но каждый раз все заканчивалось ничем. Многие историки усматривают за всем этим руку Вильгельма, задолго приступившего к подготовке своего вторжения 1066 года. Это могло быть, но не более того. Положение дел в Англии после смерти Кнута, а особенно с тех пор, как стало ясно (по прошествии шести лет супружества), что у Эдуарда не будет наследника, позволяло высказывать любые предположения и питать самые разные надежды.

Не исключено, что Вильгельм направил Эсташа Булонского с официальной миссией к английскому двору В марте 1051 года, сразу после назначения на кафедру Кентерберийского архиепископства, Роберт Шампар отправился в Рим для получения *паллия*, символа папского благословения нового архиепископа. По пути он сделал остановку в Нормандии — тогда-то, возможно, и было принято решение о миссии Эсташа. Летом он, переправившись через Ла-Манш, уже был у Эдуарда. На обратном пути с посланником

приключилась неприятная история: в Дувре, пока снаряжали к отплытию его судно, он потребовал у жителей города обеспечить ему стол и кров, на что он как гость короля по обычаю имел право. Среди горожан, решивших уклониться от исполнения долга, поднялось волнение, перешедшее в шумную ссору, которая, в свою очередь, переросла в потасовку, настоящее сражение между местными и свитой Эсташа. С той и другой стороны насчитывалось до двадцати убитых. Эсташ возвратился к королю и потребовал незамедлительно наказать виновных, на что получил согласие. Проведение экзекуции Эдуард поручил Годвину, поскольку Дувр относился к его графству. Годвин отказался. Считал ли он приговор несправедливым или же был озабочен сохранением своей популярности среди местного населения? Тогда король созвал витенагемот, собравшийся осенью в Глостере. Роберт Шампар, к тому времени возвратившийся из Рима, лично вмешался, потребовав приговорить Годвина к изгнанию. Леофрик согласился с ним, и тогда виновному припомнили все его прошлые преступления, открыто обвинив его и в убийстве Альфреда, младшего брата короля Эдуарда. Собрание проголосовало за изгнание, но Годвин отказался подчиниться, собрав вооруженные отряды своего графства. Тогда король, со своей стороны, приказал Леофрику, Сиварду и Раулю де Манту собрать ополчение. Но тут вмешались королевские советники, предложившие компромиссное решение — еще раз рассмотреть это дело накануне Рождества.

Тем временем собранные Годвином отряды разбрелись, и когда король вновь подтвердил приговор об изгнании, ему пришлось бежать. Он направился во Фландрию, прихватив с собой троих сыновей, Гирта, Тостига и Свена, который сразу же отправился паломником в Иерусалим и, как в свое время Роберт

Великолепный, умер спустя несколько месяцев, возвращаясь назад. Что же касается Гарольда и его брата Леофвина, то они искали убежища в Ирландии. Именно тогда Бодуэн выдал одну из своих дочерей замуж за Тостига, который, таким образом, стал свояком герцога Нормандского.

Наконец-то король Эдуард, временно избавившись от Годвина, мог править в своем собственном королевстве. Он расстался со своей супругой, нежной Эдит (Эдгитой), отправив ее в монастырь. В 1052 году в своем фламандском изгнании умерла вдовствующая королева Эмма, преклонных лет женщина, которую ничто не могло сломить, достойный отпрыск герцогов-полуварваров, создавших Нормандию.

Так обстояли дела, когда Эдуард дал понять Вильгельму о своей готовности уступить ему английский престол. Мы не знаем, как именно это было: имело ли место твердое обещание, даже подкрепленное присягой, или же всего лишь слегка приоткрылась туманная перспектива, был сделан простой жест доброй воли, позднее тенденциозно истолкованный? Пересекал ли по этому случаю Вильгельм в первый раз Ла-Манш, причалив в качестве гостя к берегу, на который спустя пятнадцать лет он высадится уже в роли завоевателя? Пытаясь реконструировать происходившие тогда события, можно предложить четыре версии.

Первая: во время своей поездки в Рим Роберт Шампар получил поручение предложить Вильгельму в обмен на военную помощь наследование после Эдуарда английского престола. Именно тогда (возможно, даже еще до своей женитьбы) Вильгельм мог отправиться в Англию, дабы лично дать ответ и взять на себя обязательство, которое от него требовали, или же просто получить более детальные разъяснения.

Вторая: после изгнания Годвина Вильгельм, направив посольство или совершив визит собственной персоной (около того времени, когда был заключен его брак), добился от Эдуарда согласия завещать ему корону.

Третья: визит Вильгельма в Англию состоялся лишь после того, как Годвину была возвращена королевская милость.

Четвертая: обещание Эдуарда было передано Вильгельму лишь в 1065 году Гарольдом — именно это изображено в первых сценах на ковре из Байё...

Четвертая версия, бесспорно, должна быть отброшена. В какой бы форме ни было выражено обещание короля Эдуарда, оно, равно как и предполагаемый визит Вильгельма в Англию, могло иметь место в конце 1051-го или в течение 1052 года.

В этом заключается важная историческая проблема, поскольку дело касается юридического обоснования завоевательной экспедиции 1066 года. Два обстоятельства осложняют ее: с одной стороны, никто в Англии, похоже, никогда не знал об этом «обещании»; с другой стороны, Вильгельм с 1052 года держал при своем дворе на положении заложников одного из сыновей Годвина, Вульфнота, и внука Хакона. Для чего? Напрашиваются два объяснения: Вильгельм потребовал, от Эдуарда ли, от самого ли Годвина, этот залог, гарантирующий выполнение королевского обещания, или же он был предоставлен ему, дабы утихомирить гнев, охвативший его после возвращения Годвина в Англию, повлекшего за собой антинормандскую реакцию.

Действительно, находясь во Фландрии, Годвин готовился к реваншу. Он набирал войско и снаряжал корабли. В Ирландии его сын Гарольд занимался тем же, пользуясь поддержкой скандинавской колонии в Дублине. Он первым и начал в середине 1052 года

наступление. На девяти судах его войско причалило к Порлоку в Сомерсете, подвергло регион разорению и снова вышло в море, направившись в Ла-Манш. Годвин, с которым эта акция, несомненно, была согласована, тем временем посадил своих фламандских наемников на суда и направился к острову Уайт, который обречен на разграбление. Отец и сын, соединившись, вместе двигались на кораблях вдоль побережья Кента, набрав там вспомогательный корпус. Население прибрежной территории приветствовало их, приняв участие в поднятом ими мятеже. Годвин вошел в устье Темзы и поднялся по реке до Лондона. Город открыл ему свои ворота. Роберт Шампар и епископ Дорчестерский едва успели бежать в Нормандию, сев на рыбацкое судно. Епископ Винчестерский Стиганд, тесно связанный с Годвином (как и тот, он был «новым человеком», едва овладевшим грамотой и сделавшим карьеру благодаря Кнуту), ходатайствовал за него перед Эдуардом, добившись их примирения — вернее говоря, капитуляции короля. Однако Годвину и его сыновьям недостаточно было возвращения своих имений и должностей. Чувствуя в себе силу, благодаря поддержке со стороны народа, Годвин, которому казалось нестерпимым присутствие иноземцев, оказывавших давление на королевский двор, добился от витенагемота изгнания «всех французов, кои учинили беспорядки, ввели дурные обычаи и злоумышляли против этой страны». Столь крутые меры, принятие которых нетрудно было предвидеть, должны были, по мнению представителей клана Годвина, обеспечить окончательное решение «французской» проблемы. Однако король торговался, и Годвину пришлось слегка уступить, изъяв из числа приговоренных к изгнанию некоторых нормандцев, вероятно, предоставивших ему заложников. В результате вместо тотального исхода получился отъезд какого-то определенного числа

«французов». Правда, для самого Эдуарда это означало не менее резкую перемену, а нормандская экспансия в Англии была разом пресечена. Полное отсутствие реакции со стороны Вильгельма, видимо, объяснялось тем, что он, схватившись с графом Анжуйским, не мог тогда распылять свои силы. Тем не менее данное ему Эдуардом обещание, ежели таковое имело место, налагало на него обязательство по оказанию помощи. Тот факт, что он уклонился от исполнения принятых на себя обязательств, возможно, объясняет колебания Эдуарда в течение последующих лет.

Годвин мог бы полностью переменить ситуацию в собственных интересах, если бы не совершил серьезную политическую ошибку, последствия которой будут сказываться еще и после 1066 года. Поскольку после бегства Робера Шампара архиепископство Кентерберийское стало вакантным, Годвин передал его своему приятелю Стиганду. Возможно, Стиганд потребовал этого в награду за оказанную помощь. Подобного рода сделка была столь грубым нарушением канонического права, что скорее походила на прямой вызов Риму: пока Роберт Шампар не был каноническим образом низложен, он оставался архиепископом Кентерберийским. Папская курия отказалась признать свершившийся факт. Не исключено, что герцог Вильгельм при посредничестве Ланфранка настаивал на столь непримиримой позиции. Однако Стиганд, пользовавшийся поддержкой Годвина, не уступал. Теперь они вдвоем держали в своих руках Англию. Неважно, что всего лишь четыре епископа приняли участие в избрании Стиганда. Он, когда Рим отказал ему в предоставлении *паллия*, попросту завладел тем, который был оставлен обратившимся в бегство Робером Шампаром.

Папа Лев IX отлучил Стиганда от церкви, но в 1058 году тот сумел получить инвеституру от нового папы

Бенедикта X; однако уже на следующий год этот папа, возведенный на Святой престол по воле народа и не признанный курией, был вынужден уступить место Николаю II, который повторил анафему в адрес самозванного архиепископа Кентерберийского. Так и вышло, что в течение почти двадцати лет во главе английской церкви стоял отлученный примас — ситуация тем более скандальная, что Стиганд беззастенчиво пользовался своим служебным положением для личного обогащения. Сохранив за собой епископство Винчестерское, он завладел еще Норвичским епископством, а также аббатствами Гластонбери, Или и Сент-Олбенс. Этим объяснялось враждебное отношение к нему значительной части англосаксонского духовенства, объявившего ему форменный бойкот. Большинство епископов-суффраганов Стиганда считались схизматиками, так что Кентерберийская церковная провинция утратила свою юрисдикцию. Стиганд не рукоположил в сан ни одного епископа, а на всех важных церемониях он был вынужден терпеть присутствие архиепископа Йоркского, в каноническом отношении заменявшего его.

Устранение нормандцев поставило клан Годвина лицом к лицу с кланом Леофрика. Эта конфронтация имела далеко идущие последствия, однако Годвину не суждено было почувствовать их в полной мере: в 1053 году он скоропостижно скончался от апоплексического удара в разгар пиршества при королевском дворе. Народ усмотрел в такой кончине божью кару за убийство Альфреда.

После Годвина осталось четверо сыновей. Гарольд унаследовал от отца должность эрла Уэссекса, а также шайры Глостер и Херефорд, что сделало его самым могущественным человеком королевства. Что касается его личных владений, то они были разбросаны по всей

стране. Вне всякого сомнения, многие из них были приобретены не вполне законно. Тем не менее Гарольд пользовался народной любовью, и даже сам Эдуард, похоже, частенько испытывал к нему безотчетное чувство восхищения. Высокий, по-королевски осанистый, темпераментный, отважный и талантливый военачальник, Гарольд вместе с тем не чурался искусства, выступая инициатором строительства церквей в нормандском стиле. Вокруг него (а он уже обзавелся тремя незаконнорожденными сыновьями) сплотился клан, прежде поддерживавший Годвина. Только Тостиг оставался в стороне, идя своей дорогой. В 1055 году, после смерти Сиварда, Гарольд стал и эрлом Нортумбрии. Спустя два года он доверил своему младшему брату Леофвину управление обширной территорией, включавшей в себя Эссекс, Миддлсекс, Кент, Суррей и Суссекс; брат Гирттем временем управлял Восточной Англией и Оксфордским шайром.

Анжуйский противник

Когда замок Брионн капитулировал, сломленный упорством герцога Нормандского, жители Манса восстали против тиранического господства анжуйцев и восстановили юного графа Гуго IV, бывшего подопечного епископа Жерве, в его правах. Как раз тогда граф Анжуйский Жоффруа Мартель, владетель Сентонжа, отнятого им у герцога Аквитанского, и обратил свои взоры к долинам рек Сарт и Луара, вызвав тем самым беспокойство у короля Генриха I, который, оставаясь верным собственной политике лавирования среди своих наиболее крупных вассалов, дабы предупредить назревавшую угрозу, воспользовался случаем для вмешательства в пользу жителей Манса. Вероятно, летом 1050 года он собрал свое ополчение,

призвав военные отряды из различных регионов. Наиболее крупный прибыл из Нормандии под командованием самого Вильгельма, который, несомненно, был рад представившейся возможности ослабить соседа, оказывавшего поддержку герцогу Бретани Зону. Соединенное войско двинулось в самое сердце графства Анжу. Король вместе с Вильгельмом, который фактически командовал армией, приступил к осаде замка Мульерн, в тридцати километрах к северу от Сомюра. Вероятно, в октябре крепость пала. Незадолго перед тем король покинул театр военных действий, видимо, опасаясь конкуренции со стороны своего союзника.

Эта кампания, проведенная при участии всех вассалов короля, покрыла Вильгельма воинской славой. Рассказывали, как этот молодой, двадцатичетырехлетний герцог, блиставший безрассудной отвагой и неутомимостью, в одиночку атаковал 15 рыцарей противника, обратил их в бегство и, преследуя, захватил семерых из них в плен... Подобного рода подвиги вызывали восхищение даже у самого Жоффруа Мартеля. Воины, возвратившись в родные края, рассказывали о них долгими зимними вечерами. Тогда любили такие рассказы, загораясь любопытством и смакуя малейшие подробности сражения, подобно тому, как в наши дни болельщики снова и снова переживают события интересного футбольного матча. Молва, разносясь по всему королевству, возвела герцога Нормандского в ранг героя — немаловажный факт его биографии, сыгравший свою роль в последующем развитии событий. С тех пор он время от времени получал от восхищенных поклонников, желавших снискать его дружбу и живших в самых отдаленных краях—в Оверни, Гаскони и даже Испании, — подарки, чаще всего лошадей, страстным любителем которых он был.

В самом Вильгельме происходили перемены. Наконец-то став хозяином в собственном доме, он сильно расширил свой горизонт, чему немало способствовали женитьба на фламандской принцессе и обретение надежды на английский престол. Началось медленное, но верное, осмотнительное, но неотступное вхождение в эру завоеваний. Что это было: амбиции в чистом виде? Неутолимая жажда войны? Безоглядное следование феодальным обычаям? Пожалуй, всё вместе. Возникало хитросплетение и без того сложных феодальных отношений, событий с неотвратимыми последствиями.

На ближайшее десятилетие его главным противником становился Жоффруа Мартель. Перед нашими глазами в причудливом виде предстает их общая судьба: спустя столетие правнук Жоффруа Анжуйского унаследует трон Англии у внука герцога Нормандского^[16]. Жоффруа во многом походил на Вильгельма, однако ему не доставало компетентности и того качества, которое, за неимением лучшего названия, именуют величием. Тот и другой происходили из феодальных родов, отличавшихся авантюризмом и героизмом, возвышение которых началось примерно в одно и то же время. Как и воспоминания о первых герцогах Нормандских, сообщения о графах Анжуйских X века напоминают сагу, в которой подлинная история перемешалась с эпическим вымыслом и свойственными легенде преувеличениями. Так, притязания графов Анжуйских на суверенное обладание Мэном, по всей вероятности, основываются на фальшивой грамоте, изготовленной в конце X века. Что касается Жоффруа Мартеля, то он, холодный и расчетливый человек, черствый и высокомерный тиран, сам присвоил себе прозвище «Молот», которое, как он полагал, лучше всего отражает его основные качества. Как и женитьба

Вильгельма, его брак был (вернее сказать, мог бы быть) политическим успехом: в 1032 году он женился на Агнесс Бургундской, вдове графа Пуатье. Однако он не умел развивать успех, не мог видеть дальше того, что было достигнуто. В 1050 году он развелся, порвав тем самым со своими союзниками из Пуатье и оставшись один на один с грозным нормандским противником. Он не понимал, сколь важен для него союз с Церковью, что проявилось в конфликте с епископом Жерве. Короче говоря, он скорее пользовался слабостью и непоследовательностью своих противников, чем демонстрировал свою собственную силу.

Конфликт вокруг Манса оказался его первой крупной неудачей. С тех пор его власть в Мэне оказалась под вопросом. Это маленькое, лишенное органичного единства княжество, представлявшее собой скопление сеньорий вокруг города Мане, в котором располагалась епископская резиденция, никогда не имело устойчивого положения среди окружавших его крупных феодальных владений. Единственным фактором, позволявшим рассматривать эти территории как единое целое, была графская династия, но и он в начале 1051 года был внезапно утрачен: граф Гуго IV скончался, оставив после себя лишь малолетних детей.

Жоффруа Мартель тут же вступил в Мане и изгнал епископа Жерве, чтобы остаться единственным господином в городе. Жерве бежал к Вильгельму Нормандскому, у которого уже находился предполагаемый наследник покойного графа, маленький Герберт II, привезенный туда вместе с его сестрой Маргаритой матерью, желавшей тем самым обеспечить их безопасность. Дабы заручиться дополнительной гарантией, она заставила мальчика принести вассальную присягу могущественному герцогу.

Жоффруа понимал, что ему надо действовать быстро. Первым делом он напал на Алансон и Домфрон, грозные крепости, находившиеся в ленной зависимости от сеньоров Беллема. Алансонцы не испытывали особых симпатий к нормандцам, больше тяготея к своим южным соседям; что же до обитателей Домфрона, то они, похоже, пребывали в состоянии вражды со своими сеньорами. Таким образом, Жоффруа верно выбрал направление атаки. Оба города открыли перед ним свои ворота.

Вильгельм отреагировал, вероятнее всего, осенью 1051 года, завершив свою эпопею с заключением брака. Исполняя перед семейством Беллем свой сеньориальный долг по оказанию помощи, он двинулся к Домфрону. Однако один нормандский барон, предатель, уцелевший на поле битвы при Валь-эс-Дюне, предупредил анжуйский гарнизон, и тот совершил вылазку. Вильгельм, захваченный врасплох и окруженный, едва не попал в плен, но сумел обратить противника в бегство, гнал его до самых стен города и приступил к осаде. Для этого он применил тактику, в целом оказавшуюся успешной при осаде Брионна: он построил четыре башни, окруженные валом и рвом. Изолировав таким образом город, он мог пока не предпринимать ничего более, просто ожидая результата осады. Он чувствовал себя до того уверенно, что отправлялся даже на охоту в окрестных лесах.

Осада продолжалась несколько месяцев. И опять, как было когда-то под Брионном, военный лагерь Вильгельма превратился в столицу герцогства, в резиденцию его двора. Как раз в то время второй сводный брат Вильгельма, Роберт, получил в управление графство Мортэн. Это графство, стратегическое значение которого наглядно демонстрировали текущие события, с момента своего основания находилось под управлением Ричардида

Гильома Герланка. Однажды ему нанес визит один из его вассалов, некто по имени Роберт Бигот, сообщивший ему о своем намерении отправиться на поиски приключений и счастья в Италию. Герланк стал отговаривать его от задуманного. «Оставайся здесь, — сказал он, — не пройдет и трех месяцев, как дела в Нормандии примут иной оборот, и ты без труда сможешь разбогатеть». Была ли это простая шутка, или же назревал новый заговор среди тех, кто питал ностальгические воспоминания о добрых старых временах, когда можно было промышлять разбоем? Как бы то ни было, но Бигот отправился к Домфрону, нашел там герцога и передал ему высказывание своего сеньора. Вильгельм тут же вызвал его к себе и потребовал объяснений, но тот не сказал ничего вразумительного. Тогда его обвинили в мятеже и приговорили к конфискации имущества и к изгнанию — так ему самому пришлось отправиться на поиски счастья в Италию, из всего добра имея при себе одну только лошадь, которую герцогская юстиция оставила за ним...

Роберт, получив в феодальное владение графство Мортэн, вскоре женился на дочери Рожера де Монтгомери и Мабиль де Беллем — так на южных рубежах герцогства вассально-ленные связи были подкреплены связями родственными. Территории, переданные Роберту как раз в то время, когда он присоединил и стал контролировать Мэн, занимали большую часть лесной Нормандии и юг Котантена. Со временем Роберт еще более расширит свои владения. С тех пор он стал, наряду с графом Эврё, одним из наиболее значительных баронов герцогства, и его подпись стоит на большинстве официальных документов сразу же после подписей епископов.

Между тем Жоффруа Мартель попытался в начале 1052 года снять осаду с Домфрона. Вильгельм, узнав о

его приближении, отреагировал неожиданным образом, мало свойственным его натуре: видимо, преисполнившись сознания собственного величия и высокого достоинства, он предпринял своего рода блеф. Двоим наиболее славным своим рыцарям, Гильому Фиц-Осберну и Роже де Монтгомери, он поручил от своего имени доставить вызов Жоффруа с тем, чтобы герцог и граф завтра на рассвете в назначенном месте поединком решили судьбу Домфрона. Жоффруа принял вызов и сообщил, по каким знакам можно будет распознать его под шлемом и латами^[17]. Однако, прибыв к месту поединка, Вильгельм напрасно ждал противника, который уже покинул свой лагерь и двинулся в направлении к югу. Вероятно, прошлой ночью он получил известие, что король Генрих I совершил очередное нападение, на этот раз на Турень. А тем временем другой противник Жоффруа, Неель де Сен-Совер, предпринял разбойное нападение на земли графства Анжу. Эти обстоятельства весьма способствовали примирению графа с герцогом Нормандским.

Было ясно, что при подобном развитии событий Домфрон рано или поздно капитулирует сам, поэтому Вильгельм, доверив продолжение осады одному из своих помощников, ускоренным маршем под покровом ночи направился к Алансону, намереваясь застать его врасплох. Однако обитатели города, заблаговременно предупрежденные кем-то, имели возможность подготовиться к встрече герцога. Когда на рассвете Вильгельм прибыл, со стен города его приветствовали насмешливые возгласы защитников, которые лупили здоровенными дубинами по развешанным свежесодранным шкурам и осыпали герцога оскорблениями, называя его сыном кожевника. Брань еще больше ожесточила Вильгельма, и он с таким

неистовством устремился на штурм города, что тот почти тут же капитулировал. Началась резня, запылали пожары. По приказу Вильгельма схватили тридцать два обитателя города, как буржуа, так и рыцарей, и на виду у защитников донжона, все еще оказывавших сопротивление, отрубили им руки и ноги. Устрашение подействовало, и донжон пал. Заменяв гарнизон крепости своими людьми, Вильгельм возвратился к Домфрону, который вскоре также капитулировал.

Покончив с этими делами, герцог переместился километров на двадцать южнее, где у места слияния рек Майенн и Варенн распорядился построить замок Амбриер. Однако эта местность принадлежала одному из вассалов графа Анжуйского, который и попытался прогнать нормандцев или, по крайней мере, помешать им возвести замок. В результате не раз происходили стычки, хотя и кровавые, но безрезультатные: Вильгельм остался хозяином территории. Замок Амбриер, занимая ключевую позицию, защищал юго-западные рубежи герцогства Нормандского.

Многие Ричардиды не участвовали в триумфе Вильгельма. Они объясняли свои прежние неудачи случайностью или предательством, не будучи в состоянии понять логику действий презираемого ими бастарда. На протяжении 1052 года восточную часть герцогства потрясли один за другим два мятежа. Театром событий и вместе с тем объектом первого из них явился замок Эв. В свое время Ричард II построил этот замок как центр одноименного графства, пожалованного им одному из своих братьев-бастардов, Гильому, от которого пошел один из наиболее предприимчивых родов Верхней Нормандии. После смерти в 1050 году престарелого Гильома I, графа Эв, герцог, которому это семейство внушало опасение, прогнал его вдову вместе с обоими сыновьями, которые нашли убежище в Руане. Как раз в то время, когда

замок пустовал, герцог использовал его для проведения свадебных торжеств. Однако в течение лета или осенью 1052 года один из сыновей покойного графа, Гильом Бюзак, решив совершить акт отмщения, тайком возвратился в Эв, завладел замком и — если верить Гильому Жюмьежскому, — объявил себя герцогом!

Узнав об этом, Вильгельм поспешил от Амбриера к замку Эв, осада которого не заняла много времени. Приговорив к изгнанию Гильома Бюзака, он передал графство его брату Роберу, не ожидавшему ничего подобного. Для самого же герцога Вильгельма, любившего назначать на высокие посты тех, кто всем был обязан ему, это было обычной политикой.

Гильом Бюзак нашел себе прибежище у короля Франции, который весьма благосклонно принял его и пожаловал ему графство Суассонское, что явилось открытым вызовом герцогу Нормандскому. Поступок Капетинга был по-своему логичен, ибо последние события убедили его, что нормандский вассал еще больше опасен для него, чем граф Анжуйский. 15 августа 1052 года при личной встрече с Жоффруа Мартелем Генрих I торжественно заключил с ним мир. Герцог Нормандский отреагировал на это внешне спокойно и пока что держался вполне миролюбиво, однако вскоре у короля появился долгожданный повод для вмешательства.

Возвратившись в Нормандию, герцог Вильгельм отправился в Кутанс, куда его звали неотложные дела. Там он и получил поздней осенью тревожные вести из Арка, центра графства Талу. Это графство лет пятнадцать тому назад было пожаловано бастарду Ричарда II, носившему, как и множество других представителей клана, имя Гильом (Вильгельм) и являвшемуся братом архиепископа Може. Гильом де Талу, скомпрометированный участием во всех мятежах, обагрявших кровью Нормандию, построил для себя на

вершине скалы Арк один из самых грозных замков герцогства. Во время осады Домфрона он дезертировал из герцогского ополчения. В наказание за это герцог отобрал у него замок Арк, разместив в нем свой гарнизон. Однако как только Гильом де Талу подошел со своим отрядом к замку, гарнизон тут же капитулировал. Именно эту неприятную новость и принесли герцогу в Кутанс. Мятежный граф, засевший в Арке, рассчитывал устоять против своего сюзерена. Порукой ему служили симпатии, если не прямое пособничество, баронов Верхней Нормандии. Подталкиваемый своим братом Може, он также стал претендовать на герцогский титул.

Едва вестник закончил свое сообщение, как герцог вскочил в седло и стрелой полетел к Арку; от такой скачки в его отряде по прибытии к месту осталось всего шесть лошадей — остальные околели по дороге. Вильгельму удалось собрать из числа своих вассалов в долине Сены небольшой отряд, из Руана также срочно прибыло подкрепление: в общей сложности набралось человек триста. Сначала он попытался, вопреки благоразумным советам, полученным от верных ему людей, вызвать мятежников на бой в открытом поле; попытка оказалась неудачной, так же как и предпринятый штурм крепости. Тогда приступили к осаде. Вильгельм, как обычно, распорядился построить башни и укрепления, разместил своих людей и, ввиду других срочных дел, возвратился в Нижнюю Нормандию.

Именно этот момент выбрал король для нанесения решающего удара. Ему удалось хитростью завладеть одним из замков на юго-восточной границе Нормандии, в котором он разместил гарнизон под командованием некоего сеньора из Пуату. Новый граф Понтё, супруг Алисы, сводной сестры герцога Нормандского, заверил его в своей поддержке. Затем Генрих I направил к

осажденному Арку обоз с продовольствием и вооруженный отряд, командование которым взял лично на себя. Однако осаждавшие узнали о его приближении и устроили засаду. В завязавшейся схватке погибло немало баронов из королевского ополчения, в том числе и граф Понтё. Хотя королю и удалось отбить первую атаку, он, терзаемый сомнениями, взвесил трудности своего предприятия — и отступил. Правда, эта непредвиденная стычка, позволив выиграть время, дала возможность доставить в замок Арк продовольствие и военное подкрепление, однако продолжать сопротивление оказалось бесполезно. Как и в случае с Домфроном, голод решил исход осады. В начале 1053 года, не выдержав трудностей зимней осады, Гильом де Талу капитулировал. Герцог отобрал у него графство, но оставил обширные личные владения, а также предоставил ему право отправиться, куда ему заблагорассудится. Победенный удалился во владения Эсташа Булонского. Великодушие, проявленное Вильгельмом в отношении поверженного врага, сослужило ему добрую службу, и впредь поощряя противников капитулировать перед ним, не опасаясь жестоких репрессий.

В тот же год Лев IX отлучил герцога Нормандского от церкви в наказание за то, что он, презрев папский запрет, заключил недозволенный брак. Герцогство подпало под действие интердикта. При приближении герцога церковные колокола прекращали звонить, богослужение же совершалось тайком. Вероятнее всего, это тяжелое наказание явилось результатом происков Може, пожелавшего отомстить за собственного брата. Зато отныне и герцог не упустит случая воздать архиепископу по заслугам.

Король на сей раз больше, чем когда-либо, был преисполнен решимости довести дело до конца. Часть года он потратил на то, чтобы собрать против герцога

Нормандского коалицию своих вассалов и подготовить план военной кампании. Войско под командованием Жоффруа Мартеля должно было атаковать графство Эврё, другому войску под предводительством самого короля предстояло двинуться из Манта в западном направлении, третье, возглавленное Эдом, братом короля, при поддержке графа Валуа и Ги де Понтьё собиравшееся в Бовези, должно было совершить вторжение в область Брэ. Общей целью всех трех отрядов был Руан, в котором король собирался, ликвидировав Вильгельма, возвести Эда в герцогское достоинство.

Никогда еще Нормандии не угрожали столь значительные силы, объединенные стремлением достичь вполне определенной цели. И Вильгельм не уклонился от борьбы. Против войска Эда он поставил отряд, в котором находились верные ему люди, а на южном направлении он лично возглавил контингента из Нижней Нормандии, подстерегая Жоффруа Молота; королю с его армией путь пока что был открыт.

В феврале 1054 года Генрих I дал сигнал к наступлению. Армия под командованием Эда форсировала реку Эпт. Как было принято в те времена, она двигалась по открытым пространствам, по мере возможности стараясь избегать лесов, в которых могли таиться засады. На своем пути люди Эда сжигали деревни и замки, убивали сельских жителей, тем самым сильно испортив себе репутацию. Возненавидевшее их местное население доносило обо всех их передвижениях военачальникам Вильгельма. Как-то раз под вечер Эд и его рыцари без боя вошли в город Мормемер, будучи обремененными добычей — мясом, вином, девицами. Всю ночь напролет они предавались пьяному разгулу, лишь на заре погрузившись в тяжелый сон. И тогда Готье Жиффар, командовавший одним из отрядов герцога Нормандского, выждав удобный

момент, приказал поджечь город и взять его штурмом. Мгновенно протрезвев, люди короля ожесточенно защищались. Битва продолжалась десять часов. После полудня Эд прекратил сопротивление и обратился в бегство. Большая часть королевского войска пала под ударами нормандцев, остальные же сложили оружие. Среди самых важных пленников был и Ги де Понтьё, брат мужа упомянутой

Алисы, сестры герцога Нормандского. Победители поспешили доставить приятную вест Вильгельму, который не отказал себе в удовольствии мрачно пошутить над противником, от коего отвернулась военная удача: он велел Раулю де Тони пробраться под покровом ночи к королевскому лагерю на расстояние слышимости человеческого голоса, и тот, взобравшись на дерево, невидимый для стороннего наблюдателя, что было силы прокричал сообщение о победе нормандцев, заключив свою вест словами: «Так идите же хоронить своих мертвецов!» Разбуженный король, сообразив, в чем дело, тут же дал приказ отходить ^[18].

Вильгельм не стал преследовать его. На протяжении всех этих лет, даже в ситуациях, когда он имел гораздо более веские основания сетовать на несправедливость и непостоянство короля, он никогда не нападал непосредственно на него и ничего не замышлял против его личной безопасности — проявление обычного почтительного отношения к королевскому величеству, которое у герцога Нормандского еще более усиливалось осознанным приятием иерархической структуры власти.

Большую часть 1054 года продолжались отдельные стычки со сторонниками короля, теперь уже действовавшими разрозненно, а также с Жоффруа Мартелем, не изъявлявшим готовности переходить в наступление. Вильгельм построил в качестве

противовеса замку Тильер, который оставался во владении короля, замок Бретей и поручил командование его гарнизоном Гильому Фиц-Осберну. Тем временем начались переговоры с Генрихом I. Герцог согласился освободить пленных, взятых при штурме Мортимера, но потребовал признать за ним верховную власть над всеми сеньориями, уже отобранными и которые еще будут отобраны у его анжуйского соперника; он получил право принимать присягу вассальной верности от владельца графства Понтьё, которое играло роль своеобразного буфера между Нормандией и Фландрией. Король обязался соблюдать нейтралитет в борьбе, которая еще могла возникнуть в дальнейшем между Нормандией и графством Анжу; и, наконец, он согласился уступить замок Тильер.

Это были не столько основные положения прочного мира, сколько условия перемирия. Вильгельм в полной мере воспользовался ими, обратившись к Жоффруа Мартелю с предложением о сорокадневном прекращении военных действий для ратификации этого соглашения. Дни проходили за днями, а ответа не было. Тогда Вильгельм, собрав ополчение, вторгся в Мэн, занял замок Амбриер и разместил там свой гарнизон, наказав ему стойко держать оборону. Владелец Майенна, полагая, что агрессия направлена против него, обратился за помощью к герцогу Бретани Зону и Жоффруа Мартелю. Втроем они в начале весны 1055 года приступили к осаде Амбриера. Однако их ждала неудача. Не помогли и мощные стенобитные орудия. Вильгельм пришел на помощь к осажденным и снял блокаду. Жоффруа Мартель и бретонец ретировались. Что же до владельца Майенна, то он покорился Вильгельму, принес ему вассальную присягу, хотя при этом и не став искренним его сторонником.

Глава пятая. ПРАВИТЕЛЬ И ЕГО НАРОД (1055-1065)

Роль Церкви

Генрих I вышел из борьбы. Он покинул, открыто не порывая с ним, Жоффруа Мартеля, которого вновь начавшиеся усобицы в Бретани лишили последнего союзника. В 1055 году законный герцог Бретани Конан II, молодой человек с решительным и твердым характером, опираясь на поддержку самоотверженно преданных ему людей, попытался вырвать власть из рук своего дяди и опекуна Зона. А тот, прибегнув к помощи графа Нантского, воспротивился.

Жерве, злополучный епископ Манса, все еще жил в изгнании при дворе Вильгельма. В 1055 году папа возвел его в сан архиепископа Реймского. С того времени епископство Манское в каноническом отношении являлось вакантным. Видимо, в результате какого-то закулисного соглашения новым епископом в Мане направили анжуйца, ставленника Жоффруа Мартеля. И это не осталось единственным проявлением наметившегося сближения правителя Нормандии с Римом. Хотя аргументы Ланфранка, похоже, еще не убедили римского понтифика в законности женитьбы Вильгельма, однако уже начались поиски компромиссного решения. Герцог демонстрировал свою добрую волю как раз в то время, когда ему удалось отделаться от одного из последних Ричардидов на высоком посту: в том же 1055 году по его настоянию (согласованному с папской курией) синод в Лизьё принял решение о низложении архиепископа Може. Вильгельм фактически председательствовал на

заседании синода, низведя папского легата до роли статиста. Може вместе с сожительницей и любимым сыном отправился в изгнание на остров Гернси. Освободившись от церковной должности, столь мало пригодной для него, он окончательно отринул поверхностно усвоенные христианские обычаи и вновь обратился, как сообщает Вас, к своим скандинавским богам. Тор стал для него семейным божеством, и к нему он взывал в своих молитвах. Викинг, лишенный корней, он провел свои последние годы в бесцельных плаваниях среди прибрежных островов Нормандии. Однажды летом, плывя обычным своим манером, в нетрезвом виде, к побережью Котантена, он упал в море и, запутавшись в собственной кое-как надетой одежде, утонул. Его совершенно голое тело нашли между двумя острыми выступами скалы.

Може был последним нормандским архиепископом из числа представителей герцогской фамилии. Вильгельм, отказываясь от этого устоявшегося обычая, открыто заявлял о своей готовности сотрудничать с Церковью в деле ее реформирования. В то время среди правителей таких было немного. Лидеры движения за церковную реформу, Гильдебранд, Гумберт из Муайянмутье и их друзья, вскоре стали рассматривать герцога Нормандского как поборника их идей. В качестве преемника Може Вильгельм одобрил (а возможно, также и предложил Риму при посредничестве Ланфранка) прелата с Рейна или из Шампани по имени Мориль.

Весь жизненный путь этого человека, уже немолодого, простого и аскетического по своим привычкам, связывал его с новаторскими элементами Церкви. Бывший воспитанник школ Льежа и Реймса, он сам преподавал в Хальберштадте. Будучи монахом в Фекане, он обратил на себя внимание своим литературным талантом, так что именно ему поручили

сочинить эпитафии, высеченные золотыми буквами на могилах Роллона и Вильгельма Длинного Меча. Затем он несколько лет провел в Италии, где его реформаторское рвение было вознаграждено предоставлением должности аббата в монастыре Святой Марии во Флоренции. Однако, пытаясь установить в этой обители строгие монашеские порядки, он натолкнулся на ожесточенное сопротивление своей братии, которая будто бы даже пыталась отравить его. Возвратившись в Фекан, он прослыл там исповедником веры и святым.

Умный, рассудительный, искренне желавший исправить нормандское духовенство, он не располагал необходимыми для этого средствами и не мог ничего сделать без герцога, а тот, в свою очередь, в известной мере зависел от епископата и аббатов герцогства, которых намеревался реформировать: в качестве вассалов епископы и аббаты должны были оказывать ему финансовую и военную помощь. И действительно, на протяжении пятнадцати лет, пока продолжалось архиепископское служение Мориля, герцог, почти постоянно ведя войну, с трудом мог обходиться без денежных сумм и воинских контингентов, предоставляемых ему его духовными вассалами.

Став на путь реформы, Мориль, среди прочего, вел кампанию против того, что называлось *николаизмом*, то есть против обзаведения семейством лицами духовного звания. Этот аспект реформы всегда наталкивался в Нормандии на упорное сопротивление. Даже сам Ланфранк избегал вторгаться в эту область. Симония, превращавшая церковное служение и косвенным образом отправление культа в коммерческое предприятие, представлялась Морилю главным пороком современной ему Церкви, искоренение которого было абсолютно необходимо. Эта радикальная концепция основывалась на анализе природы Церкви, тогда как

другие сторонники безбрачия духовенства оперировали моральными категориями, привнося в сферу чувственных, половых отношений аскетический идеал христианской бедности. Экономические соображения, осмысление хозяйственной эффективности реформы на практике оправдывали их доктрину, подкреплявшуюся влиянием устава монашеской жизни. И тем не менее потребовалось более полувека, чтобы она восторжествовала среди большей части высшего духовенства (с начала XII века предусматривались санкции против женатых священников), а в англо-нормандском регионе — еще больше.

В 1054 году синод духовенства Аквитании, состоявшийся в Нарбонне, еще раз подтвердил рекомендации относительно «Божьего мира». Обобщив ранее провозглашенные принципы, он заявил, что «христианин, убивающий другого христианина, проливает кровь Христа» — утверждение, предвосхищавшее, несмотря на свой декларативный характер, будущую эволюцию церковной идеологии^[19]. Подобного рода решения были приняты и на провинциальном соборе в Кане в 1061 году, в котором участвовали Мориль и Ланфранк, а председательствовал сам герцог Нормандский. Правда, особое внимание здесь было уделено проблемам собственно Нормандии; так, собор повторил предписания относительно «Божьего мира», оглашенные в 1047 году. Одновременное присутствие герцога и архиепископа, их непосредственное участие в дискуссии усиливали политический смысл происходящего, наглядно демонстрировали влияние светской и духовной властей на жизнь герцогства. В глазах современников подобная организация мира основывалась не столько на юридических принципах, сколько на личной воле человека — отсюда и

популярность Вильгельма среди его народа, и тот ужас, который охватил людей, когда спустя тридцать лет смерть унесла их герцога... Собор в Кане не оставил без внимания и такой аспект обеспечения мира и порядка, как комендантский час: предписывалось в установленное время гасить огни во всех городах и весях герцогства. Одновременно предусматривались новые санкции против воров. Кроме того, в обязанность духовенства вменялось пребывание в местах их церковного служения, что налагало серьезные ограничения на непоседливых прелатов, резиденции которых располагались вдали от крупных городов.

Собор в Лизьё 1064 года подтвердил решения, принятые в Кане, и сформулировал множество принципов церковной дисциплины, вдохновителями которых были сторонники реформы: осуждение симонии, запрещение духовенству вступать в светские должности и лично управлять имениями, а также, в частности, заниматься ростовщичеством. Последнее положение касалось обычая предоставлять ссуду под залог земли, который практиковался аббатствами с целью получения немалой прибыли (от 10 до 15 процентов годовых). Ссуда выдавалась на срок от двух до пятнадцати лет, причем исключалась любая возможность досрочного погашения долга. Авансируемая сумма не превышала двух третей реальной стоимости залога. Заемщиками выступали главным образом бароны и прочие богатые люди (у бедняков редко когда была своя земля), испытывавшие временную нужду в наличных деньгах, необходимых для приобретения тех или иных вещей. Чаще всего к получению ссуды под залог земли прибегали накануне важного военного похода. Распространение практики предоставления ссуды под залог земли в Нормандии с середины XI века отнюдь не свидетельствовало об экономическом оживлении, с которым бывает

сопряжено увеличение количества финансовых операций.

Влияние Мориля сказывалось на постановлениях собора в Лизьё, касавшихся запрета диаконам и сельским священникам сожительствовать с женщинами (что, впрочем, так и осталось мертвой буквой). Что же до каноников, то им разрешалось жениться на своей сожительнице, если не удавалось убедить их отказаться от этого сожительства. В формулировке же положений, касавшихся Святой Троицы и реального присутствия тела и крови Христовых в таинстве причащения, принятых в опровержение распространившихся тогда еретических суждений по этому вопросу, чувствуется участие Ланфранка. В завершение Святые Отцы выразили озабоченность по поводу того, что народная религиозность порой принимала слишком обмирщенный характер.

Вильгельм был искренен в своей поддержке церковных реформ. Ему, приверженцу порядка и дисциплины, претили всякого рода ереси и беспорядки в среде духовенства. Он искренне разделял идеи реформы — при условии, что она проводилась им самим. Как социальный организм, Церковь, по его мнению, непременно должна подчиняться государству. С этой своей позиции он не сходил никогда. Среди реформаторов при папском дворе тогда проявлялись две тенденции: одна, больше внимания уделявшая вопросам морали, делала упор на воспитание и проповедь, на духовное исправление паствы, а другая, более полагавшаяся на общественные и государственные учреждения, ставила своей целью полное выведение Церкви из подчинения светским властям. Соответственно, эти тенденции олицетворяли собой два кардинала: Петр Дамиани — первую и Гильдебранд — вторую. Позиция Мориля, получившая одобрение герцога Вильгельма, несла на себе

отпечаток влияния Дамиани, однако со вступлением в 1058 году на папский престол Николая II восторжествовала тенденция, олицетворением которой был Гильдебранд. В 1059 году Латеранский собор впервые открыто осудил светскую инвеституру прелатов, одновременно признав за кардиналами исключительное право избирать папу римского.

Последнее постановление имело весьма серьезные последствия для будущего Церкви, поскольку оно, намечая своей целью освобождение папства от политического ига, вместе с тем изолировало его от массы христиан. Проявилась новая тенденция — ставить Церковь над государствами как своего рода сверхгосударство. Таким образом, долгая идеологическая эволюция достигла этапа, за которым она уже не могла продолжаться, не вызывая серьезных конфликтов. Начиная с эпохи Меровингов, интерпретаторы «Града Божьего» Августина Блаженного на основании этого текста формулировали доктрину, отводившую религиозной власти более высокое достоинство и принципиальное верховенство над властью политической. Позднее в рамках этой доктрины стали рассматривать империю Карла Великого как «длань Божию», защитницу церкви. Последовавший затем развал империи породил в среде духовенства представление о своего рода естественной гегемонии Святого престола в пределах христианского мира. Множество факторов способствовало кристаллизации этой идеи. В 1056 году умер император Генрих III, наследником которого остался шестилетний ребенок, что имело свои негативные последствия даже для Италии. Норманны расширили свое беспокойное присутствие с юга полуострова вплоть до стен Рима. Победы Роберта Гвискара возвестили о грядущих потрясениях. В 1059 году папа Николай II попытался упредить события, приняв Роберта в качестве

защитника Святого престола. Заключенное надлежащим образом соглашение предусматривало территориальные уступки норманнам в обмен на уплату ежегодной подати и принесения вассальной присяги. Соглашение 1059 года оказалось весьма полезным для Роберта Гвискара, со следующего года приступившего вместе со своим братом Рожером к подготовке похода на Сицилию, двумя веками ранее завоеванную маврами. Папа пришлет ему в качестве символа священной войны штандарт святого Петра. Спустя шесть лет такой же подарок получит от римского понтифика и Вильгельм Завоеватель.

И все же последствия нововведений, предпринятых Латеранским собором, ощутимо скажутся значительно позже, а пока что Вильгельм Нормандский будет, вплоть до конца своего правления, делать вид, что ничего не знает о запрещении светской инвеституры. Ему нужны были епископы, отвечавшие его представлениям о церковной реформе. Он умел контролировать своих назначенцев, и ни один провинциальный синод не мог воспрепятствовать ему в этом. Никто из епископов в его герцогстве не преуспел в своих попытках завладеть правами графа или узурпировать герцогские права в городе, являвшемся епископской резиденцией. Вильгельм зорко следил за тем, чтобы епископы не усиливали своего влияния на отправление правосудия в герцогстве, побуждая прелатов расширять сферу компетенции настоятелей соборов и архидиаконов (они не подлежали прямому руководству со стороны епископа). Исключительно с этой же целью он признавал определенные юридические привилегии, некогда пожалованные его предшественниками монастырям или просто присвоенные ими.

Аббатствам он оказывал столь эффективную протекцию, что такой государственный институт как

должность фогта, на которого возлагалось управление имуществом монастыря, не прижился в Нормандии. Каждое аббатство поставляло в герцогское ополчение определенное количество рыцарей, которые по старинному обычаю служили как вассалы аббата, который сам являлся вассалом герцога. Однако учредительные и жалованные грамоты, составлявшиеся начиная с 1050 года, свидетельствуют об изменении ситуации: отныне вассал аббатства обязан был службой в ополчении непосредственно герцогу. Таким образом, разрушались прежние вассальные связи, и герцог, устранив посредника, принимал непосредственно на службу людей своих церковных вассалов. Он распоряжался аббатствами точно так же, как и епископствами, назначая на вакантные должности нужных ему людей. На смертном одре, словно бы желая подвести итог своей церковной деятельности, прежде чем предстать перед ликом Творца, Вильгельм Завоеватель напомнил окружающим его духовникам, что за годы его правления число монастырей в Нормандии выросло с 10 до 36. Правда, это не было исключительно личной заслугой герцога, поскольку духом церковной реформы прониклась и часть нормандских баронов, участвовавших в учреждении монастырей, делавших вклады в них, а во многих случаях и принимавших монашеский постриг.

Временные развязки

В то время как в Нормандии окончательно утверждалась власть Вильгельма, в Англии продолжал расширять собственное влияние Гарольд со своим кланом. Тревожно взиравший на это слабый король Эдуард лавировал. В 1054 году он, видимо не без согласия витенагемота, направил епископа Уорчестер-

ского Элдредда ко двору императора для ведения переговоров о возвращении в Англию Эдуарда Этелинга, сына Эдмунда Железнобокого. Какую игру затеяли Эдуард и его советники, замыслив вернуть на родину последнего прямого наследника Этельредда? Император дал свое согласие, и тем не менее Этелинг остался в Германии. Что помешало ему? Возможно, сильная оппозиция в Нормандии или во Фландрии, не желавшая обострять отношения с правителем Норвегии Харальдом Хардрадой, который был готов послать к английским берегам флот для поддержки своего ставленника. Спустя два года Эдуард направил Гарольда к графу Фландрии с миссией, по всей вероятности, касавшейся того же Этелинга, судя по тому, что спустя несколько месяцев он прибыл в Англию. Он хотел как можно скорее встретиться с королем, но тот, как всегда нерешительный, вновь заколебался, стараясь оттянуть встречу. И тут Этелинг скоропостижно умирает, оставив после себя сына Эдгара, который отныне будет заявлять о своих правах на английский трон. Роль Гарольда в этой истории не менее темна, чем переменчивые намерения его господина — короля Англии. Похоже, именно тогда у Гарольда и Вильгельма Нормандского начал вызревать сложный секретный план. Однако пройдет еще немало лет, прежде чем партнеры откроют свои козырные карты.

В том же 1056 году при дворе Эдуарда нашел прибежище Малькольм Канмор, наследник Шотландского королевства, отец которого незадолго перед тем был убит Макбетом. С помощью английского короля Малькольм вернет себе корону — как раз вовремя, чтобы, в свою очередь, предоставить побежденным в 1066 году убежище и дать им надежду на альянс...

В 1057 году молодой герцог Бретани Конан, наконец, сумел одолеть Эона, попавшего к нему в плен, и его союзника Хоэла. Жоффруа Мартель воспользовался этим случаем, чтобы завладеть городом Нантом, однако не смог удержать его. Медленный, но неуклонный рост могущества Нормандии нарушил равновесие сил в западной части французских земель, поэтому король Генрих I вновь сблизился с герцогом Анжуйским. В марте 1057 года он нанес ему в Анжере продолжительный дружеский визит. Опять возник альянс, и был составлен новый план совместного нападения на Нормандию. Незамедлительно приступили к его реализации. Королевская армия, усиленная анжуйскими отрядами, выйдя из Мэна, в течение весны и начала лета проникла в Йемуа. Король расположился в аббатстве Сен-Пьер-сюр-Див. Герцог Вильгельм, захваченный врасплох, срочно созвал ополчение и укрылся за стенами Фалеза, предоставив противнику бесчинствовать в сельской округе^[20]. Объединенное королевско-анжуйское войско продвинулось, грабя и сжигая деревни, вплоть до Бессена, после чего возвратилось к Кану, где форсировало реку Орн и продолжило движение в северном направлении, к устью реки Див.

Вильгельм решил нанести по врагам удар именно там, поскольку ему было нетрудно загнать их в болота, которыми изобиловали берега Дива и которые представляли собой страшную угрозу для чужаков, не ориентировавшихся в тех местах. Он с небольшим отрядом, имевшимся в его распоряжении, углубился в лесистую местность, попутно вербуя в свое войско, дабы усилить его, местных крестьян, вооруженных косами и дубинами. Близ Варавиля он настиг вражеское войско, обремененное добычей, которое еще не успело со своими тяжелыми телегами переправиться по

старому узкому деревянному мосту, переброшенному в этом месте через реку. Как раз началось время прилива, и высокая вода доходила до этих прибрежных мест. Мост внезапно обрушился, и арьергард под командованием графа де Блуа, оставшийся на левом берегу, охваченный страхом, побросал оружие и добычу и разбежался в поисках брода. Однако река Див, слишком широкая, к тому же во время прилива была и слишком глубокой... Никогда еще, утверждал Вас, в Нормандии не видели такой резни. Граф де Блуа попал в плен. Король тем временем бессильно взирал с более высокого правого берега на разгром своего войска. Он хотел было вмешаться, но бароны отговорили его, поскольку не представлялось возможным переправиться через этот поток. И тогда он, сопровождаемый Жоффруа Мартелем, бежал, не делая привалов, за пределы Нормандии. Его постигла неудача, не менее масштабная, чем при Мортемере. Видимо, на сей раз король извлек надлежащий урок из того факта, что он не встретил поддержки в этой провинции: бароны Нормандии сплотились вокруг своего герцога.

И опять Вильгельм позволил королю убежать, точно вору, не подняв на него руки. Однако никакого соглашения и на сей раз не последовало. Общественное мнение Франции частично было настроено против нормандцев. Гарольд, направлявшийся тогда из Англии паломником в Рим, проезжая по стране, учел это, постаравшись установить контакты, которые могли однажды пригодиться ему. Что касается анжуйцев, то разгром при Варавиле убедил молодого графа Мэна Герберта II в бесспорной выгоде для него быть отныне союзником Нормандии. В 1058 году он еще раз принес вассальную присягу Вильгельму. Этот союз был скреплен матримониальными узами: герцог обручил со своим новым вассалом дочь Алису, еще ребенка, а сына

Роберта, тогда семи или восьми лет, — с сестрой Герберта, Маргаритой. Ее отправили на воспитание в монастырь, пока не достигнет брачного возраста жених, толстый малорослый мальчик (он так и войдет в историю с прозвищем Коротконогий), в котором уже тогда проступали черты заурядного человека с разнузданным характером, каким он со временем станет. Его отец, сознававший пользу образования для будущего правителя, поручил некоему клирику заниматься с ним науками, что, впрочем, не увенчалось большим успехом. Кроме того, Вильгельм заключил с Гербертом официальный договор, что если тот умрет без наследника, Мэн перейдет к нему, однако бароны графства и буржуа города Манса без энтузиазма восприняли этот союз их сеньора со столь амбициозным соседом.

Между тем на границах королевского домена мирный покой нарушали продолжавшиеся военные столкновения. Пограничный замок Тимер переходил из рук в руки. В 1059 году, когда им владели нормандцы, король осадил его. Одновременно с этим начались переговоры, инициатором которых выступило духовенство: епископ Парижский на Пасху 1060 года отправился с посланием короля в аббатство Фекан, где совершил обряд рукоположения нескольких нормандских монахов. Это был знак доброй воли, свидетельствовавший о готовности к примирению, однако эта первая попытка ни к чему не привела, судя по тому, что в июле—августе осада с замка Тимер еще не была снята.

Вильгельм Строитель. Переход к романскому стилю

В 1059 году Ланфранк наконец-то получил от вновь избранного папы Николая II освобождение от запрета, наложенного шесть лет назад на брак Вильгельма Нормандского с Матильдой Фландрской. При этом папская юстиция потребовала от супругов искупить допущенное непослушание: герцог и герцогиня должны были построить четыре богадельни для бедных, в Руане, Кане, Байё и Шербуре, и два монастыря — мужской и женский.

Они решили возвести оба монастыря в Кане. Уже давно Вильгельм заметил исключительно выгодное положение этого города, через который проходили пути, ведущие из долины Сены в Котантен, гораздо более удачное, чем местоположение Фалеза у крайних пределов Нижней Нормандии. После победы при Варавиле он начал укреплять первоначальное поселение, окружив стеной «большой город». Крепость, возведенная внутри этих стен, вскоре будет служить ему личной резиденцией. Построив, одно на востоке, а другое на западе Большого города, аббатства, учредить которые потребовал от него Рим, он за несколько лет превратил Кан во второй по значимости город своего герцогства, служивший символом единства Нормандии.

Матильда первой приступила к исполнению данного папе обещания: в 1059 году она учредила женский монастырь, посвятив его Святой Троице и щедро одарив земельными владениями. Управлять им она доверила весьма примечательной особе, звавшейся также Матильдой и до того времени служившей аббатисой монастыря Прео. Спустя три или четыре года Вильгельм учредил мужской монастырь Святого Стефана, во главе которого поставил своего друга Ланфранка. Чтобы сделать эти монастыри достойными герцогского рода, который они должны были прославить, решили возвести две большие церкви, к строительству которых незамедлительно приступили.

В этих двух аббатствах Кана впервые проявился в законченном и наиболее удачном виде архитектурный стиль, выработка которого происходила в герцогстве на протяжении последних примерно пятидесяти лет и который мы теперь называем романским стилем. Первые признаки этого архитектурного стиля возникли еще до 1000 года в регионе Средиземноморья. В период скандинавских и арабских вторжений навыки каменного строительства во многих краях Европы были утрачены. Религиозный подъем, наблюдавшийся в Западной Европе в период 950—1050 годов, породил потребность в возведении каменных церквей, способных противостоять пожарам. Однако теперь надо было заново учиться всему — от подбора и обтесывания камней до расчета устойчивости постройки. Благодаря обмену опытом, который накапливался в течение столетия на стройках Италии, Испании и Франции, возрождение строительного искусства привело к овладению знаниями и навыками, необходимыми для возведения сводов. Это развитие протекало в недрах странствующих артелей каменщиков, применявших новые знания и навыки непосредственно на строительных площадках. Строительство большого храма продолжалось от десяти до тридцати лет, иногда и больше. На такой строительной площадке поколение строителей проводило если не всю свою трудовую жизнь, то значительную ее часть, и этот опыт оставлял неизгладимые следы в их судьбе. Наемные работники, которых набирали на стройку, камнеломы, пильщики, каменотесы, каменщики, распорядители работ, учились своему делу непосредственно в ходе строительства, преодолевая постоянно возникавшие разнообразные трудности. Для сельских жителей, добровольно помогавших или отбывавших трудовую повинность в порядке барщины, участие в возведении храма было хотя и довольно изнурительным, но весьма

увлекательным событием в жизни. Что касается подвозки и подъема строительных материалов, то нам мало известно об этом: скорее всего, здесь, как и при возведении осадных сооружений, использовались приставные лестницы, лебедки, рычаги и тяговая сила животных. Главным же инструментом были человеческие руки.

Компетентные специалисты, монахи или миряне, были еще редкостью. Их разыскивали и старались, прибегая одному только Богу известно к каким уловкам, привлечь на строительство. Таким способом совершалась передача секретов строительного мастерства, поэтому в настоящее время историки склонны отказываться от прежней концепции региональных школ (бургундской, нормандской, аквитанской и других разновидностей романского стиля), отдавая предпочтение классификации по чертам сходства храмов, расположенных в различных регионах. Самые различные, трудно поддающиеся анализу влияния, оказывавшие свое воздействие на первых строителей этих храмов, гармонизировались в силу различных технических потребностей, местных экономических условий, намерений учредителей, геологической структуры региона, чем главным образом и определялся выбор места строительства и строительных материалов. Именно так объясняются византийские, арабские и даже персидские по своему происхождению черты, которые можно обнаружить в структуре или декоре романских храмов XI века, однако они представляют собой лишь добавление к каролингскому, меровингскому и античному наследию. Романский храм, в отличие от каролингских, менее крупных по размеру церквей, поднимается выше над поверхностью земли, и путник может видеть его издалека. Этот новый образ храма начиная с 1000 года преобразил европейский пейзаж. Хронист из Аквитании

Рауль Глабер с восхищением отметил это «белое убранство церквей» (*Candida ecclesiarum vestis*), в которое тогда облачилась земля и которое служило выражением религиозного духа, вместившего в себя два противоположных полюса — ощущение могущества и красоты.

Романское искусство проникло в Нормандию примерно за четверть века до рождения Вильгельма Завоевателя, одновременно с реформой монашеской жизни, одним из аспектов которой оно являлось. Его первые, практически не известные нам формы, постепенно развились в оригинальный стиль, хотя и не избежавший внешнего, в частности, итальянского влияния^[21]. Географические особенности Нормандии предопределили разнообразие сооружений в романском стиле. К западу от реки Див строили из гранита, сланца или известняка, залежи которого изобилуют в окрестностях Кана. К востоку от нее в качестве строительного материала преобладали рухляковый известняк и песчаник. В Верхней Нормандии, более богатой лесами, широко использовалась древесина для сооружения различных частей зданий.

То, что принято называть «нормандским искусством», к середине XI века достигло своего полного развития. Более близкое к каролингской традиции, чем какой-либо иной вариант романского стиля, оно обязано своей неповторимой оригинальностью той внутренней гармонии, в которой величие сочетается с духовностью. Накануне завоевания 1066 года оно достигло той степени совершенства, которая предопределила последующее его распространение на север, в результате чего им было фактически поглощено англосаксонское искусство.

Исключительная быстрота, с которой были возведены два аббатства в Кане, свидетельствует о величии замысла, для реализации которого были использованы значительные средства. Монастырь Святой Троицы в основном был возведен за шесть или семь лет, а Святого Стефана — за десять. С момента завершения строительства эти аббатства (в конце XI века их деревянные крыши были заменены каменными сводами) служили образцами для других сооружений. Строгость их линий и простота пропорций просматриваются как в зданиях гражданского назначения, так и в прямоугольных донжонах Вира, Фалеза и Домфрона, а также в круглом донжоне Конша. Этот стиль, создававшийся для возведения больших аббатств и крупных кафедральных соборов, нашел применение и при строительстве менее грандиозных зданий, например, церкви лепрозория в Таоне. С середины XI века в Нормандии появилось множество замечательных архитектурных сооружений, от которых до наших дней мало что сохранилось. В период с 1060 по 1100 год герцогство Нормандское было важнейшим в Западной Европе центром романского искусства, что свидетельствовало об экономическом процветании этого региона, а вместе с тем — и об ускоренном культурном его развитии.

Ранний нормандский стиль отличается исключительной орнаментальной сдержанностью, тем более удивительной, что в то же самое время в Нормандии процветала книжная миниатюра, о чем свидетельствуют такие памятники, как «Большая хроника» аббатства Сен-Вандриль с портретами его аббатов, молитвенник из монастыря Мон-Сен-Мишель, богато украшенная миниатюрами рукопись произведения Августина Блаженного «О псалмах» и многие другие.

Своим колоссальным сооружениям, каковыми являются большие церкви Святого Стефана и Святой Троицы, нормандцы дали название «Божьи замки» (*châteaux de Dieu*). Более, чем простая метафора, это название находило глубинную мотивировку в духе той эпохи. Романское искусство, охватывавшее все возможные формы прекрасного, имело своим единственным объектом возводимое сооружение, а единственным сюжетом — всемогущество Бога. Объект и сюжет столь идеально гармонизировали друг с другом, что между ними не проводили различия. Романское искусство реализуется в творении мира воображаемых представлений (из-за чего порой возникает обманчивое сходство с некоторыми формами современного искусства), но оно никогда не тяготеет к абстракции, никогда не становится (вопреки широко распространенному в наше время мнению) чистыми символами^[22]. Ансельм Кентерберийский как-то написал: «Всё сущее существует по одной-единственной причине, и причина эта, существующая сама по себе, есть Бог». Утверждение резкое и бескомпромиссно нетерпимое ко всякого рода вторичным определениям; мысль, пренебрежительно вззирающая на человека с недостижимой высоты и не знающая предела в своей требовательности. Точно также романское искусство отвергает внешние нормы, систематичность, характерную для готики. Отсюда проистекало бесконечное богатство отношений, устанавливавшихся между этим искусством и обществом, которому оно служило. Искусство, воплощенное в камне, лучше любого другого искусства сочеталось с менталитетом той эпохи, и по этой самой причине все прочие искусства подстраивались под него и подчинялись ему.

Романская церковь, Божий дом, представляла собой собственно объект тотального искусства — то, чем, возможно, в цивилизации XXI века станет город. Социальная функция этого искусства определялась тем, что оно существовало в обществе практически сплошной неграмотности. В такой цивилизации, как наша, письменность берет на себя роль передаточного средства, с помощью которого человек узнает о прошлом, при этом пластические искусства имеют второстепенное значение. Напротив, в цивилизациях, полностью лишенных письменности, именно пластические искусства берут на себя роль хранителей коллективной памяти. Цивилизация XI века занимает промежуточное положение между этими крайними типами, но все же более близкое ко второму из них, нежели к первому. Этим, главным образом, и определялось значение романской архитектуры.

Нормандское государство

Тем временем, пока в течение лета 1060 года в Фекане продолжались упомянутые переговоры между французским и нормандским духовенством, король Генрих I скончался. Смерть настигла его в Дрё 4 августа, когда он только что принял предложение о личной встрече со своим нормандским вассалом. Он оставил своим наследником ребенка восьми лет, носившего совершенно непривычное для Франции греческое имя Филипп. Мать нового короля, русская княжна Анна, сразу же согласилась на встречу с Вильгельмом. Мы не знаем, о чем они говорили. Вероятно, состоялся простой обмен любезностями, который тем не менее знаменовал собой отказ королевского двора от дальнейших попыток тревожить герцога Нормандии. Филипп I в течение полувека своего

правления будет индифферентно взирать на то, как создается грозная англо-нормандская держава. Потом уже будет поздно что-либо предпринимать. В течение полутора веков Нормандия будет отрезана от Франции в силу своего рода молчаливого соглашения. Оборонительный рубеж, протянувшийся по рекам Уаза и Эр, будет служить границей между ними до тех пор, пока в 1204 году Филипп Август не сотрет ее, завоевав герцогство Нормандское.

После нескольких месяцев вдовства королева Анна вышла замуж за Рауля де Крепи и удалилась от королевского двора. Опека над юным Филиппом была доверена его дяде, графу Фландрии Балдуину V. Таким образом, герцог Нормандский мог рассчитывать на то, что бароны королевского домена будут, по крайней мере, в течение нескольких лет сохранять нейтралитет в отношении его. Когда же в 1067 году Филипп достиг совершеннолетия, он уже никому не казался грозным правителем, поскольку к тому времени успел показать слабость своего характера. Не пользуясь авторитетом среди своих вассалов и не доверяя им, он, как говорили, не стыдился откупаться, если кто-то из них требовал от него как от сеньора военной помощи. Он поручал должности канцлера и камергера совершенно незначительным людям, не выходявшим из повиновения ему. Он пренебрегал даже своей функцией судьи, позволяя баронам собственного домена терроризировать сельское население. Он прекратил созывать пленарные заседания своего двора, ассамблеи всех королевских вассалов, что, следуя каролингской традиции, еще делал время от времени его отец. Склонный к чувственным наслаждениям, малообразованный, Филипп I не проявлял интереса к соблюдению Божьего перемирия и не стремился к проведению церковной реформы, торгуя должностями епископов и аббатов и не обращая внимания на

обвинения в симонии, выдвигавшиеся против него в Риме. Правда, при этом он умудрился расширить королевский домен, присоединив к нему Гатинэ, Корби, восточную часть Вексена и даже город Бурж — результат удачных захватов или рискованных комбинаций, более напоминавших разбой, нежели политику^[23].

Таков был король, бесхарактерность и слабование которого Вильгельм, видимо, разглядел под его детскими чертами еще при их первой встрече. Это не могло не вселять дополнительный оптимизм в герцога Нормандского, равно как и то, что 14 ноября, спустя три месяца после кончины Генриха I, умер и другой его многолетний противник — Жоффруа Мартель, уход которого из жизни был весьма поучительным: он, почувствовав приближение смерти, велел доставить себя в аббатство Святого Николая в Анжере, где испустил дух в монашеском облачении. Его наследниками стали племянники, два брата, ненавидевшие друг друга и на протяжении многих лет терзавшие своими распрями графство Анжуйское. Старший, Жоффруа Бородатый, по собственной глупости умудрился рассориться со своими вассалами, так что его брату Фульку удалось в 1068 году схватить его и засадить в темницу в Шиноне, где он и просидел до самой смерти 28 лет спустя. Рассудительный, не лишенный качеств политика, Фульк хотя и удерживал собственные позиции пред лицом герцога Нормандского, однако при нем Анжуйская держава утратила свою агрессивность. Желая выглядеть элегантно, он придумал для себя длинные башмаки с острыми носами, скрывавшие врожденное уродство его ног. Тем самым он ввел моду, которую охотно подхватили молодые щеголи, вызывая возмущение клириков. Страстный и непостоянный, он прославился

среди современников своими любовными похождениями. Овдовев, он женился на Эрменгарде Бурбонской, которую спустя какое-то время отверг ради Оренгарды Шатильонской, за которой последовала Манти де Бриенн, а от нее он постарался отделаться ради женитьбы на прекрасной нормандке Бертраде де Монфор. Однако Бертрада была столь желанна, что король Филипп, увидав однажды ее у супруга в Туре, вспылал к ней страстью и, видимо, пользуясь взаимностью, ближайшей же ночью прислал к ней своих людей, которые похитили ее и доставили к нему в Орлеан. С тех пор Филипп I открыто жил с ней в прелюбодейной связи, рассорившись не только с ее законным супругом, но и с церковью. Клирики распускали слухи, что в наказание за совершенное преступление небеса покарали его дурной болезнью. В 1095 году на Клермонском соборе, на котором папа Урбан II провозгласил крестовый поход, он был отлучен от церкви. С тех пор Филипп и Бертрада, посмеиваясь, галопом проносились мимо церквей, двери которых закрывались при их приближении. Однажды в Сансе, словно желая поквитаться, король приказал своим людям вышибить церковные двери и заставить священника отслужить для них мессу.

Нетрудно вообразить себе, какое чувство гордости должен был испытывать герцог Нормандский, когда он долгими зимними вечерами в конце 1060 года вспоминал о прожитом и пережитом! Он, некогда презираемый и гонимый всеми юный бастард, теперь благодаря своему могуществу доминирует над ближайшими соседями и даже над самим королем; женившись на высокородной принцессе, он стал отцом троих сыновей, родоначальником династии и правителем одного из самых процветающих территориальных княжеств в Европе. Родня по материнской линии разделяет с ним его триумф.

Почившая Арлетта ныне покоится, точно королева, под могильной плитой на хорах аббатства Грестэн, которое сама же и учредила.

Брат Арлетты, Готье, стал сеньором Калонна. Эрлуэн, ее супруг, держит пятнадцать фьефов; он снова женился и уже имеет от второй супруги двоих сыновей, Рауля и Роже, вполне обеспеченных. Что же касается сводных братьев Одо и Робера, то они за свою верность и отвагу вознаграждены самыми высокими почестями. Его сестра Мюриэль просватана за графа д'Альберналя. Как повествует Гильом из Пуатье, когда герцог ехал по своим землям, радостные крестьяне и горожане выбегали навстречу ему и приветствовали, распевая песни. Этот мир и покой, установившийся в герцогстве, с каждым днем все больше привязывал массу нормандцев к своему герцогу, такому могущественному и справедливому, и вызывал зависть у многочисленных чужеземцев, живших при его дворе. Губительная практика междоусобных войн была пресечена. Герцог и его виконты допускали исключение из общего правила, терпимо относясь к *файде*, частной войне, только в случае, когда речь шла о мести за убийство сына или отца. Установившийся в герцогстве порядок соблюдался неукоснительно.

В течение десятилетия, предшествовавшего завоеванию Англии в 1066 году, Нормандское государство окончательно оформилось. В Нормандии тогда, в отличие от большинства других государств и территориальных княжеств Западной Европы, имелось руководство, достойное называться правительством. Вильгельм, используя в собственных целях феодальные отношения, построил из элементов системы, которая сама по себе является отрицанием идеи государства, государство, в котором действовало право в собственном смысле слова и существовали надлежащие средства для его исполнения.

Герцог благодаря разумной практике распределения земель сумел прекратить утечку людей и средств, возникшую вследствие эмиграции рыцарства в Южную Италию. При этом, если исключить отдельные крупные пожалования друзьям и членам своего семейства, он предпочитал предоставлять небольшие по размеру земельные владения или же состоящие из нескольких частей в различных местах герцогства. Право сюзерена оставлять за собой вакантный фьеф применялось неукоснительно. Любое земельное пожалование было сопряжено с запретом строить новые замки без прямого распоряжения со стороны герцога. Установился обычай, согласно которому любая вассальная присяга содержала в себе обязательство хранить верность герцогу. В результате произошло укрепление вертикальной иерархической структуры, в других феодальных государствах весьма шаткой и неэффективной. В Нормандии считалось проявлением верноподданнических чувств в отношении герцога клятвенное обещание рыцарями соблюдать мир, чего от них прямо требовали соответствующие постановления церковных соборов — показатель того, что среди нормандцев собственно феодальное правовое сознание превалировало над рыцарским менталитетом.

Феодальные пожалования земель из герцогского домена в моральном и частично экономическом отношении компенсировались двумя суммарными правами, которые присвоил или восстановил Вильгельм: право (римское по своему происхождению) конфискации имущества, движимого и недвижимого, в порядке наказания за определенные преступления, и чисто феодальное право сюзерена отбирать фьефы в случае неисполнения вассальных служб. Впрочем, несмотря на постоянно совершавшиеся пожалования, сокращавшие размер герцогского домена, он в середине XI века оставался еще достаточно обширным.

Составлявшие его отдельные участки были разбросаны по всей территории герцогства. Он включал в себя большую часть лесов и города или же, как в случае с Каном и Кутансом, половину города, тогда как другой половиной владел епископ. Герцогу принадлежало, помимо недвижимого имущества, право на получение дохода с солеварен, от ловли осетров в Сене, от использования лодок, паромов и мельниц, право на взимание портовых, городских ввозных и торговых пошлин, специальные герцогские права, связанные с замещением вакантных церковных должностей, прочие прерогативы, такие как право собственности на предметы, выброшенные морем: всё ценное, что море выносит на берег (серебро, золото, слоновая кость, меха, шелк), кто бы ни был сделавший подобного рода находку, принадлежало герцогу; его же собственностью становились и киты, в те времена часто выбрасывавшиеся на берег. Наконец, герцог обладал весьма доходной монополией на чеканку монеты. Она производилась на двух монетных дворах (вероятно, плохо оснащенных, судя по низкому качеству выпускавшихся монет), в Руане и Байё.

Управление герцогским доменом осуществлялось виконтами. Должность прево рано исчезла. Усовершенствовалась и прежде существовавшая система государственного казначейства, благодаря чему представлялось возможным хотя бы в какой-то мере планировать бюджет. Вильгельм вел по округам реестр пожалований и сопряженных с ними повинностей. Укрепление центральной власти, деятельность административных и контрольных органов обусловили процесс унификации местных обычаев. В начале XII века, а возможно уже и раньше, стали говорить о нормандском обычае (*coutume*) как о

чем-то едином — исключительно раннее проявление юридической зрелости^[24].

Хроники того времени сообщают, что в наиболее важных случаях герцог Вильгельм прибегал к рекомендациям Совета старейшин или Совета мудрых, то есть представителей знати — нотаблей. Здесь имелся в виду *двор* в узком смысле слова или даже своего рода совет из числа избранных его представителей. Общие собрания вассалов в годы правления Вильгельма Завоевателя почти не созывались. Зато отстранение от государственных дел многих Ричардидов отделило двор от герцогского рода, что придавало ему более официальный и публичный характер. Он собирался от двух до четырех раз в год (как правило, на Рождество, Пасху и Троицу), однако случалось, что в его работе принимали участие только церковные вассалы, что уподобляло его провинциальному собору. При дворе не существовало постоянной канцелярии — подобного рода орган, предназначенный для составления юридических документов (и, таким образом, для поддержания определенной официальной нормы), в XI веке был только у папы, императора, некоторых королей, в отдельных епископствах и крупных аббатствах. Точно так же не существовало специального органа для осуществления правосудия. Герцог делегировал свои судебные полномочия какому-нибудь епископу или виконту, иногда — комитету, создававшемуся для расследования определенного дела, однако эти поручения носили случайный и служебный характер.

Двор в широком смысле слова занимался не только политикой, но и управлением герцогским хозяйством, включая в себя раздатчиков хлеба и поваров, врачей, оруженосцев, псовых охотников и вооруженных стражников. Сколько всего их было? Иногда приводят,

без достаточно убедительной аргументации, число в тысячу человек, несомненно, преувеличенное, даже если включить сюда женщин и детей. Вся эта масса людей вела кочевой образ жизни: даже после всех одержанных побед, безоговорочно укрепивших его авторитет, Вильгельм не устроил для себя постоянной резиденции. Он переезжал из замка Лильбонн в Кан, из Руана в Бонвиль или Кутанс, и двор следовал за ним, оглашая окрестности скрипом телег, ревом мулов, лаем собак, ржанием боевых коней в полном военном снаряжении и оставляя за собой шлейф самых разнообразных запахов. В зале замка устанавливали столы. Ковер из Байё наглядно разворачивает перед нами сцену пиршества после заседания совета. На заднем плане, в кухне, повара хлопочут вокруг котла и жаровни. Шеф-повар с помощью черпака выкладывает на блюдо куски мяса. Едят с непокрытой головой, без тарелок. Слуги с полотенцами на руке приносят блюда, в момент подачи становясь на одно колено. Пьют из больших чаш, наливая вино из пузатых бутылей. На столе — ковриги хлеба и рыба. Далее можно видеть, как герцог, не сменив облачения, сидит на скамье между своими сводными братьями, держа в руке меч, точно скипетр. Эта сцена должна олицетворять собой разумное обсуждение и мудрое сопоставление различных мнений.

Демографический рост

Возникновение в Нормандии феодального государства совпало по времени с началом аграрного переворота, который, в свою очередь, был связан с заметными демографическими подвижками. Оба эти явления более или менее отчетливо наблюдались по всей Западной Европе с конца X века, однако их

динамика сильно различалась по регионам, так что их результаты стали сказываться в одних местах около 1000 года, в других — около 1050 или 1100 года, а кое-где и еще позже. В этом отношении, как и в области политического устройства, Нормандия опередила другие страны.

Многое свидетельствует о росте рождаемости в первой половине XI века на территории бывшей Каролингской империи. Сколь бы слабой ни была в ту эпоху непрерывных войн надежда остаться в живых, численность населения росла довольно быстро. Результаты этого сказывались во всех областях жизни. Весьма скромные площади возделываемых земель, которыми до сих пор довольствовались европейские страны, оказались перенаселенными, а примитивная техника не позволяла увеличить продуктивность земледелия пропорционально росту численности населения. Нарушалось сложившееся равновесие, казавшееся вечным. Отчасти этим объясняются ускоренное распространение монашества, пополнение рядов которого было гарантировано, успехи усилий по установлению мира (что требовалось для обеспечения хотя бы минимально необходимой продуктивности) и начало миграционно-колониационного процесса, апогеем которого в известном смысле можно признать Крестовые походы. Наконец, началось наступление на лесные массивы. В течение полутора-двух веков усиленная раскорчевка и подъем целины изменили облик земли, придав ей тот вид, который она сохраняла вплоть до индустриальной эпохи. Вновь освоенные территории зачастую оказывались более плодородными, чем традиционно возделывавшиеся площади. Так, область Ко в Нижней Нормандии, расчищенная в XII веке от лесов, стала одним из наиболее процветающих сельскохозяйственных регионов Франции.

Расчистка земли от леса производилась следующим образом: наметив и изолировав соответствующий участок лесного массива, поджигали заросли кустарника, рубили деревья, корчевали пни, а затем разрыхляли землю с помощью мотыги. Такая работа непосильна для одного человека и очень трудна для отдельной семьи, поэтому индивидуальные попытки расширения возделываемых участков земли были крайне редки и малопродуктивны. Приходилось предпринимать коллективные усилия, заранее позаботившись о том, чтобы результаты труда не достались одному только сеньору. В Нормандии создавались ассоциации крестьян, объединявшие имевшиеся в их распоряжении средства. Однако подобного рода предприятие не имело шансов на успех, если его не поддерживал местный сеньор. В освоении новых территорий особенно преуспевали монастыри, провозглашавшие корчевание леса и подъем целины богоугодным делом. При этом и сами они не оставались внакладе, учитывая обусловленный этим рост доходов. Большинство светских феодалов поначалу противились подобного рода начинаниям, однако под натиском экономической необходимости сдались и они. Инициатива по освоению новых территорий обычно исходила от крестьян, причем монахи ближайшего монастыря порой брали на себя функцию предпринимателей и посредников, убеждая соответствующего сеньора в выгодности для него задуманного предприятия.

Работы по корчевке леса и подъему целины первоначально лишь расширяли площади возделываемых земель. Следующим этапом явилось создание совершенно новых поселений на ранее не культивировавшихся землях. На не обжитых прежде территориях строили жилища, гумна, часовню. Если инициатива исходила сверху, то есть организаторами

предприятия выступал сеньор или монастырь, то новое поселение создавалось по единому плану, предусматривавшему строительство домов, разбивку садов и огородов и резервирование территории для последующего строительства. Если же инициаторами выступали крестьяне, то деревня росла постепенно, как бы сама по себе, иногда поблизости от кельи отшельника или обособленно стоявшей церкви. В Нормандии, особенно в небезопасных регионах, в частности, на границах герцогства, поселения возникали близ кладбищ, которые традиционно считались неприкосновенными местами убежища. В дальнейшем какое-нибудь могущественное лицо брало это новое поселение под свою защиту, требуя взамен податей и служб. Вновь возникавшие селения вбирали в себя не только избыток населения старых деревень, но и разного рода скитальцев, лишенных своего дома и бродивших по стране на грани голодной смерти. Новые селения привлекали их тем, что обещали стабильную, в какой-то мере безопасную жизнь и реинтеграцию в социальные структуры. С середины XI века тут и там наблюдалось совершенно новое явление — составление письменного контракта с подробным перечнем взаимных обязательств сеньора и крестьян. Эти деревенские хартии, в какой бы редакции они ни составлялись (не существовало единого образца), привносили в социально-экономические отношения минимум порядка, ограничивая возможности для произвола.

В Нормандии Церковь занимала своего рода монопольное положение в деле освоения новых земель. Дело в том, что, с одной стороны, только она, наряду с самим герцогом, располагала достаточными земельными владениями. С другой же стороны, авторитет светских сеньоров все более утрачивал публичный характер и общественное мнение

рассматривало баронов лишь как частных землевладельцев, не способных на длительный срок гарантировать права. Ввиду этого отдельные светские сеньоры, желавшие поучаствовать в столь выгодном предприятии, вступали в соглашение с церковью, передавая монастырю территорию, пригодную для освоения, с единственным условием получения в дальнейшем части доходов, причем господствующее положение признавалось за монастырем. Таким образом, светский сеньор, отказавшийся в результате этой сделки от прямого извлечения дохода от земли, становился простым рантье.

Постепенно заселялись ранее пустовавшие земли, сокращались площади пустошей, а вместе с тем и расстояния от одного селения до другого. Перемещение сельского населения, связанное с появлением новых деревень, способствовало ослаблению родовых связей, на смену которым приходили разного рода братства. Исключительно благоприятное положение, которым пользовались обитатели новых поселений, привлекало жителей старых деревень, побуждая их бежать и искать убежища в одном из этих новых поселений, где их, как правило, охотно принимали. Из-за этого сеньоры были вынуждены идти на уступки всем своим держателям, улучшая условия держания. В более длительной исторической перспективе наблюдалось общее улучшение условий жизни сельского населения. Корчевание леса и подъем целины (а в некоторых регионах — осушение болот) вели к росту сельскохозяйственного производства, который, в свою очередь, рано или поздно создавал излишки продукции, из-за чего росли объемы торговых оборотов. Этот процесс еще более ускорялся благодаря тому, что тогда получали широкое распространение различные механические приспособления, увеличивавшие энергоресурсы, имевшиеся в распоряжении сельского

хозяйства и ремесла. Прежде всего, это были водяные мельницы, известные на протяжении уже двух или трех веков, но мало использовавшиеся до сих пор, ветряные мельницы, появившиеся в Англии и Северной Франции около 1040 года, и другие технические изобретения, действовавшие по тому же принципу, как, например, шлюзовые мельницы, приводившиеся в действие приливо-отливными волнами, появившиеся около 1070 или 1080 года в Дувре. Применение этих машин не только повышало доходность различных видов деятельности (мельничное дело, производство красителей), но и служило источником финансовых поступлений, когда взималась плата за пользование ими или когда они передавались в качестве фьефа. Сеньор, построивший мельницу, осуществлял своего рода промышленное инвестирование. Все виды хозяйственной деятельности испытывали на себе влияние этих инноваций, менялся даже менталитет людей. Теперь производили не только для потребления, но и ради накопления, создавая запасы в расчете на будущее.

Возобновление войны

Поражение, а затем и смерть Генриха I и Жоффруа Мартеля лишили главной поддержки последних непримиримых из числа баронов Нижней Нормандии. Одного из них, Роберта Фиц-Жере, герцог Вильгельм осадил в замке Монтрёй. Мятежник упорно сопротивлялся, но как-то вечером, взяв из рук любимой супруги Алисы, кузины герцога, яблоко и надкусив его, он испустил дух. Отравление? В организации преступления обвиняли Мабиль де Беллем, которая, пользуясь обстоятельствами, совмещала службу герцогу с наследственной вендеттой против

ненавистного рода. Как только Эрно, сын Гильома Фиц-Жере, наследовал Роберту, Мабиль обвинила его перед герцогом в каких-то новых заговорах, чинимых совместно с Раулем де Тони и Гуго де Гранменилем.

В 1061 или 1062 году герцог конфисковал имения заподозренных в измене и приговорил их к изгнанию. Тогда Рауль и Гуго отправились в Южную Италию. Эрно же ушел в подполье где-то в графстве Шартрском, откуда совершал при помощи нескольких вооруженных людей героико-комические рейды в область Уш. Ему удалось захватить собственный замок Эшофур, из которого он прогнал, устроив ночью у его стен невообразимый шум и гам, герцогский гарнизон. Однажды он добрался даже до монастыря Сент-Эврель, проник внутрь и стал гоняться за аббатом Осберном, грозясь разрубить его пополам.

Навстречу ему с мольбами бросился келарь, напоминая, что этот монастырь был учрежден его отцом. Эрно вложил меч в ножны и в раскаянии покинул святую обитель, не забыв, дабы загладить вину, оставить на алтаре щедрое подношение. Затем и он отправился в Италию, где его кузен Гильом де Монтрёй служил гонфалоньером у папы. Тем временем герцог, обеспокоенный этой новой волной эмиграции, согласился весной 1062 года простить изгнанников и вернуть им их имения. Рауль, Гуго и Эрно не замедлили вернуться в Нормандию, привезя герцогу в знак примирения роскошную мантию. Что же касается Мабиль, то она и не думала смиряться с тем, что враги ускользают от ее мести. Она уговорила управляющего имениями Эрно отравить своего господина, сама же занялась Раулем, единственная вина которого состояла в том, что он был кузеном Гуго. Из двоих сыновей Эрно, еще детей, старший бежал во владения короля Франции, а оттуда отправился в Италию, младший же постригся в монастырь Сент-Эврель. С родом Фиц-Жере

было покончено. Мабиль, последняя из рода Беллем, торжествовала.

Барону Гуго де Гранменилю герцог доверил должность со-управителя замка Нёфмарше, только что отобранного у одного из мятежников, — очень ответственное назначение, учитывая стратегическое положение замка на границе с Бовези. Это был беспокойный регион, жители Бовэ то и дело совершали набеги на нормандскую территорию, и замок Нёфмарше, удобно расположенный на реке Эпт, позволял более оперативно реагировать на угрозы. Гуго сумел захватить в плен двоих бовезийских баронов, и после нескольких месяцев партизанской войны в регионе воцарилось спокойствие.

В марте 1062 года умер граф Мэна Герберт II, жених Алисы, дочери герцога Вильгельма. Перед смертью он, выполняя данное Вильгельму обещание, успел попросить своих подданных признать его своим наследником, ибо сам он умирал бездетным, и принести ему вассальную присягу. Бароны Мэна отказались. Как только умер их граф, они решительно воспротивились притязаниям нормандца. Преемником своего покойного господина они избрали Жоффруа, владельца Майенна. Граф Анжуйский не решался поддержать их, опасаясь разозлить Вильгельма, сюзерена Бертрады де Монфор, руки которой он в то время помогал. Тогда жители Манса предложили занять вакантное графство дяде покойного графа Герберта, Готье де Манту, графу Восточного Вексена, проводившему в отношении Нормандии политику скорее враждебную, нежели дружественную. В свое время он был сторонником короля Генриха I. Приняв предложение, поддержанное и владельцем Майенна, он отправился в Мане вместе с супругой Биотой. Город тут же открыл перед ним свои ворота. Епископ Вогрен, занятый строительством кафедрального собора, не стал вмешиваться.

Именно тогда герцог Нормандский вызвал из Италии изгнанников. Видимо, ситуация представлялась ему достаточно серьезной, чтобы попытаться даже такой ценой восстановить единство баронов Нижней Нормандии. Позиция, занятая Жоффруа Майеннским, исключала любое соглашение. Если Вильгельм хотел владеть Мэном, он должен был захватить его — и он пошел на этот риск. Это была его первая завоевательная война. Положение Мэна и прежде оставалось неясным, поэтому после обещания, данного Гербертом, герцог Нормандии мог на более или менее законных основаниях рассматривать Жоффруа Майеннского как мятежного вассала. Однако условия, при которых Герберт в свое время принес вассальную присягу могущественному северному соседу, не были вполне ясны, на что и могли сослаться бароны, оправдывая собственное неповиновение.

Подробности войны за Мэн нам мало известны. Мы знаем лишь, что она тянулась долго, видимо, около двух лет^[25]. Город Мане и замок Майенн считались неприступными, поэтому Вильгельм, верный своему обычаю, не стал штурмовать их, предпочитая совершать с территории Нормандии рейды, сея тревогу среди населения Мэна и перерезая пути сообщения. Иногда он лично участвовал во взятии того или иного бурга или замка или же в опустошении какой-нибудь сельской территории. Вильгельм выжидал, когда созреют условия для более решительных действий. Граф Анжуйский оставался глух к просьбам о помощи, с которыми обращались к нему жители Манса. Готье де Мант продолжал бездействовать. Жоффруа де Майенн отбивался в одиночку, испытывая все большие затруднения. Обитатели Манса начинали роптать. Им стала понятной тактика герцога Нормандского: лишившись поддержки со стороны Майенна, они

оказались в изоляции. Среди буржуа и духовенства зрело убеждение в необходимости капитулировать. Вильгельм, оповещенный об этом, направил ультиматум Жоффруа, который, понимая, что не удержит город, бежал в Майенн, за стенами которого укрылся со своими людьми. Мане открыл свои ворота герцогу Нормандскому. Жители города, ревниво отстаивавшие собственную независимость, гордые за свою малую родину, ненавидели нормандцев и в дальнейшем всячески старались показать им это, однако сейчас потерпели окончательное поражение. Дабы осуществлять надзор за ними, победитель распорядился построить вне стен города две наблюдательные башни. Что же касается Готье де Манта, то он дал свое согласие на сдачу города, оставив Жоффруа де Майенна на произвол судьбы. От своих притязаний он молча отказался. Герцог Нормандский обошелся с ним внешне деликатно, даже пригласил его вместе с супругой Биотой к себе в Фалез. Именно там их обоих, Готье и Биоту, вскоре таинственным образом постигла скоропостижная смерть. Распространился слух (вероятно, клеветнический), что их отравили. Наследников у них не было, и их земли в Вексене перешли к кузену Готье, Раулю, графу Валуа, родоначальнику могущественного дома Валуа, который с этого времени начнет возвышаться, становясь неизбывной угрозой для короля Франции.

Теперь Вильгельму предстояло овладеть Майенном. Эта каменная крепость была возведена около 1000 года на вершине скалы, круто обрывававшейся над рекой. Вильгельм приступил к ее осаде, хотя его люди уже были на пределе сил, измученные слишком долго тянувшейся кампанией. Герцог старался подбодрить их, обещая, вопреки всем ожиданиям, скорый успех. Он придумал хитрость: к крепости были тайком доставлены двое мальчиков, которые попросились

поиграть с детворой Майенна, и осажденные доверчиво открыли им ворота. Дети пронесли под одеждой зажигательное средство, с помощью которого устроили в бурге пожар. Когда защитники крепости бросились на его тушение, герцог приказал штурмовать опустевшие стены. Захватив пылавший бург, он отдал его на разграбление своим людям, сам же отказался от какой-либо добычи. На другой день гарнизон донжона, главной цитадели, капитулировал, и Жоффруа де Майенн во второй раз принес Вильгельму вассальную присягу.

Распорядившись восстановить бург, герцог возвратился в Нормандию. Сочетая жестокость с хитростью, он сокрушил Мэн, тем самым устраняя самую возможность мятежа в ближайшей перспективе. Проявляя мудрость в своих расчетах на будущее, он вступил в переговоры с Жоффруа Анжуйским, предложив ему соглашение: обе договаривающиеся стороны признают в качестве наследника Мэна Роберта, старшего сына Вильгельма, в течение уже пяти лет обрученного с Маргаритой, сестрой Герберта. Он надеялся в скором времени поженить этих молодых людей, потомство которых имело бы бесспорные наследственные права на графство. Взамен Роберт приносил графу Анжуйскому вассальную присягу, которая состоялась, по-видимому, в Алансоне в присутствии самого Вильгельма. Фактически же герцог Нормандский оставался подлинным хозяином Мэна. Даже безвременная кончина Маргариты ничего не изменила в этом отношении. Она умерла буквально за несколько дней до назначенной свадьбы, находясь в монастыре, куда ее отправили на воспитание. Красивой и благочестивой невесте так и не суждено было стать супругой грубоватого и задиристого юнца — Роберта Коротконового. Маргариту похоронили в Фекане, среди членов герцогской фамилии.

Клятва Гарольда

Война, которую вели в Бретани сторонники Конана II против тех, кто поддерживал Зона, в 1062 году наконец-то завершилась. Однако соглашение, которое заключили тогда друг с другом принцы, не понравилось некоторым вассалам Конана, в частности Руаллону, владельцу Комбура и брату епископа Доля. Весной 1064 года он укрылся за стенами этого города, откуда бросал вызов своему герцогу. Конан приступил к осаде Доля. Руаллон и его друзья, сознавая, что не выдержат осаду без посторонней помощи, обратились к герцогу Нормандии. Тот благоразумно удовольствовался на первых порах тем, что приказал построить на высоком мысу, доминирующем над долиной Бёврон, замок, который, представляя собой продолжение линии оборонительных сооружений графства Мортэн, завершал блокировку этой пограничной области. Конан, воспринимая эти действия как вызов, направил к Вильгельму гонца с приглашением на поединок. Однако в назначенный день вместе с герцогом Нормандским двинулось целое войско, которому, хотя и не без труда, удалось форсировать занесенное песком устье реки Куэнон. Затем оно безостановочно продолжило движение к Долю. Перепуганный Конан снял осаду и бежал.

Среди баронов, окружавших Вильгельма во время этой молниеносной кампании, находился не кто иной, как англосакс Гарольд, проявивший исключительную отвагу при форсировании Куэнона. Волею каких судеб оказался он замешанным в эту авантюру? Относящиеся к этому событию факты хотя и бесспорны в своих главных чертах, однако дают повод для самых различных интерпретаций.

Престиж Гарольда в Англии достиг тогда своего апогея. В 1062 году он сокрушил короля Северного Уэльса Гриффита, который, распространив свое влияние почти на весь Уэльс, начал тревожить набегами Английское королевство. Из этой победы, принесшей ему славу, Гарольд сумел извлечь немалую выгоду для себя. И тем не менее тогда он еще не разделался со всеми своими противниками, главным из которых был его брат Тостиг, эрл Нортумбрии. Не на поиски ли союзников для борьбы против него вышел в море в начале лета 1064 года Гарольд, направляясь на континент, во Фландрию или Нормандию? И чем он стал бы расплачиваться за помощь, ежели таковая была бы получена? Нормандские источники XI века излагают на сей счет официальную версию, видимо, инспирированную пропагандой, которую с помощью англосаксонских источников невозможно достаточно убедительно ни подтвердить, ни опровергнуть. На ковре из Байё изображено, как Гарольд, получив от короля Эдуарда дипломатическое поручение, отправляется в путь — но куда? Потерпев в бурю кораблекрушение, он выброшен волнами на побережье графства Понтьё, владетель которого берет его в плен, дабы затем получить за него выкуп. Значит, не графство Понтьё было целью его путешествия, которое в итоге завершилось в Нормандии: герцог Вильгельм потребовал от своего вассала Ги де Понтьё освободить пленника (или, по версии Гильома из Пуатье, выкупил его за большие деньги). Он даже самолично вышел встречать его, приняв его со всеми подобающими почестями. На ковре из Байё изображен высокий худой Гарольд, который, жестикулируя, что-то говорит внимательно слушающему его Вильгельму. Передает ли он сообщение, ради которого был послан, пытается ли убедить его в чем-то или же оправдаться перед ним? А может быть, он просто старается вывести намерения

Вильгельма, самого серьезного своего соперника в предстоявшей борьбе за английскую корону? Надеялся ли он услышать от него отказ от участия в этой борьбе?

А Вильгельм все множит знаки своего благоволения. Он обручает с Гарольдом свою дочь Алису, некогда обещанную Герберту, графу Мэна. Рассказывают, что юная девица безумно влюбилась в красавца англосакса. Тогда же Вильгельм освободил Хакона, которого двенадцать лет держал у себя на положении заложника. Затем он снабдил Гарольда и его спутников оружием и конями, предложив им принять участие в военном походе на Бретань. Возможно, он хотел их поразить тем, какая дисциплина царит в его войске: на протяжении всей войны нормандцы не совершили ни одного акта грабежа! Освободив от осады Доль, Вильгельм двинулся на Динан, где укрывался Конан II. Тот обратился за помощью к графу Анжуйскому, но еще прежде, чем поспела подмога, Динан капитулировал. Вильгельм отошел, даже не пытаясь развить достигнутый успех. Видимо, его беспокоили трудности с продовольственным снабжением, поскольку на бретонцев в этом отношении рассчитывать не приходилось.

Он возвратился в Нормандию, по-прежнему в сопровождении Гарольда. На торжественной ассамблее, состоявшейся в Байё, он посвятил англосакса в рыцари, в качестве сеньора одарив его, как того требовал обычай, оружием. Полагал ли Вильгельм, что, совершив сей обряд, он сделал Гарольда своим вассалом? Некоторые нормандцы именно так и думали.

Именно тогда Гарольд в присутствии нормандских баронов дал торжественную клятву, о которой рассказывают, хотя и весьма противоречиво, многие хроники. По сообщению Гильома из Пуатье, Гарольд, принеся Вильгельму вассальную присягу, поклялся признать его наследником короля Эдуарда, беря на

себя обязанности временного представителя нормандца в Англии. При этом он передавал в залог Дувр, в котором размещался нормандский гарнизон, зато Вильгельм гарантировал ему неприкосновенность его личных владений. Ковер из Байё представляет величественную сцену: Гарольд, простирая руки над двумя реликвариями, берет на себя клятвенное обязательство, которое впоследствии нарушит и тем самым навлечет на себя проклятие, карающее клятвопреступников, — главный довод в приводимой нормандцами аргументации. Хронист Вас рассказывает еще более занимательную историю: перед столом, покрытым скатертью, Вильгельм требует от Гарольда дать торжественное обещание. Тот соглашается, не придавая этому большого значения, поскольку простое обещание не налагает на него никаких обязательств. Затем Вильгельм снимает скатерть, и все видят, что стол в действительности был реликварием, полным святых мощей! Гарольд попался в ловушку. Неважно, каковы были его намерения: реликвии все равно оказывают свое чудотворное действие. Охваченный ужасом, Гарольд понимает, что стал жертвой их магической силы. Вполне возможно, что Вас просто пересказал популярную тогда историю или же по своему переложил легенду англосаксонского происхождения.

Совокупность дошедших до нас свидетельств позволяет нам, по крайней мере, предположить, что Вильгельм и Гарольд пытались договориться, но произошло своего рода недоразумение. Трудно понять, на каких условиях велся торг, однако крайне сложное положение дел в Англии и реальное соотношение сил в тот момент вынуждали Гарольда в той или иной мере принять требования Вильгельма, каковы бы они ни были.

в Англию Гарольд вернулся, видимо, осенью 1064 года, когда над Нортумбрией сгущались тучи. Тостиг приговорил К смерти двоих местных танов, заподозрив их в измене, а на Рождество по его наущению был убит последний эрл из числа местной знати. В октябре 1065 года восстание охватило весь север Англии. Двести нортумбрийских танов, воспользовавшись отсутствием Тостига, который охотился вместе с королем в Хэмпшире, двинулись на Йорк и там на проведенной по их инициативе ассамблее объявили Тостига низложенным и провозгласили своим эрлом Моркара — внука Леофрика, который был эрлом Мерсии.

Пока на улицах Йорка продолжалась резня сторонников Тостига, Моркар во главе большого отряда двинулся на юг, чтобы добиться от короля признания свершившихся фактов. Навстречу ему вышел Тостиг с требованиями короля: мятежники должны незамедлительно сложить оружие, после чего высказать свои жалобы. Моркар отверг ультиматум и продолжил движение в направлении Оксфорда, который и занял. Король Эдуард был вынужден собрать своих придворных советников, которые не рекомендовали ему вступать в борьбу, ибо приближалась зима. Раздавались и голоса тех, кто полупонамеками обвинял Гарольда, что все это он устроил, чтобы погубить своего брата. В этот момент Эдуарда свалила болезнь, а медлить было нельзя. Со всех концов королевства в Лондон стали съезжаться лорды, поддержкой которых Гарольду удалось заручиться. Он лично встретился с Моркаром и поспешил заключить с ним соглашение: Тостиг подвергался изгнанию, Моркар признавался эрлом Нортумбрии, а Вальтеоф, сын Сиварда, становился

эрлом на территории, включавшей в себя шайры Нортгемптон, Хантингдон, Бедфорд и Кембридж. Таким образом, вся северная половина королевства вновь оказалась в руках представителей старинных местных родов, которые издавна правили там и успели пустить глубокие корни. Последующее крушение англосаксонской монархии и уничтожение клана Годвина лишь косвенным и слабым образом затронули север, чем объяснялось большинство просчетов и обманутых надежд, кои довелось испытать Вильгельму Завоевателю начиная с 1067 года.

В начале декабря, когда Тостиг, переправившись через Ла-Манш, нашел прибежище в монастыре Сент-Омер, Гарольд возвратился в Лондон. Эдуард не шел на поправку. Его уже не заботили дела своего королевства. Единственное, что еще занимало его, было строительство церкви для бенедиктинского аббатства в Вестминстере, рядом с его дворцом, возводившейся в прекрасном романском стиле, заимствованном из Франции^[26]. Эдуард вступил на трон, когда герцог Нормандии Вильгельм только достиг совершеннолетия. В Англии двадцать лет его правления ознаменовались глубоким упадком центральной власти и обретением эрлами практически полной самостоятельности. В Нормандии же все было наоборот. Деграция политической власти в Англии сопровождалась культурным застоєм. В то время как континентальная Европа изобиловала новыми начинаниями и идеями, там не намечилось ни одного крупного духовного движения, страна словно бы отошла от европейской жизни. Это большое изможденное тело не находило в самом себе сил для возрождения. Будто в кельтской мифологии, сама земля, казалось, страдала от бессилия своего короля. Говорили, что Эдуард с согласия своей супруги вел, на манер святого Алексея, целомудренную жизнь.

Именно это целомудрие, ставшее главной темой агиографического сочинения «Житие короля Эдуарда», даже если оно просто маскировало обыкновенную импотенцию, частично послужило причиной последующих бедствий, постигших Британию. Не имея законного наследника, Эдуард поставил лицом к лицу претендентов на трон, обладавших одинаково спорными правами: Эдгара, хотя и потомка Этельреда, но еще малолетнего; Вильгельма Нормандского, пусть и своего кузена, однако правителя иностранного и к тому же недружественного государства; Гарольда, нового человека, хотя и бесспорно обладавшего качествами правителя, к тому же в течение последних двенадцати лет фактически державшего в своих руках власть; Тостига и Харальда Хардраду, хотя и пытавшихся ловить рыбку в мутной воде, однако не проявлявших должной настойчивости. Англосаксонское обычное право не давало возможности сделать среди них выбор, поскольку оно не регулировало права наследования и даже не включало в себя понятия легитимности. Большинство склонялось к мнению, что наследник престола должен происходить из королевского рода — отдаленный отголосок времен, когда короля рассматривали как потомка богов. И тем не менее решающими факторами на деле скорее были личный престиж, популярность и, не в последнюю очередь, те уловки, к которым прибегают, совершая выбор.

Двадцать восьмого декабря 1065 года освящали церковь Вестминстерского аббатства. Эдуард, слишком ослабевший, не мог присутствовать на церемонии. Не прошло и недели, как у него началась предсмертная агония.

***Часть третья.*КОРОЛЬ АНГЛИИ**

Глава первая. ПУТЬ В ВЕСТМИНСТЕР (1066)

Пятого января 1066 года, накануне Богоявления, король Эдуард, содрогнувшись в последний раз, вытянулся на своей кровати. Он настолько ослабел, что слуге приходилось поддерживать его, подложив руку под затылок. На голове умирающего красовалась корона. С какой торжественной прощальной речью обращался он к своим подданным? Его изможденное лицо уже отрешилось от всего земного. Скорой кончины короля ждали присутствующие — эрлы, прелаты и женщины, среди которых, несомненно, была и королева Эдит, раздраженная постоянным присутствием своего брата Гарольда, поведение которого она (если верить Гильому из Пуатье) решительно осуждала. Голос Эдуарда был столь слаб, что присутствовавшим приходилось наклоняться к изголовью, чтобы разобрать его слова^[27]. Что говорил он? Этого мы не знаем, и потому от нас скрыта подоплека последующих событий. В развернувшейся затем борьбе каждый на свой манер толковал последние слова Эдуарда. Одно представляется бесспорным: умиравший поручил заботам Гарольда свое королевство и свою супругу. Однако на каких условиях? И что подразумевала эта «забота»?

Безжизненное тело короля откинулось на ложе. С головы его сняли корону, закрыли ему глаза и в молитве опустили на колени.

С этого момента в ближайшие двадцать четыре часа события будут развиваться с поразительной, почти подозрительной быстротой. Ночь прошла в тайных совещаниях. На рассвете 6 января, когда весть о кончине короля еще не распространилась за пределы

Лондона, его тело положили на носилки и кортеж направился к Вестминстеру: за бесценным грузом, лежавшим на плечах восьмерых носильщиков, шагала светская и духовная знать, и звон похоронных колокольчиков вдоль всей процессии (нормандский по своему происхождению обычай) сопровождал короля в последний путь. На всем не очень продолжительном пути следования жители Лондона прощались со своим королем, которого любили и уже успели прославить святым^[28]. Но едва лишь покойного накрыла могильная плита на хорах собора Святого Петра, как присутствовавшая на его похоронах знать собралась на витенагемот и избрала Гарольда королем Англии. Тут же его короновали и помазали. Отлученный от церкви архиепископ Кентерберийский Стиганд провел обряд совместно с архиепископом Йоркским Элдредом, чтобы никто не смог оспорить правомочность церемонии. Затем Гарольд взошел на трон, с короной на голове, облаченный в тунику и мантию, с державой и скипетром в руках. В народе не замечалось ни малейшего волнения, поскольку Лондон располагался в той части королевства, которая с давних пор находилась под влиянием клана Годвина.

На всё про всё потребовалось лишь полдня. Смена власти свершилась без сучка и задоринки, и в этом чувствовались тщательно продуманный план и твердая воля одного человека — Гарольда. Однако так ли уж хорошо взвесил он свои шансы? Вот он стал королем, которого избрала знать и благословило высшее духовенство, но реальное значение этого титула зависело от того, как прореагируют на происшедшее эрлы севера и иностранные дворы. Словно бы желая юридически закрепить за собой вновь обретенное достоинство, Гарольд тут же занялся законотворчеством. Хронист Флоренс Уорчестерский

хвалил меры, принятые им сразу же после коронации, поскольку, по его мнению, он тем самым упразднил несправедливые законы предшественников, ввел суровые наказания за всякого рода преступления и защитил церковь, проявив себя благонамеренным и благочестивым правителем. Позаботился Гарольд и о своих сторонниках, понимая, что их поддержка еще пригодится ему: он слишком хорошо знал характер Вильгельма Нормандского, чтобы не ожидать ответных шагов с его стороны. Во Фландрии Тостиг настраивал против него графа. Но откуда ждать первого удара? Хороший тактик, Гарольд оказался плохим стратегом, ибо его темперамент мешал ему заглядывать далеко вперед.

Когда вести из Англии дошли до герцога Нормандского, он как раз оправлялся от короткой, но тяжелой болезни, во время которой имел возможность еще раз удостовериться в преданности своих подданных. Строго говоря, поспешное восшествие Гарольда на престол не могло быть для Вильгельма полной неожиданностью, и все же его реакция была весьма бурной. Как сообщает Вас, он охотился в окрестностях Руана, когда к нему прибыл вестник, с глазу на глаз передавший ему сообщение. Наблюдавшие со стороны могли видеть, как герцог, разразившись проклятиями, во весь опор поскакал к реке, отвязал лодку и на ней добрался до дворца, где, сидя за столом, закрыв лицо плащом, погрузился в долгие размышления. Может быть, до сего дня он считал себя единственным законным наследником Эдуарда? Или же в результате молниеносного озарения он вдруг понял, какой благоприятный, сулящий успех, неповторимый, нежданный и негаданный случай представляется ему? Со дня смерти Эдуарда Этелинга в 1057 году, если не с обещания, данного королем Эдуардом в 1052 году, Вильгельм не мог не мечтать об

английском троне, но, вероятно, как о весьма отдаленной возможности, ради реализации которой не стоило хотя бы чем-то жертвовать, менять с этим дальним прицелом свою политику.

Теперь его приперли к стене. С этого момента его решение принято: он идет на риск войны — войны, а не случайной авантюры. Вильгельм знал, что Англия располагает несопоставимо большими, чем Нормандия, ресурсами: людьми, кораблями, деньгами, поэтому он должен теперь, не теряя времени, но и без лишней спешки, мобилизовать все имеющиеся у него возможности.

Он проконсультировался со своим ближайшим окружением. Ланфранк, опытный юрист, задавал тон в обсуждении того, что вскоре обрело форму «нормандского проекта», о котором позднее поведает Гильом из Пуатье. Покойный король Англии последовательно совершил два правовых акта: сначала постановление о наследовании в пользу Вильгельма Нормандского, а затем, как утверждают англосаксы, уже на смертном одре, дарение в пользу Гарольда. Первое является совершенно приемлемым как завещание в духе римского права, второе же, основанное на старинном англосаксонском обычае, допускает двоякую интерпретацию: с формальной точки зрения оно отменяет все предшествующие уступки и завещательные отказы, но с точки зрения справедливости не имеет ни универсальной силы, ни гарантий (в виде заложников и вассальных присяг), которые придают первому его законную силу. Суд или третейский судья признал бы Гарольда всего-навсего исполнителем завещания, что полностью согласуется с ранее взятыми на себя обязательствами в отношении герцога Нормандского.

Эти рассуждения, хотя и отнюдь не бесспорные, тем не менее свидетельствовали о желании нормандцев

придать своему предприятию правовую основу, что было тем более показательно, что они содержали в себе понятия римского права, влияние которого сказывалось и на самом Вильгельме.

К концу зимы в Нормандию прибыл Тостиг. Перед тем он провел несколько недель при дворе графа Фландрии, стараясь настроить его против Гарольда, а также установил контакт с королем Норвегии Харальдом Хардрадой, рассчитывая на его поддержку. Говорили, что он принес ему вассальную присягу. У Тости́га сложилось впечатление, что ему удалось убедить Балдуина V, и теперь он собирался разыграть другую карту.

Тем временем герцог Вильгельм направил к Гарольду гонца, чтобы напомнить ему о клятвенном обещании, данном двумя годами ранее, и предложить безотлагательно вступить в брак с Алисой. «Я клялся по принуждению», — ответил Гарольд, напомнив при этом, что только витенагемот может распоряжаться короной Англии. Что же касается вступления в брак, то об этом не могло быть и речи. Дело в том, что Нортумбрия игнорировала нового короля, рассматривая его восшествие на английский престол как обыкновенный государственный переворот. Решение этой проблемы представлялось Гарольду тем более актуальным, что намечалась угроза и со стороны Нормандии, поэтому он отправился в Йорк, где ему удалось убедить Эдвина и Моркара, на сестре которых Эдит он, дабы скрепить брачными узами достигнутое соглашение, женился. Тем самым он открыто, самым оскорбительным образом, порвал с герцогом Нормандским.

Одновременно с обращением к Гарольду Вильгельм предпринял различные дипломатические шаги. Он написал папе Александру II, вынося дело на его суд: Гарольд обвинялся в клятвопреступлении (правонарушение, находившееся в компетенции

церковных судов), чем оправдывалась справедливость готовившейся против него войны. В Риме герцог Нормандский нашел активную поддержку со стороны Гильдебранда и его партии. Разве Вильгельм не пообещал, что, как только завладеет Английским королевством, тут же восстановит в Англии налог в пользу Святого престола, некогда взимавшийся Кнутом, однако отмененный после возвращения к власти англосаксонской династии?

Однако и при папском дворе не все были убеждены в добродетельности намерений герцога Нормандского, поэтому Гильдебранду пришлось постараться, агитируя в его пользу и даже лично поручившись за него. Кардинал доказывал, что на него можно положиться в деле реформирования англосаксонского духовенства, чему столь упорно противился скандальный архиепископ Стиганд. Не исключено, что посольство от Гарольда, прибудь оно тогда в Рим, могло бы повлиять на окончательное решение, однако Гарольд не счел нужным сделать это. Правда, высказывались предположения, что герцог Нормандский просто-напросто перехватывал его посланцев. Но как бы то ни было, весной Рим отлучил Гарольда от церкви.

Нормандский проект пробил себе дорогу. Идея обеспечения легитимности наследования английского престола не увлекала прелатов папской курии. Отвечая на послание Вильгельма, Александр II отправил ему множество реликвий и хоругвь святого Петра в качестве штандарта. Он назначил герцога Нормандского своим уполномоченным для исполнения намечавшегося богоугодного дела — наказания народа, посмеявшегося воспротивиться новому курсу Святого престола.

Обращение к папскому арбитражу в 1066 году для Вильгельма обернулось приобретением союзника в лице римского понтифика и вместе с тем признанием себя исполнителем его воли. Уже семь лет Роберт Гвискар и

его братья выступали в роли фогтов Святого престола в Южной Италии. С тех пор нормандцы пользовались в Риме особым доверием. Поддержка Вильгельмом церковных реформ не была с его стороны простым тактическим шагом, сделанным под натиском обстоятельств: реформа, в той мере, в какой она способствовала укреплению власти и ставила закон на место самоуправства, вполне отвечала интересам герцога Нормандского.

В то же самое время Вильгельм пытался заручиться поддержкой правителей, непосредственно заинтересованных в английском предприятии. Император Генрих IV не собирался мешать ему. От своего ближайшего соседа и тестя Балдуина V Вильгельм добивался если уж и не помощи, то хотя бы благожелательного нейтралитета. Через посланников между ними завязался диалог, беллетризованную версию которого сообщил нам Вас. Граф Фландрии хотел знать, какой ценой Вильгельм готов оплатить его союз, какую часть завоеванных земель согласен уступить ему. «Я сообщу ему письменно», — ответил нормандец, подавая гонцу запечатанное письмо. Распечатав послание, Бодуэн обнаружил совершенно чистый лист! Потребовался и был получен устный комментарий: для правящего дома Фландрии достаточно большой наградой будет сама победа супруга Матильды и последующее обогащение ее детей. В конце концов Бодуэн занял выжидательную позицию, весьма благоприятную для герцога Нормандского. Кроме того, граф Фландрский устроил ему в Бовэ встречу с королем Франции, который без особого восторга относился к «нормандскому проекту», но все же согласился поддержать его при условии, что после смерти Вильгельма Англия и Нормандия разделятся и каждая из них достанется одному из сыновей герцога.

Оставалось обеспечить безопасность восточного фланга Англии. Вильгельм прозондировал намерения короля Дании Свена Эстридсена (сына Эстрид, дочери Кнута), который, как было ему известно, также имел определенные притязания на наследство Эдуарда. Свен отделался красивыми фразами, которые не могли обмануть Вильгельма. Надо было искать другой подход, и в этом Тостиг, вероятно, мог бы оказаться полезным.

* * *

В конце зимы Вильгельм созвал ассамблею своих вассалов. Обычай не позволял вести их ополчение за море, поэтому в предстоявшей экспедиции должны были участвовать исключительно добровольцы. Герцогу пришлось агитировать, и он умело сыграл на врожденной тяге этих людей к авантюрам, против чего сам же он так долго и упорно боролся и что теперь собирался использовать в собственных интересах.

Собрание проходило, как рассказывает Гильом из Пуатье, бурно. На расстоянии Английская держава внушала опасение, и таких предприятий, какое планировалось, еще не бывало в нормандской истории. Каждый более или менее отчетливо понимал, что речь шла не о банальном разбойничьем налете на противоположный берег, а о доставке и высадке в организованном порядке большой армии, способной превзойти на поле боя, скорее всего, более многочисленное войско.

Нашлись несогласные, полагавшие, что поход обречен на провал. Тогда слово взял Гильом Фиц-Осберн и попытался переубедить скептиков. Тостиг, присутствовавший на собрании, также поддерживал вторжение в Англию. В конце концов удалось убедить всех. Герцог изложил задачу и пояснил, что

требовалось для ее решения. От каждого он потребовал, соразмерно его состоянию, определенное количество людей и, насколько возможно, судов. Нашлись энтузиасты, изъявившие готовность предоставить вдвое больше того, что от них требовалось. Роберт де Мортэн обязался дать 120 судов вместе с экипажами. От светских господ старались не отстать и духовные: настоятель монастыря в Фекане пообещал снарядить 20 судов в надежде получить епископство в Англии. Герцогиня Матильда экипировала великолепный корабль под названием «Мора», на котором должен был отправиться ее супруг. И вообще ближайшие родственники Вильгельма предоставили большую часть того, что требовалось для экспедиции, зато уж после победы на их долю выпадет самая богатая добыча. Завоевание в какой-то мере приобрело характер семейного предприятия. Авторитет Вильгельма как предводителя был непререкаем. Его род завладеет Англией.

Флот надлежало собрать ко времени летнего солнцестояния. Менее чем за пять месяцев предстояло подготовить все — людей, лошадей, оружие, необходимое снаряжение, а главное, перебросить из разных мест суда и проверить их состояние. Слишком короткий срок, учитывая техническое оснащение той эпохи. Невозможно себе представить, что за это время был заново построен (как это изображено на ковре из Байё) весь флот. Только некоторые сеньоры, располагавшие корабельными верфями и достаточным запасом строевого леса, могли успеть построить новые суда, большая же их часть была куплена или взята в аренду в иноземных портах, в частности фламандских. В результате флот Вильгельма Завоевателя являл собою весьма пеструю картину. Изображение на ковре из Байё представляет собой не что иное, как стилизацию, подверставшую все суда под один тип

морского судна, известного как *драккар*. Останки этих кораблей найдены в погребальных курганах и шведских болотах. Не подлежит сомнению, что это типичное судно скандинавских викингов широко применялось и в Нормандии. Нос драккара обычно украшался вырезанной из дерева головой дракона, волка, лисы или птицы, которые имели магический смысл. Интересно отметить, что похожие изображения можно видеть на капителях романских храмов. На единственной центральной мачте крепился прямоугольный, состоявший из многоцветных (голубых, красных, черных, желтых) полос, парус, который был заметен издалека. Самый большой драккар, обнаруженный в Скандинавии, насчитывает 23 метра в длину, пять в ширину и менее двух в глубину, что дает около тридцати тонн водоизмещения. Сомнительно, чтобы самые крупные корабли Вильгельма превосходили его размерами. Согласно имеющимся в нашем распоряжении данным, на один корабль садилось от двадцати до пятидесяти человек и столько же лошадей грузили на одну шаланду.

Спустя неделю после Пасхи 1066 года, 24 апреля, на небе Западной Европы появилась и в течение целой недели была видна странная косматая звезда. Ученые клирики знали, что в книгах она именуется кометой: это была та самая комета, которой в 1758 году Галлей даст свое имя. По обе стороны Ла-Манша ее появление истолковывалось как знак, предвещавший грозные события. Предсказатели судьбы утверждали, что комета возвещает большие перемены в участи королей. В Нормандии подобного рода откровения предсказателей только подогревали задор собравшихся в завоевательный поход.

Гарольд знал о приготовлениях, которые полным ходом велись у его противника. Не раз он посылал соглядатаев на берега Нормандии. Одного из них

поймали и привели к Вильгельму, который позволил ему возвратиться в Англию, дабы доставить от него ироничный вызов: «Иди и скажи своему господину, что если в течение года он не увидит меня у себя, то мирно проживет до конца своих дней».

Гарольд смело шел на риск, с коим связана была предстоявшая война. В дипломатическом отношении он оказался в изоляции, и даже в самой Англии жители севера противились ему, несмотря на достигнутое с их вождями соглашение. В южной части королевства Гарольд собрал ополчение и организовал береговую охрану. В его распоряжении был хороший флот, составлявший его главную ударную силу. Большая его часть концентрировалась у берегов острова Уайт; командование ею он взял на себя, готовый отразить любую попытку вторжения в его королевство. В начале мая его оповестили о приближении вражеской флотилии. Не нормандцы ли это прибыли?

Но это оказался Тостиг, который во главе отряда фламандских и скандинавских авантюристов пересек Ла-Манш на широте Уайта, повернул на восток и продолжил движение вдоль берегов Суссекса и Кента. Оплошность местных властей позволила ему высадиться у Сэндвича, не встретив какого-либо сопротивления, и, пока Гарольд спешно приближался к городу, склонить на свою сторону часть англосаксонских моряков, корабли которых присоединились к его флотилии. Затем он снова вышел в море, пустившись наутек от Гарольда. Со своей флотилией, в составе которой были и 17 драккаров, приведенных с Оркнейских островов неким перебежчиком из Нортумбрии, он достиг устья реки Хамбер, попутно занимаясь грабежами на восточном побережье страны. Оркнейские острова тогда были частью Норвежского королевства, от правителя которого, Харальда Хардрады, Тостиг и получил

поддержку. Возможно, король Норвегии, сам претендовавший на английскую корону, использовал этого смутьяна как орудие для достижения собственных целей. А может быть, Тостиг, обманутый Вильгельмом Нормандским, изменил свой первоначальный план? Скорее всего, он просто служил Вильгельму агентом, связывавшим его со Скандинавией. Мнения историков по этому вопросу расходятся. Сговор между Вильгельмом и Тостигом представляется вполне вероятным. Авантюрист, имевший смутное представление о дисциплине, Тостиг, по мнению нормандца, годился лишь на то, чтобы осуществить диверсионный маневр, не представляя собой серьезного конкурента и соперника.

Натолкнувшись в устье Хамбера на войско под предводительством Эдвина и Моркара, он ретировался в Шотландию, где нашел дружеский прием у короля Малькольма, с которым в свое время побратался, совершив древний варварский обряд смешения кровей. Набрав в его стране добровольцев, он дожидался прибытия, видимо заранее согласованного, Харальда Хардрады.

Находясь в Уэссексе, откуда он опасался удалиться, Гарольд контролировал ситуацию посредством своих информаторов. Он не мог не знать, что Харальд Хардрада питает надежды на восстановление империи Кнута, однако эта угроза не слишком беспокоила его, судя по тому, что он не принял никаких специальных мер по обеспечению безопасности восточного побережья, предоставив Эдвину и Моркару осуществлять береговую охрану силами местного ополчения. Главная опасность надвигалась с юга.

Тем временем по дорогам, которые вели в Нормандию, двигались пестрыми толпами рыцари и всевозможные бродяги, отправившиеся на поиски счастья и приключений. По странам Западной Европы

прошел слух, что под предводительством герцога Нормандского можно будет добыть своим мечом целое состояние. Обещания подобной удачи, связанные с именем столь славного правителя, моментально воспламеняли воображение людей, легких на подъем. Больше всего таких добровольцев, бедных рыцарей, младших сыновей многодетных семейств, было из Фландрии; большинство из них сумеет обосноваться в Англии, вместе с вновь прибывшими земляками создав целые фламандские колонии. Как по отдельности, так и целыми отрядами во главе со своими командирами двигались искатели счастья из Бретани, Мэна, Пикардии, Иль-де-Франса, Пуату и даже Наварры и Арагона. Не остались в стороне и нормандцы, когда-то отправившиеся на подвиги в Италию: многие из них теперь двинулись в обратном направлении. Формировавшаяся таким манером армия Вильгельма, состоявшая из разнородных элементов, различавшихся языком, менталитетом и даже экипировкой, отнюдь не представляла собой случайный сброд: с первых же дней в ней царила жесткая дисциплина. В завоевательном походе приняли участие и очень важные господа: герцог Бретани Эсташ Булоньский, который в доказательство своей верности оставил при нормандском дворе в качестве заложника своего старшего сына, мальчика восьми или девяти лет, виконт де Туар, родственники графов Тулузского и Ангулемского. Однако это ни в коей мере не нарушало принцип единоначалия: Вильгельм крепко держал в своей руке командирский жезл, опираясь на своих проверенных соратников.

В середине июня герцог собрал в замке Бонвиль своих баронов. Оставалось урегулировать внутрисполитические вопросы герцогства. Отправляясь навстречу судьбе, он не собирался полагаться на волю случая. На время экспедиции управление герцогством

поручалось Матильде. Помогать ей должен был опытный человек, старый Роже де Бомон. Верхом благоразумия, проявленного Вильгельмом, явилось то, что он потребовал от собравшихся признать своего старшего сына Роберта официальным наследником герцогского титула. Хотя риск внутренних неурядиц сводился к минимуму (большинство баронов последовали за герцогом за море, оставив Нормандию практически лишенной вооруженных людей), были приняты меры по обеспечению мира, рекомендованные церковными соборами.

Хотя собрание проходило в обстановке осмотрительности и благоразумия, среди баронов были и такие, кого обуревали противоречивые чувства. Пессимист аббат Мармутье требовал от Роберта генерального подтверждения всех пожалований, сделанных Вильгельмом его монастырю за годы своего правления. Зато оптимист аббат Фекана требовал от герцога, которого уже рассматривал как правителя Англии, подтвердить дарение, некогда сделанное его монастырю королем Эдуардом.

Восемнадцатого июня, по завершении ассамблеи, состоялось освящение церкви Святой Троицы в Кане, чего пожелал, видимо, сам Вильгельм, давший обет учредить в случае победы аналогичное аббатство в Англии. В ходе церемонии одна из дочерей герцога, Сесиль, постриглась в монахини новой обители. Она, вероятно, сделала это по собственному побуждению, однако не исключено и то, что благочестивый герцог в столь критический момент своей карьеры решил задобрить Небеса, принеся им в жертву собственную дочь, еще ребенка, точно Ифигению, дабы заручиться милостью Божией в предстоящей войне.

Строительство монастыря Святого Стефана, продолжавшееся уже два года, было еще далеко от завершения, однако в июле герцог назначил его

аббатом Ланфранка, для которого предназначалась эта должность с момента учреждения аббатства. Тем самым он поместил в центре герцогства, поближе к регентше Матильде, своего самого надежного, главного советника по политическим вопросам.

Тем временем шел полным ходом сбор кораблей и войск в портовых городах Кальвадоса. К концу июля все было закончено. На ковре из Байё изображено, как грузят на суда снаряжение. Сначала заносят тяжелое вооружение, шлемы, мечи, кольчуги, причем последние настолько тяжелы, что двое несут одну кольчугу, просунув жердь в ее рукава. Затем, когда завершилась погрузка на суда этого главного боевого снаряжения, люди на ручных тачках подвозят более легкое оружие (копья, дротики), а также вино в бурдюках и больших веретенообразных бочках. Что касается продовольствия, то в этом полагаются на местное население. Под конец грузят лошадей. Воины до последнего момента не расстаются со своими щитами.

Учитывая, что по морю предстояло плыть недолго, а сражения ожидалось рискованные, было собрано максимальное количество людей, лошадей и снаряжения. Однако хронисты начиная с XI века сильно расходятся в своих показаниях относительно размера флота Вильгельма. Большинство современных историков допускают, что он мог насчитывать до тысячи судов. Что касается личного состава, то его численность от десяти до двенадцати тысяч, учитывая практику ведения войны в XI веке, представляется вполне вероятной. Этот расчет предполагает, что значительная часть судов предназначалась для перевозки снаряжения и животных, как показано на ковре из Байё.

По всей вероятности, дату отплытия наметили весьма приблизительно. Все зависело от ветра: чтобы такое количество кораблей могло достаточно быстро и

не потеряв друг друга из виду преодолеть по морю расстояние примерно в двести километров, требовалось, чтобы постоянно дул южный ветер. Вильгельм знал, что наиболее благоприятные для его экспедиции погодные условия обычно бывают в конце июля — начале августа, и к этому времени был приурочен сбор судов и войска. Он обосновался в своем замке Бонвиль в ожидании погоды. Как сообщает хронист Вильгельм Мальмсберийский, он проводил это время, слушая рассказы рыцарей, возвратившихся из Италии, о подвигах Роберта Гвискара и тем подогревал свой воинственный дух.

В то лето стояли погожие теплые дни, как обычно бывало после прохождения кометы. Ни малейшего дуновения ветра. Наступил август, а с ним пришло и время жатвы. Август закончился. На токах уже молотили зерно...

Нетрудно представить себе, какая нервная обстановка царила среди тысяч собравшихся вооруженных людей, обреченных на то, чтобы празднично взирать на бесполезно болтавшиеся паруса своих кораблей. Среди стольких искателей приключений должно было набраться немало своенравных людей, а поводов для стычек и соблазнов предаться грабежу становилось все больше и больше по мере того, как продолжалось это мучительное ожидание. И тем не менее — никаких инцидентов, никакого беспорядка; интендантская служба знала свое дело, бесперебойно снабжая всю эту массу людей продовольствием. Жизнь мирного населения в непосредственной близости от войска Вильгельма шла своим чередом: на полях зрел урожай, и никто на него не покушался, скот беспрепятственно пасся на лугах, клирики, торговцы и крестьяне в полной безопасности передвигались по региону, направляясь, кому куда надо, по своим делам; если встречался им на пути отряд вооруженных людей,

то они, рассказывает Гильом из Пуатье, могли не опасаться этих воинов, верхом на конях распевавших свои песни. Хронисты не скрывали своего восхищения этой поразительной, невиданной по тем временам дисциплиной, приписывая все исключительно воле Вильгельма. Но невозможно было заставить людей молчать. В войске упорно ходили, как сообщает Вильгельм Мальмсберийский, пересуды, отражавшие пораженческие настроения, по крайней мере, части герцогского воинства. Вспоминали неудачное паломничество Роберта Великолепного, делая из этого заключение: каков отец, таков и сын! Перебирали историю герцогского рода, подыскивая в ней далеко не героические примеры. Участились случаи дезертирства. Ситуация усугублялась трудным финансовым положением Вильгельма. Чтобы уплатить задаток наемникам, герцогу пришлось опустошить свои сундуки. Только быстрая победа могла бы спасти его от провала и поддержать боевой дух армии. Несмотря на отсутствие ветра, он попытался совершить пробный выход в море, завершившийся крайне неудачно. Были даже погибшие. Чтобы пресечь слухи, он приказал тайно захоронить тела.

В первую неделю сентября над Ла-Маншем разразилась буря. Вильгельм велел своим священникам молиться, а сам основал близ Бонвиля аббатство Сен-Мартен. Чтобы прекратить поднявшийся в войске ропот, он приказал увеличить раздачу продовольствия, а сам, ни на минуту не покидая лагерь, буквально жил среди своего воинства, стараясь беседами поднять боевой дух рыцарей и пехотинцев, напоминая, какие богатства в ближайшее время достанутся им в Англии.

Буря улеглась, и задул постоянный ветер — но он дул с запада. 10 сентября герцог решил воспользоваться хотя бы и этим ветром, чтобы переместиться на якорную стоянку поближе к

английскому побережью. Он приказал плыть по направлению к устью Соммы. 12-го числа корабли бросили якоря близ Сен-Валери. Там Вильгельм находился у своего вассала, графа де Понтё, примерно в сотне километров от побережья Суссекса.

Ветер переменился. Теперь он дул с севера! Приближалось время осеннего равноденствия, чреватое угрозами для выходящих в море. Зарядили дожди. Несмотря на все присущее ему самообладание, Вильгельм, на протяжении вот уже восьми месяцев не знавший ни сна ни покоя, стал поддаваться чувству тревоги. Он не сводил глаз с флюгера на шпиле церкви Сен-Валери, стараясь уловить малейшее движение металлического петуха. Однажды к нему пришел некий клирик, будто бы обладавший пророческим даром, и нагадал, что он благополучно пересечет море и без боя одержит победу. Вильгельм терпеливо слушал его, думая про себя: «Как знать...» Этого пророчества он никогда не забудет. Продолжая беседами повышать боевой дух своих людей, он неустанно множил благодеяния в отношении аббатства Сен-Валери и устроил вокруг раки с мощами его святого покровителя крестный ход, в котором приняла участие вся армия, смиренно моля Небеса о смене ветра. Сентябрь был уже на исходе.

По другую сторону Ла-Манша это долгое летнее ожидание не менее угнетающе действовало на англосаксонское ополчение. Непривычные к продолжительным периодам военной службы, находясь вдали от своих пашен как раз тогда, когда нужда в работниках была особенно велика, воины-крестьяне теряли присутствие духа. Буря, разразившаяся в начале сентября, разметала близ острова Уайт англосаксонский флот, который уже в течение нескольких месяцев занимался бесполезным патрулированием вдоль побережья. Продовольствие было на исходе. В середине

месяца Гарольд, уверенный, что теперь уже не стоит ждать вторжения раньше следующей весны, распустил по домам своих ополченцев и приказал флоту собраться на зимовку в устье Темзы. К началу октября эта перегруппировка была завершена. Южный фланг королевства теперь был практически полностью лишен защитников. Гарольд оставил при себе лишь элитное подразделение, своих *хускарлов*.

А тем временем, в начале сентября, норвежский король Харальд Хардрада из Бергена вышел в море и направился к Шетландским островам, где соединился с судами из Исландии. Отсюда он благодаря северному ветру, который не давал герцогу Нормандскому выйти из Сен-Валери, быстро прошел со своими тремя сотнями парусников вдоль берегов Шотландии и достиг побережья Англии в крайней северной части королевства, в устье реки Тайн, где его уже дожидался Тостиг. Побратимы объединенными силами опустошили Кливленд, не встретив ни малейшего сопротивления, и продолжили движение к югу вдоль побережья, подвергая его разорению.

Несколько англосаксонских судов, стоявших в том прибрежном районе на якоре, отошли к реке Уз. Тостиг с союзником достиг реки Хамбер, где высадился на сушу и двинулся к Йорку.

Герцог Нормандский, даже если и не был инициатором открытия этого второго фронта, ждал его. Этим может объясняться его относительное хладнокровие в течение месяцев томительного ожидания. Зато новость о вторжении норвежцев застала врасплох Гарольда. Он тут же потребовал, чтобы Эдвин и Моркар собрали в Нортумбрии ополчение. Но прежде чем эта неповоротливая машина сдвинулась с места, Тостиг и Харальд Хардрада уже были в пятнадцати километрах от Йорка. 20 сентября близ Фулфорда местное ополчение потерпело

сокрушительное поражение, и Харальд Хардрада вступил в Йорк, взял заложников и потребовал от жителей города финансовую помощь, необходимую ему для завоевания Английского королевства.

Попытка сопротивления, предпринятая эрлами севера, по крайней мере, дала Гарольду время, чтобы с присущими ему решимостью, энергией и тактическим умением принять необходимые меры. Выступив из Лондона, он со своими хускарлами стремительным маршем преодолел расстояние в триста — триста пятьдесят километров, отделявшее его от Йорка, собирая по пути отряды уэссекского ополчения. Спустя четыре дня после сражения при Фулфорде он уже приблизился к норвежцам на расстояние полета стрелы! Харальд Хардрада встревожился: часть его войска осталась на судах в устье Хамбера, а другая разбрелась по Йоркширу — у него явно не хватало людей. Тогда он покинул город, но не успел далеко уйти. У Стэмфорд-Бриджа Гарольд нагнал его и тут же вступил в сражение, несмотря на то, что его войско было измотано долгим переходом. Хардрада срочно вызвал на подмогу экипажи судов с Хамбера и при помощи Тостига перегруппировал имевшееся в его распоряжении воинство. На какое-то мгновение Гарольд заколебался и послал парламентаря с предложением своему брату Тостигу заключить любовное соглашение, но вместо ответа получил предложение того, что вскоре достанется королю Норвегии (он, как мы помним, был очень высокого роста): «Семь футов земли тебе на могилу». Несколько раз английская конница переходила в атаку. Ее силы были уже на исходе, когда стрела поразила Хардраду в затылок. Рана оказалась смертельной. Тостиг взял на себя командование. Наконец, прибыло подкрепление с Хамбера, но слишком поздно. Тостига тоже настигла смерть. К вечеру норвежское войско было уничтожено.

Гарольд довольствовался тем, что принял от взятых в плен сына Хардрады и нескольких норвежских епископов клятву соблюдать мир и великодушно позволил им отправиться восвояси. Так в понедельник 25 сентября 1066 года вековое противоборство англичан и скандинавов закончилось полной победой Англии.

* * *

В ночь со среды 27-го на четверг 28 сентября дождь над восточной половиной Ла-Манша прекратился и подул южный ветер. На рассвете герцог Нормандский отдал приказ садиться на суда. Он сознательно шел на серьезный риск, зная, сколь грозную силу представляют собой приливы и отливы в период равноденствия, но не мог упустить уникальный шанс. Ему, несомненно, было известно, что флот противника покинул побережье Суссекса.

Гильом из Пуатье живописно передал то возбуждение, которое охватило войско герцога после получения приказа об отплытии. Напряжение покинуло натянутые нервы командиров и рядовых, началась лихорадочная суета, поднялся невообразимый шум. Казалось, Вильгельм одновременно появлялся во многих местах; он рвал и метал, выкрикивал приказания, подгонял нерасторопных. Он опасался, как бы ветер не ослаб или не переменял свое направление. Спустя двенадцать часов все было готово к отплытию. Хотя благоразумие подсказывало совершать переход под покровом ночи, тем не менее причаливать к незнакомому берегу, к тому же, скорее всего, таящему засады и тому подобные неприятные сюрпризы, лучше на рассвете. Поэтому Вильгельм договорился со своими моряками, чтобы первые суда, которые подойдут к

английскому берегу на расстояние видимости, не двигались дальше, бросив якоря, и чтобы остальной флот собирался около них в ожидании наступления дня.

Когда на землю опустилась ночь, трубач, стоявший на носу «Моры», корабля герцога, протрубил сигнал к отплытию. У каждого корабля на мачте имелся сигнальный фонарь, а тот, которым была оснащена «Мора», более мощный и к тому же помещенный над позолоченным флюгером, обозначал для других судов место сбора. Медленно вереница судов вышла в море, стараясь держаться в кильватере флагманского корабля. Однако в непроглядной ночной мгле не удалось сохранить намеченный порядок движения. Более тяжелая «Мора» потеряла контакт с основной массой судов, и при первых проблесках утренней зари сигнальщик, не увидев ничего, кроме неба и воды, поднял тревогу. Герцог потерял свою армию!

Одиноким, находившийся в нескольких милях от вражеского берега, великолепный корабль с большим красно-золотым парусом был во власти случая, который в любой момент мог отдать его в руки английских пиратов. Волнение точно парализовало экипаж. Гильом из Пуатье свидетельствует, что старые товарищи герцога Вильгельма, находившиеся вместе с ним на судне, охваченные страхом, были близки к панике. Вот она — катастрофа, которую ждали с самого начала этой затеи! Только герцог не проявлял ни малейших признаков волнения. Он приказал убрать паруса и бросить якорь, после чего велел подать на палубу завтрак и плотно поел, обильно сдобрив пищу хорошим вином. За столом он смеялся, шутил, стараясь беседой воодушевить своих компаньонов, к которым постепенно возвращалось хладнокровие. Тем временем впередсмотрящий «Моры» заметил, как на горизонте появляются четыре мачты, потом еще четыре, потом еще столько же, так что казалось «будто возник густой

лес из деревьев, украшенных парусами»... Начиналось 29 сентября, День святого Михаила, считавшегося святым покровителем Нормандии.

Собравшийся флот (отсутствовали только два судна) подошел к берегу близ мыса Бичи-Хед. Воспользовавшись, как, видимо, и было заранее задумано, приливом, суда вошли в лагуну, ныне занесенную наносным грунтом, близ Гастингса. Здесь и бросили якоря. При отливе суда оказались на мели. Так они были в безопасности от нападения со стороны моря, но вместе с тем и лишены возможности для быстрого отступления, о чем, как понимал Вильгельм, догадывались его люди.

Было девять часов утра. В пределах видимости — ни одного английского судна. На многочисленных островках, коими была усеяна лагуна, также ни одной живой души. Пока матросы убрали паруса, сотни, тысячи воинов с оружием в руках прыгали в воду и гомонящей толпой устремлялись к берегу, где сразу же занимали оборону, дабы обеспечить безопасную выгрузку лошадей, которых уже оседланными выводили по сходням длинными вереницами конюхи. Рыцари облачались в свои доспехи. Бригады плотников, вооружившись необходимыми инструментами, готовы были приступить к строительству фортификационных сооружений.

Три часа пополудни. Противника по-прежнему не видать. Герцог последним покидает судно. Воины приветственными криками встречают его в тот момент, когда его высокая фигура появляется у борта «Моры». Но его нога, рассказывает Вас, поскользнулась, и он, оступившись, падает, во весь рост растянувшись на песке. Дурное предзнаменование! Опять громкие возгласы подданных, на этот раз охваченных ужасом. Но Вильгельм, как ни в чем не бывало, поднимается со словами: «Богом клянусь, эта земля, которую я схватил

своими руками, больше не ускользнет от нас!» В обстановке всеобщего воодушевления некий рыцарь мчится к стоявшей поблизости хижине рыбака, выхватывает с ее крыши пучок соломы и протягивает его герцогу: «Сир, я ввожу вас во владение Английским королевством!» Эта пародия на инвеституру сопровождается раскатами гомерического хохота. Герцог шарит взглядом по лицам своих людей, выискивая прорицателя, нагадавшего ему благополучную переправу через море, но не находит его. Тогда он спрашивает о нем и слышит в ответ, что на пути к английским берегам несчастный упал в море. Вильгельм, пожав плечами, говорит: «Не велика потеря, раз он не мог предсказать собственную смерть!»

Время поджимало. Вильгельм, еще не знавший о последних событиях в Англии, ждал нападения. Он тут же отдал распоряжение построить возле кораблей оборонительные сооружения. Одновременно позаботились об организации продовольственного снабжения. Пока разворачивали полевые кухни, отряды заготовителей рыскали по окрестным деревням и полям, гонясь за овцами, быками и свиньями. Обед был обеспечен. Первый тур борьбы нормандцы выиграли, даже не вытаскивая мечей из ножен. Тем временем весть о пришельцах распространялась по стране. Что делать? Некий житель Гастингса, услышав крики крестьян окрестной деревни, первыми столкнувшихся с завоевателями, понял в чем дело и решил уведомить Гарольда, тут же отправившись в путь. Но Гарольд в это время был в Йорке.

Вильгельм собрал свой совет. Он решил захватить город Гастингс и укрепиться в нем. Корабли должны были следовать за войском вдоль побережья, не удаляясь от него на большое расстояние. Вильгельм предпочитал вступать в сражение, которое, как он полагал, предстояло в ближайшее время, вблизи своих

кораблей. Отсутствие реакции со стороны противника ему представлялось уловкой. Он полагался на бесстрашие своего воинства и собственный разум. В глубине души он опасался худшего, но вместе с тем был уверен, что победа в решающем сражении сделает его хозяином страны. Он мог бы незамедлительно устремиться по направлению к Винчестеру, но отсутствие информации удерживало его от столь рискованного шага. Кроме того, он уже успел установить, что Гастингс, к которому вела хорошая дорога, представлял собой плацдарм, великолепно отвечавший его потребностям. Расположенные полукругом холмы защищали город, а за ними на несколько миль простиралась равнина, на которой можно было развернуть конницу.

На следующее утро нормандцы двинулись маршем вглубь острова. Заняв Гастингс, они тут же приступили к строительству деревянных крепостей на холмах, окружив их мощным палисадом. Лишь после этого они расположились на постой.

Так прошло около двух недель. Армия отдыхала и набиралась сил, сделавшись тяжким бременем для местного населения, которое обирала и запугивала, тем самым внушая ему разумную осмотрительность. Непрерывными проверками герцог держал своих людей в постоянном напряжении, продолжая также разведку местности. Однажды он отправился с отрядом в 25 конников совершать объезд равнины за холмами. Он обнаружил там болотистую местность и такие плохие дороги, что лошади тонули в грязи, так что пришлось возвращаться пешком. Стояла изнурительная, необычная для этого времени года жара, делавшая нестерпимым ношение доспехов, поэтому, сняв их, нормандцы продолжали путь в одних рубашках. Однако нести снаряжение на плечах было еще нестерпимее. Гильом Фиц-Осберн, отважный из отважных, совсем

выбился из сил. Тогда герцог, смеясь и в шутку наградив его тумачами, взял его доспехи и вместе со своими нес их до самого Гастингса.

Тем временем постепенно накапливались разведывательные данные и ожидание стало обретать смысл. Время от времени в Гастингсе появлялись личности, добивавшиеся аудиенции у герцога, называя себя нормандцами, обосновавшимися в Англии и враждебно настроенными по отношению к Гарольду. Некий нормандец по имени Роберт, с давних пор живший в Суссексе, обратился к Вильгельму со странным сообщением, в котором досада смешалась с почтительностью: рассказав, как Гарольд разгромил норвежцев, убив их непобедимого короля, и теперь быстро двигается к югу во главе многочисленного войска, он стал отговаривать герцога от сражения с ним, поскольку сопротивление ему бессмысленно.

Весть о высадке нормандцев пришла в Йорк 1 или 2 октября. Гарольд, не теряя ни минуты, поручил Эдвину и Моркару собирать ополчение Нортумбрии и затем вести его к Темзе, а сам со своими хускарлами тут же двинулся к Лондону, по пути мобилизуя шерифов Тадкастера, Линкольна и Хантингдона. 5 или 6 октября он уже был в Лондоне. Ни Эдвин, ни Моркар не присоединились там к нему: их области, жестоко разоренные норвежцами, не могли предоставить свежие отряды. И вообще эти два эрла предпочли держаться в стороне от конфликта. Они понимали, что Гарольд, призывая их на службу, более руководствовался политическими соображениями, нежели военными. Он не доверял им, а они не доверяли этому сыну Годвина.

Весь клан Гарольда пребывал в волнении, чувствуя, какая страшная опасность угрожает их благополучию. Вдова Годвина, Гита, горько упрекала Гарольда в гибели Тостига и обвиняла его в том, что он навлек беду

на свой дом. Братья Гарольда, особенно Гирт, к упрекам матери добавили собственные: следовало бы, по крайней мере, предоставить командование армией им, которые не присягали на верность нормандцу! Гарольд, как всегда непреклонный, страшно прогневавшись, пинками прогнал этих презренных трусов. Ему посоветовали подвергнуть страну тотальному опустошению, чтобы в преддверии зимы обречь нормандцев на голод. Гарольд отказался, поскольку первой жертвой такой военной тактики станет невинный народ, королем которого он является.

В Лондоне он пробыл только до 11 октября, собирая подкрепление. В результате под его командованием оказалась армия, численно не уступавшая войску Вильгельма, но, согласно англосаксонскому обычаю, почти не имевшая конницы, недисциплинированная и очень разнородная, включавшая в свой состав профессиональных воинов, плохо вооруженных крестьян и даже монахов и клириков. Находившийся в устье Темзы флот Гарольд отправил патрулировать Ла-Манш, дабы отрезать нормандцам путь к отступлению.

В то время как с той и другой стороны полным ходом шли приготовления к сражению, Гарольд и Вильгельм обменялись посланцами, предприняв последнюю попытку договориться. Неизвестно, кто из них был инициатором переговоров. Оба они доверили столь ответственную миссию монахам, что свидетельствует об их желании до последнего момента оперировать аргументами права, а не угрозами. Монах из Фекана Юон Марго изложил в Лондоне точку зрения, уже ставшую в Нормандии официальной, делая упор на ту поддержку, которую оказала герцогу Римская церковь, и предлагая вынести вопрос на рассмотрение третейского суда. Если же Гарольд не принимает это предложение, то, по нормандскому обычаю, следовало бы прибегнуть к судебному поединку. В те же дни

английский монах, говоривший на наречии нормандцев, появился в лагере близ Гастингса. Вильгельм принял его инкогнито, выдавая его за собственного сенешаля. Гарольд поручил ему произнести от своего имени оправдательную речь, особо акцентируя завещательный характер последних слов Эдуарда Исповедника, но вместе с тем учитывая, что за последние годы король не раз менял свое решение, и предлагая нормандцу равноценную финансовую компенсацию.

С той и другой стороны были получены ответы, означавшие отказ дать делу законный ход. Разгневанный Гарольд прогнал Юона Марго и двинулся в южном направлении. Донесение о том, какие опустошения произвели нормандцы в окрестностях Гастингса, до того разозлили его, что он решил начинать кампанию, не дожидаясь последних отрядов, шедших ему на подмогу. Напрасно Гирт советовал ему дожидаться, пока нормандцы сами не двинутся к Темзе и тем самым растянут линии своих коммуникаций. Видимо, Гарольд, стремительным маршем двигаясь навстречу противнику, рассчитывал на эффект неожиданности. Вечером пятницы 13 октября он разместил свое войско на холме, возвышавшемся над равниной километрах в двенадцати от Гастингса.

Из обоих лагерей были высланы разведчики, точно тени скользившие в ночной тишине. И герцог, и король напряженно ждали первого шага противника. У англичан возникла шумная ссора между Гиртом и Гарольдом, который никак не мог решить, какой тактике следовать перед лицом превосходящих, как он полагал, сил нормандцев. Гирт вышел из себя, обвиняя брата в трусости, и они принялись драться, точно конюхи. Что же до их противника Вильгельма, то он, полагая, что враг собирается атаковать город Гастингс, решил ранним утром занять равнину, чтобы сразаться в

открытом поле. У него все было готово к выступлению. Охрана схватила двух английских шпионов. Вильгельм велел привести их к себе и, встретив лазутчиков словно добрых друзей, стал показывать им лагерь, после чего отправил их восвояси, дабы они рассказали своему господину, какой порядок и дисциплина царят у нормандцев. Одновременно он в последний раз направил к Гарольду гонца, на сей раз с предложением поделить королевство, требуя для себя территорию к югу от реки Хамбер. Ответа на это предложение он так и не получил.

На исходе ночи он велел провести мессу и причастился. Находившиеся в его окружении монахи читали молитвы, в то время как сам герцог повесил себе на шею медальон в виде ларчика, содержавшего в себе некоторые из святых реликвий, заступничества которых лишился Гарольд, совершив клятвопреступление.

Настал час облачаться в доспехи, что было непростым делом. Неловким движением Вильгельм уронил кольчугу, упавшую слева от него, — снова дурное предзнаменование! И на сей раз нормандец лишь рассмеялся. «Знак перемен! — воскликнул он. — Был герцогом, а стану королем!» Затем он обратился с речью к своему воинству. Вильгельм из Пуатье и Генрих Хантингдон донесли до нас его слова в риторически приукрашенном виде. Он говорил, что путь к отступлению отрезан, что превосходящие силы противника ждут атаки нормандцев, которые непременно победят, поскольку они отважнее и должны подкреплять свою славу новыми победами. Он уверял внимавших ему, что скоро эта страна со всеми ее богатствами достанется им, призывая их по сигналу трубы двинуться на врага. В то же самое время у англичан, как пишет Вас, Гирт держал перед собравшимся войском пламенную речь, прибегая к

выражениям, которые, надо полагать, мало отличались от тех, что использовал Вильгельм.

Герцог Нормандский решил атаковать Гарольда на его позициях, бросив в бой все свои силы. Он поставил на карту все.

Занимался день 14 октября, суббота. Только-только начинало светать. Было около пяти часов утра, и требовалось еще не менее двух-трех часов, чтобы такая масса людей достигла подножия холма Тельгам, на котором расположился лагерь англичан. Герцог Вильгельм, сидя верхом на арабском скакуне, в левой руке держал щит, а в правой — командирский жезл, никакого оружия при себе. Правда, за ним следовал оруженосец, готовый в любой момент подать ему его грозный меч, как только в какой-нибудь части войска ослабеет боевой дух. Тогда, как уже не раз случалось в былые дни, этот тридцативосьмилетний атлет покажет свою легендарную силу. Одо, епископ Байё, верхом на коне был рядом со своим братом-герцогом. Он надел доспехи поверх белого стихаря и вооружился палицей (ибо его духовное звание не позволяло ему проливать кровь). Отважный, хотя и оставшийся безвестным, рыцарь высоко держал папский штандарт, знак благословения войска и залог победы его командира. Герцог намеревался доверить несение штандарта одному из блистательных сеньоров, Раулю Коншскому или Готье Жиффару, но тот и другой с благодарностью отклонили столь высокую честь, предпочтя ей опасности битвы.

Во главе нормандского войска верхом на коне ехал именитый скальд Тайефер, который, жонглируя своим обнаженным мечом, пением поднимал боевой дух воинов. Как свидетельствуют Вильгельм Мальмсберийский и Вас, он исполнял «Песнь о Роланде». Многие современные критики без достаточных на то оснований подвергают сомнению это

свидетельство; вполне вероятно, что утром дня битвы при Гастингсе звучала наиболее архаичная версия «Песни о Роланде».

За деревьями, покрывавшими вершину холма Тельгам, было не видно англосаксонского войска, и Вильгельм послал разведчика, дабы убедиться, что противник на месте. К восьми часам нормандское войско развернулось в боевые порядки. Левый фланг составили отряды из Бретани, Анжу, Пуату и Мэна, в центре — собственно нормандцы, а на правом фланге заняли позиции воины из Иль-де-Франса, Пикардии и Фландрии. В глубине были выстроены три линии: впереди стояли лучники, за ними — тяжеловооруженная пехота, а позади всех их ждала своего часа конница.

Находясь в укрытии за деревьями, Гарольд получал донесения от своих разведчиков. Его действия в этот момент, когда решалась судьба королевства (чего и сам он не мог не понимать), были поразительным образом непоследовательны. Он занял оборонительную позицию, которая делала практически невозможным наступление. Неужели он вдруг заколебался? С ним была половина или даже треть его армии, остальные же отряды еще только ожидались — если вообще его распоряжение о сборе подкрепления было выполнено. Два глубоких оврага на западной и восточной частях холма не оставляли простора для действий его хускарлам. Зато с южной стороны покатый склон давал нормандцам возможность перейти в наступление. На вершине холма Гарольд мог развернуть фронт протяженностью всего метров в пятьсот. Этого, по крайней мере, было достаточно для того, чтобы грозные хускарлы, встав плечом к плечу, образовали стену, ошетилившуюся сталью их боевых топоров. Однако этой живой крепости, в центре которой развеивался златотканый штандарт, очень недоставало лучников,

поскольку англосаксонское войско традиционно вооружалось лишь пращами и баллистами. Что же касается ополчения, спешно собранного на окрестных территориях, то его вооружение большей частью состояло из коротких копий и некоего подобия булавы: камень с острыми краями, закрепленный на конце палки.

Битва развернулась сразу несколькими разрозненными операциями. Собственно, было бы правильнее говорить о двух битвах, почти совпавших друг с другом по времени. Нормандские лучники около девяти часов начали сражение. Им ответил град камней, столь плотный, что первый вал наступления отхлынул. Тогда, испустив свой боевой клич, перешла в атаку конница с левого фланга, однако английская стена из боевых топоров была несокрушима. Бретонцы дрогнули и начали беспорядочно отступать, смешав и ряды нормандцев. Вдруг раздался крик: «Герцог мертв!» Это - катастрофа. Тогда Вильгельм, цел и невредим, встает на пути беглецов и, несмотря на град камней, снимает шлем, чтобы его могли узнать. Восстановив боевой порядок, он начинает новое наступление, окружает и уничтожает часть англосаксов, спустившихся с холма, чтобы преследовать бегущего противника. Этот случайный эпизод подсказывает ему тактику дальнейших действий. Раз за разом он переходит в наступление, сменяющееся притворным отступлением, увлекая за собой в ловушку хускарлов. Так ему удается разъединить их массу, столь плотную на вершине холма, что убитым почти некуда упасть. Часть англосаксов теперь сражается на равнине. Правое крыло нормандского войска под командованием

Роберта де Бомона пытается совершить обходной маневр. Сам герцог Вильгельм постоянно в гуще сражающихся. Три раза убивают под ним лошадь. Оказавшись спешенным, он умудряется ударами щита уложить нескольких противников. Вокруг него сражаются обагренные пролитой кровью храбрецы, бесконечный перечень которых оставил для потомков Вас. Но и с противоположной стороны нет недостатка в отваге. Склон холма усеян сотнями трупов и раненых. Солнце уже клонится к закату. В сражении пали два брата Гарольда, Гирт и Леофвин. Но, несмотря на понесенные значительные потери, англосаксы держатся и ничто не предвещает ослабления их сопротивления. Перейдя в очередной раз в атаку, французская конница угодила в овраг, скрытый высокой травой, и выбитые из седла рыцари стали легкой добычей англичан. Исход битвы оставался по-прежнему неясен. Не в меру горячий Эсташ Булонский вдруг круто поворачивает и в сопровождении полусотни рыцарей направляется к Вильгельму. Подъехав на расстояние слышимости, он кричит, что все потеряно, что они идут на верную смерть. Вдруг английское копье ударяет ему в спину, обрывая его на полуслове. Однако он не убит, а всего только лишился чувств. Его уносят, и сражение возобновляется.

Надо было любой ценой пробиться внутрь расположения англосаксов. Вильгельм приказывает своим лучникам возобновить атаку противника, но на этот раз вести навесной обстрел, чтобы стрелы падали сверху, минуя заградительную цепь хускарлов. Именно тогда шальная стрела угодила Гарольду в глаз, наповал сразив его^[29]. Было около пяти часов вечера.

Хускарлы некоторое время еще продолжали сопротивление, в организованном порядке отходя к

лесу. Некоторое время их еще преследовали, но потом они исчезли в сгустившихся сумерках.

В двух-трех километрах от места описанного сражения проходила вторая битва, менее организованная, но не менее упорная. На протяжении нескольких часов мерились силами местные ополченцы, с опозданием прибывшие к месту сбора, и люди Одо, епископа Байё. Демонстрируя невероятную отвагу, англосаксонское ополчение, сильно уступавшее противнику в организации, вооружении и, вероятно, по численности, успешно отбило несколько атак. К концу дня они даже приблизились к основному англосаксонскому войску, готовые оказать ему поддержку. Но партия уже была сыграна. Разрозненными группами деморализованные ополченцы пустились наутек, подгоняя ударами плетей, как можно видеть на последнем эпизоде ковра из Байё, своих лошадей-тяжеловозов. На поле битвы опустилась ночь.

Спустя несколько часов победители при свете факелов собрались вместе. Герцог приказал поставить для себя шатер прямо на поле этой недешево доставшейся и пока что сомнительной победы. Чтобы расстелить на земле свой плащ и забыться на нем коротким сном, оставшиеся в живых расчищали пространство от трупов, обезображенных ужасными ранами и в большинстве случаев совершенно голых: мародеры уже поработали, снимая с хладных тел драгоценные доспехи, для чего, дабы избавить себя от лишних хлопот, отрубали павшим головы. Вильгельм при всей своей огрубелости не мог, как рассказывает Гильом из Пуатье, при виде этого сдержать волнения.

Свершился Божий суд — глубокое убеждение в этом отныне воодушевляло Вильгельма и его окружение. Вскоре это мнение стали разделять не только в Нормандии, но и по всей Европе, даже в самой Англии. По мнению монахов, авторов «Англосаксонской

хроники», грехи народа навлекли на страну гастингскую катастрофу. Для Вильгельма же первой заботой было выполнение данного обета: он распорядился о строительстве аббатства, церковь которого должна была подняться на том самом месте, с которого Гарольд руководил битвой. Вскоре начались строительные работы. Бэттл-Эбби (аббатство Битвы) хронологически будет вторым после Вестминстера церковным сооружением в романском стиле, построенным на английской земле.

Обитатели окрестных деревень бежали от завоевателей. Жители небольшого городка Ромни, расположенного километрах в пятидесяти восточнее, горько пожалели о том, что перебили экипаж нормандского судна, сбившегося с курса и приставшего к их берегу. Что касается хускарлов, то нормандцы в один прекрасный день с удивлением узнают, что многие из них служат наемниками в византийской армии.

В субботу 15 октября с самого утра нормандцы начали хоронить своих павших. Трупам англичан пришлось подождать. В последующие дни, когда нормандское воинство отдыхало от ратных дел, герцог позволил англосаксам прийти и забрать тела своих соотечественников. Нашли павших Гирта и Леофвина, а также еще один до того обезображенный ранами труп, что поначалу не могли опознать его. Это был Гарольд, которого сумела отличить по неким меткам на теле его сожительница Эдит Лебединая Шея. Вильгельм приказал похоронить его на морском берегу близ Гастингса, не отказав себе в удовольствии мрачно пошутить — пусть, мол, он продолжает нести службу по охране побережья! Проявленная герцогом Нормандским жестокость с некоторым налетом театральности многими воспринималась как месть за Альфреда, несчастного брата Эдуарда Исповедника. Престарелая Гита, которой судьбой было уготовано стать

свидетельницей истребления всего своего рода, направила к Вильгельму посланника, умоляя его выдать тело сына, за которого она предлагала столько золота, сколько весит тело покойного. Герцог решительно отказал, заявив, что не торгует мертвецами и что этот отлученный от церкви человек не имеет права на христианское погребение. И кроме того, как собирались англичане поступить с этими останками? Похоже, Вильгельм опасался, как бы память о Гарольде не породила посмертную легенду. Однако ему так и не удалось истребить в массе англосаксов воспоминания о своем несчастном правителе, и позднее, в XII веке, зародилось поверье, что умиравшего от ран Гарольда подобрали и тайком выходили, после чего он вел жизнь отшельника в Святой земле. Монахи Уолтхэма в Эссексе уверяли, что он покоится в их земле. Что же до Алисы, дочери Вильгельма, несчастной невесты, так и не ставшей женой, то она до конца своих дней не утешилась, потеряв прекрасного англичанина, которого несмотря ни на что не переставала любить.

Победа при Гастингсе тут же сделала Вильгельма, согласно общепризнанному обычаю, обладателем всех земель, принадлежавших павшим противникам, в частности огромных вотчин клана Годвина, которыми он мог практически беспрепятственно распоряжаться после гибели Гарольда и троих его братьев. Правда, у Гарольда осталось трое незаконнорожденных сыновей, однако те, кто был приставлен заботиться о них, увезли их в целях безопасности в Ирландию. Зато в военном плане разгром англосаксонского войска при Гастингсе ни в коей мере не означал завоевания королевства. В этом отношении Вильгельм явно просчитался, ожидая, что местная знать тут же пойдет присягать на верность ему в качестве вассалов. Не появился ни один из них. Эдвин и Моркар, не посчитавшие нужным привести свои довольно значительные силы на помощь Гарольду, и

теперь не думали, что его поражение хоть как-то касается их или может иметь для них какие-то последствия.

Получив подкрепление из Нормандии, Вильгельм 20 октября покинул Гастингс, оставив для охраны его надежный гарнизон. Опасаясь засад, он не пошел более короткой лесной дорогой, предпочитая двигаться побережьем, вдоль которого параллельно с войском шли его суда. Вечером того же дня он уже был в Ромни. В наказание за убийство множества своих людей он обрек город на сожжение, и приговор тут же был приведен в исполнение. Отныне любое сопротивление со стороны англосаксов рассматривалось как мятеж против новой власти. Официально проблема наследования престола рассматривалась как решенная.

Войско Вильгельма продолжало двигаться в направлении Дувра. Город, удачно расположенный на обрывистом скалистом берегу, к тому же был надежно защищен оборонительными сооружениями, построенными по распоряжению Гарольда, и находился под охраной многочисленного гарнизона. Несомненно, попытка взять его штурмом была бы сопряжена с большим риском. Однако защитники города, уstraшенные участью Ромни, сами вышли навстречу Вильгельму, преподнеся ему ключи от цитадели. Герцог принял капитуляцию и собирался оставить город невредимым, однако при виде столь мирного исхода дела взбунтовалась нормандская пехота: герцог превышает свои полномочия, лишая победителей их законной добычи! Солдатня толпой ринулась к ближайшим домам и подожгла их, после чего пожар стал стремительно распространяться по городу. Вильгельм и его рыцари были вынуждены бессильно взирать на этот бунт. Герцог предпочел не наказывать виновных, зато согласился компенсировать жителям Дувра причиненный им ущерб. Подобный образ

действий показывал, что он чувствовал себя не захватчиком в завоеванной стране, а законным правителем. Войску было предоставлено несколько дней отдыха в городе, и чтобы разместить на постой такую массу людей, многим горожанам пришлось покинуть свои дома. Все бы ничего, если бы не эпидемия дизентерии...

Тем временем паника распространилась по многим деревням Суссекса и Кента: крестьяне опасались реквизиций, ложившихся непосильным бременем на их плечи. Начался самый настоящий исход из этих приморских регионов. Дороги, ведущие в направлении Темзы, были запружены беженцами.

Эдвин и Моркар, получив известие о гибели Гарольда, наконец-то решились двинуться к югу и беспрепятственно вошли в Лондон. Свою сестру Эдит, вдову Гарольда, тогда носившую под сердцем первого ребенка, они оставили под надежной охраной в Честере: как знать, не суждено ли дитяти, который должен появиться на свет, стать наследником английского престола? В Лондоне они встретили многих представителей знати, двух архиепископов, а также командиров хускарлов. В конце октября эта ассамблея, к которой присоединилась буржуазия города, избрала королем юного Эдгара Этелинга, которого архиепископ Стиганд короновал и помазал на царство.

Новоизбранный король, а вернее говоря, Стиганд от его имени намеревался продолжить борьбу, однако Эдвин и Моркар, под командованием которых находилась большая часть вооруженных сил страны, сразу же после коронационных торжеств отправились к себе на север. Они были уверены, что нормандец никогда не рискнет пойти дальше Северна, реки, за которой начинались владения Эдвина. Они полагали, что все закончится если не юридически закрепленным, то фактическим разделом страны. Их уход почти

полностью лишил сторонников Эдгара возможности действовать. И тем не менее в центре страны наметилось своего рода движение за национальное объединение под знаменами нового короля. К Лондону потянулись отряды ополченцев, заблокировавшие все подходы к городу. Братия монастыря Питерборо, аббат которого был смертельно ранен в битве при Гастингсе, избрала своим новым настоятелем некоего Бранда, горячего приверженца Эдгара, незамедлительно утвердившего это избрание.

А в Дувре продолжала свирепствовать дизентерия. По прошествии недели, употребленной на укрепление обороны города, Вильгельм решил продолжить движение по намеченному маршруту, оставив больных в крепости, превратившейся в лазарет.

Теперь, благодаря обладанию этим портовым городом, у него было надежное сообщение с Нормандией. Он двигался по старой римской дороге, которая через Кентербери вела в Лондон. По пути он занял также портовые города Сэндвич и Ричборо. Личный состав его войска, сократившийся из-за болезни, таял от перехода к переходу, поскольку в каждом значительном населенном пункте, встречавшемся на пути, Вильгельм оставлял гарнизон. Кентербери сдался без боя, как прежде Дувр. Многие нотабли, заявляя о капитуляции, приносили на нормандский манер вассальную присягу верности.

Именно тогда, в лагере, разбитом близ Кентербери, болезнь настигла и Вильгельма. Целый месяц провалялся он в полном бездействии. Королева Эдит, вдова Эдуарда Исповедника, сообщила ему, что сдается на милость победителя вместе с городом Винчестером, доставшимся ей в качестве вдовьей доли.

Вильгельм, выражаясь по мере возможности куртуазно, потребовал от нее присяги на верность и контрибуции. Эдит, посоветовавшись с нотаблями города,

согласилась на предложенное требование и приложила свои подарки к их подношениям. Для Вильгельма это явилось большой удачей и вместе с тем добрым предзнаменованием. Действительно, для него было бы непросто, учитывая теперешнее состояние его армии, с бою брать этот старинный королевский город, столицу Уэссекса.

В начале декабря Вильгельм наконец-то смог продолжить путь. Теперь его отделяло от Лондона чуть больше 20 километров. Рочестер сдался ему без боя. Вот и Темза, на северном берегу которой раскинулся город. По узенькому мосту можно было попасть в его пригород Саутуорк. Вильгельм был не столь безумен, чтобы пытаться с этой позиции атаковать город, поражавший своими огромными размерами (он насчитывал около десяти тысяч жителей) и до отказа набитый хорошо вооруженными защитниками. Они, заметив приближение нормандцев, совершили вылазку в надежде пресечь дальнейшее продвижение врага. Вильгельм, не желавший вступать в генеральное сражение в этой невыгодной для себя диспозиции, выслал отряд в 500 нормандских рыцарей, элиту своей армии, которые обратили лондонских ополченцев в бегство, причинив немалый урон их арьергарду. Чтобы произвести на защитников города еще более сильное впечатление, Вильгельм приказал поджечь Саутуорк.

Затем он продолжил движение по южному берегу реки вверх по ее течению. Он предпринял гигантский обходной маневр, чтобы форсировать Темзу выше по течению, подальше от Лондона, чтобы затем взять город в клещи, зажав его с севера и юга одновременно. Попутно нормандцы разоряли сельскую округу, откуда лондонцы получали продовольствие. Они немилосердно опустошили большую часть Суррея и Беркшира, сжигая дома и убивая крестьян. Близ Уоллингфорда они нашли мост и беспрепятственно переправились через реку, не

встретив ни малейшего сопротивления. В те же самые дни вокруг короля-подростка Эдгара зрела измена: его приближенные из числа клириков задумали примирение с нормандцами, а проще говоря — капитуляцию. К Вильгельму, когда он находился в Уоллингфорде, прибыл с визитом не кто иной, как сам архиепископ Стиганд. Он изъявил готовность покориться завоевателю, отступившись от своего ставленника Эдгара.

Стиганд был первым англосаксом столь высокого ранга, перешедшим на сторону Вильгельма, что с его стороны было фактическим признанием законности нормандского вторжения. Опережая других членов витенагемота на этом неизбежном для них пути, архиепископ надеялся получить от победителя прощение прежних обид и, возможно, даже поддержку в тяжбе с Римом. Вильгельм пока что делал вид, будто согласен на этот торг.

Отныне последние сторонники Эдгара лишились своих и без того призрачных шансов. Сопротивление защитников Лондона становилось все слабее, горожан охватил страх, и они искали контакта с нормандцами, готовые вступить в переговоры об условиях сдачи своего города. Эдгар и многие члены витенагемота засели в маленьком городке Беркхэмпстеде, километрах в сорока к северу от Лондона. Когда Вильгельм подошел, англосаксонский двор уже ждал его и подобающим образом принял. Эдгар, с которым тогда были архиепископ Йоркский Элдред, епископы Вульфстан Уорчестерский и Уолтер Херефордский, эрлы Эдвин и Моркар, принес ему присягу верности. По всей вероятности, присутствовавшие при этом представители знати изъявили готовность признать Вильгельма королем, рассматривая свершившееся как процедуру избрания, в соответствии с обычаем. Тогда

же делегация лондонских нотаблей во главе с шерифом заявила герцогу Нормандскому о капитуляции города.

Вильгельм воспринимал все это без особого энтузиазма, весьма сдержанно. Он приказал своим отрядам продолжать карательные рейды и собрал совет. Итак, англосаксы по доброй воле предлагают ему корону. Это дело требовало особой осмотрительности. Герцог чувствовал, как нарастает враждебность населения, и предполагал, что сопротивление будет усиливаться по мере продвижения вглубь английской территории. Не лучше ли было бы оставить до весны предложение англосаксов без ответа, опираясь исключительно на силу, и посмотреть, как дальше пойдут дела? Вильгельм заявил своим баронам, что Матильде следовало бы принять участие в таком важном государственном акте, как коронация. Однако герцогиня находилась в Нормандии, и не могло быть даже речи о том, чтобы плыть по морю в середине декабря. Было ли это простым предлогом, скрывавшим глубинные политические интересы, или же свидетельством любви и уважения к своей супруге, проявленным в решающий момент их совместной жизни? Члены совета склонны были незамедлительно принять предложение англосаксов, однако аргументация Вильгельма уже поколебала их, когда выступил с речью некий виконт де Туар из Аквитании, упрямый человек и хороший говорун, доказывая, что незамедлительное принятие английской короны принесет большую выгоду: престиж королевского титула сам собой прекратит какое-либо сопротивление.

Вильгельм направил специальный отряд, чтобы принять капитуляцию Лондона и обеспечить обладание им. Он в принципе уже определил свою позицию: рассматривая предложение англосаксов как простое признание его законных прав, он принимает королевское достоинство в силу собственного родства с

Эдуардом и оставленного им завещания. Об избрании не может быть и речи, зато англосаксонской церкви предоставляется привилегия коронации нового короля.

Для совершения обряда коронации и помазания Вильгельм, отказавшись от участия герцогини Матильды, выбрал Вестминстерское аббатство, а датой — 25 декабря. Выбор был вдвойне знаменателен, учитывая, что Рождество, будучи большим народным праздником у англосаксов и скандинавов, вместе с тем в Нормандии считалось началом гражданского года (у англосаксов год начинался с Пасхи). Тем временем в Лондоне народ тщетно пытался выразить свое недовольство капитуляцией, о которой неизвестно кто договорился за их спиной. Эмиссары герцога Нормандского оккупировали город и начали подготовку церемонии, которая должна была совершиться через несколько дней. Что же до Вильгельма, то он преспокойно отправился на охоту в Хертфордшир.

Накануне дня коронации он, возвращаясь с охоты, окинул взором открывшийся перед ним город, отыскивая Вестминстерское аббатство и королевский дворец, отныне принадлежавший ему. Маленький бастард из Нормандии через несколько часов станет королем. Две недели тому назад от яда, подсыпанного дворцовой прислугой, умер, не оставив наследника, его последний противник на континенте — герцог Бретани Конан II. В настоящий момент для Вильгельма не имели значения скрытые угрозы и хрупкость его вновь обретенной власти. Скоро он войдет в круг помазанников Божьих. Вопреки все еще раздававшимся время от времени протестам со стороны духовенства, общественное мнение видело в короле священное лицо, наделенное, именно благодаря совершению обряда помазания, чудесными свойствами. Крестьяне, видя проезжавшего мимо короля, норовили притронуться к

краю его одежды, веря, что тем самым они обеспечивают плодородие своих полей.

Ранним утром 25 декабря процессия встречала герцога Нормандского у его дворца. Во главе процессии шли Стиганд и Элдред со своими епископами. Вильгельм потребовал, чтобы обряд совершал Элдред, желая тем самым показать, что не считает отлученного от церкви архиепископа Стиганда законно занимающим свою должность, хотя тот и покорился ему. Храм был заполнен наполовину нормандцами, наполовину англичанами. Снаружи здание было окружено (до того опасались беспорядков!) многочисленной охраной, во всеоружии и верхом на конях. Прежде чем свершатся коронация и помазание, Вильгельм пожелал обратиться к народу с речью. Затем по его требованию выступили Элдред и Жоффруа де Монбрэ, один — по-английски, а другой — по-французски, призывая присутствующих признать своим королем герцога Вильгельма. Дважды в ответ на эти призывы прозвучали продолжительные возгласы одобрения. Находившаяся снаружи охрана, услышав доносившиеся из храма крики, насторожилась. Шум в храме не стихал. Не иначе как в церкви поднялся мятеж! Нервы воинов после стольких бессонных ночей, насилия, разрушений и убийств были на пределе и внезапно сдали. Они бросились к стоявшим поблизости деревянным домам, выламывая двери и поджигая соломенные крыши. Все вокруг них пылало. Свет пожара отразился в окнах церкви, битком набитой людьми, началась давка, и все, кто мог, кинулись на улицу. Паника охватила и тех, кто был снаружи: кто-то бежал к реке, кто-то пытался тушить пожар, а обезумевшая солдатня, словно ничего не замечая, была занята лишь поисками поживы.

У подножия алтаря остались только епископы, несколько перепуганных клириков и Вильгельм. Ужас и ощущение какого-то страшного предзнаменования

словно парализовали участников внезапно прерванного обряда коронации. Однако Вильгельм сумел взять себя в руки, произнеся «в традиционных выражениях» (то есть на англосаксонском языке, которого он не знал и, соответственно, не понимал смысл произносимых слов) клятвенное обещание защищать церковь, править справедливо, соблюдать добрые обычаи и воздерживаться от насилия. Его голос гулко отзывался в пустом храме. Затем, не обращая внимания на усиливавшийся за стенами церкви шум, Элдред помазал лоб Вильгельма елеем, тем самым введя его в сонм помазанников Божьих.

Глава вторая. ТРУДНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ (1067-1076)

Видимость победы

Вильгельм истолковал беспорядки во время коронации как свидетельство хрупкости своей слишком быстро одержанной победы. Короновавшись, он тут же удалился в Эссекс, в Баркинг.

Он, феодал, по воспитанию и образу жизни мало отличавшийся от селян, впервые лицом к лицу столкнулся с компактной, подспудно внушавшей страх группой обитателей большого города, образ жизни которых казался ему необычным, а сами они выглядели с точки зрения сельского жителя заносчивыми гордецами и (самый страшный упрек!) поборниками новизны. За последние десятилетия лондонцы не раз выражали, смело и без конформизма, свое мнение. Полвека тому назад они избрали королем Эдмонда Железнобокого в пику Кнуту, возведенному на престол витенагемотом; они приняли и поддержали Эдуарда; Гарольд в значительной мере был обязан им своим избранием. Можно ли было править Англией, игнорируя их мнение?

Перемежая благие обещания с угрозами, Вильгельм добился возведения нескольких цитаделей как в самом Лондоне, так и в его окрестностях, взамен пожаловав гражданам города хартию, гарантировавшую им неприкосновенность их обычаев и собственности. Подпись под этим документом свидетельствует, что прежний шериф из числа англосаксов уже тогда был заменен неким Жоффруа — вероятно, нормандцем Жоффруа де Мандевилем. Вильгельм, видимо, понимал,

что в большей мере, чем недовольство населения, причинами беспорядков, случившихся 25 декабря, послужили усталость и нервозность нормандского войска. Моральное состояние праздного воинства, подорванное легкой добычей, азартными играми, пьянством, блудницами, не выдерживало испытания этим обманчивым миром. Дабы пресечь зло, король издал полицейский регламент, содержание которого в общих чертах изложил Гильом из Пуатье: вступительное обращение напоминает нормандцам и их союзникам, что все люди равны перед Богом, поэтому победители не должны безмерно угнетать побежденных: незаконные поборы и вымогательства провоцируют пострадавших на бунт и пачкают славу тех, кто позволяет себе это. Поэтому отныне предусматривались суровые наказания за насилие, убийство, кражу, драки, пьянство и общение с падшими женщинами. Учреждались специальные суды для рассмотрения этих правонарушений.

Проблемой становилось само богатство Англии и гигантские размеры добычи, что порождало настоятельную необходимость в строгом контроле. Патрули обеспечивали безопасность на дорогах и в портах. Король придерживался простого по сути своей принципа: все должно проходить через его руки. Он один получал все взимавшиеся налоги и пошлины, а затем уже по справедливости распределял их. Все, что прежде получал Гарольд в качестве личных доходов, теперь, согласно нормандскому обычаю, перешло по наследству к Вильгельму. По его глубокому убеждению, он унаследовал королевские прерогативы с момента смерти Эдуарда Исповедника, Гарольд же был узурпатором и мятежником, а все его сторонники — соучастники преступления, имущество которых законный король может беспрекословно конфисковать. Кроме того, собственность англосаксов, живыми

ушедших с поля битвы при Гастингсе, квалифицировалась как военная добыча, поэтому ее обладателей обязали платить выкуп.

Англосаксонская знать, Церковь и города должны были в добровольно-принудительном порядке подносить победителю подарки, поэтому в течение января и февраля в Баркинг стекались в огромном количестве деньги и драгоценности, производя ошеломляющее впечатление на компаньонов Вильгельма. Король наслаждался этим зрелищем собственного триумфа. Начиная с января 1067 года он приступил, несмотря на обычные в это время года бури на Ла-Манше, к отправке в Нормандию трофеев и драгоценных подарков, предназначенных для церквей своего герцогства. В начале года он совершил первые земельные пожалования в Англии, в частности передал Жюмьежскому аббатству остров Хейлинг, расположенный в заливе между Портсмутом и Чичестером. В документе, закреплявшем этот акт дарения, Вильгельм гордо именовался «повелителем Нормандии и королем Англии по наследственному праву». В Рим он отправил, впервые выступая в качестве законного правителя страны, штандарт Гарольда и значительную сумму золота, видимо, представлявшую собой недоимку подати в пользу Святого престола за прежние годы.

Тем временем в Баркинг прибывали из различных регионов Англии многочисленные представители знати, заявлявшие о своем признании нового короля, который благосклонно принимал их, делая вид, что не догадывается о задних мыслях, скорее всего послуживших причиной несколько запоздавшего изъявления покорности. Особенно важным для него было появление представителей северных территорий — Копси, бывшего союзника Тостига, и Вальтеофа, эрла Нортгемптона, которых Вильгельм утвердил в их

должностях. Они влились в группу англосаксонской знати, собравшейся при дворе, во главе с Эдгаром и Стигандом — одновременно и приверженцев нового короля, и его заложников. Правда, отдельным из них уже удалось завоевать личную дружбу Вильгельма.

Среди его новых друзей были и братья Эдвин и Моркар, похоже, пришедшие к убеждению, что коронация нормандца восстановила единство королевства, и потому отказавшиеся от своих сепаратистских настроений. Но какие территории Вильгельм контролировал в начале 1067 года? Некоторое представление об этом дает изучение пожалованных им тогда хартий и дипломов. Формально или фактически он осуществлял тогда королевскую власть в Кенте, Суссексе, в Лондоне с прилегающими территориями, в Мерсии и, по крайней мере, в части Эссекса и Восточной Англии, то есть примерно на половине территории Английского королевства, правда, наиболее богатой и населенной. Корнуэльский полуостров и территории к северу от Трента тогда еще не были подвластны нормандцам; впрочем, они не признавали над собой и власти Эдуарда Исповедника. Что касается далекой Нортумбрии, укрывшейся за своими лесами и ориентированной на Скандинавию и Шотландию, то признание Моркаром нового короля для нее ровным счетом ничего не значило — это было его личное дело. Но даже в центре и на юге страны Вильгельм выиграл лишь первый тур борьбы и хорошо понимал это. Гастингс, последовавшая за ним короткая кампания и коронация лишь ошеломили противников, которые в один прекрасный день могут прийти в чувство. Очень важно было выиграть время, чтобы обеспечить себе доминирующее положение. Для этого предпринималось строительство крепостей в стратегически важных пунктах страны. Так, в Винчестере цитадель была возведена прямо в центре

города. Чаще всего это была просто-напросто деревянная башня, построенная на вершине холма, окруженного рвом и палисадом. Из камня строили гораздо реже. Таким образом, к 1070 году нормандцы располагали уже несколькими десятками крепостей. Местное население, покоренное захватчиками, испытывало по отношению к таким замкам, которых в Англии прежде не видели, смешанное чувство ненависти и страха. Материальная нужда тоже не способствовала изживанию враждебности. Для строительства цитаделей в населенных пунктах зачастую требовалось сносить существующие постройки. Так, чтобы расчистить место для королевского замка, в Линкольне стерли с лица земли 160 домов.

Между тем Вильгельм принял решение возвратиться в Нормандию. Он не мог до бесконечности держать на службе своих вассалов, ибо это чревато было крупными беспорядками по обе стороны Ла-Манша. Нормандские рыцари, только что на деле со славой показавшие свое владение искусством ведения войны, могли, если их слишком долго держать на военной службе, представлять собой серьезную угрозу для правителя. Надо было вернуть их к мирной жизни, к заботам о своих собственных владениях. И сам герцог-король испытывал потребность в передышке, дабы на досуге обдумать фактическое положение дел и наметить новые шаги, в частности, на дипломатическом поприще. Не исключено, что играли свою роль и мотивы личного порядка, желание засыпать в собственные закрома урожай, принесенный войной, а также предстать перед подданными во всем блеске только что обретенной победы.

Вильгельм вновь переплыл море перед Пасхой, которая в тот год пришлась на 8 апреля. Но прежде чем отправиться, он урегулировал административные

вопросы королевства, чтобы обеспечить в стране мир в течение своего, быть может, продолжительного отсутствия. Он предпочел не вверять бразды правления одному человеку, разделив власть среди многих своих доверенных людей. Так, управление Кентом, преобразованным им в графство, он поручил своему брату Одо. Вальтеоф, Эдвин и Моркар сохранили, по крайней мере номинально, свои должности эрлов соответственно Нортхемптона, Мерсии и Нортумбрии. Гуго де Гранмениль отвечал за Винчестер с округой. Наконец, Гильом Фиц-Осберн должен был управлять центральной частью королевства к северу от Темзы со штаб-квартирой в Норвиче, городе, который, наряду с Дувром, был цитаделью на восточном побережье. Вильгельм опасался очередного вторжения из Скандинавии. Были приняты и меры по обеспечению безопасного судоходства по Ла-Маншу. Именно тогда был положен конец пиратству, которым занимались главным образом скандинавы и саксонцы, у южного побережья Британии. Король отпустил наемников, пожелавших возвратиться домой. Заплатив им все, что полагалось за службу, он лично сопровождал их до Певенси, откуда они благополучно отплыли на континент.

Сам он вышел в море в марте. На своих кораблях, груженных богатой добычей, он вез также почетных гостей (как они рассматривались официально, фактически же — заложников) — Эдгара, короля на один день, Моркара, Эдвина и Вальтеофа, архиепископа Кентерберийского Стиганда, аббата Гластонберийского, всех тех, кто за время его отсутствия мог возглавить заговор или стать знаменем заговорщиков. Ему хотелось также удивить своих новых подданных порядком и дисциплиной, царившими в Нормандии. Там как раз готовились к празднованию Пасхи, проводились длинные великопостные богослужения и совершались

массовые покаяния, когда разнеслась весть о прибытии герцога-короля. Позабыв о Великом посте, народ предался ликованию; деревни опустели, ибо крестьяне устремлялись в ближайший город, через который должен был проехать Вильгельм. Торжественная встреча его состоялась в Руане, где восторженная толпа — мужчины и женщины, дети и старики — с упоением оглашала улицы возгласами приветствия. Вильгельм наслаждался зрелищем народного воодушевления: он умел извлечь всю возможную пользу в своем родном герцогстве от недавно приобретенного королевского достоинства.

На Пасху он собрал всех своих вассалов в храме Святой Троицы в Фекане, в том самом месте, где тридцатью двумя годами ранее его отец, готовясь отправиться паломником в Иерусалим, представил его людям как своего наследника. На ассамблею прибыл вместе с группой сеньоров из Иль-де-Франса и Рауль, граф Валуа, тесть французского короля: не поручил ли ему Филипп I официально представлять его по этому случаю? Или же он просто хотел получить интересовавшие его сведения? Капетинг ревниво следил за успехами герцога Нормандского. Вокруг церкви, в которой должно было состояться торжественное богослужение, царила атмосфера народного праздника. Приближался кортеж знатных господ. Грубые нормандцы пальцами показывали на двигавшихся в королевской свите знатных англосаксов с длинными волосами, в одеяниях, украшенных золотой вышивкой, — экзотическое зрелище невиданной роскоши. По мановению Вильгельма установилась тишина, необходимая для богослужения. Сам он занял место на хорах, среди монахов. Затем он устроил для своих гостей роскошный пир, который украшала великолепная, прежде невиданная на континенте

англосаксонская посуда, вдохновившая узревших ее на бог знает какие чудесные повествования...

Не менее роскошными подарками король осыпал монастыри Нормандии, особенно аббатство Святого Стефана, учредителем которого он сам являлся. Золотые слитки, украшенные вышивкой церковные облачения, дароносицы, чаши, «конфискованные» в английских церквях, — при виде такой красоты, восторженно предполагал Гильом из Пуатье, изумились бы даже византийцы и арабы. Королевская щедрость распространилась и на церкви, которые Вильгельм не мог лично посетить.

Бедное аббатство Святого Иакова, расположенное на самой границе с Бретанью, о котором забыли при распределении даров, получило от короля в порядке компенсации право ловить рыбу в прудах.

Первого мая состоялось освящение церкви Сен-Пьер-сюр-Див, а 1 июля, на освящении церкви Нотр-Дам в Жюмьеже, герцог-король в последний раз встречался с архиепископом Руанским Морилем, скончавшимся 9 августа. Духовенство Руана хотело было избрать его преемником Ланфранка, но тот после консультации с королем отказался. Для него предназначалась служба на ином поприще: вскоре он отправился в Рим, дабы доставить паллий для вновь избранного архиепископа Руанского Иоанна; надо полагать, его миссия имела еще и другие цели.

Видимо, по случаю празднеств, приуроченных к возвращению Вильгельма в Нормандию, епископ Амьенский Ги сочинил^[30] довольно плохими латинскими двустихиями эпопею, прославляющую победу при Гастингсе, «Песнь о Гастингской битве», в которой он обрядил своих героев в маски античного театра, пытаясь уподобить их доблестным античным образцам, таким как Цезарь и Александр Македонский.

В тот триумфальный для Вильгельма 1067 год умер его тесть, граф Фландрии Балдуин, единственный из французских князей, кто еще мог соперничать с ним. Его преемник Балдуин VI правил всего три года, и после его смерти двое его сыновей поделили графство, на время похоронив могущество своей державы. Что же касается герцогства Нормандского, то в нем эра феодальных неурядиц, похоже, окончательно прошла. Только циничная Мабиль де Беллем, точно привидение из прошлого, неумолимо продолжала свою наследственную вендетту. Она никак не могла утолить свою ненависть к монахам аббатства Сент-Эврель, учрежденного и богато одаренного ее кровными врагами из рода Фиц-Жере. Не осмеливаясь открыто вредить им (ибо она побаивалась своего супруга, доблестного Роже де Монтгомери, дружески относившегося к ним), она обременяла аббата Тьерри незаконными поборами и реквизициями. Однажды доведенный до крайности аббат пригрозил ей карами небесными. В ту же ночь Мабиль проснулась от сильной боли в челюсти, после чего в кратком приступе раскаяния подарила Тьерри церковь Сен-Мартен-де-Се.

А в Англии тем временем ни Гильом Фиц-Осберн, ни Одо из Байё не сумели продемонстрировать тех качеств политиков, которых требовала от них ситуация. Их правлению были при-сущи все недостатки, свойственные оккупационному режиму, с его повторяющейся чередой поборов, актов неповиновения и репрессий. Отсутствие короля прибавило смелости даже робким. Многие представители английской знати покинули страну, намереваясь найти поддержку за границей. Англосаксонские хроники того времени свидетельствуют о многочисленных тайных сношениях с Шотландией, Ирландией, Фландрией, а особенно с Данией, с которой связывались определенные надежды. Король Свен Эстридсен, после гибели Харальда

Хардрады занявший доминирующее положение в Скандинавии, пользовался симпатией народов севера. В то время тут и там в глубинных районах Англии стали появляться небольшие отряды людей, объявленных вне закона, то ли солдат, то ли разбойников, находивших спасение в скитаниях, позволявших им ускользать от всевидящего ока властей. Нормандцы называли их «дикарями» или «лесными людьми». Против них они были практически бессильны. Среди простого англосаксонского люда эти «дикари» пользовались репутацией легендарных героев. Некоторые из них поклялись не ночевать под крышей дома до тех пор, пока в стране не останется ни одного нормандца.

В период с апреля по декабрь 1067 года в четырех регионах королевства произошли кровавые беспорядки. Жители Нор-тумбрии, не признавшие назначенного им в правители нормандцами Копси, самовольно выбрали вместо него Освульфа, сына последнего эрла из числа местной нортумбрийской знати. Копси, продолжая исполнять свою должность, игнорировал это избрание. Тогда Освульф, собрав небольшой отряд из объявленных вне закона «лесных людей», устроил на него настоящую охоту. Однажды, когда Копси пировал со своими людьми в Ньюберне, на реке Тайн, он задумал застать его врасплох, однако Копси, предупрежденный о его приближении, укрылся в церкви. Однако один из его людей оказался предателем. Освульф поджег церковь и с боевым топором в руке встал у выхода из нее. Когда Копси, задыхаясь от дыма, попытался, наконец, выйти из церкви, он был зарублен. Этот инцидент стал не столько мятежом против законной власти, сколько сведением старых династических счетов, столь обычным в Нортумбрии. Нормандцы не имели возможности отомстить за гибель своего протеже, и Освульф оставался в должности правителя

все лето, пока не погиб в схватке с разбойниками с большой дороги.

На западе королевства произошло первое столкновение между нормандцами, занявшими в качестве опорного пункта Херефорд, и местным кельтским населением. Как-то раз нормандский гарнизон совершил опустошительный набег на владения мерсийского тана Эрика Дикого, и тот поклялся отомстить за обиду, для чего привлек себе в союзники правителей мелких валлийских королевств, уговорив их совершить вместе с ним налет на Херефордский шайр. Их отряды опустошили регион, возвратившись домой с богатой добычей, однако не причинив большого ущерба военному присутствию нормандцев.

Зато события в Кенте едва не приняли для них более серьезный оборот. Граф Эсташ Булонский, без особого энтузиазма принявший участие в экспедиции в Британию, хотя и получил после сражения при Гастингсе большие земельные владения в Англии, однако, рассорившись с Вильгельмом, еще осенью 1066 года вернулся на континент. Амбициозный, но слабовольный человек, гордый своим происхождением (его род восходил к самому Карлу Великому!), он питал к победоносному нормандцу смешанное чувство зависти и злобы. Видимо, он давно уже стремился завладеть Дувром, обладание которым вместе с Булонью сделало бы его хозяином Ла-Манша, что позволило бы ему извлекать огромную выгоду от коммерческого судоходства. Некоторые представители местной кентской знати догадывались о его амбициозных намерениях и готовы были участвовать в их реализации. Они и предложили ему в отсутствие короля захватить Дувр. Ситуация благоприятствовала заговорщикам. Волнения, спровоцированные на территориях к северу от Темзы, вынудили Одо из Байё

отправиться туда с большей частью своего войска для проведения карательной экспедиции. Ближайшей же ночью после его ухода Эсташ пересек Ла-Манш, приведя с собой целую флотилию с отборным воинством. Высадившись, он овладел городом, окрестности которого находились под контролем вооруженных англосаксов. Не дожидаясь подмоги с их стороны, он окружил городскую цитадель, рассчитывая на фактор внезапности. Однако, вопреки его ожиданию, нормандский гарнизон держался молодцом. Осажденные предприняли вылазку, предварительно распустив слух, что Одо неожиданно вернулся. Обескураженный Эсташ дал приказ срочно возвращаться на суда. Слишком поздно! Большая часть его людей, обратившись в беспорядочное бегство (спасайся, кто может!), погибла, спускаясь с обрывистой скалы, на которой стояла цитадель. Что же до англосаксов, то и они бросились врассыпную, а нормандцы были слишком малочисленны, чтобы преследовать их.

серьезных последствий. Он решил отправиться на противоположный берег Ла-Манша лишь поздней осенью, оставив Нормандию на попечении Матильды и старшего сына Роберта. Он брал с собой Роже де Бомона, видимо, ощущая потребность в советах этого мудрого старца. Ему казалось, что угроза вторжения датчан в Англию приобретает более отчетливые очертания, и он собирался лично парировать ее. Не исключено, что дошли до него и вести о маневрах семейства покойного Гарольда. 6 декабря он вышел в море из пустынного тогда устья небольшой реки Деппы, где сейчас стоит город Дьепп, причалив на следующий день к Уинчелси. Ситуация представлялась ему настолько не блестящей, что он согласился даже продать вакантную должность эрла Берниции, северной области Нортумбрии, англосаксу Госпатрику,

уверявшему, что имеет на нее определенные права. Вильгельм на время отказался от намерения продвигаться на территории к северу от реки Хамбер, предпочитая заняться освоением центральных, восточных и южных регионов. Ассамблея, собравшаяся на Рождество в Вестминстере, на равных объединила в своем составе нормандцев и англосаксов. Зрелище этого единения порождало ощущение, что беспорядки, которыми ознаменовался уходящий год, были последними отголосками затухавшего сопротивления.

Однако в последние дни 1067 года в Лондон пришло сообщение о мятеже в Эксетере. Этот хорошо укрепленный город контролировал подступы к полуострову Корнуолл, а через него — морские пути, ведущие в Ирландию и Бретань. Еще ни один вооруженный отряд нормандцев не проникал в Девоншир, главным городом которого был Эксетер. Хотя в нем издавна существовала колония торговцев из Нормандии, население не скрывало своей враждебности по отношению к победителям при Гастингсе. Эдит, вдова Гарольда, недавно обосновалась в Эксетере вместе с дочерью Гунхильдой, младенцем нескольких месяцев от роду. Сразу же по ее прибытии Эксетер запер ворота и стал вооружаться. Из Бретани ему на помощь прибыло подкрепление, служившее проявлением солидарности кельтов Корнуолла и континента.

Вильгельму не доставало войск. Он ждал нападения датчан и потому не мог оголять свой восточный фланг. Возникло вынужденное промедление. Он обратился к гражданам Эксетера с посланием, в котором требовал от них присяги на верность. Те отказались, согласившись лишь выплатить подать, которую, в соответствии с обычаем, обязаны были доставлять королю Англии. Вильгельм воспринял этот отказ как личное оскорбление и, не колеблясь более, решил

применить силу. Он покинул Лондон с горсткой нормандцев и впервые рискнул собрать местное англосаксонское ополчение, после чего двинулся на Эксетер во главе этого смешанного войска. Несколько нотаблей города, испугавшись, сочли за благо капитулировать и вышли в качестве парламентариев навстречу королю. Возвратившись в Эксетер, они нашли ворота города закрытыми: за время их отсутствия изменилось настроение горожан, решивших продолжать сопротивление.

Итак, в разгар зимы, в неведомой стране Вильгельм оказался заблокированным перед каменной крепостью, осада которой заняла бы много месяцев. Однако при нем были заложники: он приказал привести их к стенам крепости и выколоть им глаза на виду у ее защитников. Однако те продолжали держаться и сопротивлялись почти три недели. Наконец они сдались, не столько побежденные нормандцами, сколько измотанные внутренними распрями, которые в англосаксонских хрониках характеризуются как «предательство танов». Эксетер покорился, сумев при этом избежать какого-либо увеличения податей. Король распорядился построить в городе замок, охрану которого доверил одному из сыновей Жильбера де Брионна.

Перед вступлением нормандцев в город Эдит вместе с дамами своей свиты бежала морем, найдя временное убежище на одном из островков в Бристольском заливе, — странное место, выбор которого мог объясняться разве что желанием Эдит поддерживать контакт с англосаксонскими изгнанниками в Ирландии. Позднее Эдит с дочерью отправилась во Фландрию и поселилась в аббатстве Сент-Омер, где Гунхильда приняла монашеский постриг.

Покорение Эксетера не привело к умиротворению юго-западного региона королевства. Весной 1068 года

Вильгельму вновь пришлось демонстрировать в Корнуолле военную силу. Убедившись, что этот сложный регион может удерживать только сильная рука, и притом нормандская, он поручил своему брату Роберту военное командование в Корнуолле и Девоне.

Пасху Вильгельм праздновал в Винчестере. Нападение датчан так и не состоялось. Летом трое сыновей Гарольда, собрав в Дублине более пятидесяти судов, появились у берегов Сомерсета. Англосаксонский союзник Вильгельма по имени Эд-нот, возглавивший местное ополчение, сумел отбить нападение. Хотя сам он сложил голову в бою, нападавшие были вынуждены убраться восвояси, прихватив с собой добычу, достаточную для того, чтобы строить планы на будущее.

В начале мая 1068 года Матильда наконец-то прибыла в Англию, сопровождаемая сыном Ричардом и епископом Амьенским Ги. 11 мая, на Троицу, когда в Вестминстере собрались все вассалы короля, она получила из рук архиепископа Йоркского Элдредра королевскую корону. Присутствовали как нормандские, так и английские прелаты, графы и эрлы, подписи которых стоят под выданной в тот день королевской грамотой о пожаловании в пользу Вестминстерского аббатства. Как того требовал обычай, в молитвах, раздававшихся под сводами храма, возносилась хвала папе римскому Александру II, королю Вильгельму, королеве Матильде и архиепископу Йоркскому, проводившему богослужение. Доминирующим настроением в ходе церемонии была забота о сотрудничестве англосаксов и нормандцев, чему Вильгельм придавал тем большее значение, что Матильда опять была на сносях. Королева оставалась в Англии, пока не разрешилась от бремени. В начале 1069 года она произвела на свет своего четвертого сына, Генриха.

До сих пор на территориях, находившихся под его контролем, Вильгельм по мере возможности старался не касаться англосаксонской администрации. В большинстве шайров по-прежнему сохраняли свои должности прежние шерифы, даже те из них, которые были назначены Гарольдом. Ни один из прелатов не был смещен, включая и скандального архиепископа Стиганда, который в 1068 году рукоположил в сан епископа Дорчестерского монаха Реми из аббатства Фекан. Вильгельм даже принял в свою личную гвардию хускарлов Гарольда, оставшихся в стране. Правда, между англосаксами и нормандцами из королевского окружения так и не установились теплые дружеские отношения. Казалось, что только два человека, сам Вильгельм как представитель нормандцев и архиепископ Элдред от лица англосаксов, верили в перспективность политики сближения завоевателей и завоеванных. Король продолжал испытывать особое расположение к Эдвину, которому обещал даже отдать в жены свою дочь Агату, что вызвало плохо скрываемое недовольство нормандцев. Правда, и сам Эдвин не спешил принять это предложение, вероятно, взвешивая собственные шансы на успех в случае попытки мятежа.

Между тем некоторые нормандцы уже прочно осели в Англии. Епископ Кутанса Жоффруа де Монбрэ (который, кстати говоря, поддерживал отношения с завоевателем Южной Италии Робертом Гвискаром) не покидал острова на протяжении четверти века, поручив заботы о своей епархии простому настоятелю. Зато престарелый Роже де Бомон отказался от имений, пожалованных ему Вильгельмом в завоеванной стране, предпочитая, как он сам говорил, свои собственные земли в Нормандии тем, что были отняты у других за морем. Вскоре затем он удалился в аббатство Прео, где и закончил свои дни. Многие так и не поняли величия свершившегося события, участниками которого им

довелось стать. Удовлетворившись захваченной добычей, они уже мечтали о новых приключениях или же с нетерпением ждали дня, когда вновь увидят прекрасную землю Нормандии, свой дом и верную жену... К ностальгии примешивалось супружеское беспокойство. Как рассказывает Ордрик Виталий, многие «соломенные вдовы», посылая весточки своим мужьям, торопили их с возвращением, опасаясь, что их добродетели не выдержат дольше выдерживать разлуку... Короля осаждали просьбами: «Позволь нам вернуться, пока мы не стали рогоносцами!» И король позволял. Причем это были отнюдь не трусы, искавшие повода, чтобы удалиться от ратных дел: среди них мы видим Гуго де Гранме-ниля, управляющего Винчестером, и Онфруа дю Тильёля, шателена Гастингса.

Огнем и мечом

Весной 1068 года начал зреть заговор в Йорке, вне пределов досягаемости нормандцев. Тщетно архиепископ Элдред пытался утихомирить свою паству. Ситуация выходила из-под его контроля. Весь регион к северу от реки Хамбер готовился, не имея общего плана, к войне, причем никто не знал, где и когда она разразится.

Эдвин и Моркар, пребывавшие при королевском дворе, не могли не знать об этих событиях. Эдвин напомнил Вильгельму о его обязательстве, выразив намерение получить, наконец, обещанную невесту. Однако тот колебался и лавировал, чувствуя враждебное отношение своего окружения к этому матримониальному проекту. Находившиеся при дворе англосаксы понимали, что ждать больше нечего и надо идти на разрыв отношений. В начале лета они один за

другим стали исчезать. Эдгар с матерью и сестрами тайком отправился в Шотландию, а Эдвин и Моркар — в Йорк. Вслед за ними бежали и все их друзья, хотя бы ради того, чтобы на них не обрушился мстительный гнев короля.

Начавшееся объединение вокруг Эдвина и Моркара англосаксов севера стало принимать (хоть и на короткое время) характер национального движения. Как уже не раз бывало при короле Эдуарде Исповеднике, кельты поддерживали жителей Нортумбрии. Ожидалась и помощь со стороны Дании. Однако Эдвин и Моркар не сумели воспользоваться своим шансом: они были слишком непоследовательны и переменчивы, не способны выработать и реализовать долгосрочный план действий.

Они двинулись в центр страны, вероятно, направляясь к Лондону. Вильгельм во главе своего нормандского рыцарства пошел навстречу им. По пути он возводил крепости как на естественных возвышениях, позволявших контролировать пути сообщения, так и в городах. Так, было воздвигнуто временное земляное укрепление, которое вскоре превратилось в крепость Уорвик на Эйвоне. Командовать ее гарнизоном король доверил Анри де Бомону, сыну Роже. Встретившись с Вильгельмом, Эдвин и Моркар отказались от собственного намерения вступить в сражение с ним, предпочтя во второй раз изъять свою покорность. Продолжив движение, король опустошил территорию вокруг Лестера и построил замок на скале, возвышавшейся над городом Ноттингемом. Он форсировал реку Трент, а затем Уз. Вильгельм уже приближался к Йорку, когда навстречу ему вышла делегация горожан, предлагая ему ключи от города и заложников. Он вошел в Йорк, распорядившись возвести там цитадель. Многие

представители знати региона, в том числе епископ Дарема Этельвин, принесли ему вассальную присягу.

Вожди мятежников бежали в Шотландию, где формировалась новая армия. Вильгельм отправил Этельвина с обращением к королю Малькольму, который в ответ послал к нормандцу несколько своих людей, чтобы те принесли ему от его имени присягу верности. Какой смысл вкладывал он в это? Создается впечатление, что как англосаксы Нортумбрии, так и шотландцы в те годы постоянно использовали присягу на верность просто как средство добиться перемирия. Нормандцы обвиняли их в клятвопреступлении, но как могли люди севера, которым были чужды феодальные обычаи, понять юридическое значение, придававшееся завоевателями этой церемониальной форме заключения соглашения?

Возвращаясь из Йорка, Вильгельм выбрал более восточный маршрут, пролежавший через Линкольн, Хантингдон и Кембридж, где он также распорядился построить замки. На протяжении всего пути ему ни разу не пришлось вступить в сражение.

Сознавая, что проблема еще далека от решения, Вильгельм попытался, по крайней мере, изолировать Нортумбрию, для чего учредил вокруг города Ричмонда небольшое графство, управление которым поручил своему помощнику из числа бретонцев, Бриану де Пантьевру. Затем, в начале 1069 года, он назначил эрлом Бернии барона Роберта де Коммина, определив ему в качестве резиденции город Дарем. Тот незамедлительно отправился на север, однако жители Нортумбрии не одобрили закулисных соглашений своих предводителей. Возник заговор с целью убить Роберта. Епископ Этельвин, прознавший о намерениях заговорщиков, предупредил его, когда он был еще на пути к Дарему. Однако Роберт, полагавшийся на собственную отвагу и мужество своих спутников, не

придал значения этому предупреждению. В назидание заговорщикам он приказал провести показательную казнь нескольких деревенских жителей, после чего вошел в Дарем и начал устраиваться там. Ночью отряд нортумбрийцев тайком проник в город и, застав врасплох «французов», перебил всех, кто попал к ним в руки. Роберт забаррикадировался в одном из домов и отчаянно защищался. Тогда нападавшие подожгли здание, и нормандцы, все до единого, погибли. Спустя некоторое время был убит и назначенный нормандцами начальник замка в Йорке.

Вслед за этим Эдгар и Госпатрик перешли шотландскую границу и двинулись завоевательным походом на Йорк, замок которого осадили. Попавший в окружение нормандский гарнизон послал к королю вестника. Вильгельм поспешил на выручку к своим, рассеял мятежников и приказал построить в Йорке, на другом берегу реки Уз, второй замок. Затем он направился в Винчестер, чтобы там праздновать Пасху. Однако едва лишь он покинул пределы Нортумбрии, как по всему региону вновь поднялся мятеж. Защитники обоих замков Йорка не выпускали из рук оружия.

Небезопасно стало на большей части территории королевства. Вильгельм, видимо, желая обеспечить более надежное сообщение с континентом, создал для Роже де Монтгомери в прибрежной части Суссекса графство, протянувшееся от Чичестера до замка Арундел. Затем он отправил Матильду в Нормандию. Положительным для себя моментом в этой обстановке хаоса Вильгельм мог считать то, что связь между различными очагами мятежа была непостоянной и случайной. Предводители англосаксов настолько были неспособны договориться друг с другом, что их разрозненные действия вполне оправданно представлялись нормандцам обыкновенными актами разбоя.

В начале июня сыновья Гарольда вновь предприняли грабительский набег. Отчалив от берегов Ирландии на семидесяти судах, они высадились в Девоншире, частично подвергнув его разграблению. Бриан де Пантьевр сумел отбросить их к морю. Тем временем король Дании Свен Эстридсен наконец-то решился предпринять крупную акцию. Он собрал в прибрежных регионах Балтики флот и армию хотя и значительные по своим размерам, однако крайне разношерстные, составленные из судов и экипажей, набранных на Фризских островах, в Саксонии, Польше и даже среди языческих племен Литвы. Эта армада, командование которой было поручено брату короля Асбьёрну, в августе 1069 года насчитывала около 250 судов. В конце месяца она снялась с якоря и, пройдя вдоль берегов Голландии, направилась к Дувру, однако нормандский гарнизон сумел сорвать попытку высадки. Тогда Асбьёрн направился к Суффолку и высадился близ Ипсвича, откуда его прогнали местные англосаксонские крестьяне, знавшие, чего ждать от этого незваного гостя — грабежей, а отнюдь не освобождения от нормандских захватчиков. Продолжая двигаться северным курсом, близ Норвича он предпринял очередную попытку высадиться на берег, но был вынужден отступить под ударами нормандского гарнизона. Тогда датская флотилия направилась к реке Хамбер и вошла в ее устье.

Вильгельм был на охоте, когда ему доложили об этих событиях. Он незамедлительно распорядился уведомить гарнизон Йорка об этой новой опасности, сообщив, что сам придет на подмогу, если будет необходимость в этом. Тем временем многочисленный англосаксонский отряд вышел на соединение с датчанами, после чего объединенное войско двинулось к Йорку, где незадолго перед тем, 11 сентября, умер от старости епископ Элдред.

Утром 21 сентября нормандские защитники города увидели, как на горизонте появилось огромное вражеское войско. Они укрылись в двух замках, предварительно предав огню близлежащие дома, дабы не дать противнику возможность использовать материалы, из которых они были построены, для сооружения осадных приспособлений. Пожар распространился, и от его пламени обрушилась даже церковь Святого Петра. Когда соединенное англо-датское войско подошло к стенам Йорка, от города осталось лишь дымящееся пожарище. Нормандцы, предпринявшие отчаянную вылазку, были перебиты в схватке, в которой проявил всю свою отвагу и жестокость Вальтеоф, герой того дня. В живых остались только один из шателенов, Гильом Мале, его жена и дети. Англосаксы, упиваясь собственной победой, до основания снесли оба замка.

Потеря Йорка явилась для Вильгельма ударом, самым тяжелым за все время с начала завоевания 1066 года. На севере возникло самое настоящее датское княжество, вокруг которого стали объединяться все, в ком жива была воля к сопротивлению нормандцам. Можно ли было повернуть вспять подобное развитие событий? Как написано в «Винчестерских анналах», король, узнав об уничтожении замков в Йорке, пришел в такую ярость, что тут же приказал жестоко покалечить беглецов, доставивших ему эту весть, — поведение, скорее выдававшее внезапно охвативший его страх измены, нежели желание покарать самих изменников.

Вильгельм поспешил на север, и датчане при его приближении покинули Йорк, переправились через Хамбер и укрылись в болотистой местности севернее Линкольна. Вильгельм, пустившись в погоню, уничтожил несколько их отрядов, тогда как прочим удалось погрузиться на суда. Оставив для охраны вновь отвоеванного региона сильный гарнизон, он

стремительно двинулся в юго-западном направлении, где кельты в союзе с уже известным нам Эдриком Диким и англосаксами Честера в очередной раз стали тревожить своими рейдами нормандские замки на западных рубежах королевства. Стремительным маршем, несмотря на непогоду поздней осени, Вильгельм пересек половину страны, сумев удержать в повиновении свое войско, состоявшее главным образом из наемников, начинавших было уже впадать в уныние и роптать. Замок Шрусбери, подожженный врагами, к его приходу еще продолжал сопротивление. Сама весть о приближении короля так напугала мятежников, что они бросились наутек.

Зато тем временем датчане умудрились снова захватить Йорк. В Девоне и Сомерсете поднималось народное восстание, а отряды из Корнуолла атаковали Эксетер и замок Монтегю, служивший резиденцией для Робера де Мортэна, блокировав подступы к тому и другому. Однако жители Эксетера, опасаясь утраты своих привилегий, если дело примет плохой для них оборот, сами весьма успешно отбивали атаки нападавших, продержавшись до прибытия Бриана де Пантьевра, который обратил смутьянов в бегство. В Монтегю же гарнизон устоял исключительно благодаря своевременному вмешательству Жоффруа де Монбрэ, прибывшего из Лондона с отрядом, сформированным из добровольцев, набранных в деревнях, через которые пролегал его путь.

Вильгельм, предоставив своим помощникам решать менее важные проблемы, направился через Ноттингем в Йорк, однако воды реки Эр, протекающей южнее этого города, снесли мост, через который он собирался перебраться. На противоположном берегу заняло позиции соединенное англо-датское войско. Нечего было и думать о форсировании реки в это время года (дело было в декабре 1069 года), к тому же в пределах

досягаемости стрел и дротиков противника. Нормандцам пришлось три недели так простоять на одном месте. Противник тоже не двигался с места. Наконец, некий нормандский рыцарь, совершая объезд местности, обнаружил вверх по течению брод, пригодный для переправы, и королевское войско сумело перебраться на противоположный берег.

Йорк не реагировал. Ничто не могло деморализовать англосаксов и датчан больше, чем переправа нормандцев через Эр. Асбьёрн покинул город и отступил. Нормандское войско разделилось: часть его Вильгельм направил сторожить датчан на реке Хамбер, а с другой частью вошел в Йорк. Первым делом он приказал восстановить замки. Обратившиеся в бегство мятежники разбрелись по холмам в северо-западной части Йоркшира. Этот регион с поросшими лесом долинами между возвышенностями высотой 700—800 метров был исключительно труднодоступен в разгар зимы. Вильгельм, до предела обозленный упорным сопротивлением нортумбрийцев, видя, что применявшаяся им до сих пор тактика не приносит результата, решил преследовать и уничтожать беглецов всех до одного. Именно тогда начался этот смертоносный марш, продолжавшийся много недель подряд и оставивший у современников, хотя и успевших привыкнуть к ужасам войны, страшные воспоминания. Вильгельм отдал приказ: никакой пощады, предложений о прекращении борьбы не принимать, убивать всех до одного. Всё созданное руками людей — уничтожать. Началась реализация тактики выжженной земли в регионе, хотя и диком, но плодородном, населенном свободными крестьянами, превыше всего ценившими свою независимость.

Состоялось несколько разрозненных отчаянных сражений, а затем, казалось, прекратились не только какое-либо сопротивление, но и сама жизнь. Страна

агонизировала. Нормандцы неумолимо продвигались вперед, не оставляя после себя ни домов, ни мостов, ни возделанных полей. Вильгельм лично возглавил кампанию по опустошению региона к юго-западу от Йорка, предоставив территории к северу и востоку от города своим подчиненным. Дабы подвергнуть тотальному уничтожению всё и вся, чтобы не ускользнула из рук карателей ни одна живая душа, король оставлял после себя военные посты, в обязанность которых входила окончательная «зачистка» территории.

К Рождеству весь регион на широте Йорка и Ланкастера, от Северного моря до Ирландского, превратился в пустыню: за исключением нескольких островков, случайно спасшихся от ярости нормандцев, не было и признаков жизни на площади около 180 километров в длину и 160 километров в ширину. Местные жители, которым удалось избежать избиения нормандцами, скрывались в лесах, где они тысячами умирали от голода и холода. Кое-кто пытался бежать на юг. Крайняя нужда заставляла их продавать себя в рабство, чтобы сохранить хотя бы жизнь. Только лет пятнадцать спустя среди руин тут и там стали появляться деревушки, но еще и в начале XII века повсюду можно было видеть следы этого опустошения.

Образ действий Вильгельма не объяснялся одной только жестокостью и страстностью его характера. Военная тактика XI века сильно смахивала на разбой, а восприимчивость современников к ужасам войны была не та, что у нас. Если хронисты того времени и сокрушались по поводу опустошения Нортумбрии, то лишь потому, что это было сделано столь хладнокровно и к тому же коронованным королем; то же самое, совершавшееся шотландскими и датскими разбойниками, не вызывало такого же возмущения. Вильгельм сознательно пошел на это, поскольку

ситуация вынуждала его. Сравнительно малочисленные нормандцы не могли колонизовать Англию, а события последних двух лет доказали тщетность попыток сотрудничества с коренным населением. Видя, с какой легкостью англосаксы клянутся и нарушают свои клятвы, нормандцы сделали так, что новый мятеж стал физически невозможен. Выбившись из сил и не видя иного способа решения проблемы, Вильгельм сознательно пошел на совершение этого казавшегося ему неизбежным злом.

Крайне жесткие меры, к которым прибегнул король, предназначались для непримиримых, к тем же, кто готов был договариваться, и в разгар этой борьбы не на жизнь, а на смерть он проявлял иное отношение. Однажды перед ним предстал Вальтеоф, отличившийся при избиении нормандцев в Йорке, и стал умолять о милости; Госпатрик прислал своих людей, предлагая вновь принести присягу на верность; его примеру последовали Эдвин и Моркар — и Вильгельм всем им возвратил свое благорасположение. Наверное, до отвращения пресытившись насилием, он вдруг ощутил потребность в дружбе, которая всегда была его слабым местом, наиболее гуманной чертой его характера. Он восстановил Госпатрика и Вальтеофа в их должностях, более того, согласился отдать в жены Вальтеофу свою племянницу Юдит^[31]. К Асбьёрну, по-прежнему находившемуся на реке Хамбер, он направил секретное послание, предлагая ему мирное соглашение: датчане воздерживаются от каких-либо враждебных действий в отношении нормандцев, а король гарантирует им (разумеется, за счет англосаксонских крестьян этого региона) продовольственное снабжение до конца зимы и немалую сумму денег в придачу. Асбьёрн принял условия договора. Нортумбрия была окончательно сломлена.

Мятежи прекратились — Англия потеряла слишком много крови. Нормандцы крепко держали в своих руках все сколько-нибудь значительные города, за исключением одного — Честера, оказавшегося на периферии завоевательной политики Вильгельма и сохранявшего после 1066 года свою независимость, продолжая жить под управлением собственных англосаксонских начальников. Привести его к повиновению тем более было важно, что он контролировал северные подступы к кельтским территориям.

И в январе 1070 года Вильгельм вновь дает команду выступать в поход. От Йорка до Честера от 150 до 200 километров пути по холмам, долинам и болотам, по пересеченной местности, почти полностью лишенной дорог. Вдобавок ко всему дождь лил как из ведра. На этот раз войско заартачилось. Наемники из Анжу, Бретани и Мэна устали от этих бесконечных маршей, караульной службы в замках, от холода и прочих тягот военного времени; они требовали, чтобы их наконец-то отпустили, заплатив, что полагается, за ратные труды.

Вильгельм, собрав недовольных, заявил, что не нуждается в малодушных нытиках, а тот, кто желает оставить его, может отправляться на все четыре стороны. Но куда было отправляться? И войско под водительством короля продолжило путь, частично проходивший по региону, опустошенному в декабре прошлого года. Грабить было нечего, и воинство голодало. Чтобы как-то поддержать силы, разделявали лошадей, то и дело погибавших при переходе через заболоченную местность. И все же люди шли за своим командиром, энергия которого только и поддерживала их. Честер капитулировал без боя. Вильгельм приказал возвести замок, дабы контролировать путь, ведущий к кельтам. Следующим городом был Стаффорд, где также возвели замок, затем — Солсбери, где король

демобилизировал свою армию, не отпустив лишь тех, кто выражал свое недовольство и кому он продлил срок службы на сорок дней. Чтобы положить предел набегам кельтов, он создал в этом пограничном регионе два новых графства: одно вокруг Шрусбери во главе с Роже де Монтгомери, а другое с центром в Честере, управлять которым он доверил фламандцу по имени Гербод, а когда тот спустя несколько недель погиб в бою — Гуго, виконту Авранша. Закрепившись на этих рубежах, нормандцы не только успешно сдерживали натиск враждебных племен, но и сами время от времени вторгались на территорию противника.

Первый этап завоевания Англии, в его военно-стратегическом аспекте, похоже, подошел к завершению. На Пасху, 4 апреля 1070 года, в Винчестере по инициативе короля собрался синод, на котором председательствовали, помимо его самого, три папских легата. Эта ассамблея, которая готовилась на протяжении последних месяцев, в самый разгар военных действий, приняла декрет, касавшийся всех рыцарей, сражавшихся под командованием короля в порядке несения вассальной службы. Этот документ, свидетельствовавший о желании Вильгельма и его советников наконец-то завершить период насильственных действий, предписывал (определяя лишь его продолжительность, но не саму сущность) каноническое покаяние за различные, конкретно перечисленные военные деяния:

а) деяния, совершенные в битве при Гастингсе: год покаяния за одного убитого человека и сорок дней за одного раненого. Тот, кто не знает количество своих жертв, совершает, согласно приговору своего епископа, покаяние по одному дню в неделю на протяжении периода, который может продолжаться всю оставшуюся жизнь, если только он не искупит свою вину соответствующей милостыней или сооружением церкви.

Лучники, оружие которых разит без разбора, совершают покаяние в течение периода, эквивалентного трем Великим постам;

б) деяния, совершенные за время, прошедшее после битвы при Гастингсе до коронации короля: год покаяния за одного убитого человека, если убийство совершено исключительно ради приобретения необходимых средств к существованию, и три года в иных случаях;

в) деяния, совершенные после коронации: за любое убийство невооруженного человека налагается каноническое наказание, предусмотренное за человекоубийство вообще; если же человек был вооружен и участвовал в мятеже, то налагаются вышеперечисленные покаяния;

г) кража, насилие и посягательства на церкви подлежат наказанию в соответствии с общим правом.

Ряд новых назначений имел своей целью изменить в пользу нормандцев состав английского епископата. Кончина Элдредда лишила короля единственной надежной опоры, которую он имел в высшем англосаксонском духовенстве. Теперь он остался лицом к лицу со Стигандом. Пора было кончать с этим. Собравшееся на синод духовенство выдвинуло против Стиганда обвинения, перечислив все его «преступления», предало его анафеме и низложило. Такая же кара постигла его брата Этельмера, епископа Восточной Англии, епископа Дарема Этельвина, а также престарелого Этельрика, епископа Селси, которого англосаксы очень уважали и считали знатоком местного права. В результате англосаксонская церковь была обезглавлена и король назначил на вакантные должности клириков, на которых он мог рассчитывать. Так, архиепископом Йоркским стал Томас, казначей церкви в Байё, известный своей ученостью, архиепископом же Кентерберийским синод утвердил

Ланфранка, в лице которого английскую церковь возглавил один из самых горячих и авторитетных сторонников церковной реформы. Папская курия (которую, несомненно, предупредили о предполагавшемся назначении) с полной готовностью поддержала это решение Винчестерского синода. Когда Ланфранк спустя несколько месяцев отправился с личным визитом к папе Александру II, ему в знак особого уважения вручили не один паллий, а два: помимо того, что полагалось новоизбранному архиепископу, еще один лично для него в качестве подарка на память.

Разрыв со Стигандом и избрание на его место Ланфранка означали, что Вильгельм окончательно отказался от сотрудничества с местным духовенством. Что же до Стиганда, то он не примирился с подобным поворотом событий и предпочел присоединиться к Эдгару в Шотландии.

В мае король назначил аббатом Питерборо нормандца Ту-рольда из Фекана. Он любил этого грубоватого, но отважного человека и гордился им, правда, позволяя себе иной раз пошутить: «Он скорее рыцарь, чем прелат». Не случайно он назначил его на эту должность: в окрестностях аббатства Питерборо было неспокойно. Приходили сообщения, что вновь приближается датский флот, на сей раз под командованием самого короля Свена Эстридсена, к которому собирался присоединиться Асбьёрн. Крестьяне и рыбаки тех болотистых труднодоступных мест до сих пор еще не сталкивались с нормандцами, и прибытие датчан подстегнуло их. Они, вооружившись, связались с Асбьёрном. Ими командовал некий Геревард, человек строптивый, вечно не ладивший с вышестоящими. Не дожидаясь датчан, он начал войну на свой страх и риск, окружив со своими людьми беззащитное аббатство Питерборо. Думал ли он, что

там засели нормандцы, или же просто хотел отомстить за свои былые обиды? Монахи едва успели предупредить об угрозе своего нового аббата Турольда, еще находившегося в пути, спрятать свою казну и запереть ворота. Геревард, первым делом подпалив близлежащие строения, принялся грабить аббатство, объясняя перепуганным монахам, что скоро датчане прогонят нормандцев, что же до него лично, то он лишь берет под охрану имущество церкви, дабы оно не попало в загребушие руки Вильгельма. Монахи поверили ему, и не исключено, что поверили искренне — правда, тут же разбежались кто куда. Свою добычу, ценные предметы и реликвии, Геревард доставил в Или, где передал ее датчанам в качестве залога.

Так началась героическая карьера этого деятеля, спустя тридцать или сорок лет ставшего персонажем целого цикла популярных преданий и баллад, которые собрал и изложил по-латыни около 1150 года монах из Или по имени Ричард в своих «Деяниях Гереварда». Это был самый ранний вариант эпоса о народных героях, объявленных вне закона, который расцвел в англо-нормандской литературе в XIII веке. Отважный и беззастенчивый разбойник, прославившийся борцом за справедливость, окопался со своей бандой на острове Или, куда стекались объявленные вне закона со всей Восточной Англии. Там они чувствовали себя в относительной безопасности, защищенные запутанной сетью рек и речушек, изобиловавших ловушками и тупиковыми протоками.

И все-таки война со Свеном Эстридсеном так и не состоялась. В начале лета Вильгельм вступил в переговоры с датчанами, добившись, чтобы они окончательно покинули Англию, взамен признав их законной собственностью все, что они до сих пор награбили. Однако едва только датский флот вышел в море, король Шотландии Малькольм нарушил мир, то ли

желая помочь Эдгару, то ли соблазненный легкой, как ему казалось, добычей. Проникнув по долине реки Тис вглубь Нортумберленда, он опустошил регион Кливленда и подошел к Дарему, где к нему прибыл Эдгар, некоторое время живший изгнанником у датчан, и в третий раз попросил у него убежища. Малькольм принял его вместе с матерью и сестрой Маргаритой, беспрепятственно продолжив опустошение региона, поскольку Госпатрик, которому была поручена охрана тех мест, ничего не предпринял, чтобы остановить грабителей. Возвратившись в родные края, Малькольм попросил руки Маргариты. Эдгар находился не в таком положении, чтобы отказать в этой просьбе, хотя сама Маргарита решительно воспротивилась. Однако брак тем не менее спустя несколько месяцев состоялся, ознаменовав собой вхождение Шотландии в семью европейских народов. Воспитанная и образованная Маргарита оказала благотворное влияние на варварское окружение, в котором оказалась. С 1072 по 1075 год она переписывалась с Ланфранком, у которого просила советов и поддержки. Анонимный англосаксонский поэт прославлял тогда добродетели и благотворное влияние этой королевы, благодаря которой Малькольм стал родоначальником законной династии.

В конце 1070 года Эдвин и Моркар во второй раз покинули двор Вильгельма. Моркар присоединился к объявленным вне закона, перебравшись в их лагерь на Или, а Эдвин направился в Шотландию, однако по дороге он был предан своими людьми и выдан нормандцам. Ему в сопровождении двадцати рыцарей удалось бежать, в бешеной скачке оторвавшись от преследователей. Они направлялись к морю, однако путь им преградила река, из-за прилива слишком полноводная, чтобы можно было форсировать ее верхом на конях. Тогда Эдвин решил обратиться лицом к

противнику. В завязавшейся схватке погибли все его спутники. Последним пал он. Преследователи отрубили ему голову и доставили ее королю в надежде получить за это награду. Однако Вильгельм при виде мертвого лица того, кого так любил при жизни, зарыдал. Это был единственный раз, уверяют его биографы, когда он плакал. Наградой для убийц стало изгнание.

Оставался еще Или, где засели бежавшие подальше от глаз властей предержащих. Для нормандцев они не представляли большой угрозы, поскольку не контролировали важных путей сообщения. Положение Гереварда и его сотоварищей было безнадежно, и все же Вильгельм решил вскрыть этот нарыв. Весной 1071 года он прибыл в Кембридж, чтобы на месте получше ознакомиться с регионом. Как сообщает Флоренс Уорчестерский, король приказал проложить через болото настил из бревен протяженностью более трех километров, чтобы конница могла добраться до разбойничьего гнезда. После упорного сопротивления Или пал, видимо, в результате измены монахов, находившихся среди осажденных. Всех попавших к нему в руки беглецов от закона Вильгельм разделил на две части: одних, покалеченных и ослепленных, пустил гулять по стране в назидание народу, других же бросил в темницу; среди них было много важных господ, в том числе и Моркар, которого он переправил в Нормандию под надзор Роже де Бомона. На Или по его приказу был построен замок.

Геревард остался на свободе, сумев сбежать по болотному лабиринту с несколькими сотоварищами, и бесследно исчез, обретя бессмертие в памяти покоренных англосаксов. Что с ним стало? С этого момента о нем имеются только легендарные сведения. Говорили, что в конце концов он покорился Вильгельму, но около 1086 года погиб от руки одного нормандца, который таким способом свел с ним старые счеты. Даже

если карьера Гереварда и не столь героична, какой представляется в памяти потомков, она, видимо, не была лишена определенных социальных последствий: известно, что класс мелких землевладельцев, танов, к которому принадлежал Геревард, в этой части Английского королевства был более многочисленным, чем в других регионах. Наверное, это не случайно.

Завоевание возвеличило Вильгельма, повысило его личный авторитет. Вместе с тем оно, дав ему в руки огромные материальные средства, существенно ограничило его свободу действий. С точки зрения феодальной структуры управления оно долго вредило Нормандии: было очень трудно поддерживать одинаково эффективное присутствие по обе стороны Ла-Манша. Между тем король Филипп I, в 1071 году достигший совершеннолетия, осознал, наконец, какую ошибку он допустил, не уделив в свое время должного внимания Нормандии, и теперь ждал случая, чтобы перейти в наступление. В Анжу граф Фульк, в свою очередь, вознамерился продолжать политику Жоффруа Мартеля, проявляя пристальный интерес к Мэну. Сколь бы ни были слабы оба эти человека по отдельности, вместе они, учитывая сложившиеся обстоятельства, служили для Вильгельма источником серьезных забот.

Первые столкновения возникли в связи с фламандским наследством. После Балдуина VI остались два сына, один из которых, тоже Балдуин, унаследовал Эно, а другой, Арнульф, получил Фландрию. Однако оба они были еще малолетними, и их мать Рихильда осуществляла регентство за Арнульфа, за Балдуина же правил их дядя Роберт, женившийся на вдове Флоренса Голландского. При этом оба регента не ладили друг с другом. Рихильда, опасавшаяся амбициозного Роберта, со дня на день ждала агрессии с его стороны. Дабы обезопасить себя и своего подопечного, она обратилась за помощью к королю Франции, одновременно

предложив свою руку славнейшему из рыцарей, отвагой которого она восхищалась и который, как она полагала, сумеет ее защитить — Гильому Фиц-Осберну.

Тот в это время находился в Нормандии при королеве Матильде. Получив необходимое разрешение от Вильгельма, он, точно герой романа, помчался на помощь даме, терпевшей притеснения. Но, едва успев появиться у нее, он угодил в ловушку и был убит одновременно с юным Арнульфом. Рихильда еще пыталась продолжать борьбу, прибегнув к помощи епископа Льежского, но, потерпев поражение при Монсе, она отказалась от Фландрии в пользу Роберта и ушла в монастырь.

В этом конфликте король Вильгельм потерял своего лучшего друга и одного из самых отважных рыцарей — вполне достаточный повод для вмешательства. Ссылаясь на попрание законных прав Балдуина, он отказался признать Роберта графом Фландрии. В этой ситуации Филипп I конечно же сделал свой выбор в пользу Роберта, признав его законным наследником Фландрии и заключив с ним политический союз.

Вести, приходившие из Нортумбрии, заставляли Вильгельма опасаться новых осложнений, источником которых становилась Шотландия. Он решил уничтожить этот притон изгнанников и лиц, объявленных вне закона. Была подготовлена крупномасштабная военная экспедиция, командование которой он взял на себя. Собрав ополчение, он отдал флоту приказ следовать в северном направлении, параллельно сухопутному маршруту армии.

Летом 1072 года Вильгельм выступил в поход. Миновав Йорк с его разоренной округой, затем Дарем и

форсировав реку Тайн, он вторгся в страну вересковых зарослей, голых холмов и людей, говоривших на непонятном языке и придерживавшихся диковинных обычаев. Малькольм предпочел отступить, избегая сражения. Продолжая движение по низинной Шотландии, Вильгельм настиг его близ Абернети на реке Тей, принудив к капитуляции. Малькольм покорился, повторив однажды уже принесенную им вассальную присягу и дав в заложники Дональда, своего сына от первого брака. Тем самым он признал новое положение вещей, пообещав не оказывать более поддержки Эдгару, незадачливому экс-королю Англии. Тот незамедлительно покинул Шотландию, найдя себе прибежище во Фландрии. Вильгельм удовольствовался этими полумерами, видимо, не имея возможности добиться большего. Он возвратился в Англию, вопреки своему обычаю не оставив на шотландской территории каких-либо укреплений. Похоже, он положил предел своей экспансии. Берниция и Нортумберленд должны были стать пограничными областями, в которых надлежало, даже не пытаясь склонить на свою сторону местное население, создать эффективную нормандскую администрацию. По возвращении из Шотландии Вильгельм назначил епископом Дарема Гоше, клирика из Лотарингии, для которого приказал соорудить замок, чтобы тот мог укрыться от своей паствы. Госпатрика, который, как подозревали, был замешан в убийстве Роберта де Коммина, он лишил должности эрла Берниции. Делая последнюю попытку примирения с представителями местной знати, он назначил эрлом Нортумбрии Вальтеофа. Госпатрик же, подобно многим другим, бежал в Шотландию, где его следы затерялись.

Видимо, к этому периоду жизни Вильгельма Завоевателя относятся два сомнительной достоверности эпизода, о которых рассказали Ордрик Виталь и Вильгельм Мальмсберийский. В ходе одной

военной экспедиции король соблазнил дочь некоего англосаксонского священника и какое-то время жил с ней. Королева Матильда узнала об этом и, разъярившись от ревности, велела одному из своих слуг проникнуть к этой твари и отрубить ей ногу. Расправа радикальная и, вероятно, символическая, заключающая в себе какой-то магический смысл. Спустя некоторое время, уже в Нормандии, Вильгельм в другой раз поддался бесу похоти, сраженный во время конного перехода через лес прелестями двух юных девиц. На сей раз Матильда решила прикончить своих соперниц, подослав наемных убийц, однако Вильгельм перехватил их и обратил в бегство. После этого, поразмыслив, он выдал обеих своих зазноб замуж, наделив их богатым приданым...

В 1073 году Вильгельм решил, что может, наконец, без риска покинуть Англию. Уже пять лет он не пересекал Ла-Манш. Интриги короля Филиппа I и нового графа Фландрии побуждали его к действию. Он причалил к берегам Нормандии во главе англо-нормандской армии, достаточно внушительной, чтобы отбить охоту как у обоих графов, Фландрии и Анжу, так и у короля интриговать против него. Но для этого потребовались время и личное присутствие, и Вильгельм пробыл в Нормандии два года. Видимо, ситуация в Англии не вызывала у него опасения, представляясь достаточно стабильной. Там рождался новый мир. В 1073 году в Линкольне приступили к строительству нового собора, как раз в то время, когда в Кане состоялось торжественное освящение монастырской церкви Святого Стефана. После долгих лет, проведенных в войнах за морем, Вильгельм снова посвятил себя континентальной политике. Он пообещал Альфонсу VI, королю Леона, руку своей дочери Алисы, вечной невесты, но та, храня в душе верность Гарольду, отказалась от этого брака. Ее уговорили, однако

меланхолия подточила ее жизненные силы, и она в 1073 году умерла, не успев отправиться к суженому в Испанию.

Тем временем в Риме разгорался конфликт между папой Александром II и императором Генрихом IV, попытавшимся (что вполне соответствовало сложившемуся к тому времени обычаю) посадить своего ставленника на кафедру Миланского епископства. Александр отлучил от церкви императорских советников, но 21 апреля 1073 года самого его настигла смерть. Прямо во время похоронной церемонии жители Рима ворвались в собор и провозгласили новым папой кардинала Гильдебранда. Духовенство тут же поддержало этот выбор, и новоизбранный папа взял себе имя Григория VII.

Король Филипп I, сгоравший от нетерпения взять реванш над своим нормандским вассалом, но неспособный к проведению последовательной политики, перешел к тактике булавочных уколов, которой придерживался до самой смерти Вильгельма Завоевателя. Летом 1074 года он поддержал экс-короля Эдгара, который после пребывания во Фландрии снова направился в Шотландию, пожаловав ему город Монтрёй-сюр-Мер, единственный имевшийся в его распоряжении порт. Этот портовый город, расположенный между графством Понтьё и Булонью, представлял собой отличную базу для подготовки вторжения в Англию, поэтому стал центром, где плелись антинормандские интриги. Эдгар принял помощь короля Франции, вышел в море, но буря выбросила его на английский берег. Ему удалось бежать и в жалком виде добраться до Шотландии, оставив множество своих людей на произвол нормандцев. По совету Малькольма он отказался от всех притязаний и отправил Вильгельму сообщение, что подчиняется его воле. Король-герцог послал за ним, с

честью принял его и пожаловал ему земельные владения. На этом политическая карьера Эдгара закончилась.

Последний мятеж

Ланфранк, в отсутствие короля официально правивший Англией, в 1074 году приступил к строительству в Кентерберии нового кафедрального собора в нормандском стиле, который должен был заменить собор, строительство которого началось при его англосаксонском предшественнике, но так и не закончилось до 1066 года.

После 1071—1072 годов нормандцы держали Англию крепкой хваткой. Количество владений эрлов сократилось, причем шесть из них попали в руки «французов». Так, Херефорд достался Роже де Бретею, сыну злодейски убитого Гильома Фиц-Осберна, ограниченному и весьма бесхарактерному молодому человеку. И все-таки эти княжества, почти не контролируемые со стороны центральной власти, хотя и изменили свою природу, представляли собой определенную угрозу для короля. В 1075 году Роже де Бретею предложил свою сестру Эмму в жены Раулю де Вадеру. Вильгельм, проинформированный об этом проекте, решительно воспротивился. Он опасался возникновения слишком крупных вотчин в недрах своего королевства. Рауль и Роже восприняли этот отказ как личное оскорбление и, обдумывая, как бы отомстить королю, обошлись без его согласия, сыграв намеченную свадьбу, на которой присутствовал и Вальтеоф. Рассчитывая на его благосклонность, Рауль и Роже прямо при нем обсуждали план задуманного мятежа. Разгорячившись, они говорили о низложении короля Вильгельма, перечисляя его преступления.

Вальтеофу, если он присоединится к их заговору, они обещали треть королевства. Возмущенный Вальтеоф отказался, но при этом согласился присягнуть, что не выдаст их секрета. Его супруга Юдит, нормандка, слушала и молчала.

Свен Эстридсен и на этот раз пообещал заговорщикам предоставить в помощь флот. В ожидании его Рауль и Роже собирали свои войска. Рауль вызвал ополчение из своих владений в Бретани. Около 80 километров территории, находившейся под королевским управлением, разделяли их владения. Они собирались прогнать оттуда представителей короля и установить там свои порядки. Ланфранку было известно об их замыслах. Хладнокровие этого семидесятилетнего старца спасло королевство. Он отлучил от церкви заговорщиков и стал готовить им вооруженный отпор, предварительно уведомив короля. Вильгельм всецело положился на Ланфранка и на людей из его окружения. Что касается Ланфранка, то он уже успел удостоверить в верности королю мелких землевладельцев и крестьян из числа англосаксов. Он поручил оборону против Роже де Бретея шерифам и танам Уорчестершира, к которым присоединились епископ Вульфстан, англосаксонский аббат Ившема и нормандец Готье де Ласи. Состав участников обороны свидетельствовал об успехах интеграции в этом регионе.

Не успев вступить в бой, Роже был схвачен своими же. Рауль тем временем шел на соединение со своим союзником и еще на пути подвергся атаке. Его люди разбежались, но ему самому удалось добраться до Дании, где он намеревался присоединиться к Свену Эстридсену. Ланфранк, будучи уверенным, что все кончено, передал эту добрую весть в Нормандию. Однако Рауль, прежде чем исчезнуть, наказал своей молодой жене удерживать замок Норвич. И Эмма,

достойная дочь Гильома Фиц-Осберна, три месяца героически удерживала его, со дня на день ожидая возвращения своего супруга. В конце концов ей пришлось согласиться на почетную капитуляцию, после чего она отправилась в Бретань в сопровождении своих людей — бретонцев по происхождению.

Тем временем датский флот в составе двухсот судов под командованием младшего сына Свена вошел в устье река Хамбер. Из Нормандии Вильгельм отдал епископу Дарема распоряжение оборонять северные рубежи королевства. Однако датчане, избегая прямого столкновения с его войском, ограничились разграблением кафедрального собора Йорка, после чего погрузились на свои суда и отправились к берегам Фландрии. Прибывший с ними Рауль де Вадер отправился в Бретань в объятия своей супруги. Спустя некоторое время смерть забрала Свена Эстридсена.

В конце осени 1075 года Вильгельм снова прибыл в Англию, на сей раз не как военный предводитель, а как вершитель правосудия. На Рождество состоялся суд над мятежниками. Английские владения Рауля были конфискованы. В отношении Роже де Бретея Вильгельм проявил неслыханную снисходительность: он не мог решиться сурово покарать сына того, кто на протяжении тридцати с лишним лет был для него больше, чем братом. Хотя он и лишил Роже свободы, но условия заключения были исключительно мягкими, а через несколько лет он собирался и вовсе освободить его. Однако все вышло иначе: на Пасху король хотел подарить своему юному пленнику роскошную шелковую мантию с меховой отделкой, но Роже, схватив это драгоценное одеяние, с яростью швырнул его в огонь

камина. Это было уже личное оскорбление, которого Вильгельм никому и никогда не прощал. Он приговорил Роже к вечному заточению.

Оставался англосакс Вальтеоф, хотя и непричастный к мятежу, однако скомпрометированный. Ему одному и пришлось нести бремя беспощадного наказания. Его выдала супруга Юдит, сообщив кому следует о беседе заговорщиков во время свадебного пира. Подругой версии, Вальтеоф сам во всем признался Вильгельму, предложив ему, дабы загладить свою вину, большой выкуп. Тем самым он, присягнув заговорщикам не выдавать их тайны, совершил клятвопреступление, за которое Ланфранк со своей стороны наложил на него каноническое покаяние. Королевский приговор был страшен. Вальтеоф, задержанный близ Хамбера (не пытался ли он искать убежища у датчан?), был брошен в темницу в Винчестере. В мае 1076 года он еще находился там. Быть может, Вильгельм колебался относительно окончательного приговора ему? Похоже, Ланфранк ходатайствовал за него. Однако в конце мая Вильгельм все-таки приговорил несчастного к смерти. На рассвете 31 мая охрана вывела его из темницы и поволокла на холм неподалеку от города, где должна была совершиться казнь. Шесть месяцев тюремного заключения сломили этого сурового и гордого человека с темпераментом лесного зверя. Он пал на колени перед своими палачами, умоляя их о пощаде. Однако те торопились закончить начатое, опасаясь, как бы помилование в последний момент не помешало им исполнить то, что они считали необходимым для общественного блага. Они подняли Вальтеофа с колен и, подталкивая, погнали вперед. Тот умолял их позволить ему хотя бы прочесть перед смертью «Отче наш». Стоя на коленях, он почти беззвучно, одними губами, бормотал молитву. Он не успел закончить: при словах «во искушение» рыдания перехватили его горло.

Последовавший тут же удар меча прекратил его страдания...

Спустя тридцать лет монахи Кроуленда, на кладбище у которых было погребено его тело, рассказывали, что голова, отделенная от туловища, закончила прерванную молитву. Вальтеоф составил компанию Гереварду, войдя в легенды и баллады. Англосаксонский народ сделал из него святого мученика, принявшего смерть за окончательно проигранное дело.

Глава третья. В ПОИСКАХ РАВНОВЕСИЯ (1076-1084)

Величие и терзания

Возвращение Рауля де Вадера в Бретань с новой силой распалило там утихшую было гражданскую войну. Герцог Конан II, умерший холостяком десятью годами ранее, оставил герцогство своей сестре Авуазе, супруге графа Корнуэльльского Хоэла, который с тех пор фактически и правил там. Группа недовольных его засильем сплотилась вокруг Жоффруа Усатого, графа Ренна, бастарда бывшего герцога Алена III. Сразу же по прибытии Рауль пополнил собою ряды сторонников Жоффруа. Объединив свои войска, они предприняли успешную атаку на замок Доль, овладев им. Часть герцогства была охвачена открытым мятежом. Хоэл, оказавшись в весьма затруднительном положении, срочно отправил в Англию гонца к королю Вильгельму, чтобы просить его о помощи. Захват Доля создавал угрозу для пограничных территорий Нормандии, поэтому Вильгельм, собрав англосаксонское ополчение, в конце лета или в начале осени 1076 года отправился за море. Его целью был замок Доль, к осаде которого он, верный своей тактике, немедленно приступил. Тогда Рауль и Жоффруа обратились к королю Франции, который всегда был рад случаю навредить нормандцам. Правда, Филипп I, не надеясь на свои собственные силы, сначала отправился в Пуатье, где в октябре 1076 года получил от герцога Аквитанского Ги-Жоффруа военную помощь, взамен предоставив некоторые привилегии аббатству Монтьернёф, недавно учрежденному герцогом с целью умиловить папу римского, дабы

тот прекратил противиться его браку с собственной кузиной Одеардой. Когда Филипп I во главе многочисленного войска подошел к Долю, для Вильгельма это оказалось неожиданностью, и он отступил, полагая тщетным пытаться оказывать сопротивление. Возможно, он не доверял своему войску, состоявшему в основном из англосаксов. Он отступил столь стремительно, что повозки с его скарбом не поспевали за ним и попали в руки людей короля.

Война в Бретани продолжалась еще три года. В конце концов в 1079 году Хоэл одержал верх, но Вильгельм еще долго после этого не появлялся на другом берегу реки Куэнон. Это было его единственное военное поражение за все годы правления. Он уже приближался к своему пятидесятилетию. Начавшаяся полнота затрудняла его движения, но хуже всего было то, что телесная тучность усугублялась душевной усталостью. Энергии ему было по-прежнему не занимать, но появилось осознание хрупкости человеческого бытия, неумолимо движущегося к своему концу. Его окружение более или менее смутно ощущало, что король меняется. Пережившие его сохранили в своей памяти представление (несомненно, ошибочное) о последних десяти годах его правления как периоде упадка. В Англии кое-кто был склонен усматривать в этом своего рода небесную кару за предание Вальтеофа казни.

Им восхищались как воином, удачливым авантюристом, обладателем фантастических богатств, опасались его ярости, добивались союза с ним. Никто не понимал глубинного смысла совершенного им завоевания: оно, обрубив нити, связывавшие Англию с нордическим миром, завершило формирование рамок и среды, в которых нарождалась цивилизация, со временем превратившаяся в мировую. Тогда как Скандинавия, предоставленная своей собственной

судьбе, все больше теряла политическое значение, Англия, став неотъемлемой частью Европы, пошла в авангарде мирового развития. Однако в глазах тех, кто участвовал в этих событиях или хотя бы являлся их свидетелем, новаторский характер происходившего был далеко не столь очевиден. В открывавшейся тогда исторической перспективе Рим, например, усматривал лишь шанс для продолжения церковной реформы. В действительности же новаторство политики Вильгельма и его ближайшего окружения заключалось в том, что они, несмотря на совершавшееся ими насилие, старались опираться в своей деятельности на нормы права. Так, предпринимавшиеся в 1065—1066 годах попытки найти правовое оправдание предстоящей военной акции были для XI века чем-то совершенно новым, не сводящимся исключительно к политике поддержания «Божьего мира».

После одержанной победы эта ориентация на соблюдение правовых норм еще больше укоренилась. Отныне поддержание законности стало государственной политикой^[32]. Именно тогда к английскому двору стали привлекать ученых людей, проявляя интерес к наиболее серьезной и «целенаправленной» (то есть поставленной на службу королевского двора) интеллектуальной деятельности. Там редки были проезжие поэты: так, однажды анжуйский клирик по имени Марбод, поднимая бокал за королевским столом, импровизированно прочитал эпиграмму латинскими стихами; Гуго, епископ Лангрский, прибыв с визитом, гекзаметрами приветствовал гостеприимного хозяина, Вильгельма Завоевателя; Фульк, архидиакон из Бовэ, адресовал ему стихотворное послание. Вильгельму льстили подобного рода выражения почтительности, но он не придавал им большого значения. В его окружении встречались,

наряду с королевским золотых дел мастером Оттоном, изделия которого пополняли государственную казну, главным образом такие люди, как юрист Ланфранк, теолог Ансельм и историографы, призванные увековечить его деяния, — Ги Амьенский, Гильом Жюмьежский, анонимный автор сочинения «О короле Вильгельме» и Гильом из Пуатье. Король, как рассказывает Ордерик Виталий, помогал им в их трудах и не раз поддерживал их важные начинания. Тогда же нормандцы, осевшие в Италии, нашли в лице Эме, монаха из Монте-Кассино, первого повествователя об их подвигах.

Гильом, монах из Жюмьежа, автор «Истории нормандских герцогов», в 1071 или 1072 году посвятил свой труд «благочестивому, победоносному и твердому в вере верховному правителю Англии». В седьмой книге этой «Истории...» повествуется о его славном правлении до подавления мятежа в Нортумбрии включительно — рассказ, ставший официальной версией завоевания Англии нормандцами, который в XII веке прокомментировал в менее конформистском духе Ордерик Виталий и который продолжил Роберт де Торины. Капеллан Гильом из Пуатье в 1073—1074 годах сочинил «Деяния Вильгельма», скорее панегирик, чем биографию. Это компилятивное сочинение, изобилующее весьма вольными заимствованиями из произведения Гильома Жюмьежского, дошедшее до нас в урезанном виде (его окончание утрачено), символическим образом обрывается на рассказе о гибели Эдвина. Это — своего рода апология, построенная на резких противопоставлениях, превознесении добрых и разбивании в пух и прах злых. Она свидетельствует о потребности, которую испытывал тогда Вильгельм Завоеватель, убедить весь мир в своей правоте. Автор рисует идеальный портрет короля, видимо, такой, какой хотела представить

официальная нормандская пропаганда. Великодушие, превозносимое Гильомом, было, строго говоря, достоинством, которое Вильгельм Завоеватель в реальности демонстрировал меньше всего. Своего персонажа автор представляет в поистине классическом величии, то Ахиллом или Энеем, то Цезарем или Титом, а его возвращение в 1067 году в Руан напоминает триумф Помпея. Гильом полной мерой черпает материал и вдохновение из сочинений Вергилия и Стация. Вместе с тем эта компиляция изобилует точными деталями, верными наблюдениями, меткими замечаниями. Красной нитью через произведение проходит великая идея, более или менее прямо заимствованная из римского права: существуют естественные законы, регулирующие отношения между правителями, действующими отнюдь не по законам джунглей. Любой поступок короля сам по себе мало что значит, поэтому справедливый король (Вильгельм) у Гильома из Пуатье противопоставляется тирану (Гарольд) — таким образом, представление о справедливости входит в понятие законности.

* * *

Судьба наиболее жестоко уязвила Вильгельма через его детей. Его дочери ускользали от него одна за другой. Агата, несостоявшаяся невеста Эдвина, в свою очередь постриглась в монахини. Второй сын, Ричард, безвременно ушел из жизни спустя несколько лет после завоевания Англии в результате несчастного случая на охоте в окрестностях Винчестера. Четвертый сын был еще ребенком. На старшего сына, Роберта, и третьего, Вильгельма, уже взрослых людей, качества, обеспечившие их царственному отцу общественный авторитет и признание, похоже, не производили

должного впечатления. За младшим Вильгельмом закрепилось латинское прозвище *Rufus* (Красный), намекавшее то ли на ярко-рыжий цвет его волос, то ли на красный цвет лица. Он был скорее жесток, нежели храбр, мешал с отвагой коварство, был расточителен и предельно приземлен в своих интересах, время от времени раздражался внезапными приступами веселья, был горделив и некультурен, являлся врагом духовенства и к тому же гомосексуалистом. Один только Ланфранк оказывал на него какое-то влияние, обуздывая худшие проявления его натуры.

Роберт походил характером на Вильгельма Рыжего, хотя и отличался большим чистосердечием. То привлекательный, то вызывавший презрение, он, в сущности, был противоположностью своего отца, хотя и не уступал ему в храбрости. Коренастый и приземистый, получивший за это прозвище Коротконогий, взбалмошный и легкомысленный до наивности, ленивый, склонный к разгульному образу жизни, он ближе других был со своим дядей, Одо из Байё, но не обладал его энергией. Своей непоседливостью и ребяческой наивностью он легко завоевывал симпатии окружающих. Тяга к наслаждениям побуждала его вести «современный» образ жизни, предаваясь роскоши и галантному времяпрепровождению. Его отец, не имевший ни способности, ни желания понимать все тонкости этой непостоянной натуры, не скрывал своего недовольства им. В 1073 году он пожаловал Роберту титул графа Мэна, однако рассматривал его как своего рода подставное лицо, продолжая именовать себя в официальных документах «государем обитателей Мэна», что могло быть истолковано как откровенное пренебрежение новоявленным «графом». Еще в 1066 году Роберт был объявлен наследником герцогства Нормандского, поэтому, возмужав, он заявлял о своем намерении реально управлять им в период отсутствия

там своего отца, но тот совершенно не принимал в расчет подобного рода притязания. Между ними назревал конфликт. Поднимая мятеж, Роже де Бретей и Рауль де Вадер, похоже, считали неминуемым разрыв между отцом и сыном, намереваясь извлечь из этого собственную выгоду.

Этот разрыв и в самом деле произошел, но позднее, в конце 1076-го или в начале 1077 года. Королевская семья, рассказывает Ордерик Виталий, тогда находилась в имении одного из своих вассалов. Однажды, когда Роберт развлекался во дворе со своими друзьями, его младшие братья, высунувшись из окна, в шутку окатили его водой из ведра. Вне себя от ярости Роберт бросился в дом. Отец остановил его и стал читать ему наставление, однако Роберт оборвал его на полуслове: «Я не для того здесь, чтобы выслушивать наравоучения, господин король! Назначенные тобою наставники до тошноты напичкали меня ими!» Слово за слово, и между ними разгорелась шумная ссора. Роберт настаивал, чтобы отец в конце-то концов отдал ему обещанную Нормандию. Ответ Вильгельма был по-королевски лаконичен: «Я раздеваюсь, только когда отправляюсь спать!»

Окружавшие Роберта товарищи подталкивали его к восстановлению справедливости. Ночью эта компания молодых людей покинула гостеприимный дом и направилась в Руан, цитадель которого Роберт попытался захватить внезапным налетом, однако получил от гарнизона достойный отпор. Тогда он бежал в Перш, где нашел прибежище у Гуго де Шатонёфа, сочувствовавшего пресловутой Мабиль де Беллем. Феодалные интриги вновь сотрясали этот приграничный регион, в котором многие сеньоры являлись вассалами короля, поскольку часть своих доменов они держали как королевские пожалования. Гуго предоставил свои замки Сорель и Ремалар в

распоряжение Роберта и его товарищей, молодых рыцарей, принадлежавших к самым древним нормандским родам. Горячие, отважные, с нетерпением искавшие случая показать свою силу и расточавшие ее в не суливших ничего хорошего авантюрах, они, едва выйдя из детского возраста, стряхнули с себя все ограничения, налагаемые дисциплиной. Отсюда проистекали их дружба, взаимное доверие и одинаково разгульная жизнь. Отныне они на долгие годы будут неразлучны.

Король конфисковал земли мятежников и направил на усмирение своего сына графа Ротру, сюзерена Гуго де Шатонёфа. Роберт, не выдержав натиска, бежал во Фландрию, однако граф Фландрский Роберт отказался прийти к нему на помощь. Отряду золотой молодежи пришлось удалиться, но вместо того, чтобы загладить свою вину, они продолжили развеселую жизнь, на протяжении почти двух лет переезжая в компании трубадуров, музыкантов и девиц легкого поведения от одного двора к другому, где их хорошо принимали, но старались поскорее спровадить с глаз долой. Однако чтобы вести такой образ жизни, нужны были деньги, а где их взять? Королева Матильда, разрывавшаяся между супругом и сыном, старалась не замечать вины последнего и тайком снабжала его деньгами, которые извлекала из королевской казны, хранившейся в замках Кана и Фалеза, поскольку, будучи регентшей герцогства, имела доступ к ней. Вильгельму вскоре открылась эта растрата государственных средств, явившаяся страшным ударом как по доверию, которое он всегда питал в отношении своей жены, так и по его самолюбию. Душевные муки породили в нем ярость. Между супругами разыгрался страшный скандал. Вильгельм велел доставить к себе связного Матильды с Робертом, бретонца по имени Самсон, и приказал выколоть ему глаза. Однако добрые люди помогли

несчастному скрыться, и он, охваченный страхом, бежал в монастырь Сент-Эвруль, где и принял монашеский постриг. Пребывавшая в полном отчаянии Матильда обратилась, как рассказывает Ордерик Виталий, к некоему популярному тогда германскому прорицателю, ответ которого, как всегда достаточно туманный, казалось, предвещал катастрофу...

Тем временем король Филипп I, узнав об этой драме, вознамерился воспользоваться ею. После неудачной попытки Вильгельма захватить Долю он находился, по крайней мере временно, в выигрышном положении. В 1077 году он созвал в Орлеане генеральную ассамблею своих крупных вассалов, присутствуя на которой, Вильгельм был вынужден заключить мир с королем Франции, в ознаменование которого он уступил в королевский домен восточную часть графства Вексен; весьма кстати незадолго перед этим тамошний граф ушел в монастырь, принудив последовать его примеру и свою молодую супругу вечером того же дня, когда был заключен их брак... Не утруждая себя поиском оригинальных решений, Филипп повторил с Робертом Коротконогим такой же маневр, какой в свое время предпринял с Эдгаром: он пожаловал ему в 1078 году замок Жерберуа в Бовэзи. Роберт со своими друзьями устроился там, принимая к себе всех искателей приключений, как из Иль-де-Франса, так и из Нормандии.

Вильгельм без спешки готовил свои ответные меры. Ему удалось без особого труда уговорить короля бросить Роберта на произвол судьбы. Затем он, разместив своих людей в замках поблизости от Жерберуа, под Рождество лично приступил во главе англо-нормандского войска к осаде этого вражеского оплота. В конце третьей недели осажденные предприняли вылазку. Завязалось ожесточенное сражение. Неожиданно, в самый разгар схватки, отец и

сын встретились лицом к лицу, тут же бросившись друг на друга. Под Вильгельмом рухнула лошадь, и Роберт прицельным ударом копья ранил его в руку. Наверное, он собирался убить его, но промахнулся. Вмешательство нормандских рыцарей прекратило поединок отца и сына. Весть об этом скандальном происшествии разнеслась по королевству. Король Филипп I лично прибыл в лагерь нормандцев. Советники Вильгельма и все духовенство Нормандии требовали примирения. Тогда Вильгельм снял осаду и возвратился в Руан, а Роберт на какое-то время отправился во Фландрию. За этим последовал мир, хотя и хрупкий. Роберт вернулся ко двору своего отца, возвратившего ему конфискованные имения и права на герцогство Нормандское.

Как раз тогда, в 1079 или в начале 1080 года, обострилась обстановка на другом конце англо-нормандского мира: шотландцы под предводительством своего короля Малькольма в очередной раз вторглись в северные пределы Англии, опустошив территорию вплоть до реки Тайн. Епископ Даремский Гоше, ответственный за оборону этого края, ничего не сделал.

Вильгельм воспользовался этим случаем, вероятно, для того, чтобы испытать своего раскаявшегося сына — если не для того, чтобы услатить его подальше от себя. Он поручил ему командование карательным отрядом, направлявшимся в Шотландию, чтобы принудить короля Малькольма принести вассальную присягу правителю Англии. При поддержке своего дяди Одо Роберт продвинулся вглубь шотландской территории до Фолкирка на реке Форт и, не добившись ни малейшего положительного результата, повернул назад. На обратном пути он построил на Тайне крепость Ньюкасл, положившую начало го-роду с тем же названием и

предназначавшуюся для сдерживания агрессии шотландцев.

Причиной столь быстрого возвращения, вероятно, послужил королевский приказ. Начавшиеся в мае беспорядки в Дареме потребовали срочного вмешательства^[33]. Епископ Гоше, неспособный навязать свою волю непокорному местному населению, всецело поглощенный церковными делами, делегировал политические полномочия одному из своих родственников по имени Жильбер. Вместе с тем при епископском дворе пользовались неограниченным влиянием два фаворита — тан Лигульф и капеллан Леобвин, между которыми в 1080 году разгорелась вражда. Леобвин вступил в сговор с Жильбером, намереваясь организовать покушение на Лигульфа. Гоше своевременно узнал об этом замысле и, придя в ужас от собственного открытия, созвал общее собрание свободных людей своей епархии. Ощущая враждебное к себе отношение со стороны местного населения, он, дабы заручиться покровительством святого места, решил проводить собрание в церкви. Однако и это не помогло: во время вспыхнувшего мятежа церковь подожгли, и Гоше погиб в пламени пожара вместе со многими «французами» и фламандцами.

Получив приказ совершить акт возмездия, Эд и Роберт подвергли окрестности Дарема такому опустошению, которое превзошло своей жестокостью репрессии, в свое время проводившиеся Вильгельмом в Йоркшире. Однако и эти меры не привели к быстрому результату: потребовалось около десяти лет беспощадного подавления любых проявлений недовольства, чтобы окончательно «умиротворить» этот регион.

В самый разгар этой карательной экспедиции Роберт Коротконогий бесследно исчез. Миссия,

порученная ему отцом, предполагала наличие у него воли к поддержанию любой ценой единства управления в Нормандии и Англии. Но как раз этого-то Роберт не понимал и не допускал. Он предпочел вновь пуститься в странствия, отправившись в Южную Италию. Он привязался не столько к самой стране, сколько к царившей там среди знати роскоши и нравам, впитавшим в себя восточную изнеженность арабов и византийцев. Спустя семь лет он привез оттуда в Нормандию экстравагантные моды: мантии со шлейфом, невиданные прически (выбрасывание волос спереди и отращивание сзади) и те самые короткие сапожки, которым он обязан своим вторым прозвищем — Роберт Короткий Сапог (*Courte-Heusé*).

Папа и король

В самом начале своего понтификата на церковных соборах, проведенных в Риме в 1074 и 1075 годах, Григорий VII предал анафеме николаизм, запретив верующим даже присутствовать на мессах, проводимых женатыми или сожителем с женщинами священниками. Настойчиво требуя неукоснительного соблюдения дисциплинарных аспектов церковной реформы, новый папа опирался на клюнийское движение, находившееся тогда в апогее своего развития. Он склонен был делать упор на этические ценности, которые содержал в себе идеал монастырской жизни. Вместе с тем его программа включала в себя политические идеи, на протяжении вот уже полувека отстаивавшиеся папством. Он сам, еще будучи кардиналом, немало размышлял над ними, придавая им концептуальное оформление и тот динамизм, который рано или поздно привел бы к практическому их применению. Став папой, он, по

примеру своего предшественника, уже успел привязать к себе узами вассальной присяги несколько государей, правивших на периферии христианских земель: в 1074 году — короля Венгрии, а в 1076-м — Хорватии. Кроме того, он ввел в литургию два вида елея: один использовался при помазании епископов, а другой — во время королевской коронации. Тем самым он уменьшил значение, которое обычно придавалось помазанию светского владыки при совершении обряда коронации, чего никак не хотели допустить Вильгельм и его преемники на английском престоле.

В 1075 году Григорий VII бросил императору неслыханный с точки зрения феодального мира вызов, опубликовав декрет, вошедший в историю под названием *Dictatus papae* («Папское повеление»), которым он, обобщив ранее изданные папские буллы, прямо и недвусмысленно запрещал прелатам и прочим клирикам принимать светскую инвеституру. Тем самым он со своим негибким и лишенным малейшей дипломатичности характером подверг Церковь испытанию на прочность, последствий которого, возможно, и сам не предвидел. Император Генрих IV, человек в расцвете своих молодых сил (тогда ему как раз исполнилось 25 лет), по характеру чем-то напоминавший Вильгельма Нормандского, считал своей главной задачей вернуть себе всю полноту власти, на которую покусились его подданные-феодалы, римский же понтифик посягнул не только на его традиционные права, но и на саму разделявшуюся многими идею христианской Римской империи. На Рождество 1075 года, когда Григорий VII проводил торжественную мессу в римском соборе Санта-Мария-Маджоре, в храм ворвались вооруженные люди, схватили его, стащили с амвона и несколько часов удерживали в заключении, пока возмущенный народ не освободил его. В 1076 году синод германского

духовенства по требованию императора объявил папу низложенным. В ответ на это римский понтифик низложил императора, подтолкнув тем самым его вассалов к мятежу. Что за этим последовало, известно всем: изъятие Генрихом IV мнимой покорности и вымаливание им прощения январской ночью 1077 года у ворот замка Каносса...

Долго ли могло Англо-Нормандское королевство избегать втягивания в подобного рода конфликт? Уже Григорий VII тщетно пытался протестовать против привилегии, которую в 1068 году получил в Риме герцог-король Вильгельм для учрежденного им аббатства Святого Стефана в Кане: оно, вопреки клюнийскому уставу, подчинявшему монастыри непосредственно юрисдикции Святого престола, зависело от Руанского архиепископства. Вильгельм отказывался от какого бы то ни было изменения этого порядка, поэтому с тех пор и до конца его правления ни одно из аббатств Нормандии не получало папских привилегий. По воле случая Гильдебранд взшел на престол святого Петра как раз в то время, когда Вильгельм, завершив свое трудное завоевание, более не испытывал, как прежде, потребности в поддержке со стороны папского Рима. У него уже было больше свободы для маневра, когда идеи, высокомерно провозглашенные новым папой, породили в нем желание дистанцироваться от папской курии и даже, возможно, ослабить связи с ней англо-нормандского духовенства. Он запретил Ланфранку отправляться в Рим на церковные соборы, которые проводились в те годы, и Ланфранк подчинялся ему — значительно охотнее, чем папе. В 1078 году состояние здоровья архиепископа Руанского Иоанна ухудшилось настолько, что он не мог исполнять свои обязанности, и герцог-король выбрал в замену ему Вильгельма, прозванного Добродушным, — монаха Бекского монастыря,

известного своей ученостью и благочестием. Григорий VII отказался утвердить это назначение и направил в Нормандию одного из своих клириков с наказом расследовать дело. Примерно тогда же он наделил архиепископство Лионское верховными правами по отношению к архиепископствам Турскому, Санскому и Руанскому, что означало упразднение церковной автономии Нормандии. Герцог-король ответил протестом, выдержанным в достаточно почтительных тонах и не затрагивавшим глубинной сущности проблемы, одновременно побудив к действию своих друзей в Риме. Завязалась переписка, в которой обсуждалось множество второстепенных вопросов и не затрагивалось главное. В 1080 году конфликт был потихому урегулирован: верховенство Лиона осталось мертвой буквой, Вильгельм Добродушный был утвержден в своей должности, а Григорий VII согласился даже вступить в контакт с Робертом Коротконогим, дабы побудить его к более достойному поведению.

Но вернемся к конфликту папы с императором, который, временно утихнув, разгорелся с новой силой. 7 марта 1080 года, несмотря на «хождение в Каноссу» Генриха IV, Григорий VII во второй раз отлучил его от церкви, открыто заявив о своей поддержке Рудольфа, которого мятежные германские феодалы избрали антикоролем в пику Генриху. Пикантность ситуации состояла в том, что против этого нового «короля» было почти все германское духовенство. Ввязавшись в бескомпромиссную борьбу с императором, Григорий VII вынужден был, хотел он того или нет, поддерживать отношения с королем Англии. 24 апреля он отправил к Вильгельму пространное послание, в котором, не скупясь на похвалу в адрес Завоевателя, как бы между прочим напомнил об услугах, в свое время оказанных ему папой. Это была лишь подготовка почвы для более

решительного демарша. 8 мая он отправил со своим легатом в Руан другое послание, в котором сравнивал, прибегая к риторическим оборотам, полным двойного смысла, власти церковную и королевскую, соответственно, с солнцем и луной, которые оба светят, но вторая заимствует свой свет у первого. Эта принципиальная декларация должна была подготовить устное сообщение легата, передавшего два требования своего хозяина: более пунктуально выплачивать подать, высокопарно именовавшуюся денарием святого Петра, — и принести вассальную присягу Святому престолу за вновь приобретенные земли. Вильгельм холодно отверг второе требование, которого, как он заметил, не одобряют английские обычаи. Что же до первого, то его он в принципе согласился удовлетворить, поскольку и другие независимые государства платили Риму. Трудно сказать, какой оборот приняло бы это дело, если бы не бурные события, вскоре развернувшиеся в Италии.

Тридцать первого мая, вскоре после прибытия папского легата, Вильгельм созвал в Лильбонне провинциальный собор. Принятые на нем решения имели этапное значение в политическом развитии герцогства Нормандского. Постановили, что все судебные полномочия на территории герцогства проистекают исключительно от самого герцога и могут быть делегированы им. Только он мог определять содержание и размеры этих полномочий и вмешиваться в принятие судебных решений в спорных случаях. Это решение совершало переворот в обычном праве, существенно урезая права сеньоров в пользу становившегося на ноги государства. Тогда вновь были подтверждены принципы церковной реформы, в частности, предписывалось неукоснительное соблюдение безбрачия духовенства, что можно было расценивать как примирительный жест в сторону Рима.

Двадцать пятого июня, вскоре после того, как Григорий VII получил от Вильгельма отрицательный ответ на свое послание, Генрих IV вновь объявил римского понтифика низложенным и провозгласил папой (а фактически — антипапой) епископа Равеннского Гвиберта. В октябре того же года антикороль Рудольф погиб в сражении против императора. В марте 1081 года, как только таяние снегов открыло альпийские перевалы, Генрих IV вторгся в Италию во главе большого войска, намереваясь силой утвердить на папском престоле Гвиберта, который бы провел официальную церемонию императорской коронации, — ее германский король, уже четверть века сидевший на королевском престоле, ждал давно. Звезда постаревшего, изрядно потрепанного жизненными невзгодами Григория VII клонила к закату. И тем не менее он не отступался от своего: тогда как императорские войска приближались к Риму, он изложил в письме епископу Мецскому собственную теорию происхождения королевской власти, несколько упрощенную, но вместе с тем поразительно смелую, учитывая то, в каком положении сам он находился. Первый король, уверял он, был разбойником, достаточно удачливым, чтобы суметь длительное время господствовать над другими, равными ему людьми. Этими словами предельно категорично выражалась простая мысль: королевская власть, так же, как и власть сеньоров, порождена насилием и является результатом захвата. Эмоции, переполнявшие понтифика в то время, как он сочинял это послание, придали гиперболизированную форму античной по своему происхождению концепции, которую в IX веке возродил на Западе Хинкмар Реймский и которая нашла немало приверженцев среди высшего духовенства: источником любой суверенной власти является народ, в результате общественного договора

делегирующий полномочия правителю. На деле это делегирование оказалось окончательным и бесповоротным, даже наследственным, разве что оно может быть отменено во имя высшей справедливости, воплощением которой является Церковь.

Целых два года императорская армия держала Рим в осаде, не имея возможности или не осмеливаясь брать его приступом. Римляне, которым уже надоело поддерживать безнадежное дело папы, духовенство и большинство кардиналов готовы были капитулировать. Наконец, в 1083 году Генрих IV овладел градом святого Петра. Григорий VII, сломленный неудачами, обратился к нему с предложением освободить его от церковного отлучения и короновать императорской короной, если он публично покается. Однако император, которому доложили об этом папском обращении, отказался, и Григорий VII, не считая возможным идти на дальнейшие уступки, укрылся за мощными стенами замка Святого Ангела.

Таким образом, борьба, развернувшаяся между императором и папой, отвела угрозу конфликта между Римом и королем Англии, по крайней мере в личной и наиболее острой форме. Вильгельм мог на время покинуть Нормандию, чтобы появиться в своих английских владениях, куда он и отправился в 1081 году. Нестабильная ситуация, сохранявшаяся на границе с кельтскими племенами, требовала, как ему представлялось, продемонстрировать силу. Под видом паломничества к мощам святого Давида он отправился в сопровождении нормандских рыцарей, один внешний вид которых способен был заставить местных жителей призадуматься, на полуостров Пемброк в Южном Уэльсе. По пути он заложил в устье реки Тафф крепость Кардифф. Освободив несколько сот человек, захваченных в плен кельтами в ходе их грабительских набегов на приграничные территории, он возвратился в

Лондон. Что касается Шотландии, то ему удалось навязать ей мир, который, однако, не решал проблему трудного англо-шотландского сосуществования. Возможно, он даже и не ставил перед собой такой задачи.

В конце того же года он возвратился в Нормандию. До этого посещения Англии он отсутствовал в стране около пяти лет, с 1076 по 1081 год, и ни разу в королевстве не возникли серьезные беспорядки. Уверенность, которую ощущал Вильгельм после подавления мятежа 1075 года, была отнюдь не безосновательна. После десяти лет войн и беспорядков королевство наконец-то обрело политическое равновесие. На чем же оно основывалось?

Исследователи приходили к различным результатам относительно численности населения и размеров возделываемых площадей в Англии и Нормандии. По приблизительным оценочным данным, в 1080 году на английской территории к югу от реки Хамбер проживало чуть менее двух миллионов человек. Таким образом, по численности населения и по валовому доходу Англия, вероятно, вдвое превосходила Нормандию и Мэн, вместе взятые; иными словами, могущество Вильгельма в результате завоевания утроилось.

Победа нормандского воинства свершилась в критический момент европейской истории, когда экономическое и духовное развитие создавали благоприятные условия для преодоления политической раздробленности. Англия полнее, чем другие страны Западной Европы, воспользовалась этой благоприятной конъюнктурой, поскольку психологический фактор, действовавший в процессе завоевания, способствовал сплочению сообщества завоевателей: Вильгельм и его бароны, изолированные от враждебного англосаксонского окружения, которое они плохо

понимали, составили единое целое в ситуации, сложившейся после гибели Гарольда. С самого начала инстинкт самосохранения способствовал укреплению в этом сообществе права и порядка, благодаря чему установился режим сильной власти, характеризовавшийся обширными королевскими полномочиями. Административные меры, принимавшиеся Вильгельмом Завоевателем, были продиктованы желанием унифицировать управление. Завоевание создавало благоприятные условия для установления сильной автократической власти, чем в полной мере и воспользовался Вильгельм.

В качестве символа этой доминирующей воли возводился начиная с 1078 года в самом крупном городе королевства, Лондоне, Тауэр — величественная башня, прозванная Белой, непосредственно примыкавшая к одному из углов городских стен. Ее архитектором был, вероятно, Гондульф, епископ Рочестерский, уроженец Лотарингии. Этот прямоугольный донжон высотой двадцать семь метров, возводившийся из камня, который доставлялся из Кана, имел толщину стен около четырех метров. Внутри этого сооружения, разделенного стеной на две неравные части, помещалась небольшая капелла Святого Иоанна, завершенная в 1080 году и представлявшая собой пример раннего романского стиля: тяжелые круглые колонны, как бы наскоро вырубленные капители и три нефа с апсидой.

Облик, который приобрело Английское королевство к 1080—1085 годам, надо полагать, сильно отличался оттого, что застал победитель в битве при Гастингсе 14 октября 1066 года. Говорить о «перевороте» в каком бы то ни было смысле этого слова нет оснований: в течение примерно двадцати лет произошла последовательная трансформация, не без шероховатостей, но и без задержек или откатов назад. Вильгельм с самого

начала старался по мере возможности уважать англосаксонские обычаи, однако мало-помалу упорное сопротивление и мятежи местного населения вынудили Завоевателя заменить на руководящих постах представителей побежденного народа нормандцами. Англосаксонское общество оказалось настолько невосприимчивым к феодальной ментальности и нормандским методам руководства, что приходилось то и дело прибегать к насилию, и это придавало происходящему вид колонизации в самом худшем смысле этого слова. Вильгельм Мальмсберийский сообщает, что Вильгельм Завоеватель распорядился продать в рабство в Ирландию англосаксов, взятых в плен при Гастингсе. В первые годы нормандского господства в Англии применялся персональный принцип правосудия: нормандцев судили по нормандскому обычному праву, англосаксов же — по англосаксонскому. Однако вскоре возобладал территориальный принцип, и к покоренному населению стала применяться континентальная практика ордалий и судебных поединков, к которой оно испытывало сильное отвращение. Конфликты, порой сопровождавшиеся насилием, с которыми было сопряжено использование этих методов, продолжались вплоть до XII века. Беспорядки, вызванные завоеванием, влекли за собой применение притеснительных и репрессивных мер. Все обитатели населенной местности, в пределах которой был убит «француз», несли коллективную ответственность. Крестьян прибрежных регионов заставляли бриться и одеваться по-нормандски для того, чтобы... ввести в заблуждение датских пиратов, искавших союзников среди англосаксов.

Презираемые, обираемые, притесняемые побежденные в массе своей ненавидели победителей. Свою землю, отобранную завоевателями, англосаксы

получали обратно на условиях аренды. Отсюда проистекали бесконечные сетования англосаксонских хронистов и сострадание, которое внушали им бедствия окружавшего их народа. Вместе с тем англосаксонское обычное право не было полностью упразднено, оно лишь переводилось на латинский язык. Соответственно, нормандские обычаи не внедрялись в Англии во всей своей совокупности. Происходило взаимопроникновение англосаксонского и нормандского права, о чем свидетельствуют «Законы Вильгельма», сборник законодательных текстов, составленный на англосаксонском языке в правление Вильгельма Рыжего.

Личной собственностью короля стали все земли, некогда принадлежавшие Эдуарду Исповеднику и семейству Годвина, — в общей сложности 1422 манора. Кроме того, согласно обычаю, признававшему собственностью государя «лесные» (то есть заброшенные) земли, Вильгельм завладел территориями, пришедшими в запустение в ходе военных действий: они стали считаться королевскими «лесами», его охотничьими угодьями. Однако огромных пространств, выведенных из сельскохозяйственного оборота, недоставало, чтобы удовлетворить охотничью страсть Завоевателя. В Хэмпшире он приказал освободить от жителей территорию более чем в тысячу квадратных километров, для чего были снесены шестьдесят деревень вместе с церквями. Принимались совершенно драконовские меры, напоминавшие законы Кнута, имевшие своей целью увеличение количества дичи: предписывалось отрезать пальцы, а иногда и подошвы, с лап собак, принадлежавших жителям регионов, прилегавших к королевским охотничьим угодьям; браконьеры подвергались жестоким наказаниям — кастрации, отрубанию рук или ног. Территория, освобожденная от всего «лишнего»,

получила название Нью-Форест, Новый Лес. Именно там настигла, как полагали англосаксы, кара небесная Ричарда, сына короля; там же суждено будет погибнуть, по всей видимости от руки убийцы, и первому преемнику Вильгельма Завоевателя на английском престоле.

Королевский домен приносил около 11 тысяч ливров годовой ренты, то есть более седьмой части того, что давали все возделывавшиеся земли королевства. Таким образом, Вильгельм имел примерно в два раза больше средств, чем Эдуард Исповедник. Правда, в XI веке не делали различий между доходами короля и доходами государства. К тому, что приносила обработка земли, добавлялись поступления из трех фискальных источников. Так, распространив на Англию различные налоги, взимавшиеся согласно нормандскому обычному праву, король не отменил и англосаксонский налог — так называемые «датские деньги». Его взимание не имело определенной периодичности, однако за двадцать лет своего правления он обременял им своих новых подданных не менее четырех раз. Наконец, Вильгельм облагал податями, более или менее произвольно, по различным случаям, евреев, города и церкви. Обязанность по взиманию всех этих налогов возлагалась на шерифов, подобно тому, как в Нормандии — на виконтов. Ордерик Виталий пишет, что общая сумма поступлений в королевскую казну достигала тысячи ливров в день — цифра, бесспорно, сильно завышенная, однако не вызывает сомнений и то, что норма налогообложения, установленная Вильгельмом Завоевателем для Англии, была очень высокой.

«Двор», члены которого окружали короля, не представлял собой, так же как и в Нормандии, определенную группу людей. Вильгельм любил праздники и долгие застолья, которым он теперь

предавался все чаще и которым, несомненно, был обязан своей все большей тучностью. И члены двора, и его сотрапезники после 1066 года в основном были те же: представители его семейства, время от времени навещавшие его бароны, имена которых сохранились в подписях на официальных королевских документах, и шерифы, посещавшие его по служебным делам. К этим мирянам, среди которых образованные люди были редки, присоединялись, наряду с Ланфранком, фактически исполнявшим обязанности первого министра, клирики, которых приглашали ради их учености, главным образом для исполнения канцелярской службы. Только служители Церкви знали, как вести обсуждение, организовать комиссию, составить протокол или отчет, письменно сформулировать более или менее трудное решение, провести выборы. В состав этих привлеченных сотрудников входили сенешаль, коннетабль и в качестве англосаксонского наследия канцлер, обязанности которого с 1072 по 1077 год исполнял Осмонд, будущий епископ Солсберийский. Круг вопросов, находившихся в ведении двора, был весьма широк: он включал в себя все, что вменяется в обязанность законодательной, судебной и исполнительной властям. В особенно трудных случаях, в частности, касающихся судебных вопросов, двор делегировал свои полномочия одному из представителей высшей знати, поручая ему решение этого вопроса. Так выделилась особая группа людей, немногочисленная, но разношерстная и непостоянная по своему составу, которые назывались *юстициариями*.

Двор представлял собой своего рода постоянно работающий орган общего собрания королевских вассалов, которое иногда называлось *советом*, члены которого рассматривали себя как наследников прежнего англосаксонского витенагемота. Совет

включал в себя различное количество членов, архиепископов, епископов, аббатов, эрлов, рыцарей. Среди его членов преобладали то клирики (и тогда он назывался *собором*), то миряне. С 1075 года наметилась тенденция к отдельным заседаниям баронов и прелатов. До 1070 года англосаксы заседали в совете на равных условиях с нормандцами, а в дальнейшем англосаксонский элемент постепенно сходит на нет.

Совет, как правило, собирался три раза в год: на Рождество в Глостере, на Пасху в Винчестере и на Троицу в Вестминстере. Король председательствовал на этих заседаниях, наблюдая за неукоснительным соблюдением детально разработанного церемониала. Он восседал на троне в парадном облачении со скипетром в руке и короной на голове, поэтому такие собрания назывались «коронными». Присутствующие читали молитвы, прославляющие короля. В период его пребывания в Нормандии совет чаще всего не собирался или проводился под председательством королевы, а если и она отсутствовала, то обязанность председательствовать делегировалась одному из членов двора. Что касается политической роли этого собрания, то все зависело от обстоятельств и воли короля. Совет не являлся правительственным органом, исполняя в лучшем случае консультативные функции, а то и просто церемониальные. Однако случалось и так, что на него возлагалась политическая и судебная ответственность, как, например, в ходе процесса над Вальтеофом.

Шайры существовали в качестве единиц административно-территориального деления в регионах, не подвластных традиционным англосаксонским эрлам. В королевстве насчитывалось около тридцати шайров. Стоявшие во главе их шерифы являлись агентами короля, исполнявшими на местах его распоряжения. Таким образом, по своим функциям они

были подобны нормандским виконтам — сходство, усиливавшееся тем, что на должность шерифа зачастую назначались знатные бароны из Нормандии. Если до 1070 года шерифами в массе своей были англосаксы, то к 1080 году их практически повсеместно заменили нормандцы, как правило, являвшиеся крупными землевладельцами в своих шайрах. Некоторые из них делали, не встречая противодействия со стороны короля, занимаемые должности наследственным достоянием своих семейств. Вильгельм предпочитал править, привлекая на службу людей, имевших солидное земельное обеспечение. Шерифы получали инструкции непосредственно от королевского двора. Специальные уполномоченные короля периодически инспектировали их деятельность, проводя в случае необходимости расследование. Так, в 1077 году Вильгельм распорядился проверить все операции с недвижимостью, проведенные шерифами, на его взгляд, незаконно, в ущерб его домену и земельным владениям Церкви.

Королевские решения направлялись в шайры в форме документов, называвшихся, в зависимости от содержания и способа составления, «бреве» или «хартиями». Первые отличались сжатым стилем и единообразием формулировок, вторые же были более пространны и разнообразны по содержанию.

Шерифы от имени короля созывали в шайрах и сотнях собрания, представлявшие собой своего рода местные отделения королевского двора. Нормандцы ввели практику следственных комиссий, формировавшихся из приведенных к присяге лиц. Эти *присяжные*, которым вплоть до середины XII века поручались исключительно административные миссии, позднее стали исполнять и судебные функции (суд присяжных), однако влияние местных баронов ограничивало свободу их деятельности. Так, в 1077 году

во время процесса по поводу земельного спора между королем и епископом Рочестерским шериф, нормандец по происхождению, стремясь любой ценой отстоять интересы своего господина, так запугал свидетелей противной стороны, что двенадцать из них дали ложные показания, солгав под присягой. Однако прежний шериф, англосакс, сообщил об этом епископу, интересы которого были нарушены. Разразился такой скандал, что Эд, епископ Байё, сводный брат Вильгельма Завоевателя, затребовал это дело к себе. Со-гласно нормандскому обычному праву, он предложил лжесвидетелям подвергнуться Божьему суду, ордалиям, однако те предпочли пуститься в бег. Королевский суд приговорил их к коллективной уплате штрафа в размере 300 ливров королю...

В обязанность шерифа входил сбор, когда потребует того король, местного ополчения. Правда, Вильгельм не очень-то доверял этому воинству, используя его лишь в крайних случаях, за неимением лучшего, и в военных акциях второстепенного значения. Лучшая часть этого ополчения, таны, обладавшие земельными наделами, достаточными для того, чтобы за свой счет приобрести все необходимое, весьма дорогостоящее, военное снаряжение, со временем влились в состав рыцарства нормандского образца, военную технику которого они усвоили.

Перемены, происшедшие в результате нормандского завоевания Англии, в большей мере затронули социальную структуру страны, чем ее политическую организацию. Действительно, нормандцы принесли с собой феодальные институты, в частности вассалитет, в такой развитой и вместе с тем простой форме, какой не знало англосаксонское общество. В Англии тогда было большое количество свободных собственников или держателей земель, обязательства которых в отношении господина были весьма

неопределенными. К 1085 году по всему королевству вассалитет и фьеф оказались нерасторжимо связаны друг с другом, а свободных земель не стало, тогда как на континенте еще продолжала существовать свободно отчуждаемая земельная собственность в виде аллода.

Сразу же после сражения при Гастингсе началось общее перераспределение земель, проводившееся под контролем представителей короля. При этом поживились не только победоносные нормандцы, фламандцы и бретонцы. Королевская щедрость распространилась и на многих англосаксов, однако, как правило, в форме обмена доменами, когда практически вся земля в королевстве поменяла своих хозяев. В целом же эта операция оказалась наиболее выгодной баронам, прибывшим с континента и принесшим с собой рыцарский менталитет, совершенно чуждый побежденным англосаксам.

Поначалу случаи перехода собственности из одних рук в другие были не столь многочисленны, поскольку проводились конфискации имений погибших. Некоторые таны, заявляя о своей покорности Вильгельму Завоевателю, в подтверждение искренности намерений отказывались в его пользу от принадлежавшей им земли, рискуя обречь своих сыновей, лишенных собственности, на участь искателей удачи в Шотландии или Византии. Другие же выдавали дочерей замуж за нормандцев, которые отнимали у них землю под предлогом перехода по наследству. В дальнейшем после каждого мятежа производилось перераспределение земель, в порядке наказания конфискуемых у бунтовщиков. К 1086 году лишь шесть процентов земли в Англии осталось в руках англосаксонской знати. Отсюда проистекало политическое последствие, которого, возможно, и добивался Вильгельм: многие нормандцы, уже владевшие землями на родине, получили наделы и в

Англии, благодаря чему возникал подлинный симбиоз двух частей англо-нормандского государства. В этом несомненно заключалась главная причина того, что и после смерти Вильгельма Завоевателя сохранялось единство созданного им государства.

Вильгельм предоставил в качестве фьефов тысячи доменов по всему королевству. Большинство из них были невелики по размеру. В 1086 году лишь у 180 королевских вассалов ежегодный доход превышал сто ливров, причем их земельные владения располагались не единым массивом, а состояли из множества разрозненных доменов, зачастую находившихся на значительном удалении друг от друга. Над этим слоем средних собственников возвышалось около десятка крупных землевладельцев, на долю которых приходилась четверть всех земель королевства. Среди них были и сводные братья короля: Роберт де Мортэн получил 793 манора, а Одо, епископ Байё, — 439.

Высшая англосаксонская аристократия, насчитывавшая, вероятно, несколько сот семейств, в результате происшедших после нормандского завоевания перемен лишилась своих владений и прекратила существование. Большей частью она к 1080 году погибла или была вынуждена отправиться в изгнание. Оставшиеся слились с классом нормандских баронов. Что же касается массы мелких собственников, то они стали жертвами не столько разорения, сколько подчинения господствующему феодальному классу нормандцев, которые посредством системы феодальных связей держали их в состоянии зависимости.

Главным мотивом создания этой системы было то же, что в свое время заставило герцога Нормандии уступить часть своих владений на условиях феодального держания: Вильгельм хотел прежде всего обеспечить службу в рыцарском ополчении. Каждый человек, становившийся его прямым вассалом, обязан

был предоставить в королевское войско определенное количество рыцарей с полным снаряжением. Неисполнение этого обязательства влекло за собой наказание в виде конфискации фьефа. Отсюда возникала для каждого вассала необходимость привязать к себе узами оммажа такое количество людей, которое позволяло бы ему исполнять свои обязательства перед королем. Большинство этих «подвассалов» получали от сеньора земельные наделы на условиях фьефа. И они тоже могли передать в феодал часть своего имения. При этом не только вассалы короля, но вассалы его вассалов обязаны были лично присягать на верность ему, в результате чего все свободные люди королевства были связаны с Вильгельмом присягой верности.

К концу своего правления он располагал феодальным ополчением в пять тысяч рыцарей, почти каждый из которых являлся землевладельцем. Им он мог прямо запретить ведение частных войн, и они, даже если и были недовольны такой «тиранией», волею-неволей вынуждены были подчиняться. Разбой совершенно прекратился. За изнасилование, кто бы ни совершил это преступление, карали кастрацией. Для возведения замка требовалось разрешение короля. В 1087 году во всем королевстве насчитывалось не более 70 замков различной значимости, 24 из которых принадлежали королю. Большинство их, прежде построенных из дерева и земли, было заменено каменными крепостями. Так, для строительства цитадели в Колчестере в 1080 году использовали материал разрушенного романского храма. Наиболее крупные замки возводились в городах и вдоль главных дорог. Частные замки, служившие сеньориальными резиденциями, возводились главным образом в городах (на континенте замки сеньоров обычно возвышались посреди сельской местности), что свидетельствовало о

наличии потребности крепко держать в своих руках эти центры хозяйственной деятельности.

Вильгельм охотно предоставлял привилегии городам и гильдиям ремесленников, что способствовало развитию цехового строя в Англии. Он был одним из немногих правителей того времени, кто понимал, сколь важно для государства формирование сильного класса бюргерства. Тогда же император Генрих IV впервые счел возможным для себя проконсультироваться с горожанами, прежде чем принять касающееся их решение: в 1081 году он поинтересовался мнением нотаблей Пизы относительно кандидатуры своего представителя в Тоскане. Вильгельм еще в 1067 году предоставил привилегии жителям Лондона, в частности, самим выбирать своего шерифа. Городское собрание столицы королевства имело, в соответствии со старинным обычаем, право заседать три раза в год. Решение текущих торгово-ремесленных и административных вопросов находилось в руках лондонского комитета нотаблей, заседавшего по понедельникам в зале гильдий — Гилдхолле. Присутствие в городе многочисленных «французов» требовало для них особой юрисдикции, однако они никогда не занимали там доминирующего положения.

Параллельно с процессом замещения «французами» англосаксонской аристократии происходила практически тотальная норманнизация высшего духовенства страны. Хотя в большинстве своем англосаксонские епископы благосклонно отнеслись к нормандскому завоеванию, это не спасло их. Поборники церковной реформы предъявили свои требования. Даже Вульфстан Уорчестерский, несмотря на проявленную им чрезвычайную преданность новому королю, едва не был смещен в 1070 году со своей должности по обвинению в невежестве, и лишь репутация человека святой жизни позволила ему сохранить епископский титул. В 1066

году два английских диоцеза находились под управлением выходцев из Нормандии: Лондонский — с 1044-го и Герефордский — с 1061 года. После того как Ланфранк занял кафедру Кентерберийского архиепископства, все епископские кафедры, становившиеся вакантными в результате кончины или смещения англосаксонского прелата, замещались нормандцами. В 1080 году во всем королевстве было только три англосаксонских епископа: в Уэльсе, Чичестере и Уорчестере, назначенные еще до нормандского завоевания. Одновременно проводилась перекройка диоцезов и менялось местоположение кафедр. Такая же участь постигла и аббатства. За годы своего правления Вильгельм назначил в Англии 26 аббатов родом с континента, из которых 22 были нормандцами — все исключительно толковые люди, поборники монастырской дисциплины. В 1087 году только три аббатства во всем королевстве еще находились под управлением англосаксов. Зато новые монастыри тогда учреждались редко, да и то чаще всего в качестве филиалов континентальных аббатств: так, монастырь, основанный в Гастингсе в честь победы, одержанной над англосаксами Гарольда, длительное время зависел от аббатства Мармутье. В самом начале своего правления Вильгельм обратился к Гуго, аббату Ключи, с просьбой прислать ему дюжину монахов, чтобы проводить реформу в английской церкви. Однако Гуго, которого не увлекала идея миссионерства, отказал ему в этой просьбе.

Как король, так и Ланфранк стремились к сплочению и унификации Церкви, которую они совместно возглавляли. В 1070 году возник конфликт между Ланфранком и Томасом, архиепископом Йоркским. Беспорядки на севере страны и угроза, пока что вполне реальная, раскола королевства требовали объединения всей Англии в одну церковную провинцию.

Но кто мог бы возглавить ее — архиепископ Йоркский или Кентерберийский, до того времени равные? В 1072 году церковный собор в Винчестере принял решение в пользу Кентербери. С того времени для английской церкви начался длительный период стабильности. Ланфранк занимал кафедру Кентерберийского архиепископства вплоть до своей смерти в 1089 году, а его преемник Ансельм — до 1109 года. Они в течение почти полувека обеспечивали такое управление своей церковной провинцией, которое создавало необходимые предпосылки для ее интеллектуального и морального возрождения. В 1073 году Ланфранк рукоположил в Лондоне нового епископа Дублинского Патрика, претендуя на распространение своей юрисдикции на эту кафедру, что явилось первым проявлением притязаний Англии на господство в Ирландии. В 1077 году по ходатайству Томаса, архиепископа Йоркского, и по договоренности с ярлом Оркнейских островов он назначил комиссию, которая должна была заняться изучением условий для учреждения там епископства — английская церковь распространяла свое влияние на север Европы.

Начиная с 1070 года периодически проводились синоды с участием епископов и аббатов Английского королевства. Реформистские тенденции континентального происхождения все более усиливались по мере замещения выходцами из Франции церковных должностей, которые прежде занимали англосаксы. В дисциплинарном плане Ланфранк и король прежде всего вели наступление против практики симонии. В 1072 году они предали проклятию николаизм, предложив епископам рукополагать в сан только тех, кто пообещает соблюдать обет безбрачия. Декретом 1075 года суды шайров лишались в пользу епископальных судов права выносить решения по религиозным вопросам, то есть в отношении

церковнослужителей как таковых и по делам, относящимся к сфере компетенции канонического права.

Одновременно с этим Вильгельм принял меры по ограничению влияния Рима на Англию. Он добился от папской курии обязательства, что без его согласия в Англии не будет распространяться ни одно папское бреве и не будет объявлено ни одно отлучение от церкви. Эта мера впоследствии послужит причиной разного рода конфликтов. Вероятно, ту же самую цель преследовал Вильгельм, выбирая претендентов на епископские кафедры среди белого духовенства, а не из числа монахов. Он поддерживал также к собственной выгоде определенные феодальные обычаи. Так, он требовал от церковных учреждений Англии службы в феодальном ополчении, по собственному усмотрению определяя количество рыцарей, которое должно было предоставить в его распоряжение каждое аббатство, например, Питерборо — 60, а Сент-Олбанс — шесть. Англосаксы были возмущены, зато аббаты, прибывшие из Нормандии, одобряли эту систему, которая позволяла им наделить земельными владениями своих бедных родственников. Причиной для возмущения могло, в частности, послужить то, что аббатства, обязанные военной службой, вынуждены были привлекать светских вассалов, а это, в свою очередь, служило причиной бесконечных раздоров. Так, в 1083 году аббат Гластонбери, вступивший в конфликт с вверенной его попечительству монастырской братией, для устрашения ее призвал своих вассалов, которые, окончательно распоясавшись, вышли из подчинения, проникли в церковь и изрешетили стрелами алтарь, у которого столпились в поисках убежища перепуганные монахи, трое из которых были убиты, а 18 ранены.

Навстречу одиночеству

В 1082 году, во время своего пребывания в Нормандии, Вильгельм выдал дочь Адель замуж за одного из сыновей графа Блуа по имени Этьен-Анри, который спустя восемь лет унаследовал своему отцу. Старший сын Адели Этьен (Стефан) в 1135 году после смерти своего дяди, короля Англии Генриха I, сумел узурпировать английский престол и удерживать его в течение 19 лет. Адель, насколько можно судить по ее утонченным вкусам, получила неплохое воспитание. Ее супруг, хотя и не чуждый культуре, держал при своем дворе довольно грубую компанию воинов, далеких от всего, что не было связано с материальными интересами. Очень рано Адель завязала переписку с главным епископом своего государства Ивом Шартрским (его кафедральному собору Вильгельм Завоеватель подарил колокольню), образованным канонистом, который на протяжении четверти века оставался для нее советчиком и другом. В этой клерикальной среде запада Франции, в которой активнее, чем где бы то ни было, готовилось классицистическое «возрождение» XII века, распространилась добрая слава о молодой графине, завоевывая ей симпатии и привлекая к ней сторонников. Она состояла в переписке и с людьми, не чуждыми поэзии: с Марбодом, будущим епископом Ренна, которого собратья по перу прославляли как нового Овидия; с Бодри, аббатом Бургейским с 1089 года и будущим архиепископом Дольским; с Хильдебертом, епископом Манским с 1096 года и будущим архиепископом Турским, прелатом, для которого церковная реформа вылилась в утончение вкуса, восхваление интеллектуальных занятий и в конечном счете страстное увлечение поэзией.

Питаемые одновременно монастырской культурой и воспоминаниями о римской античности, они стремились к сближению этих двух тенденций, не желая отказываться ни от одной из них. В их стихах, потоке гармоничных латинских ритмов, смешались моральные проблемы с аллегориями и мифологическими мотивами, которые они использовали столь же свободно, как скульпторы прибегали при создании романских капителей к природным формам.

Адель де Блуа спонтанно прониклась духом этого ученого и вместе с тем утонченного искусства, то назидательного, то легкомысленного. Хвалы, воздававшиеся ей «ее» поэтами, отнюдь не были продиктованы одной только угодливостью и лестью. Может быть, светской учтивостью? Отчасти, видимо, да, и в этом заключалось большое новшество. В столь приятных добродетелях Адель и, в ее уме и пытливости духа, даже в самой ее физической слабости открывалось перед этими учеными клириками новое создание: женщина, которая была не просто женщиной, а носительницей большого скрытого смысла, стремиться к постижению которого бесконечно важно. И они говорили об этом, прибегая то к языку Отцов Церкви, то к чувственному стилю античной эротики. И Адель признавала свои достоинства. Когда ее супруг возвратился из крестового похода, она, узнав, что тот однажды бежал от неверных, снова отправила его за море, дабы он искупил свою трусость ^[34].

Когда таким образом начиналась история нашей современной поэзии, подошла к концу другая история, грязные эпизоды которой сопровождали правление Вильгельма Завоевателя на всем его протяжении. В 1082 году пресловутая Мабиль де Беллем без каких-либо оснований захватила фьефы семейства Гуго де Санжи, вассала семейства Фиц-Жере. Гуго с двумя

братьями поклялся отомстить за обиду. Однажды в декабре они пробрались в замок Мабиль и проникли в комнату, в которой она, приняв ванну из вина (!), совершенно голая отдыхала на своей постели. Они, набросившись на нее, отрубили ей голову и с этим трофеем удалились. Однако гидра раздора не была тем самым окончательно уничтожена. После Мабиль остался сын Роже, который в годы правления преемников Вильгельма Завоевателя проявил себя еще хуже своих предков, на протяжении двух десятков лет сея в Нормандии смуту, пока, наконец, в 1115 году и его не постигла кара.

* * *

В то самое время, когда гибель настигла Мабиль, Вильгельм срочно отправлялся на другой берег Ла-Манша — его брат Одо в свою очередь затеял мятеж.

С начала завоевания Англии Одо, наряду с Жоффруа де Ку-танеом и Ланфранком, неизменно участвовал в управлении Английским королевством, оставаясь наместником, своего рода вице-королем, когда сам Вильгельм отправлялся в Нормандию. Более чем кто-либо другой, он извлек личную пользу из завоевания Англии. И больше чем кто-либо другой, жесткостью своих методов управления он навлек на себя ненависть англосаксов. Одо буквально осыпал благодеяниями свое епископство Байё, которое оставлял за собой, фактически не находясь там. Он распорядился построить в этом городе кафедральный собор, позднее перестроенный в готическом стиле, однако первоначальные башни его фасада сохранились, и по сей день свидетельствуя о величественности этого творения. Освящение собора состоялось в 1077 году, и, вероятно, специально для этой церемонии Одо заказал

англосаксонским вышивальщицам изготовить изделие, вошедшее в историю как ковер из Байё^[35].

Сама идея была не нова: Вильгельм не раз дарил церквям в Нормандии вышитые изделия англосаксонских мастериц. Однако этот ковер отличается от других произведений подобного рода своими размерами и сюжетом. К работе над ним приступили, видимо, в 1073 году по личному распоряжению Одо, и предназначался он для убранства центрального нефа собора в Байё по всему его периметру. Можно предположить, что произошла ошибка в измерении, ковер получился длиннее, чем нужно, и при развешивании его пришлось отрезать лишнее. В его нынешнем состоянии при длине 70 метров 50 сантиметров, очевидно, отсутствует заключительная сцена. Изображение на ковре плоское, без передачи перспективы и рельефа. Достаточно бедна и цветовая гамма: два оттенка голубого, два желтого, красный и зеленый цвета. Однако композиция в целом исполнена жизни, она ритмична и изобилует деталями: на ковре можно насчитать 623 человека, более 500 животных, 50 деревьев и 40 судов. Это совершенно уникальный и незаменимый документ эпохи, позволяющий судить как о повседневной жизни, так и об искусстве того времени: это единственное произведение подобного рода, дошедшее до наших дней. Вместе с тем следует отметить, что ковер представляет весьма тенденциозную версию событий, где, в частности, сильно преувеличена роль самого Одо.

Ковер был изготовлен во славу могущественного епископа, кафедральный собор которого он должен был украшать. Вероятно, с того самого времени Одо в упоении собственными успехами стал замышлять нечто гораздо более амбициозное. В 1081 году, когда конфликт между папой и императором вступил в свою

наиболее острую фазу, обнаружились расхождения во взглядах Одо и его брата-короля: Вильгельм инстинктивно принял сторону императора, тогда как Одо симпатизировал Григорию VII. Как сообщает историк Ордерик Виталий, он распорядился купить для себя дворец в Риме и поддерживал секретные контакты с некоторыми высокопоставленными представителями папской курии. Целью его интриг было ни много ни мало занятие папского престола!

Есть и еще одна версия событий (впрочем, вполне согласующаяся с тем, что сказано выше): в конце 1082 года верные люди доставили Вильгельму в Нормандию известие, что Одо собирает войска, намереваясь, без разрешения короля, покинуть Англию, чтобы отправиться на помощь папе, осажденному в Риме.

Вильгельм незамедлительно сел на корабль и прибыл на остров Уайт, где Одо был уже в полной готовности к отплытию. Король задержал его, установил над ним надзор и созвал совет. Могущество и престиж Одо были таковы, что все, несмотря на гнев государя, молчали, сомкнув уста. Тогда Вильгельм, вопреки обычаю, сам взял слово, выступив в роли обвинителя и судьи одновременно. Он представил брата как мятежника и приказал незамедлительно арестовать его. Однако никто не осмелился поднять руку на епископа. Тогда Вильгельм встал и сам схватил его. Одо отбивался, кричал, взывал к справедливости, ссылаясь на свое епископское достоинство, делающее его неподсудным любому приговору, кроме того, который прозвучит из уст самого папы. «Не епископа Байё приговорил я, — ответил Вильгельм, — а графа Кента!» Вероятно, столь остроумный выход из щекотливого положения ему подсказал Ланфранк. Чары рассеялись. Одо схватили и доставили в замок Руана, где он должен был находиться в заключении — весьма комфортном заключении, ибо его тюрьма больше

напоминала резиденцию, находящуюся под надежной охраной. И тем не менее благоволение короля сменилось на гнев. Одо сумел вернуться в Англию лишь после смерти Вильгельма. Спустя какое-то время он, рассорившись с новым правителем королевства, лишился всех своих имений и вынужден был вести жизнь изгнанника. Отправившись в крестовый поход, он умер в Палермо в 1097 году на руках своего племянника Роберта Коротконового.

Из старых соратников у Вильгельма остались только Ланфранк, овеянный славой восьмидесятилетний старец, столп католической церкви, Роже де Монتماгери и брат Роберт де Мортэн, человек не великого ума, зато отважный. Он, являясь первым после короля землевладельцем Англии, сохранил за собой и графство Мортэн в Нормандии, самый большой во всем герцогстве фьеф, включавший в себя около 40 населенных пунктов, в десяти из которых были рынки. В 1082 году Роберт в присутствии герцога-короля подписал документ об учреждении коллегиальной церкви в Мортэне, которой он уступил часть своих прав на разведение коров и овец в графстве, преподнеся ей при этом в дар роскошное, богато иллюстрированное англосаксонское Евангелие.

В 1083 году Вильгельм опять прибыл в Нормандию. Осенью в Кане и его окрестностях свирепствовала эпидемия, которую по обыкновению называли чумой. В октябре заболела королева Матильда. 2 ноября она скончалась и была погребена в церкви учрежденного ею монастыря Святой Троицы.

Глава четвертая. КОНЕЦ ПРАВЛЕНИЯ (1084-1087)

«Книга Страшного суда»

Григорий VII, запертый в замке Святого Ангела, уже не имел никакого значения для римлян. В первый день весны 1084 года император триумфатором вступил в город и поселил в Латеранском дворце своего антипапу Гвиберта. Реванш за унижение в Каноссе был одержан. 31 марта, в день Пасхи, Гвиберт, к тому времени провозглашенный папой под именем Климента III, увенчал его голову императорской короной. Церемония совершалась под одобрительные возгласы толпы, для которой происходившее означало возврат к мирной жизни. Однако престарелый Григорий, который в свои семьдесят лет не намерен был сдаваться, в последний раз демонстрируя прилив энергии и непредсказуемый всплеск страсти, позвал на помощь — кого бы вы думали? Норманнов Роберта Гвискара! Этим бандам, не имевшим понятия о дисциплине, представился весьма удобный случай. В предвкушении поживы они сбежались из Апулии и Калабрии и общим числом в 30 тысяч 24 мая устремились на штурм Рима, оттеснили войско императора и с мечом и огнем из конца в конец прошли по городу. Затем они, обремененные добычей, по улицам, усыпанным трупами, провели освобожденного папу к руинам, в которые превратился его дворец.

Что же до герцога-короля Вильгельма, то ритм его жизни, казалось, замедлился. Весь 1084 год он провел в Нормандии, одинокий, хотя и постоянно окруженный людьми: он уже не понимал это новое поколение

молодых рыцарей с их, казалось ему, ветреностью, легкомысленными шутками, легковесным воодушевлением и бесцельным героизмом. Вновь его беспокоил Мэн. Двадцать лет борьбы и дипломатических усилий не заставили смириться его обитателей, которыми от имени герцога Нормандского управлял виконт Губерт, выбранный из числа местных баронов. Этот владелец замка Сент-Сюзанн, возведенного на высокой скале при слиянии рек Эрв и Сарт, в 1063 году был одним из предводителей тех, кто противился нормандцам.

Формальное подчинение ни в коей мере не изменило его умонастроения. Женатый на племяннице герцога Бургундского и через нее ставший союзником Капетингов, Губерт мечтал играть самостоятельную роль. В 1084 году, казалось ему, представился удобный момент. Он оставил замки Бомон и Френэ, которые обязан был охранять, и собрал в замке Сент-Сюзанн верные ему отряды. Когда разнеслась по стране весть об этом мятеже, к нему со всех краев стали стекаться искатели приключений, предлагая ему свои услуги. Нормандские гарнизоны, размещенные в разных частях Мэна, попытались вмешаться, но соотношение сил было не в их пользу. И тогда они дали сигнал тревоги герцогу-королю.

Вильгельм собрал свое ополчение. Этот стареющий человек, здоровье которого сдавало, но всепобеждающая воля не убывала, еще не проявлял признаков усталости. Правда, уже не было прежнего душевного подъема. Отдаленные перспективы вырисовывались туманно, однако сейчас надо было действовать незамедлительно. Будущее покажет, по-прежнему ли Господь благосклонен к своему старому ратнику. Вильгельм двинулся со своим воинством в Мэн. Крепкая лошадь была еще в состоянии нести его растолстевшее тело. Прибыв к замку Сент-Сюзанн, он

внезапно переменял план действий, решив отказаться от попытки взять его приступом, ограничившись возведением вокруг него системы фортификационных сооружений, дабы изолировать Губерта. Доверив Алену, эрлу Ричмонда, командование оставленным там войском, он удалился. Однако Ален, которому порученная миссия оказалась не по плечу, в течение более двух лет вел безнадежную борьбу с отрядами противника, то и дело совершавшими вылазки, позволив Губерту расширять свое влияние и привлекать на свою сторону все новых добровольцев, зачарованных его славой: разве не он вынудил отступить самого могущественного из королей?

Правда, отход Вильгельма объяснялся, по крайней мере частично, донесениями, поступавшими из Англии, где опасались нападения в самое ближайшее время датчан. После смерти Свена Эстридсена казалось, что англо-датский конфликт окончательно урегулирован. Преемник Свена на протяжении всего своего правления соблюдал мир. Но в 1080 году он умер, оставив корону своему брату, носившему славное имя Кнут. Будучи женатым на дочери графа Фландрии Роберта, тот уже давно считался заклятым врагом нормандцев. Теперь стал формироваться альянс этих двух главных морских держав. Кнут и Роберт планировали вторжение в Англию. Неудачи, преследовавшие скандинавов после 1066 года, не обескураживали их, уверенных в превосходстве своего флота над военно-морскими силами Вильгельма, который, как им казалось, в течение многих лет не уделял этому вопросу должного внимания. Кнут попытался даже вовлечь в эту авантюру короля Норвегии Олафа, однако тот, пообещав дать 60 драккаров с экипажами, отказался от участия во вторжении.

Эти приготовления, тянувшиеся слишком долго, не могли остаться в секрете. Вильгельм очень серьезно

воспринял эту угрозу, возможно, даже чересчур серьезно, учитывая, что принимавшиеся им меры по отражению грозившей опасности были явно непропорциональны ей. Не лишился ли он часом рассудка? Быть может, участие фламандцев в этой коалиции делало ее, как ему представлялось, по-настоящему опасной для него? А может, ему, достигшему уже того возраста, в котором мыслями часто обращаются к прошлому, ситуация представлялась зеркальным отражением положения вещей 1066 года? Или же он просто хотел воспользоваться случаем, чтобы упрочить военные и политические связи, соединявшие обе части его державы? В «Англосаксонской хронике» мы читаем, что он собрал в Нормандии и Бретани войско из рыцарей и наемников, более многочисленное, нежели то, которое было в его распоряжении в 1066 году, настолько многочисленное, что видевшие, как оно высаживается на берег, в недоумении спрашивали друг друга, сможет ли оно поместиться в Англии. Сколь бы преувеличенным ни было сообщение хроники, Вильгельм несомненно собирался нанести решающий удар. Разместив часть армии у своих вассалов в различных частях королевства, он занял с остальным войском восточное побережье, предварительно опустошив там сельскую местность, чтобы у датчан не было возможности разжиться продовольствием.

Все лето 1085 года на побережье с оружием в руках ждали непрошенных гостей. А пока в Англии разворачивались эти события, в Италии завершалась драма Григория VII. Бесчинства норманнов вызвали в народе гнев, обрушившийся на самого папу, которого считали, и небезосновательно, ответственным за происшедшее. Григорий VII покинул Рим, чтобы искать убежища на юге Италии, во владениях Роберта Гвискара. Первоначально устроившись в монастыре

Монте-Кассино, он не чувствовал себя в полной безопасности, поэтому перебрался сначала в Беневент, а оттуда — в Салерно, где 25 мая 1085 года и завершил свой земной путь, став жертвой собственной непреклонности и многочисленных тактических промахов. Однако крах политики Григория VII не означал крушения его идей, которые уже успели глубоко проникнуть в среду высшего духовенства большинства королевств Западной Европы. Григорианская идеология развернулась во всей своей полноте при более дипломатичном папе, в 1088 году принявшем тиару под именем Урбана II. Этот давний сотрудник Григория VII вошел в историю как папа, поднявший Запад на Первый крестовый поход.

Семнадцатого июля 1085 года смерть настигла еще одного героя той исторической драмы — Роберта Гвискара, умершего на острове Корфу, вблизи побережья Греции, которую он тщетно пытался завоевать. А тем временем в Англии Вильгельм все еще жил в ожидании датского вторжения. Однако горизонт Северного моря был по-прежнему чист. Прошло лето, а за ним и осень. Материальные затруднения или внутривластные распри удерживали Кнута в Дании. С наступлением зимы Вильгельм демобилизовал часть своего войска, отослав людей обратно на континент. Затем он объявил, что собирает свой двор на Рождество в Глостере.

На этом общем собрании королевских вассалов были назначены новые епископы Лондона, Элмхема и Честера. Все трое были выбраны из числа клириков, входивших в ближайшее окружение короля. Тогда же Ланфранк рукоположил одного из своих монахов, Доната, в сан епископа Дублина — архиепископ Кентерберийский продолжал упрочивать свои позиции в Ирландии. На том же собрании архиепископ Руана рукоположил нового епископа в графство Мэн, хотя оно

и принадлежало к Турской церковной провинции. Оба эти назначения должны были продемонстрировать силу англо-нормандской церкви. Король, в свою очередь, предложил на рассмотрение баронов очень важный административный вопрос, ставший предметом многодневных дотошных обсуждений: он собирался провести своего рода инвентаризацию всего, что было обретено в результате завоевания Англии. Совет баронов в принципе одобрил это предложение. Польза от этого беспрецедентного в феодальной Европе начинания ожидалась прежде всего в фискальной сфере. Предполагалось, в частности, более точно определить источники поступления «датских денег». И вообще король намеревался получить полный перечень своих феодальных ресурсов, как земель, так и людей. Наконец, это позволило бы урегулировать бесчисленные конфликты, вызванные передачей собственности из одних рук в другие и не утихавшие уже двадцать лет.

Ассамблея в Глостере приняла решение о проведении систематического обследования королевства, шайр за шайром, деревни за деревней. Была создана комиссия из королевских вассалов, которая должна была руководить проведением этой переписи. Сбор данных в каждом шайре поручался группе присяжных, приведение которых к присяге должно было гарантировать достоверность сведений. Предполагалось составить полный перечень собственников или держателей земли, зафиксировать размер, структуру и доходы каждого манора в королевстве. Переписчики незамедлительно приступили к делу, и к началу лета 1086 года все было закончено, несмотря на вспыхивавшее тут и там недовольство населения, рассматривавшего происходящее как очередное проявление королевской тирании. Оперативность, с какой была проведена перепись (действительно, это было административное

мероприятие, достойное восхищения, несмотря на отдельные огрехи), служит наиболее убедительным подтверждением того, сколь прочна была власть нормандцев в Англии.

Собранные переписчиками данные подвергались проверке, и все, кто был уличен в предоставлении ложных данных, понесли наказание в виде больших штрафов. Затем этот огромный материал был классифицирован с соблюдением принципа феодальной иерархии: сеньоры — вассалы — подвассалы. В этой форме результаты переписи были внесены в несколько реестров, наиболее известный из которых, хранящийся в королевской сокровищнице в Винчестере, получил в XII веке расхожее название *Domsday Book*, «Книга Страшного суда». Ассоциация со Страшным судом не случайна: каждый, от кого переписчики требовали предоставления сведений, должен был присягнуть, что будет говорить правду, как на Страшном суде.

Вот, для примера, данные, собранные в Хантингдоншире:

а) перечисление, квартал за кварталом, недвижимого имущества, которым владели королевские вассалы в самом городе Хантингдоне, и налогового бремени, которое они должны были нести, а также налогов, кои уплачивались городской общиной в целом. Относительно каждой единицы недвижимого имущества сообщалось, меняла ли она собственника (и, в случае необходимости, фискальный режим) после 1065 года;

б) перечень лиц, держащих земли в шайре на условиях королевского пожалования: епископы Линкольна и Кутанса, пять аббатов, 20 крупных светских вассалов (из которых двое были англосаксами!) и восемь танов;

в) подробное описание земель королевского домена в этой шайре, например: «В Брэмптоне король Эдуард

имел 15 податных участков земли, достаточной для вспахивания пятнадцатью плугами. Сейчас три плуга в резерве. 38 свободных держателей имеют 14 плугов. Имеются церковь и священник, 100 акров лугов и лес, пригодный для выпаса скота, половину лье в длину и около четверти лье в ширину; две мельницы дают доход в 100 шиллингов. Во времена короля Эдуарда этот манор стоил двадцать ливров, сегодня — столько же»;

г) аналогичная опись маноров королевских вассалов, список которых приводился;

д) список спорных случаев, в отношении которых требовались свидетельские показания присяжных, например: «Присяжные Хантингдона свидетельствуют, что церковь Святой Марии, расположенная в городе, и земля при ней принадлежат аббатству Торни, однако аббатство передало ее в залог горожанам. Король Эдуард пожаловал имущество Виталию и Бернарду, своим проповедникам, которые продали его Гуго, камергеру вышеупомянутого короля. Гуго перепродал его двум проповедникам в Хантингдоне по договору, скрепленному королевской печатью. Сейчас им владеет Эсташ, без пожалования. Упомянутый Эсташ мошенническим образом завладел домом Левье и подарил его Ожье из Лондона».

Понятно, что интерпретация подобного рода документов, в коих упоминаются сотни маноров и тысячи лиц, сопряжена с огромными трудностями. И тем не менее «Книга Страшного суда» является нашим главным источником сведений для изучения истории Англии XI века, и никакая другая страна Западной Европы не имеет чего-либо подобного. Этот документ, помимо содержащихся в нем конкретных фактических данных, проливает пусть и слабый, но тем не менее драгоценный свет на состояние английского общества спустя двадцать лет после нормандского завоевания. В

известной мере он позволяет судить о переменах в сельскохозяйственном производстве, учитывая войны и опустошения: переписчики должны были указывать размер фискальных доходов во времена короля Эдуарда и, в случае необходимости, в момент перемены владельца, а также в 1086 году. К сожалению, все эти данные лишь косвенным образом свидетельствуют об экономической ситуации.

Навстречу новому миру

Зима подходила к концу. С наступлением весны, вопреки ожиданиям, не было ни малейших признаков приближения датского флота. На Пасху король собрал своих вассалов в Винчестере, а на Троицу, 25 мая 1086 года, вновь созвал ассамблею, на сей раз в Вестминстере. Именно тогда, рассказывает хронист Ордрик Виталий, архиепископ Ланфранк привел младшего сына короля Генриха и «облачил его в кольчугу, надел на голову ему шлем и, во имя Спасителя нашего, перепоясал его рыцарской перевязью, как подобает сыну короля».

Речь здесь идет о посвящении в рыцари, изначально исключительно светской церемонии. Вышеописанный эпизод зафиксировал финальную стадию эволюции этого обряда. Церковь уже давно совершала обряд благословения меча, мало чем отличавшийся от благословения орудий труда, урожая, брачного ложа и всего, что человек той эпохи стремился защитить от дурного влияния. Мало-помалу обряд посвящения в рыцари как таковой стал считаться делом церкви, и вышеприведенный пример служит доказательством тому. Вероятно, сам Вильгельм просил об этом Ланфранка. Тем самым он, преследуя политические интересы, уступил естественной тенденции своего

века. Религиозное освящение оружия и придававшееся этому моральное значение выходили на первый план, затушевывая первоначальный характер чисто военной инициации. В обществе, в котором все больше и больше любое изменение правового состояния приобретало ритуальный аспект, посвящение в рыцари также становилось ритуалом. Возникало ощущение, что посвящение в рыцари не являлось простым этапом в личной жизни воина, это было вступление в «орден», в замкнутую группу с особой коллективной моралью. Однако эту группу составляли держатели фьефов, так что отныне традиционные узы верности, привязывавшие воинов к своему предводителю, сливались с материальными, поземельными связями. Это изменение структур требовало власти, достаточно сильной, чтобы обеспечить стабильность фьефов и регулярного поступления доходов от них. Именно по этой причине к 1085 году их изменение в Нормандии, Мэне и Англии зашло дальше, чем в других регионах Европы. Однако рано или поздно эта эволюция свершилась повсюду, отсюда и принимаемое многими историками различие «ранней» и «поздней» феодальных эпох. Для второй характерно формирование *класса знати* в современном смысле этого слова: класса сеньоров-рыцарей.

Развитие техники конного боя способствовало этой эволюции. Седельное копье, оружие, более приспособленное к конной атаке, постепенно вытеснило меч как главное оружие. Однако оно, будучи менее смертоносным, вместе с тем являлось и значительно менее удобным в обращении. Появление кольчуги изменило способ атаки, сделав практически бесполезными прежде применявшиеся метательные снаряды (камни, стрелы). Сражение стало сводиться к столкновению лицом к лицу, что требовало согласованного выбора территории и хотя бы

минимальной предварительной договоренности между противниками. Элемент состязательности в искусстве ведения боя, и прежде присущий войнам того времени, существенно усилился. Отсюда проистекало осознание равными (то есть рыцарями) того, что подобает вести честную игру, что любая хитрость несовместима с рыцарским достоинством. Хотя время от времени первобытная дикость и овладевала этими людьми, уже вырабатывалась рыцарская этика. Не было такого малозначительного сеньориального клана, господствовавшего над несколькими крестьянскими семьями, в котором не мечтали бы стать вассалами какого-нибудь правителя, ко двору которого можно было бы послать молодых людей для подготовки (не только военной, но и ментальной) к обряду посвящения в рыцари. Новая рыцарская этика шла рука об руку с новыми эстетическими веяниями. Ордрик Виталий отмечал, что во времена, последовавшие за смертью папы Григория VII и Вильгельма Завоевателя, среди молодых отпрысков знатных родов начали быстро распространяться моды на одежду и новые нравы, которых он как клирик не мог одобрить, считая их более уместными для девиц, нежели юношей. Хронист в свои преклонные лета сетовал, что эти молодые люди, не довольствуясь подражанием слабому полу длиной своих волос и одеянием, норовят понравиться женщинам своими манерами и тембром голоса. Что же до молодых женщин, то они потеряли всякий стыд, их, хохочущих и болтающих, можно видеть в компании мужчин. Они добиваются любви! Куда катится мир?

Принцу Генриху в 1086 году исполнилось 17 лет. Еще в большей мере, чем его братья, от которых отличали его черты характера и природные дарования, он принадлежал к тому молодому поколению, которое внедряло в высший свет стиль поведения, позднее названный «куртуазностью». Его связывала тесная

дружба с Робертом де Меланом, одним из первых щеголей при английском дворе, с дочерью которого Элизабет он поддерживал продолжительную любовную связь. В отличие от своего отца Генрих был весьма восприимчив к женским чарам, и жизнь его отмечена многочисленными любовными похождениями. У него было, помимо законных детей, не менее двадцати официально признанных бастардов! Такое легкомыслие не имело ничего общего с традиционными «датскими» нравами... Сильный и темпераментный, как все мужчины в его роду, хотя и среднего роста, с темными волосами и живыми глазами, он был приветлив, умеренно щедр, жизнерадостен и миролюбив, не страдая при этом перепадами настроения. Деятельный, но вместе с тем сговорчивый, умевший завоевать искусной лестью любовь знати, он применял к самому себе изречение Сципиона: «Мать родила меня командиром, а не солдатом». Благодаря своей довольно значительной для того времени образованности он еще в юности заслужил прозвище Клирик или Прекрасный Клирик (*Beau-Clerc*). Продолжая учиться и после того, как прошли его детские годы (исключительный случай в ту эпоху), он весьма преуспел в книжной культуре и приобрел вкус к интеллектуальным занятиям, который сохранил и в зрелом возрасте. Однажды он в порыве дерзкого воодушевления при своем отце процитировал латинскую пословицу: *Rex illiteratus asinus coronatus* («Король необразованный точно осел коронованный»). И это сошло ему с рук!

Вильгельм любил его, видимо, связывая с ним большие надежды. Он словно бы ощущал, что в этом мальчике продолжает жить лучшая часть его самого. Однако в Генрихе не было той страстности, которой отличался Вильгельм Завоеватель. Он был блестящ, но холоден, обладал натурой, которую трудно было постичь окружающим. Обладая превосходной памятью

и отличаясь большой любознательностью, он, подобно своей сестре Ад ел и, состоял в переписке с Ивом Шартрским, а также устроил в своем имении в Вудстоке зоологический сад, в котором содержал экзотических зверей, львов, леопардов, тигров, верблюдов, полученных в качестве подарков от иноземных правителей. Когда в 1100 году его брат Вильгельм Рыжий, король Англии, был убит во время охоты в своем заказнике Нью-Форест, Генрих в тот же день в буквальном смысле слова завладел короной, продемонстрировав свою физическую силу: в этот решающий момент ему удалось оттеснить сторонников другого своего брата, Роберта Коротконового.

Когда в Англии подходила к концу грандиозная перепись, в датском Лимфьерде наконец-то собрался флот, включавший суда фламандских союзников и готовый отплыть к британским берегам. 10 июля король Кнут, прежде чем отдать команду поднимать паруса, отправился в церковь города Оденсе, чтобы собраться с мыслями и помолиться о поддержке Всевышним своего предприятия. Он молился, склонив голову и не слыша нараставшего вокруг него шума. Он не обратил внимание на приближавшихся людей, один из которых вытащил свой меч и одним ударом обезглавил короля. Таков был исход какой -то неведомой нам клановой борьбы. Флот, собранный для вторжения в Британию, тут же рассеялся. Когда эта новость пришла в Англию, Вильгельм уже созвал на 1 августа в Солсбери общий сбор держателей королевских земель. Вероятно, это большое, прежде небывалое собрание было затеяно как одно из подготовительных мероприятий накануне предстоявшей войны с Данией. Теперь необходимость в

этом отпала, но Вильгельм не отменил объявленного сбора.

Приглашения были направлены его прямым вассалам и если не всем свободным людям королевства, то, по крайней мере, пяти тысячам рыцарей, обязанным нести службу в рыцарском ополчении, и, по всей вероятности, определенному количеству танов и зажиточных крестьян. От этих людей, от каких бы сеньоров они ни находились в поземельной зависимости, король потребовал принести ему присягу на верность, точно такую же, какую приносили его прямые вассалы. Они исполнили его требование. Хотя эта присяга первоначально, скорее всего, предусматривалась на случай предстоявшей войны с Кнутом Датским, было решено провести ее и после того, как эта необходимость отпала. Приглашенные обязались хранить верность королю. В результате Вильгельм одним махом поставил себя вне системы феодальных отношений. Свободные люди королевства, на какой бы ступени феодальной лестницы они ни находились, отныне, в силу этой дополнительной присяги на верность, напрямую и лично зависели от короля. Экстраординарность ситуации заключалась не столько в том, что Вильгельм задумал провести подобного рода мероприятие, сколько в том, что ему хватило авторитета осуществить его. Вполне вероятно, что в ходе предварительного обсуждения его советники приводили в качестве прецедентов соответствующие примеры из древней англосаксонской истории, а также из истории первых правителей Каролингской династии.

Примерно в то же самое время Губерт де Сент-Сюзанн, мятежник из Мэна, отправился в Англию, дабы примириться с Вильгельмом. Заручившись охранной грамотой, он появился при королевском дворе, и король великодушно возвратил ему свою милость. Затем, уже в конце лета, Вильгельм отправился на остров Уайт, где

ему представили суммы, собранные в течение года в качестве различных налогов. «Англосаксонская хроника» доносит до нас жалобы сельского населения, на которое давило это фискальное бремя: 1086 год выдался катастрофическим, из-за болезней пал домашний скот, а беспрестанные грозы погубили урожай. Стране грозил голод.

Затем Вильгельм, взойдя в одном из портовых городов Суссекса на корабль, отправился в Нормандию. Это был последний раз, когда он пересекал Ла-Манш. За спиной он оставлял умиротворенную Англию, где уже достигло зрелого возраста поколение, не знавшее иного короля, кроме Вильгельма. Примирение становилось возможным.

Пропасть между победителями и побежденными, образовавшаяся в результате жестоких войн, не была, учитывая иную, нежели наша, чувствительность людей той эпохи, столь глубокой, как это могло бы нам показаться. И тем не менее смешанные браки вплоть до начала XII века были крайне редки. В период, когда происходило перераспределение земель, случалось, что нормандский рыцарь женился на вдове или дочери англосакса, от которого переходило к нему земельное владение. Однако, когда в 1100 году Генрих Боклерк сочетался законным браком с англосаксонской принцессой Мод, бывшие при его дворе бароны-нормандцы считали возможным подтрунивать над королевской четой, в насмешку употребляя в отношении ее туземные имена Годрик и Годгива. Вступая в этот брак, Генрих намеревался окончательно скрепить союз народов, обитавших в Британии: Мод была дочерью короля Шотландии Малькольма и Маргарет, следовательно, племянницей Эдгара, принадлежа к королевскому роду, преемником которого считал себя Вильгельм Завоеватель.

Общее количество нормандцев, осевших в Англии в период с 1066 по 1086 год, не превышало 20 тысяч человек. Однако они, как мужчины, так и женщины, представляли собой элиту, наиболее цивилизованную часть населения Нормандии. Многие из них, особенно из числа духовенства, являлись носителями передовой континентальной культуры. Переселение в чужую страну, в общество, отличное от их собственного, и сопряженные с этим конфликты несомненно требовали как с одной, так и с другой стороны смелых инициатив, изобретательности и находчивости. Спустя два десятилетия после смерти Вильгельма Завоевателя созданное им государство стало одной из колыбелей современной европейской цивилизации, откуда вышло множество наиболее новаторских идей и где производились эксперименты с далекоидущими последствиями.

Как миряне, так и клирики вносили свой вклад в становление нового общества, в синтез англосаксонских и нормандских элементов. Первые действовали главным образом своим физическим присутствием, собственным примером, тогда как вторые — абстрактными знаниями, своим даром предвидения. Служители церкви, несмотря на то, что они извлекали пользу из ограбления местного населения, внесли большой вклад в сближение двух народов. Влияние таких людей, как архиепископы Кентерберийские Ланфранк и Ансельм, постоянно оказывало на общество умиротворяющее действие. Эти прелаты сохранили многие особенности местной литургии и включили в церковный календарь наиболее популярных местных святых. Эти сами по себе и не слишком большие уступки тем не менее создавали климат взаимопонимания.

Языковые различия создавали наиболее серьезные препятствия для установления по-настоящему

человеческих взаимоотношений. Бароны первого поколения мало беспокоились по этому поводу. Почти не зная англосаксонского языка, они кое-как объяснялись со своими крестьянами, используя только наиболее необходимые слова, при этом коверкая их самым безбожным образом. Прежде всего, это касалось имен собственных: в устах нормандского барона имя Гарольд превращалось в Эро, а Кентербери — в Канторбьер. Значительно больше преуспели в преодолении языкового барьера клирики. Многие из епископов, прибывших с континента, были способны проповедовать в деревнях на местном наречии. Что же касается короля, то он даже и не помышлял об игнорировании, а тем более об истреблении англосаксонского языка. В глазах государя, воспитанного в континентальных традициях, для которого языком литературы и дипломатии, естественно, была латынь клириков, народные наречия практически не имели политического значения. Однако англосаксонское общество опиралось на совсем иную лингвистическую основу. Вильгельм признавал это и с самого начала своего правления заставлял секретарей, унаследованных от Эдуарда, составлять некоторые официальные документы на англосаксонском. Впоследствии он полностью перешел на латынь, что, однако, не означало негативного отношения с его стороны к языку коренных обитателей страны, а было лишь возвратом к традиционным нормам феодального государства. При этом он вознамерился, как сообщает Ордрик Виталий, изучить англосаксонский язык настолько, чтобы не только понимать его, но и говорить на нем, дабы более справедливо отправлять правосудие и без переводчика выслушивать жалобы, с коими обращались к нему его новые подданные. Однако в свои 43 года он мало преуспел в этом: его голова была слишком мало привычна к подобного рода занятиям, а

обилие прочих забот лишало его необходимого досуга, так что в конце концов он отказался от задуманного. Зато его сын Генрих владел англосаксонским языком с самого детства.

Масса англосаксов не знала французского. Суд под председательством нормандца мог вершиться лишь при наличии переводчика — нетрудно представить себе, какие злоупотребления могли быть сопряжены с этим! Сложилась, таким образом, ситуация, характеризовавшаяся не столько билингвизмом в собственном смысле этого слова, сколько сосуществованием двух языков — социально и политически господствующего меньшинства и покоренного большинства. Существовала еще латынь, служившая языком официальных документов. Это сосуществование языков не обходилось без их взаимодействия: современный английский язык формировался именно в процессе их взаимовлияния.

После 1066 года постепенно пересох источник англосаксонской литературы. В последующие примерно лет тридцать лишь отдельные поэты продолжали сочинять стихи для все более сужавшегося круга читателей. Так, около 1090 года некий монах из Уорчестера одним из последних посвятил свое поэтическое произведение былому величию умиравшей цивилизации. Анналы, которые традиционно велись во многих монастырях на англосаксонском языке, постепенно прекращались или же продолжались уже на латыни. Анналист из Абингдона оборвал свое повествование в 1066 году буквально на середине фразы, рассказав о победе, одержанной Гарольдом при Стэмфорд-Бридже. Какая неведомая драма скрывается за этим внезапным прекращением повествования? Из различных трудов подобного рода, известных под собирательным названием «Англосаксонская хроника», только два были продолжены после 1066 года: один,

составлявшийся, вероятнее всего, в Йорке, доведен до 1079 года, а другой, по всей видимости, происходивший из Кентербери, — до 1154 года. Поэзия, как и вся англосаксонская культура, оказалась низведенной до уровня своего рода фольклора. Какое-то время продолжали свое существование баллады лирико-эпического содержания, темы и вдохновение для которых черпались из бедствий, принесенных нормандским завоеванием, и из героического сопротивления ему. Правда, чем дальше, тем больше сочинители баллад заимствовали из поэзии завоевателей...

С начала эпохи завоевания нормандцы принесли в Англию жанр эпической поэзии, получивший название «песни о деяниях» (*chansons de geste*). Ордрик Виталий рассказывает, что около 1080 года капеллан Гуго Авраншского, призванный заботиться о спасении душ доверенных его попечительству баронов, пытался подвигнуть их к покаянию и исправлению, рассказывая им о воинах, прославшихся в мире святыми. Наиболее известным примером героического эпоса была и остается «Песнь о Роланде», ранняя редакция которой относится к эпохе нормандского завоевания Англии. Нормандские клирики привнесли в завоеванную страну и наиболее передовую для того времени форму латинской школьной традиции. Монастыри Сент-Эвруль и Сен-Кан, располагавшие большими скрипториями, направляли преподавателей во многие английские аббатства. Монахи из Сент-Эвруля основали школу в Кембридже, а Жильбер Криспен, монах из Бекского монастыря, ставший аббатом в Вестминстере, написал биографию Ланфранка и историю его борьбы за церковную реформу.

Около 1100—1130 годов несколько англо-нормандских церковных писателей, родившихся в последние годы правления Вильгельма Завоевателя,

создадут новые образцы исторических сочинений. Соединенными усилиями ломая прежние рамки анналистики и порывая с риторической концепцией повествования, они свидетельствовали о зарождении коллективного сознания среди привилегированного класса созданного нормандцами государства. За историками английской династии, Вильгельмом Мальмсберийским и Генрихом Хантингдонским, одно или два поколения спустя последуют первые хронисты, писавшие на народных языках, — Джеффри Гаймар (родился около 1140 года) в Англии и родившийся около 1160 года в Нормандии Вас, автор «Романа о Ру». Они расширили горизонты исторического исследования, попытавшись вписать историю своего времени в контекст всемирной истории, что было, безусловно, новаторским подходом. Флоренс Уорчестерский, первый среди них, еще около 1100 года прибавил к анналам своего аббатства всемирную хронику, скомпилированную из произведений англосаксонского или ирландского происхождения. После него нормандец Роберт де Ториньи, монах Бекского монастыря, а затем аббат обители Мон-Сен-Мишель, придаст этому жанру надлежащую форму. В этой плеяде историков Ордрик Виталий занимает особое место. Незаконнорожденный сын рыцаря Роже де Монтгомери и англосаксонки, он появился на свет в 1075 году в Шропшире. В юном возрасте став монахом аббатства Сент-Эвруль, около 1120 года он начал писать историю своего монастыря. Постепенно первоначальный проект расширился до масштабов всеобщей истории Церкви, начиная с евангельских времен. Эта «Церковная история», автор которой, несмотря на свое восхищение Вильгельмом Завоевателем, пересказывает самые нелицеприятные для того слухи, циркулировавшие в его время, во многих своих частях основывается на некритической компиляции, однако во всем, что касается современных

автору Нормандии и Англии, она является незаменимым источником сведений, кладезем метких суждений и ярких портретов.

Что касается архитектуры, то в результате завоевания усилилось нормандское влияние, ощущавшееся еще во времена Эдуарда Исповедника. Большинство епископов и аббатов, прибывавших с континента, не только приносили собственные представления о строительстве церковных сооружений, но и, вероятно, привозили с собой мастеров. Начиная с 1070 года на протяжении жизни одного или двух поколений большинство прежних кафедральных соборов и монастырских церквей было перестроено. Даже Вульфстан, захваченный этим движением, в 1084 году снес, точно от сердца оторвал, кафедральный собор в Уорчестере, построенный его предками, чтобы на его месте возвести церковь в нормандском стиле. Английские церкви, в полной мере сохраняя гармонию, свойственную храмам в Нормандии, как правило, имели более крупные пропорции. В 1087 году в семи диоцезах королевства из пятнадцати кафедральные соборы находились в стадии строительства или реконструкции. Вместе с новой архитектурой в Англии укоренился и новый стиль литургической жизни, прежде неведомый у англосаксов.

На протяжении жизни трех поколений после нормандского завоевания Англии в стране сформировалась новая, оригинальная культура — синтез культур завоевателей и завоеванного народа. Алглосаксы и нормандцы проявили готовность и способность слиться в единое целое. Достойное восхищения великолепие старой англосаксонской цивилизации было подобно красоте осеннего увядания, тогда как молодая нормандская цивилизация, только что оторвавшаяся от своей нордической почвы, стремилась, словно бы ища оправдания своему

существованию, приобщиться к древней традиции. Завоевание открыло животворным течениям европейской мысли и энергии нормандцев широкое поле деятельности. Так менее чем за столетие одна из старейших стран Запада достигла такого уровня организации, концентрации и внутреннего единства, при котором стало возможным то, чего ей до сих пор недоставало, — национальное самосознание.

Последние битвы

Едва прибыв в Нормандию, Вильгельм двинулся во главе своего рыцарского ополчения в Бретань, где новый герцог Ален отказался принести ему вассальную присягу верности. Дабы принудить его к этому, Вильгельм снова, уже в который раз, осадил Долю, и опять безуспешно. И тогда он предложил компромиссный мир, подобный тому, какой ему удалось заключить в Мэне. Гарантией этого мирного соглашения должен был стать брак его дочери Констанции с Аленом. Однако брак этот оказался недолгим: спустя четыре года Констанция умерла бездетной, и Ален вступил в брак с дочерью Фулька Анжуйского.

1087 год выдался в Англии еще хуже предыдущего. К голоду добавилась эпидемия злокачественной лихорадки. Эта новость отнюдь не придавала воодушевления королю, утомленному жизнью, для которого действие перестало быть купелью, из которой он прежде выходил еще более закаленным, сделавшись лишь неизбежной необходимостью. Теперь он, по свидетельству Вильгельма Мальмсберийского, облысел, лицо его покрылось красными прожилками. Заплывшие жиром глаза с трудом открывались, а толстые складки на шее затрудняли движения головы и мешали выбривать поседевшие волосы. Его прежде

повелительный взгляд стал алчным. Утренние пробуждения были тягостны. Вильгельму исполнилось шестьдесят лет — преклонный для того времени возраст. Болезнь, природу которой не могли определить врачи, давно уже терзала его. Он не мог даже держаться в седле, и его на руках принесли в Руанский замок. Собравшиеся там медики приговорили его к постельному режиму. Чтобы сбросить лишний вес, пациент должен был голодать и потеть.

Что еще оставалось Вильгельму Завоевателю, обреченному на это вынужденное и потому унижительное безделье, как не предаваться воспоминаниям, тем самым поддерживая уважение к себе? В прошлом были создание династии и утверждение ее легитимности. Во время этого вынужденного бездействия Вильгельм направил в Византию посольство, дабы оно привезло в Нормандию останки его отца.

Противники, неотступно досаждавшие ему на протяжении всего полувека его правления, теперь, видя его ослабевшим, набросились на него, хотя, возможно, и не надеясь окончательно разделаться с ним. Эти неприятности постоянно сопровождали его, словно назойливый рой мух, увязавшийся за быком. Еще в 1077 году он позволил королю Филиппу I прибрать к рукам графство Вексен, и с тех пор участились набеги на приграничные районы Нормандии. Возвратившись из Англии, Вильгельм потребовал от Филиппа вернуть ему права сюзеренитета на все графство Вексен. При этом он напомнил, что покойный король Генрих I более полувека тому назад уступил эту территорию Роберту Великолепному, но впоследствии забрал ее, ссылаясь на основания, юридически столь спорные, что это его действие можно считать недействительным. Таким образом, графство Вексен, на протяжении уже десяти

лет являвшееся выморочным имуществом, должно быть возвращено законному наследнику Роберта.

Филипп I выслушал посланцев Вильгельма и, никак не реагируя на их высокопарную речь, начал потешаться над тем, кто их послал и кого болезнь обрекла на бессилие. Он ненавидел его. Мысленно представляя себе его голое, распростертое на ложе тело, которое ощупывают эскулапы, он дал волю своему сарказму. «Когда же, наконец, этот толстяк разрешится от бремени?» — спрашивал он.

Посланцы Вильгельма, понимая, что ничего не добьются, возвратились в Руан и передали слова короля своему господину Тот, поднявшись с постели, воскликнул: «Слава тебе, Господи! От бремени я разрешусь в соборе Нотр-Дам-де-Пари, с десятью тысячами копий вместо свечей!»

И опять не оставалось иного средства, кроме войны. Чтобы восстановить свои законные права, предстояло силой взять Мант и Понтуаз. В конце июля или в начале августа (как раз в то время, когда в Лондоне пожар уничтожил собор Святого Петра) Вильгельм ценой бог знает каких усилий поднялся в седло и во главе войска форсировал Эпт. Продвигаясь к Манту, своей первой цели, он опустошал все на своем пути. Гарнизон города совершил вылазку, но Вильгельм, уклонившись от сражения в открытом поле, устремился на штурм бурга. Битва завязалась у самых его стен. Нормандцы одержали верх, и борьба продолжалась уже на улицах горевшего города, отданного на разграбление победителю. Вильгельм был в самой гуще сражавшихся, воодушевляя и подгоняя своих людей. Вдруг его жеребец споткнулся копытом о горящий брус, и грузное тело седока с силой ударилось о ленчик седла. Побледнев, Вильгельм Завоеватель стал бессильно оседать.

Удар серьезно повредил внутренние органы, вероятно, печень или брюшину. Врачи констатировали кровоподтек на животе, но не могли ничем помочь. Положив Вильгельма на носилки, они переправили его в Руан. Не оставалось ничего иного, кроме как ждать летального исхода.

В замке Руана у изголовья больного, самочувствие которого неумолимо ухудшалось, неотлучно стояли Жильбер Мамино, епископ Лизьё, и Гонтар, аббат Жюмьежского монастыря, славившиеся своими медицинскими познаниями. Жизненные силы покидали Вильгельма. Его беспрестанно колотил озноб, он с трудом дышал. Желудок уже не принимал ни еду, ни питье. Никакие средства не помогали ни от рвоты, ни от лихорадки. Шум порта, доносившийся через настежь раскрытые тем жарким летом окна, причинял королю нестерпимые страдания. Он велел перенести его в монастырь Сен-Жерве, стоявший на возвышении в западной части города.

Он боролся со смертью в течение шести недель, не теряя сознания. Зная, что обречен, и тревожась за будущее королевства, он позвал к себе сыновей Вильгельма и Генриха, а также Ансельма, настоятеля Бекского монастыря. Его окружали прелаты и друзья - Вильгельм Добродушный, канцлер Жерар и Роберт де Мортэн, теперь уже тоже старик. Собравшихся охватил страх: они лишались своей опоры, а королевство - главного столпа. Убежденные, что за смертью Вильгельма Завоевателя последуют большие беспорядки, они пристально следили за каждым движением умиравшего, полные решимости до конца использовать к собственной выгоде свое теперешнее положение,

услышав от уходящего в мир иной хоть что-то утешительное для себя, что позволило бы избежать худшего.

Вильгельм окидывал взглядом тех, кто был при нем в его, возможно, последние минуты. На них предстояло ему переложить бремя ответственности. В краткие периоды, когда боль утихала, он переставал бормотать молитву и начинал говорить. Ордрик Виталий донес до нас его последние слова. Вильгельм, уверяет он, до конца оставался благочестивым христианином, верным служителем церкви, помогал ученым клирикам и щедро наделял учреждавшиеся им аббатства. Правда, он много воевал, но не потому, что был кровожаден и находил в том удовольствие: враги своим коварством принуждали его к этому. О завоевании Англии он не проронил ни слова...

Вильгельм попросил своего сводного брата Роберта собрать всех, кто составлял его двор, чтобы они прошли перед его смертным одром, неся в руках драгоценные предметы из королевской сокровищницы: оружие, сосуды, короны, книги, парадное облачение. Проведя таким образом инвентаризацию своего имущества, король начал диктовать завещание. Часть этого богатства должна была выпасть на долю церкви, другую часть надлежало раздать в виде милостыни бедным. Остальное отходило его сыновьям, но кому, что и сколько? Поддался ли он затаенной обиде на старшего сына Роберта Коротконового настолько, что вознамерился лишить его наследства, подвергая смертельной угрозе мир в королевстве? Наверное, такой вопрос задавали друг другу присутствовавшие прелаты. Король изрек свое решение: Вильгельму Рыжему он завещает королевскую корону, меч и скипетр, тем самым объявляя его наследником трона. А как же Роберт, старший сын, мятежник и изгнанник? Присутствовавшие, посовещавшись, поручили

архиепископу Руанскому Вильгельму Добродушному выступить от их имени. Тот конечно же знал, сколь сильно уязвили короля непослушание и беспутство его старшего сына, но сумел найти нужные слова. Вильгельм задумался. «Хотя Роберт и не соизволил явиться к моему изголовью, — наконец произнес он, — я поступлю по вашему хотению и Божьей воле. В вашем присутствии я прощаю ему все прегрешения, совершенные против меня. Как и обещал прежде, я уступаю ему герцогство Нормандское. Но вы присматривайте за ним. Слишком часто он злоупотреблял моим долготерпением».

Свершилось! Король самолично разрубил крепление, соединявшее Англию и Нормандию. Он тут же велел Вильгельму Рыжему незамедлительно отправиться за море, чтобы присутствовать в Англии, когда придет туда весть о его смерти. Он передал ему печать, благословил его и пожелал доброго пути. Одновременно был направлен гонец к Ланфранку, дабы сообщить ему о принятых решениях.

Генрих Боклерк также потребовал свою долю. Король отказался от дальнейшего дробления своего домена и предложил младшему сыну денежную сумму в размере пяти тысяч ливров. Огорченный Генрих протестовал, заявляя, что подлинным богатством является земля. И тогда Вильгельм предрек любимому сыну, что настанет день, когда обе половины королевства вновь воссоединятся под его скипетром. Хронисту, писавшему спустя двадцать лет, легко было давать подобного рода предсказания. Но как бы то ни было, Генрих принял завещанное отцом и потребовал незамедлительно в своем присутствии отвесить ему пять тысяч ливров серебром, после чего, долго не мешкая, при помощи доверенных людей доставил свое богатство в надежное место.

Король исповедался, причастился. Оставалось совершить еще один акт правосудия, что было бы весьма благоразумно с его стороны. К умиравшему привели знатных узников, отдельные из которых уже много лет томились в его темницах: Роже де Бретей, Вульфнот, Моркар, множество других знатных англосаксов. Вильгельму посоветовали амнистировать их, и он согласился. «Содержание их в неволе было несправедливо, — заметил он, — но необходимо ради мира в королевстве». Всех этих людей освободили, предварительно потребовав от них клятвенного обещания хранить мир^[36]. А как же Одо из Байё? Распространился ли на него этот акт милосердия? Своего сводного брата, ставшего для него врагом, король не простил. Однако Роберт де Мортэн настойчиво просил за него. Наконец король с превеликой неохотой согласился. При этом, словно бы еще не до конца преодолев свои сомнения, он сказал: «Вы не так хорошо, как я, знаете характер этого человека, за которого просите меня. Он навлечет на вас новые беды». Затем он освободил его.

И вдруг он вспомнил о несправедливом, как ему теперь казалось, приговоре, вынесенном в отношении малозначительного человека, о котором присутствовавшие магнаты, скорее всего, даже и понятия не имели. Некий рыцарь по имени Бодри, доблестно служивший во время кампании по взятию замка Сент-Сюзанн, прошлой весной без его позволения отправился в Испанию. В наказание король конфисковал его фьеф. Теперь он возвращал ему отнятое, сопроводив сей акт милосердия ироничным замечанием, в котором вместе с тем чувствовалось и сожаление: «Я не думаю, что в мире есть более доблестный рыцарь, но он расточителен и переменчив и

слишком любит чужие земли». То же самое можно было бы сказать и о многих других нормандцах...

В среду 8 сентября король спокойно заснул. Ночь прошла тихо. На рассвете восточный бриз донес до Сен-Жерве звон колоколов кафедрального собора. Король проснулся и спросил, что это за шум. Ему ответили, что колокола зовут на заутреню, помолиться Пречистой Деве. И тогда он, приподнявшись и воздев руки, еле внятно пробормотал: «Вверяю себя Божьей Матери. Да примирит она меня с Сыном своим!» С этими словами его голова безжизненно опустилась на подушку. Вильгельм Завоеватель испустил дух.

Он правил пятьдесят два года в Нормандии и двадцать один год в Англии.

* * *

Началась паника. Люди, охваченные ужасом, бежали, кто куда. Кончились мирные дни, возвращаются времена безумных страстей! Ордрик Виталий нарисовал драматическую картину происходившего. Безжизненное тело одиноко лежало на смертном одре. Догадались ли хотя бы глаза закрыть покойному? Знать забаррикадировалась в своих домах. Прелаты предавались многословию в своих церквях. Какую катастрофу вызовет эта весть, когда она распространится! Тем временем в Сен-Жерве челядь пробралась в покинутое всеми помещение и принялась прибирать к рукам все, что ни попадя, — предметы обихода, драгоценности, одежду. Самые отчаянные из них донага раздели даже мертвое тело того, к кому еще недавно страшно было и подступить.

Первым взял себя в руки архиепископ Руанский, повелевший, согласно последней воле покойного, похоронить его в Кане, в монастыре Святого Стефана.

Начали готовить тело к погребению: вскрыли живот, удалили внутренности и начинили полость ароматическими веществами. Затем тело завернули в бычью кожу, служившую вместо гроба. Однако от Руана до Кана путь не близкий, требовалось организовать конвой. Ни один из вассалов покойного короля, чьей обязанностью было проводить его в последний путь, не появился. А время поджимало. И тогда в спешке, за неимением лучшего, транспортировку тела доверили простому рыцарю по имени Эрлуэн, который при помощи нескольких носильщиков повез его в лодке по Сене, а затем на телеге по большой дороге.

Весть о кончине Вильгельма Завоевателя распространилась повсюду, и герцогство Нормандское пришло в волнение. Вильгельм Рыжий, получив это известие, тут же поднял парус и направился к противоположному берегу Ла-Манша. Те, кто жил в ожидании удобного случая для мятежа, тоже не стали мешкать. Роберт де Беллем изгнал из Алансона королевских представителей, и многие последовали его примеру. Другие предпочли окопаться в собственных замках. Весть, передаваемая из уст в уста, вышла за пределы Франции, перевалила через Альпы и достигла Калабрии, куда только что прибыли, возвращаясь с Востока, люди, которым было поручено доставить в Нормандию останки Роберта Великолепного. Охваченные ужасом, они разбежались, неведомо где бросив свой бесценный груз...

А между тем другие останки медленно приближались к Кану. На некотором расстоянии от города образовалась процессия из монахов и церковных служек с колокольчиками. Крестьяне, горожане и рыцари стекались со всех сторон, чтобы проводить в последний путь того, кто на протяжении полувека был их государем. Но вдруг сверкнула молния, и страшный раскат грома заглушил голоса клириков, нараспев

читавших «Избави меня от греха». Над городом взметнулись языки пламени. Пожар сразу же охватил множество домов. Толпа ринулась в город, забыв о покойном, при котором, словно простом бедняке, остались только монахи аббатства Святого Стефана.

Погребальная церемония собрала все высшее духовенство Нормандии, включая и Одо из Байё, наконец-то обретшего свободу. На хорах церкви соорудили каменный саркофаг. Перед открытой могилой, в которой должен был упокоиться Вильгельм Завоеватель, епископ Лизьё произносил в его честь похвальное слово, как вдруг пространство церкви огласилось яростным криком. Нарушителем порядка был житель Кана, некий Асселен. Церемонию пришлось прервать. Невзирая ни на обстоятельства места и времени, ни на собравшееся духовенство, Асселен заявлял о своих правах: место, выбранное для погребения короля, еще до основания монастыря Святого Стефана принадлежало его отцу; герцог Вильгельм забрал его, чтобы подарить монахам, а он, Асселен, до сих пор еще не получил причитающуюся плату! Он кричал, призывая в свидетели самого покойника, требовал правосудия. Поднявшаяся в церкви суматоха заглушала голоса. Чтобы заткнуть рот смутьяну, ему тут же отсчитали 60 стерлингов.

Наконец, опять можно было заняться несчастным телом. Принялись укладывать его в саркофаг. Но что это? Какая такая причина помешала каменотесам снять с покойного точную мерку? Тело не помещалось! Пришлось, как сообщает Ордрик Виталий, силой втискивать его. Под напором лихорадочно действовавших рук бычья кожа, в которую было завернуто тело, лопнула, а вместе с ней прорвалось и кое-как набальзамированное чрево покойного, наполнив церковь ужасным зловонием...

Многочисленные писатели как в Нормандии, так и в Англии сочинили на латинском языке торжественные поэмы в честь усопшего, а золотых дел мастер Оттон по распоряжению Вильгельма Рыжего покрыл его саркофаг серебряными пластинами, инкрустированными драгоценными камнями.

* * *

Эта книга не содержит в себе заключения: финал любой истории в значительной мере условен.

Двадцать девятого сентября 1087 года Ланфранк короновал в Вестминстере Вильгельма Рыжего. Роберт Коротконогий вступил во владение Нормандией, но спустя четыре года, нуждаясь в деньгах, заложил своему старшему брату долину реки Брель, а в 1096 году — и всё герцогство, дабы выручить деньги, необходимые, чтобы отправиться в крестовый поход.

После того как в 1100 году Генрих Боклерк завладел короной Англии, ему удалось одержать верх над Робертом, возвратившимся из Святой земли с женой, красавицей Сибиллой Конверсанской, племянницей Роберта Гвискара. Битва при Теншебрэ, состоявшаяся 28 сентября 1106 года (спустя сорок лет, почти день в день, после высадки Вильгельма Завоевателя у Певенси близ Гастингса), восстановила единство королевства. Роберт, пленником увезенный в Англию, на протяжении двадцати восьми лет, до самой своей смерти, томился в тюрьме Кардиффа. Вильгельм Завоеватель нашел, наконец, достойного себя преемника. 19 лет безответственного и бестолкового правления не смогли поколебать того, что он построил: заложенный им фундамент оказался достаточно прочным.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЛЬГЕЛЬМА ЗАВОЕВАТЕЛЯ

1027 — в Фалезе родился Вильгельм, внебрачный сын нормандского герцога Роберта I Великолепного.

Около 1030 — Арлетта, мать Вильгельма, вышла замуж за Элуэна де Контвиля.

1035, июль — смерть герцога Роберта в Никее.

12 ноября — смерть Кнута Великого, короля Англии. 1036 — убийство принца Альфреда, брата Эдуарда Исповедника. 1037, 16марта — смерть Роберта, архиепископа Руанского. Его место занял Може.

1040, 23 февраля — освящение церкви аббатства Бек. 1042 — Эдуард Исповедник становится королем Англии.

1045 — женитьба Эдуарда Исповедника на Эдит, дочери эрла Годвина.

1046 — заговор сеньоров и виконтов Нижней Нормандии против Вильгельма.

1047 — победа над мятежниками при Валь-эс-Дюне, одержанная Вильгельмом в союзе с королем Франции Генрихом I.

1048 — Бруно, епископ Туля, становится папой под именем Льва IX.

1049, октябрь — церковный собор в Реймсе, на котором Лев IX воспротивился намерению Вильгельма вступить в брак с Матильдой Фландрской.

1051 — мятеж эрла Уэссекса Годвина и его сыновей против Эдуарда Исповедника; потерпев поражение, они стали изгнанниками. Эдуард обещает передать Вильгельму трон Англии.

1051 (?) — женитьба Вильгельма на Матильде Фландрской.

1052, лето — Годвин и его сыновья возвратились в Англию и потребовали от короля Эдуарда Исповедника изгнать из страны нормандцев.

1053, 13 апреля — смерть эрла Годвина.

1054 — король Франции Генрих I вторгается в Нормандию. Вильгельм обращает его в бегство.

1055 — церковный собор в Лизьё. Архиепископ Руанский Може низложен; его преемником стал Мориль, монах из Фекана.

1057, август — король Генрих I вновь вторгается в Нормандию и терпит поражение в битве при Варавиле.

1058 — набег короля Норвегии Магнуса на Англию.

1059 — на синоде в Мельфи папа Николай II признает за нормандцами Роберта Гвискара владение землями, которые они захватили в Южной Италии, и поручает им миссию по защите Святого престола.

1060, 4 августа — умирает король Франции Генрих I, которому наследует малолетний сын Филипп I.

14 ноября — умирает Жоффруа Мартель, граф Анжуйский.

1063 — Вильгельм завоевывает графство Мэн.

1064 — поездка в Нормандию Гарольда, сына Годвина. Пребывание Вильгельма в Британии.

1065 — эрл Нортумбрии Тостиг, сын Годвина, поднимает мятеж против Эдуарда Исповедника,

терпит поражение и бежит из страны.

1066, 5 января — умирает Эдуард Исповедник.

6 января — Гарольд коронован королем Англии.

Весна — Вильгельм направляет миссию в Рим, дабы заручиться поддержкой папы Александра II в намеченном вторжении в Англию.

Лето — сбор войск для вторжения в Англию.

Июнь — общее собрание вассалов Вильгельма в замке Бонвиль; бароны одобряют проект военной экспедиции против Гарольда, короля Англии.

25 сентября — Гарольд одерживает при Стэмфорд-Бридже победу над вторгшимся в Англию королем Норвегии Харальдом Хардрада.

29 сентября — армия Вильгельма высадилась у Певенси, близ Гастингса.

14 октября — битва при Гастингсе.

21 октября — взятие Дувра.

29 октября — взятие Кентербери.

25 декабря — Вильгельм коронован в Вестминстере королем Англии.

1067, март—ноябрь — пребывание Вильгельма в Нормандии.

1068, 11 мая — Матильда коронована в Вестминстере в качестве королевы Англии.

Лето — военный рейд Вильгельма по северо-востоку королевства.

1069, февраль—апрель — мятеж на севере, завершившийся капитуляцией Йорка.

Лето — король Дании Свен Эстридсен высаживается в Йоркшире, население которого восстает и изгоняет из Йорка нормандский гарнизон.

Осень — Вильгельм занимает Йорк.

1070, январь—март — Вильгельм опустошает Йоркшир.

Апрель — церковный собор в Винчестере; реорганизация английской церкви.

15 августа — Ланфранк становится архиепископом Кентерберийским.

1071, лето — датчане покидают Йоркшир.

1072, осень — военный поход Вильгельма в Шотландию.

1073, март — Вильгельм Завоеватель вновь овладевает графством Мэн.

1075 — мятеж саксонских эрлов в Англии.

1076, 21 мая — казнь эрла Вальтеофа.

Сентябрь—октябрь — военный поход Вильгельма Завоевателя в Бретань.

1077, осень — Роберт Коротконогий, старший сын Вильгельма Завоевателя, восстает против своего отца и покидает Нормандию.

1079, январь — столкновение с оружием в руках Роберта и Вильгельма и последовавшее затем их примирение.

1080, сентябрь — Вильгельм поручает сыну Роберту проведение карательной экспедиции против Шотландии.

1082 — заключение под стражу сводного брата Вильгельма Завоевателя Одо, епископа Байё и графа Кентского.

1083, лето — Роберт Коротконогий вновь восстает против отца и покидает Нормандию.

1 ноября — умирает Матильда, супруга Вильгельма Завоевателя.

1085, декабрь — члены королевского совета на собрании в Глостере одобряют проект всеобщей переписи в Англии, результатом которой явилась «Книга Страшного суда».

1086, август — Вильгельм Завоеватель навсегда возвращается в Нормандию.

1087, лето — Вильгельм становится жертвой несчастного случая при захвате Манты.

9 сентября — умирает в Руане.

Сентябрь — Вильгельм Завоеватель похоронен в монастыре Святого Стефана в Кане. Его второй сын Вильгельм Рыжий наследует трон Англии, а Роберт Коротконогий становится герцогом Нормандии.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

The Anglo-Saxon Chronicle. Tr. D. Whitelock. New Brunswick (N.J.), 1961. *Florence of Worcester.* Chronicon. V. 1—2. Ed. B. Thorpe. London, 1848—1849.

Henry of Huntingdon. Historia Anglorum. Ed. T. Arnold. London, 1879. *Ordericus Vitalis.* Historia Ecclesiastica. Ed. A. Le Prévost, L. Delisle. V. 1—6. Paris, 1838-1845.

The Peterborough Chronicle. Ed. C. Clark. Oxford, 1970. *Wace.* Roman de Rou. Ed. J. Holden. V. 1-3. Paris, 1970-1973. *William of Jumieges.* Gesta Normannorum Ducum. Ed. J. Marx. London, 1914.

William of Malmesbury. Gesta Regum Anglorum. Ed. W. Stubbs. V. 1—2. London, 1887-1889.

Литература

Ashley M. The Life and Time of William I. London, 1973. *Barlow F.* William I and the Norman Conquest. London, 1965. *Bates D.* William the Conqueror. London, 1989. *Douglas D.* William the Conqueror. Methuen, 1964. *Freeman E.A.* The History of the Norman Conquest of England. V 1—6. Oxford, 1870-1879.

Freeman E.A. William the Conqueror. London, 1919. *Stenton FM.* William the Conqueror. N.Y., 1966.

notes

Примечания

1

Мы не имеем о той отдаленной эпохе точных количественных данных. Численность населения Французского королевства в 1300 году оценивается примерно в 22 миллиона человек; в 1000 году, после катастрофических событий X века и до демографического подъема XI столетия, этот показатель был, возможно, в два или три раза ниже.

Открытие способа засолки сельди произвело спустя два века настоящую экономическую революцию в странах, примыкающих к Северному морю и Ла-Маншу.

Цыган во Франции тогда еще не знали, они появились только в начале XV века.

Это был тип культуры, в основном продержавшийся вплоть до индустриальной эпохи, и память о нем до сих пор проявляется в том, что «культуру» индивида отождествляют почти исключительно с его книжными знаниями.

Считается, что знаки, которые мы называем нотами, изобрел в начале XI века итальянец Гвидо д'Ареццо.

Фиц — обычное нормандское отчество, происходящее от французского *fils* (сын). После нормандского завоевания Англии стало составной частью многих дворянских фамилий. — *Прим. ред.*

Автор придерживается традиционной для европейских ученых «норманнской теории», по которой государство Рюриковичей было создано скандинавами. На деле все не так просто; если выходцы из Скандинавии и основали правящую династию, их влияние на политическую и экономическую жизнь Древней Руси было весьма невелико и быстро сошло на нет в результате ассимиляции. — *Прим. ред.*

Балдуин (или Бодуэн) Железная Рука, родоначальник династии, похитил старшую дочь императора Карла Лысого, а затем женился на ней.

Этот рассказ, содержащийся в хронике Адемара Шабаннского, по духу сродни эпосу и, возможно, восходит к какой-нибудь современной Рожеру поэме или легенде, что свидетельствует о ее популярности.

По-английски *Unready* — неспособный. В нашей литературе часто встречается неточный перевод — непослушный. — *Прим. ред.*

Безант (византийский) — европейское название золотого солида, денежной единицы Византийской империи, имевшей широкое хождение в Западной Европе. — *Прим. ред.*

Гильом Жюмьежский — нормандский хронист XI века, составитель «Деяний герцогов Нормандии» (*Gesta Normannorum ducum*). Ордерик Виталий (1075—1142) — английский монах, автор обширной «Церковной истории» (*Historia Ecclesiastica*) в 13 книгах. Вас (1115—1183) — нормандский трувер, создавший несколько исторических сочинений в стихах, в том числе «Роман о Бруте», где излагается легендарная история Британии, и «Роман о Ру» — хронику правления герцогов Нормандии. — Прим. ред.

Отправной точкой могло послужить признание самого Вильгельма Завоевателя, преднамеренно искаженное: по сообщению одной англосаксонской хроники, однажды он будто бы рассказал, что его родители познакомились во время танца.

Следуя принятой в отечественной литературе традиции, мы называем героя книги Вильгельмом, хотя на старофранцузском его имя звучало как Гильом или Гильяльм, а на современном французском — Гийом. Во Франции его зовут *Guillaume le Conquérant*, в Англии — *William Conqueror*. — Прим. ред.

Если это число, приведенное Васом, хотя бы приблизительно соответствует действительности, то общее количество сражавшихся при Валь-эс-Дюне могло достигать двух тысяч человек — это вполне правдоподобно.

Дочерей звали, соответственно, Алиса, Агата, Констанция, Адель и Сесиль, к которым следует добавить Алисон, умершую в детском возрасте. В источниках в качестве старшей упоминается то Агата, то Алиса. Я полагаю, что это была Алиса, будущая нареченная невеста Гарольда.

Жоффруа Плантагенет, внук Жоффруа Мартеля, женится на внучке Вильгельма. Их сын, Генрих Плантагенет, в 1154 году унаследует, поскольку не было более близкого наследника по мужской линии, трон Англии у Стефана, сына Адели де Блуа, дочери Вильгельма Завоевателя

Это сообщение Гильома из Пуатье, как всегда несколько туманное, позволяет предположить, что уже тогда появился обычай украшать щиты гербами.

Весьма пространный рассказ Васа об этом сражении мог, как и сообщение о битве при Валь-эс-Дюне, восходить к какой-нибудь эпической поэме.

Оно в двояком смысле знаменовало собой новый этап этой эволюции: с одной стороны, заставляло задуматься о сущности христианства, а с другой — переносило, накануне испанской Реконкисты, акцент на идею священной войны.

Рассказ Васа об этой кампании, вероятно, тоже основывается на эпическом предании.

В Нормандии мало что осталось от раннего романского искусства, поскольку большинство памятников этого стиля было перестроено и переделано в XII—XIII веках.

Средневековый символизм, о котором так много говорят, является характерной чертой более поздней эпохи: он последовательно проникает в область изобразительного искусства, в литературу и теологию начиная с первой половины XIII века.

Как ни странно, именно в годы правления этого ничтожного короля начался тот процесс, который при более энергичных его преемниках завершится объединением всего королевства вокруг королевского домена. Точно так же продолжится практика назначения на главные государственные должности незнатных людей, которые, естественно, были всецело преданы своему господину и заботились об укреплении его авторитета. Эти два факта объясняют причину того, что некоторые историки высказывают положительные суждения о Филиппе I.

Письменная фиксация этого обычая была произведена в начале XIII века и известна под названием «Самый древний нормандский свод обычного права» — древний по сравнению с последующими версиями.

Сообщения хронистов XI и XII веков по этому поводу сильно расходятся друг с другом. Я считаю датой взятия Манса 1063 год.

Вестминстер был перестроен в готическом стиле в середине XIII века.

Такая сцена представлена на ковре из Байё; правда, она курьезным образом расположена после похорон Эдуарда, видимо, для того, чтобы контрастнее противопоставить ее коронации Гарольда.

Чем и объясняется впоследствии закрепившееся за ним прозвище Исповедник.

По другой версии, стрела только ранила Гарольда и некий нормандский рыцарь чуть позже прикончил его.

Его авторство в настоящее время оспаривается некоторыми исследователями, хотя и признается, что «Песнь...» написана ранее весны 1068 года.

Дочь Алисы, своей сестры, второго ребенка Арлетты и Роберта Великолепного.

Примечательно, что прозвище Завоеватель было дано Вильгельму спустя много лет после его смерти: впервые оно появилось в латинской хартии около 1125 года в форме *Willelmus Expugnator*.

Мы не знаем, в какой последовательности происходили события в Шотландии и Дареме. Известно лишь, что они имели место в 1080 году.

В старости Адель, овдовев, ушла в монастырь.

История знаменитого ковра из Байё весьма запутанна. Я излагаю наиболее вероятную и ныне наиболее широко признанную версию. Утверждение о том, что ковер создавался по заказу королевы Матильды и при ее непосредственном участии, восходит к местной легенде, возникшей в начале XVIII века.

Вильгельм Рыжий спустя некоторое время вновь отправит их в тюрьму.